B7(P)4
K92

470

1914
94

Ф. КУПЧИНСКІЙ.

Проверено 20 АВГ 2004

ПРОВЕРЕНО

1957

ПРОВЕРЕНО

1954

8.151
092.51
К.92
В7(р)4
К92

Ф. Купчинскій.

„ГЕРОИ“ ТЫЛА.

(Очерки преступной дѣятельности чиновъ интендантскаго вѣдомства во время Русско-Японской войны).

1972

ПРОВЕРЕНО
1948

1930 г.

Арх. Истор. музей РККА
№ 31497
БИБЛИОТЕКА

А.И.М. РККА.
Нов. инв. № 470

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„Молодая Мысль“.

СПБ.
1908.

Типографія В. Безобразовъ и К°. СПб., В. О., Большой пр., 61.

Матеріалы для разслѣдованія.

Въ эту книгу вошли статьи **Ф. Купчинскаго**, печатавшіяся имъ въ „Руси“, по возможности провѣренныя и дополненныя.

Издатель.

Отъ автора.

Тѣмъ, которые шли и гибли, повинуясь чудовищному долгу, тѣмъ, которые, не зная чтили, тѣмъ которые вѣрили — посвящаю этотъ трудъ: разсказы о преступленіяхъ начальниковъ.

Зловѣщимъ, кровавымъ кошмаромъ два года чудовище войны стояло надъ нашей страной. Мы привыкали къ безчисленнымъ жертвамъ, мы пріучались къ ужасамъ; къ гибели близкихъ и дальнихъ мы учились относиться легко; мы знали: это принадлежитъ войнѣ, это должно быть, это всегда бываетъ на войнѣ; это и есть самая война.

Но мы не знали, что подъ шумъ тяжкихъ боевъ въ тылу арміи, посланной «спасать родину» въ чуждыя дальнія земли, малые и большіе начальники, призванные кормить, вооружать и одѣвать полумилліонную армію, беззастѣнчиво обогащались на счетъ русскаго солдата и русскаго мужика.

Умаляя возможности побѣды, истащая казну, люди которымъ ввѣрялись драгоцѣнные народные милліоны съ болью и кровью вырваные у нищаго русскаго мужика на нужды войны — грабили тайно и явно, порознь и вмѣстѣ, всякими способами отъ самыхъ грубыхъ, до самыхъ изысканныхъ и граціозныхъ.

Родина, измученная войною, родина истомленная

борьбой съ режимомъ, жаждущая обновленія, страдающая отъ хищниковъ большихъ и малыхъ — должна потребовать у виновныхъ отвѣта.

Позоръ пораженій — подготовленъ тѣми, кто въ жадной погонѣ за преступной наживой забывалъ нужды арміи и надежды родины.

Пусть образы этихъ «героевъ» встанутъ, какъ живые передъ возмущеннымъ вниманіемъ обманутыхъ.

Пусть они будутъ судимы и выброшены за бортъ общественной жизни; слишкомъ долго слишкомъ, много и безнаказанно издѣвались эти люди надъ сѣрой безглагольной массой ими безстыдно грабимыхъ солдатъ. Довольно...

Окончилась тяжелая война, но не прервалась идиллія счастливыхъ дней «героевъ» тыла.

Лучшіе сложили свои головы, трупами устлали дальнія земли, отданныя врагу, а «герои» тыла вернулись богатыми обезпеченными барами на родину, не знавшую ихъ преступленій.

Принявъ на себя тяжелую задачу описанія преступленій «героевъ» тыла я знаю, что объявляю войну сильнымъ, что «герои», спасая награбленное добро и репутацію пойдутъ на все: они будутъ и клеветать и угрожать и прятаться подъ сѣнь начальства въ наивной увѣренности, что оно спасетъ ихъ отъ ужаса оглашенія.—Я хочу и жду только одного—суда.

Пусть гласный судъ разсмотритъ дѣянія, кои обнаружены, оформлены и нуждаются лишь въ серіозныхъ дополненіяхъ и провѣркахъ особой слѣдственной коммиссіей. Я жду этого суда, который безпощадно сдернетъ завѣсу съ тѣхъ таинственныхъ дѣяній, что искусно скрывались всю войну и такъ дорого обошлись русскому народу.

Оперируя съ громаднымъ количествомъ данныхъ,

я могъ ошибаться, могъ быть введенъ въ заблужденіе, могъ невѣрно освѣтить, могъ задѣть невиннаго... слѣдствіе установитъ мои ошибки и печатно я самъ назову ихъ, лишь только ихъ замѣчу. Въ такомъ большомъ дѣлѣ онѣ неизбѣжны.

«Герои» тыла, обѣщавшіе привлеченіемъ меня къ суду «за клевету» оправдать себя и разбить мои обвиненія пусть будутъ увѣрены, что въ своихъ ошибкахъ, если онѣ есть, я признаюсь открыто, какъ открыто заговорилъ о преступленіяхъ.

Но ошибки установить можетъ только судъ; я одинъ безсиленъ освятить эти данные такъ, какъ это сдѣлалъ-бы судъ.

Самыя серіозныя обвиненія я поддерживаю особенно настойчиво, потому что, чѣмъ серіознѣе были обвиненія, тѣмъ они были мнѣ яснѣе, такъ какъ явились въ доказательствахъ особенно документальны и очевидны.

Я сдѣлалъ, что былъ въ силахъ, а остальное довершитъ слѣдствіе и судъ въ связи съ работами особо созванной междувѣдомственной коммиссіи.

Ф. Купчинскій.

„Герои“ тыла.

I.

Вмѣсто предисловія.

Я буду говорить о томъ, что творилось за кулисами этой недавней печальной и позорной войны, тамъ, гдѣ не гремѣли орудія и не шли на смерть люди, гдѣ сосредоточивались глубокіе резервы, резервные госпиталя, интендантство, — тамъ тоже разыгрывалась другая трагедія.

Но она разыгрывалась тихо, неслышно. Ее скрывалъ шумъ передовыхъ боевъ.

А между тѣмъ всякое событіе впереди на боевой линіи здѣсь получало свое обоснованіе, свою подготовку, свое, такъ-сказать, рожденіе.

Продовольствіе, фуражъ, одежда—обо всемъ этомъ должны были заботиться въ тылу... Имѣя одну желѣзнодорожную колею, было трудно аккуратно и во-время продвигать по той же колеѣ въ пасть этой войны и огромное количество людей, и необходимые колоссальные запасы.

Тамъ тоже нужны были и настоящіе герои, и подвиги настоящаго самоотверженія. Но взоры всѣхъ были устремлены не на нихъ, а туда, на сцену войны, на обложенный японцами Квантунъ. Тылъ оставался внѣ вниманія родины, пользуясь тѣмъ, что тамъ, на родинѣ все тщательно скрывалось, главный штабъ, власти, несомнѣнно знавшія многое, дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы темные, неясные слухи о жизни тыла не дошли до общества. Газеты карались за всякую попытку говорить, и хотя всякому понятна идея огласки преступленій: неизбѣжная необходимость ихъ разслѣдовать, покарать и уничтожать — тенденціозно объясняли невозможность огласки — дискредитированіемъ арміи.

И тѣ, кто замалчиваніемъ какъ бы покрывали старыя преступленія и открывали двери новымъ, тѣ виновны въ преступленіяхъ, какъ и сами преступники...

Почему множество начавшихся слѣдствій прекращалось здѣсь въ Петербургѣ? Почему здѣсь, въ Петербургѣ вовсе не считались съ необходимостью узнать, отчего про людей, занимавшихъ большіе посты, ходила „дурная молва“?

То, что происходило въ тылу арміи во время войны, требуетъ разслѣдованія. По поводу нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, слишкомъ замѣченныхъ преступленій возбуждались дѣла, но послѣ почему-то быстро прекращались, вѣроятно потому, что тянули за собою вереницы виноватыхъ и обнаруживали неисчислимыя злоупотребленія.

Начиная говорить о томъ, что удалось разслѣдовать мнѣ изъ жизни въ тылу арміи, я буду благодаренъ за всѣ дополненія, возраженія и разъясненія.

II.

Харбинъ. Русскія деньги и „предприниматели“.

По справедливости его называли въ дни войны „современный Вавилонъ“—этотъ грязный несимпатичный городокъ, куда съ первыхъ же дней собралось множество мелкихъ и крупныхъ предпринимателей для „перепродажъ“, „поставокъ“, для устройствъ самыхъ разнообразныхъ „дѣлъ“, вплоть до поставокъ женщинъ оптомъ, въ розницу, на выборъ и по заказу и... вплоть до коммиссіонной перепродажи русскаго пороха и оружія китайцамъ-хунгузамъ (о чемъ подробности ниже).

Здѣсь на узкихъ грязныхъ улицахъ этого вчерашняго захолустья вдругъ появились блестящіе кафешантаны съ безчисленными очень дорогими женщинами съ самыми безумными цѣнами на все, появились невѣдомо кѣмъ рожденные игорные дома, „клубы“, разновидные притоны для вершенія всякихъ дѣлъ и аферъ.

Было ясно для младенца, что поживиться тутъ такъ легко.

Стоило бы только поглядѣть, какъ молодые гвардейцы, вдругъ ставшіе „казаками“, на убогихъ вокзалахъ устраивали бѣшеные кутежи, требуя не нужно много чудовищно дорогихъ наливокъ, водокъ и шампанскаго...

Съ дрожаніемъ рукъ, въ нервной завистливой досадѣ смотрѣли безчисленные слетѣвшіеся отовсюду коршуны тыла, какъ лились по землѣ рѣкой мимо ихъ рукъ русскія деньги... а они за ними вѣдь и слетѣлись сюда!..

— Почему это золото тратится помимо насъ?.. Обидно! — можно было читать на хищныхъ лицахъ подъ засаленными папахами...

Предприниматели помельче стали просто продавать порнографическія фотографіи и книжки, дорогія сигары, дешевыхъ женщинъ-туземокъ или молодыхъ китайчатъ (sic!), вина, водки, нагайки или по-цыгански мѣняли лошадей...

Тѣ-же, которые были покрупнѣй, стали тотчасъ же за огромную сумму предлагать „содержанокъ“ богатымъ военнымъ, еще долго предполагавшимъ такъ или иначе жить въ тылу, или давать въ огромный ростъ денегъ „до высылки отъ папы и мамы“, или обыгрывать наивныхъ юношей, скучавшихъ отъ невозможности весело потратить получаемыя изъ Россіи или не изъ Россіи огромныя деньги.

И быстро съ войной привыкли всѣ съѣхавшіеся за наживой, равно какъ и давно тутъ жившіе китайцы, русскіе и иностранцы, что человѣкъ въ военной или чиновничьей формѣ обязательно долженъ былъ имѣть большое количество денегъ. Потому цѣны на все стояли ненормально повышенныя, а людямъ скромнымъ, съ небольшими средствами приходилось очень плохо.

И вотъ вдругъ оказалось, что для того, чтобы швырять безумныя деньги, лить на головы служителей дорогое шампанское и осыпать брилліантами харбинскихъ красавицъ... с.-петербургскаго Невскаго проспекта,—вдругъ оказалось, что вовсе не нужно для этого получать большія переводы „отъ папы съ мамой изъ дому“.

Деньги, и большія, вдругъ стали на виду у всѣхъ тратить тѣ, которые никогда не знали даже хорошо сшитаго пальто или дорогого вина, тѣ, которые долгую „мирную“ жизнь тянули терпѣливо и уныло мизерную лямку чиновниковъ, маленькихъ вѣжливыхъ исполнителей начальническихъ капризовъ, или тѣ, что сумрачно перебивались съ огромными семьями, едва кормя ихъ и себя на маленькія „офицерскія“ жалованія въ захолустныхъ городахъ обширной Россіи...

Всѣ быстро привыкли, что здѣсь деньги дешевы, а женщины дороги и прихоти еще дороже, какъ нигдѣ...

— Женщинъ очень мало,—помню объяснялъ мнѣ какой-то богатый офицеръ, кажется изъ гвардейцевъ,—и понятно что очень дороги содержанки; онѣ у очень немногихъ, потому что одна ночь стоитъ 100—50 рублей, а шампанское въ этихъ домахъ почти

столько же! Странно, что наше начальство не можетъ урегулировать цѣнъ...

Но эта жалоба на начальство, которая кажется смѣшной (потому что трудно вѣдь было бы предполагать, что начальство можетъ тратить время на то, чтобы регулировать цѣны на женщинъ!..)—однако была неосновательна...

Разскажу почему неосновательна, а уже читатель да извинитъ меня за эту необходимую, не вполнѣ пристойную подробность моего разсказа.

Ниже изложенное при первой необходимости можетъ быть засвидѣтельствовано письменно и устно офицерами.

Въ публичныхъ домахъ Харбина появились *печатные* плакаты за подписью того, кого называли въ Харбинѣ — „царь и богъ Харбина“ — начальника тыла манчжурской арміи генералъ-лейтенанта Надарова, слѣдующаго содержанія:

Такса для гг. посѣтителей домовъ терпимости.

За $^1/_2$ часа	. . . . .	5 рублей.
„ 1 часъ	. . . . .	10 „
„ 3 часа	. . . . .	25 „
„ одну ночь	. . . . .	40—50 „

Начальникъ тыла арміи ген.-лейт.
Надаровъ *).

— Очень высокія цѣны!..—жаловались офицеры-посѣтители хозяйкамъ...—И странно, почему же это подпись Надарова.

— Мы только половину имѣемъ... Остальное отдаемъ, — отвѣчали хозяйки, называя вполнѣ изумительныя имена, кому они отдаютъ другую половину.

Этотъ отвѣтъ съ указаніемъ самыхъ фамилій въ случаѣ надобности будетъ засвидѣтельствованъ офицерами.

Читатель наклоненъ къ скептицизму?!

Это кажется чудовищнымъ, хотя далеко еще не все по части соучастія администрировавшихъ въ Харбинѣ лицъ въ совершавшихся тамъ большихъ и малыхъ преступленіяхъ... Но... обо

*) Генералъ Надаровъ категорически отрицаетъ существованіе подобной таксы съ его подписью. Такъ какъ у меня имѣются показанія видѣвшихъ таксу, я принужденъ оставить до судебнаго разсмотрѣнія окончательное разрѣшеніе вопроса была-ли подпись? Значительно ниже читатель найдетъ новыя данныя объ этой „таксѣ“ и поборовъ съ домовъ. Мое дѣло огласить данныя, а суду предстоитъ разобрать оглашенное и установить степень виновности генерала Надарова.

всемъ этомъ и подобномъ говорить тогда значило подпасть подъ обвиненіе дискредитированія нашихъ шансовъ въ этой войнѣ, въ подрывѣ патріотическаго настроенія и все это цвѣло благополучіемъ и безвозбранно высасывало силы нашей арміи.

Притоны разнаго рода ютились повсюду — большіе, маленькіе, замѣтные и незамѣтные,—возбуждая днемъ отвращеніе своимъ откровеннымъ циничнымъ видомъ.

Говорили, что существованіе этихъ учрежденій было совершенно необходимо въ тылу, такъ какъ являлось гарантіей до нѣкоторой степени въ здоровьѣ людей... Не думаю! — Наоборотъ склоненъ предполагать, что эти притоны являлись разсадниками безчисленныхъ болѣзней, съ каковыми послѣ приходили въ госпитали занимать мѣста, приготовленныя для раненыхъ въ бояхъ.

Огромное количество венерическихъ больныхъ очень удивляло врачей тыла и отнимало достаточно времени и труда, принадлежавшаго по справедливости конечно раненымъ!..

Первую часть войны тыломъ арміи являлся и Ляоянъ, гдѣ находилась главная квартира Куропаткина, потому прежде, чѣмъ останавливаться на подробностяхъ жизни въ тылу, равно какъ и на описаніяхъ дѣйствій гг. начальниковъ, я долженъ поговорить немного о Ляоянѣ, чтобы читателю было вполнѣ ясно, въ какой обстановкѣ жили въ тылу.

Конечно по взятіи Ляояна и Мукдена „тылъ“ сосредоточился въ Харбинѣ, къ которому и придется вновь возвратиться ниже.

III.

Генералъ Парчевскій.

Прежде, чѣмъ говорить о дѣятельности чиновъ интендантства, необходимо коснуться немаловажнаго для послѣдующихъ событій факта, имѣвшаго мѣсто въ Харбинѣ въ маѣ 1904 года.

Въ большомъ залѣ окружнаго интендантства манчжурскихъ армій въ городѣ Харбинѣ были выстроены всѣ чины управленія для представленія только что прибывшему изъ Петербурга новому интенданту, полковнику, а теперь генералъ-маіору Лангу.

Полковникъ Лангъ сказалъ чинамъ интендантства слѣдующую рѣчь, памятную всѣмъ; ее нельзя не вспомнить передъ тѣмъ, какъ говорить о дѣятельности интендантства въ арміи.

Вотъ приблизительно эта рѣчь:

„Господа! Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга я представлялся главному интенданту генералу Ростковскому и онъ просилъ меня ради Бога принять всѣ мѣры къ тому, чтобы у насъ въ интендантствѣ не повторилось тѣхъ безобразій, какія творились во время турецкой войны 1877—1878 годовъ и легли вѣчнымъ пятномъ на интендантское вѣдомство".

Рѣчь была, казалось всѣмъ, искренна; сердечныя ноты подкупили слышавшихъ; всѣ обрадовались, что во главѣ интендантства будетъ стоять человѣкъ, такъ говорившій, всѣ надѣялись, что при немъ конечно не будетъ никакихъ злоупотребленій и хищеній.

Но судьба рѣшила иначе.

Въ концѣ 1904 года генералъ Лангъ оставилъ Харбинъ, уѣхавъ полевымъ интендантомъ во 2-ю манчжурскую армію. Вмѣсто него прибылъ въ Харбинъ вновь назначенный (изъ г. Читы) бывшій начальникъ штаба Забайкальской области генералъ-маіоръ Парчевскій.

При немъ забыты были благородныя слова генерала Ланга, и если кто и вспоминалъ ихъ, то не иначе, какъ иронически...

Это звучитъ нѣкоторымъ приговоромъ для генерала Парчевскаго, но существенные приговоры еще впереди...

Парчевскій—академикъ. Чтобы поступить въ академію, онъ изъ католичества перешелъ въ православіе. Прежде никогда въ интендантствѣ онъ не служилъ и, какъ видно изъ только что сказаннаго, въ Харбинъ перешелъ изъ Читы со строевой должности.

Назначенъ былъ въ Харбинъ генералъ Парчевскій по непосредственному „приглашенію" и хлопотамъ объ этомъ назначеніи начальника тыла ген. Надарова, большого пріятеля Парчевскаго по службѣ въ Читѣ, гдѣ Надаровъ былъ начальникомъ забайкальскихъ казачьихъ войскъ.

Къ генералу Надарову придется вернуться еще не разъ, потому пока остановлюсь на ген. Парчевскомъ.

Оба крупные дѣятели тыла заслуживаютъ одинаково серьезнаго вниманія своимъ поистинѣ историческимъ поведеніемъ.

Въ началѣ 1905 года ген.-м. Парчевскій написалъ и разослалъ за своею подписью любопытный и секретный циркуляръ. Въ этомъ циркулярѣ, надъ которымъ много смѣялись въ Харбинѣ, гдѣ, кажется, давно уже привыкли ко всяческимъ откровенностямъ, говорилось, что въ послѣднее время, т. е. очень недолго послѣ того, какъ онъ поступилъ на свою должность—участились случаи

проигрышей чинами интендантства въ г. Харбинѣ очень крупныхъ суммъ въ разныхъ клубахъ, собраніяхъ и прочихъ тому подобныхъ мѣстахъ.

Генералъ, справедливо и предусмотрительно обращалъ на это вниманіе своихъ подчиненныхъ, предлагаетъ... не играть вовсе, думаете вы?—О, нѣтъ!—не ставить крупныхъ ставокъ!.. Только и всего, потому что публика дѣлаетъ нелестные для интендантскаго вѣдомства выводы... Такимъ образомъ начальство какъ бы официально призналось въ своей освѣдомленности о томъ, что чины интендантства бросаютъ большія деньги даже тѣ, которые получаютъ маленькое жалованье и только не желало дискредитирующей огласки, о чемъ и просило подвѣдомственныхъ чиновъ.

Ясно, какъ день, что такой циркуляръ не прекратилъ крупную картежную игру, дѣйствительно сильно развитую въ Харбинѣ а лишь перенесъ ее изъ клубовъ и игорныхъ домовъ въ отдѣльные кабинеты ресторановъ и частные дома, гдѣ также успѣшно проигрывали и выигрывали десятки и сотни тысячъ тѣхъ денегъ, которыя, ослабляя родину, текли изъ Россіи на нужды ея сыновъ, сражавшихся на чуждыхъ поляхъ Манчжуріи.

IV.

Выгодныя операціи генерала Парчевскаго съ прививкой скота (75,000 руб. чистаго дохода).

Соблюденіе интересовъ казны во всякихъ хозяйственныхъ операціяхъ ясно предписывается военными и иными законами, указывающими примѣнять всегда наивыгоднѣйшіе способы пріобрѣтенія продуктовъ. Генер. Парчевскій совершенно иначе толковалъ смыслъ этого закона, указывая личными поступками и своимъ подчиненнымъ, что собственная выгода конечно стоитъ на первомъ планѣ.

Я приведу нѣсколько слишкомъ краснорѣчивыхъ примѣровъ. Можетъ быть генералъ Парчевскій станетъ возражать, что цѣны, которыя я приведу, утверждаются главнымъ начальникомъ тыла, и что онъ лишь передъ нимъ отвѣчаетъ за утвержденную главнымъ начальникомъ хозяйственную операцію въ военное время... но тогда тѣмъ болѣе общество должно знать, какъ народныя деньги тратились.

Если генерала Парчевскаго защищаетъ буква устава (хотя

и это большой вопросъ!), можетъ быть его установитъ судъ по точнѣйшемъ и строжайшемъ разслѣдованіи условій, при которыхъ легко, чисто и граціозно начальники обогащались, какъ кажется ни одинъ купецъ въ мірѣ...

Въ Харбинъ прибылъ изъ Читы (гдѣ прежде служилъ Парчевскій) нѣкій торговецъ или подрядчикъ Синицынъ и предлагалъ ему прививку противочумной или иной сыворотки скоту, закупаемому въ Монголіи для нуждъ дѣйствующей арміи, причемъ требовалъ за каждую голову скота по 1 рублю.

Генераломъ Парчевскимъ предложеніе это было принято и имъ было поручено чиновнику Квасницкому составить на этотъ предметъ докладъ главному начальнику тыла.

При составленіи доклада чиновникъ Квасницкій, пораженный высотою платы „осмѣлился доложить“ генералу Парчевскому, что считаетъ своимъ долгомъ привести справки, что въ другихъ мѣстахъ платятъ гораздо меньше, напримѣръ въ г. Троицко-Савскѣ платятъ вмѣсто одного рубля – 25 к. за прививку, т. е. въ четыре раза меньше...

— Вы все путаете, — возразилъ чиновнику недовольный указаніемъ Парчевскій,—и вы ничего не понимаете; дѣлайте, какъ приказываютъ!

Тогда Квасницкій, видя невозможность повліять на генерала и затрудняясь принять на свою отвѣтственность подозрительное дѣло, еще разъ показалъ Парчевскому черновикъ доклада для Надарова, прося указанія относительно цѣны и, заявивъ, что необходимо мотивировать, почему принимается цѣна 1 р., когда возможна цѣна въ четыре раза меньше... Тогда Парчевскій, выхвативъ у Квасницкаго черновую доклада, написалъ на немъ сбоку собственноручно по-истинѣ историческую для этого факта резолюцію:

„Переписать докладъ безъ справокъ“.

Докладъ былъ переписанъ „безъ справокъ“, былъ подписанъ Парчевскимъ, чиновникомъ Квасницкимъ и утвержденъ Надаровымъ.

Генералъ Надаровъ быть можетъ и не зналъ, что прививку можно было сдѣлать гораздо дешевле, только выгода отъ этой операціи ясна. Такъ какъ означенныхъ операцій было двѣ общей численностью на 100,000 порцій (по 50,000 каждая), то казна переплатила чистыхъ 75,000 руб... Каковыя денежки видимо и поступили тѣмъ, кому удалось провести такую высокую цѣну...

Можетъ быть тутъ нажился Синицынъ, но ясно вѣдь, что не

ради же прекрасныхъ глазъ подрядчика Синицына, Парчевскій такъ даже неосторожно для себя самого провелъ рублевую цѣну!

Сколько было всего прививокъ за войну? Это вопросъ очень интересный, и я его разрѣшить точно не берусь, но подробныя данныя должны быть въ главномъ медицинскомъ управленіи, гдѣ проводилась статистика, равно какъ и въ главномъ интендантскомъ управленіи.

Что же касается до черновика вышеупомянутаго доклада съ надписью генер. Парчевскаго въ защиту рублевой оцѣнки, то онъ можетъ фигурировать на судѣ.

Равно какъ на судѣ можетъ быть доказана и чрезмѣрность расцѣнки.

Подрядчикъ Синицынъ вообще во многомъ помогалъ Парчевскому, а можетъ быть Парчевскій Синицыну? — Думаю, что здѣсь услуги были обоюдны, и это ясно.

Синицынымъ же въ 1905 г. поставлено въ Харбинъ въ интендантство мороженое мясо тогда, когда это мясо уже имѣлось, купленное по болѣе дешевой цѣнѣ, и было вполнѣ возможно вновь его имѣть за прежнюю меньшую цѣну!..

V.

Какъ генер. Парчевскій относился къ злоупотребленіямъ другихъ.

Торговые люди Харбина, равно какъ и всѣ чины интендантства, знали хорошо источники тѣхъ колоссальныхъ доходовъ, которые дѣлали богатыхъ „помѣщиковъ“ изъ ничтожныхъ маленькихъ людей 20 числа.

Всѣмъ было извѣстно, что взятки брались за всевозможныя поставки при заключеніи контрактовъ въ видѣ процентовъ чиновникамъ при полученіи денегъ.

Какъ относился къ этому генералъ Парчевскій, который самъ проводилъ въ жизни личными поступками такіе странные взгляды, столь невыгодные русской казнѣ? Зналъ ли онъ?

Утверждаю, что онъ зналъ.

Однажды генералу былъ представленъ офиціальный документъ, удостовѣряющій то, о чемъ онъ не хотѣлъ допытываться.

Одинъ изъ поставщиковъ поссорился съ чиновникомъ Семеновымъ изъ-за размѣровъ процента. (Семеновъ былъ въ Манчжу-

Ист. Музей

ріи столоначальникомъ по отдѣлу продовольствія арміи въ Харбинѣ; говорятъ, онъ „заработалъ“ не менѣе 75,000 руб.).

Получивъ ассигновку на значительную сумму денегъ, подрядчикъ идетъ въ полевой контроль, чтобы получить утвержденіе на выдачу денегъ изъ казначейства. (Чтобы получить деньги нужна ассигновка, которая выдавалась не иначе какъ съ согласія контроля, который ставилъ штемпель: „къ выдачѣ препятствій не имѣется“; талонъ оставался у купца, а ассигновка въ казначействѣ).

За подрядчикомъ слѣдомъ идетъ „недовольный размѣрами процента“ чиновникъ Семеновъ и, возбужденный, торгуется довольно громко... Наконецъ вошли въ помѣщеніе полевого контроля— торгъ не прекращается и тамъ! Люди позабыли, что ихъ слышатъ, и громко защищаютъ свои интересы въ любопытномъ спорѣ. Подрядчикъ даетъ маленькій процентъ. Семеновъ требуетъ большой, не стѣсняясь присутствіемъ изумленныхъ чиновъ контроля. Одинъ изъ чиновниковъ контроля, не выдержавъ, пошелъ и доложилъ объ этомъ „спорѣ“ начальнику контроля.

Убѣдившись, что торгъ о величинѣ взятокъ дѣйствительно происходитъ публично, начальникъ контроля приказываетъ составить актъ; этотъ актъ препровождается генералу Парчевскому съ увѣдомленіемъ, что контроль не можетъ пропустить ассигновку подрядчика, такъ какъ ясно, что казна по ней переплатила, вслѣдствіе готовности подрядчика уступить извѣстную долю чиновнику.

Парчевскій нашелъ нужнымъ сей актъ положить подъ сукно, не давая ему тѣмъ законнаго хода. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно точно, прошла ли та ассигновка, но мнѣ извѣстно, что несмотря на офиціальное указаніе начальника контроля въ актѣ, представленномъ Парчевскому, этимъ генераломъ дѣло было „замято“, а чиновникъ оставленъ не только на прежнемъ мѣстѣ, но и безъ взысканія.

Были попытки со стороны нѣкоторыхъ лицъ начинать дѣло, но... эти попытки оканчивались неудачно, — генералъ Парчевскій былъ слишкомъ опытенъ и умѣлъ прятать концы въ воду.

Вѣроятно читая эти строки, возмущенный генералъ Парчевскій пожелаетъ оправдаться, потому что неловко же все-таки, занимая теперь, какъ мнѣ говорили, въ Варшавѣ постъ командира 28 бригады, оставить такія обвиненія безъ возраженія... Меня предупреждаютъ, чтобы я остерегался его „грозныхъ воз-

раженій“... Что это значитъ? — хочу я спросить генерала Парчевскаго и представить вниманію его, какъ и общества, слѣдующія строки ко мнѣ офицера, возмущенаго дѣяніями Парчевскаго.

Пока не назначатъ суда, будутъ невѣдомы многіе акты, „рисующіе идиллію счастливыхъ дней харбинскаго интендантства, идиллію, способствовавшую не мало нашимъ позорнымъ пораженіямъ, ибо кто же изъ строевыхъ офицеровъ не потерялъ своего энтузіазма, своего лучшаго благороднаго порыва жертвовать жизнью въ честь и славу родины, когда видѣлъ, что здѣсь, въ ближайшемъ тылу, люди швыряютъ деньгами и... получаютъ даже ордена съ мечами, установленные только для лицъ, бывшихъ въ сраженіяхъ“...

Эти упреки ложатся на васъ, г. Парчевскій. И они тѣмъ сильны эти упреки, что ихъ съ горечью, съ тоской и великой болью пожелали бы громко бросить вамъ и тѣ, которые уже спятъ вѣчнымъ сномъ на манчжурскихъ горахъ и долинахъ!..

VI.

Операція генерала Парчевскаго съ мукою и овсомъ.

Въ то время какъ подрядчики предлагали муку и овесъ по цѣнѣ 1 руб. 20 к. мука и 1 руб. 05 к. овесъ, генералъ Парчевскій заключилъ самъ въ городѣ Харбинѣ и уполномочилъ завѣдующаго интендантской частью въ Читѣ заключить контракты, по которымъ, напримѣръ, на нужды мысовскаго продовольственнаго магазина, подрядчикамъ платили не 1 руб. 20 коп. за пудъ муки, а 1 руб. 40 коп., а за пудъ овса не 1 руб. 05 коп., а 1 руб. 15 к. или 1 р. 20 к.

Такимъ образомъ по одному этому магазину переплатили болѣе 100,000 рублей казенныхъ денегъ. Это извѣстно изъ телеграммъ смотрителя мысовскаго продовольственнаго магазина за январь и февраль мѣсяцъ.

Самая главная отрасль продовольственнаго дѣла это заготовка хлѣба, риса, ячменя и крупы.

Люди, желавшіе поживиться, туда шли и шли. Продовольственные магазины имѣли огромные доходы.

Часть этихъ доходовъ официально по странному смыслу законовъ шла на пользу завѣдывавшихъ магазинами, которые кромѣ жалованья и правительственныхъ наградъ получали отъ 7 до

10 тысячъ въ годъ и болѣе совершенно разрѣшеннаго дохода; „за успѣшное храненіе“ полагалось 9 копѣекъ съ четверти, но кромѣ того неофиціально признанные доходы дали право самимъ чиновникамъ окрестить хлѣбное дѣло многозначительнымъ эпитетомъ „хлѣбнаго“ *).

Въ гор. Харбинѣ лѣтомъ 1905 года было выслано изъ города Мысовска около 160 тысячъ пудовъ муки. Смотритель магазина, по адресу котораго прибыла мука, придравшись къ тому, что мѣшки не имѣютъ одинаковаго вѣса, сумѣлъ изъ этого извлечь себѣ сравнительно небольшую выгоду. Былъ составленъ актъ, что будто вся мука перекантарена (провѣренъ вѣсъ) и что будто при этой работѣ произошла убыль по 19 пудовъ на вагонъ, что на все количество муки составляетъ около 3 тысячъ пудовъ „убыли“. Считая пудъ муки по 1 рублю 40 коп., выходило 4 тысячи рублей „убыли“. Это была настолько явная фикція, что даже генералъ Парчевскій былъ принужденъ выразить подозрѣніе и заявить, что дѣло нечисто. Онъ приказалъ показать ему провѣренную муку, но, получивъ отвѣтъ, что мука уже отправлена на позиціи и тамъ съѣдена, онъ махнулъ рукой на это дѣло.

Такъ какъ однако въ обезпеченіе убыли съ 19 пудовъ муки на вагонъ съ подрядчика Викторовича было удержано 1,400 р., то онъ подалъ генералу Парчевскому прошеніе о возвратѣ этихъ денегъ.

„Если допустить, что мука дѣйствительно была перекантарена, то убыль могла быть не болѣе $1^1/_2$ пуда на вагонъ, но ужъ никакъ не 19 пудовъ“. — Въ подтвержденіе этого подрядчикъ представилъ копію съ акта верхнеудинскаго магазина, акта, утвержденнаго самимъ Парчевскимъ, согласно которому убыль муки при перекантареніи муки бываетъ около $1^1/_2$ пуда на вагонъ.

Лицами, подписавшими фиктивный актъ, очевидно былъ совершенъ подлогъ, но къ отвѣтственности привлечены они не были.

Кромѣ этого, когда 7 — 8 лицъ подтвердили письменно одному изъ интендантскихъ офицеровъ, что назначенный генераломъ Парчевскимъ смотрителемъ мысовскаго продовольственнаго магазина коллежскій регистраторъ Случевскій совершилъ цѣлый рядъ неблаговидныхъ поступковъ, къ суду привлеченъ онъ не былъ.

*) Это былъ совершенно официальный доходъ—якобы предназначавшійся на покрытіе расходовъ по сохраненію припасовъ (хлѣба, зерна, риса и пр.) въ сущности это былъ доходъ завѣдывавшихъ магазинами.

Случевскій принялъ въ казну завѣдомо негодный овесъ и муку Заставилъ составлять подложные акты вѣсовщика товарной конторы. Представлялъ сѣно по невѣроятно высокой цѣнѣ и т. д.

Генералъ Парчевскій главныхъ свидѣтелей по этому дѣлу не допросилъ, но, заявивъ, что всѣ обвиненія неправильны, высказался, что нужно судить не чиновника Случевскаго, а донесшаго офицера за ложный доносъ.

Генералу Парчевскому вѣроятно извѣстна ст. 175 воинскаго устава о наказаніяхъ (кн. XXII свода военныхъ постановленій 1869 г., изд. 3). Приводимъ эту статью цѣликомъ:

„Если начальникъ, достовѣрно зная объ учиненномъ по дѣламъ службы какомъ-либо, болѣе или менѣе важномъ преступленіи или проступкѣ своего подчиненнаго, не подвергнетъ его надлежащему, по данной ему власти, взысканію или не предастъ его суду, или же въ случаяхъ, когда сіе закономъ вмѣнено ему въ обязанность, не донесетъ о томъ высшему начальству, по установленному порядку подчиненности, то онъ за сіе подвергается наказаніямъ, опредѣленнымъ за укрывательство, сообразно съ постановленіями 73 ст. сего устава".

А 73 статья гласитъ:

„Виновные въ недонесеніи о содѣянномъ уже преступленіи или проступкѣ подвергаются, смотря по важности преступленія или проступка и обстоятельствамъ дѣла, или заключенію въ крѣпости, съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ и по состоянію осужденнаго присвоенныхъ ему или службою пріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ по службѣ или отставленію отъ службы, или содержанію на гауптвахтѣ, или же взысканіямъ дисциплинарнымъ".

Но что говорить объ этой виновности генерала Парчевскаго, когда таковое же обвиненіе слѣдовало бы предъявить здѣсь, въ Петербургѣ, тѣмъ, кто допустилъ преступленія самого Парчевскаго! *).

---

*) **Привлеченіе къ отвѣтственности ген. Парчевскаго.** Въ главное интендантское управленіе поступило, по словамъ „Рѣчи", заключеніе военнаго прокурора пріамурскаго военнаго суда по дѣлу о начетахъ по исполненію договора съ казною о снабженіи войскъ покойнаго инженера М., по которому возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности бывшаго окружнаго интенданта тыла арміи генералъ-лейтенанта Парчевскаго. (Бирж. Вѣд., 10 сент. 1907 г.).

VII.

Растраты авансовъ.

Нигдѣ маленькіе чиновники и мелкіе офицеры не имѣли на рукахъ столько денегъ, какъ на войнѣ, гдѣ на различные расходы по заготовкамъ провіанта и фуража выдавались порою такія колоссальныя суммы, что у людей, прежде можетъ быть въ рѣдкихъ случаяхъ имѣвшихъ въ бумажникахъ своихъ сотенныя, при видѣ увѣсистыхъ пачекъ пятисотенокъ въ нѣсколько десятковъ, а иной разъ и сотенъ тысячъ рублей... глаза и чувства разбѣгались...

Эти авансы пускались въ оборотъ сплошь и рядомъ... Класть ихъ въ банкъ, пользуясь процентами, считали совсѣмъ нормальнымъ; это совершалось вполнѣ легально, явно... хотя по точному смыслу соотвѣтствующихъ статей закона проценты съ лежащихъ въ банкахъ казенныхъ суммъ — являлись доходомъ казны... Даже этотъ способъ обогащенія такъ простъ, такъ чистъ, такъ выгоденъ! Нужно замѣтить, что авансы въ 100,000 давались сплошь и рядомъ; если въ казенномъ банкѣ они приносили немного, то при другихъ операціяхъ они уже приносили солидные куши.

Если можно было класть деньги въ казенный банкъ, то, конечно, отчего же нельзя въ частный, гдѣ большій процентъ покупается правда рискомъ... но на войнѣ кто не рискуетъ?..

Отъ этого риска очень недалеко до засасывающаго своимъ дикимъ сладострастіемъ риска крупной картежной игры!..

Играли всѣ и во всю на глазахъ у всѣхъ.

Многіе тамъ „славились“ своими крупными проигрышами.

Странно, что на нихъ меньше ихъ проигрывавшіе игроки смотрѣли съ нѣкоторою завистью...

Не однажды проигранныя большія суммы интендантскими чинами быстро почти гласно платились... подрядчиками.

Напримѣръ, нѣкто капитанъ Власенко однажды проигралъ 31,000 одному желѣзнодорожному служащему.

Одинъ чиновникъ Серебренниковъ, будучи скомпрометированъ въ качествѣ правителя квантунскаго интендантства по заготовкѣ

дурной муки войскамъ Портъ-Артура, о чемъ въ 11 и 12 Восточно-Сибирскихъ стр. полкахъ заготовлены были акты, что извѣстно и генералу Волкову, помощнику намѣстника Алексѣева, былъ допущенъ къ заготовкамъ продуктовъ въ Харбинѣ.

Въ началѣ войны онъ былъ назначенъ главнымъ смотрителемъ всѣхъ продовольственныхъ магазиновъ въ Харбинѣ и вещевыхъ складовъ...

Генералъ Ростковскій въ Петербургѣ получилъ на Серебренникова доносъ. Генер. Надаровъ приказалъ его смѣстить, но все же послѣ протелеграфировалъ генер. Ростковскому, что чиновникъ „Серебренниковъ—честнѣйшій и милѣйшій человѣкъ“ несмотря на то, что онъ „не оправдалъ“ авансовъ на 70,000 руб. Было ясно по всему, что Серебренникова послѣ уже, черезъ годъ, покрывалъ Парчевскій, давшій ему 100,000 руб. аванса, до сихъ поръ не оправданнаго.

Докладъ, представленный черезъ Парчевскаго объ опредѣленіи чиновника Серебренникова генераломъ Ростковскимъ, утвержденъ не былъ, а одинъ генералъ, близко знавшій дѣятельность Серебренникова, даже упрекнулъ при всѣхъ Парчевскаго словами:

— Что вы хотите, чтобъ Серебренниковъ и въ Манчжуріи обокралъ казну такъ же, какъ въ Портъ-Артурѣ?..

И ген. Ростковскій вызвалъ Серебренникова въ Петербургъ.

Теперь юрисконсультъ въ Иркутскѣ полковникъ Войцеховскій обратился къ исполняющему обязанность иркутскаго интендантства съ предложеніемъ о преданіи суду Серебренникова за растрату авансовъ болѣе чѣмъ на 70,000 руб. Привлеченіе черезъ военное министерство передано въ военно-окружной совѣтъ въ Иркутскѣ.

Интересно, что генералъ Парчевскій, вопреки очевиднымъ уликамъ и очень многимъ свидѣтельскимъ показаніямъ, выразилъ официально свое письменное мнѣніе о томъ, что по его взгляду Серебренниковъ не виновенъ...

Нѣтъ-ли тутъ любопытной и многозначительной связи между преступленіями самого Парчевскаго и Серебренникова?

Что эта связь, установить которую уже дѣло суда, существуетъ,—указываетъ еще и слѣдующее:

Бумагу о привлеченіи Серебренникова отказался подписать также и полковникъ Капель, который всѣми мѣрами старался замять дѣло Серебренникова, о томъ даже прося Войцеховскаго

(теперь дѣлопроизводителя иркутскаго военно-окружного совѣта)...

Эта защита будетъ немного понятнѣе, если я добавлю, что Капель болѣе двухъ лѣтъ не могъ оправдать авансъ въ 50,000 р., полученный изъ Хабаровскаго окружного интендантства, несмотря на то, что иркутская контрольная палата требовала не разъ и не два оправданія этого аванса!

Кромѣ того, Капель, по должности своей рекомендовавшій Парчевскому заготовщиковъ, наживался хорошо на этихъ рекомендаціяхъ, и никто не удивлялся, что о немъ говорятъ, какъ о богачѣ, „скопившемъ“ за войну болѣе полумилліона...

Генералъ Хаскинъ приказалъ разслѣдовать дѣло Серебренникова, но видимо по этимъ товарищескимъ просьбамъ, хотя ясна заинтересованность этихъ товарищей,—дѣло не получало должнаго направленія.

Такимъ образомъ, выясняется, а еще болѣе выяснится на судѣ, что существовала обезпечивающая общее благополучіе „круговая порука“, до сихъ поръ ограждавшая виновныхъ отъ послѣдствій ихъ преступленій.

Въ довершеніе всего укажу на странность—въ счетномъ отдѣлѣ контроля „въ авансахъ“ не было и нѣтъ до сихъ поръ отчетовъ полк. Капель за два года въ полученныхъ авансахъ.

Правитель канцеляріи квантунскаго интендантства, завѣдывающій выдачей авансовъ, не имѣлъ никакихъ документальныхъ данныхъ о многихъ авансахъ, которые такъ и остались непровѣренными и просроченными, своевременно даже не внесенныя въ смѣты.

VIII.

Къ уже напечатанному.

Еще я вернусь къ нравамъ „Современнаго Вавилона“, а пока для вящаго подтвержденія помѣщу это письмо ко мнѣ одного офицера, не называя фамиліи...

Надо отдать справедливость, что письмо ярко отразило и харбинскіе нравы.

Милостивый Государь!

Вполнѣ раздѣляя ваше желаніе раскрыть передъ обществомъ преступленія „героевъ тыла“, во главѣ которыхъ несомнѣнно

стоялъ ген. Надаровъ, прошу принять отъ меня въ видѣ дополненія для дальнѣйшихъ вашихъ статей слѣдующее.

Послѣ годичнаго плѣна въ Японіи (по сдачѣ крѣпости Портъ-Артура) и пріѣхавъ въ Харбинъ, я, конечно, пожелалъ развлечься. Отправившись компаніей втроемъ въ „Зоологическій садъ“ (ресторанъ въ Харбинѣ), я былъ прежде всего удивленъ, что у входа этого кабака стояли парные часовые. Войдя въ громаднѣйшій сарай съ наставленными въ немъ столиками и переполненный офицерами всевозможныхъ чиновъ и родовъ оружія, а также раскрашенными кокотками въ брилліантахъ и золотыхъ побрякушкахъ, я не могъ опять-таки не удивляться, что вся эта веселая и милая компанія пьетъ „лимонадъ“. Какъ оказалось (въ чемъ и я самъ принялъ потомъ участіе) пили не лимонадъ, а водку въ лимонадныхъ бутылкахъ и пили ее стаканами. А на стѣнахъ красовались крупныя объявленія приказа генер. Надарова, что за продажу водки хозяинъ заведенія подвергается штрафу въ 3000 рублей. Какъ мило и какъ наивно! Лимонадъ требовали, не стѣсняясь, даже командиры отдѣльныхъ частей и, слѣдовательно, генералъ не могъ не знать, что онъ покровительствуетъ наглому вымогательству денегъ, такъ какъ за „лимонадъ“ брали по 6 рублей, только благодаря вывѣшенному приказу (водка въ Харбинѣ была дешевле, чѣмъ въ Россіи—45 коп. бутылка въ продажѣ).

Неугодно ли вамъ полюбоваться счетомъ, который намъ втроемъ пришлось уплатить по таксѣ, утвержденной ген. Надаровымъ.

Счетъ въ ресторанѣ.

„Лимонадъ 2 бутылки	12	руб.
Паюсная икра 1/4 порціи	8	»
4 порціи телячьихъ котлетъ	20	»
2 порціи рябчика	8	»
2 бутылки краснаго вина (удѣльнаго вѣдомства)	24	»
3 яблока и кисточка винограда	15	»
2 бутылки шампанскаго	50	»
Кофе	12	»
Ликера 1/4 литра	18	»
2 коробки конфектъ	60	»
Лакею на чай	10	»
Всего	237	руб.

Итакъ съ женщиной (100 руб.), которую еле-еле за эту цѣну пришлось уговорить, такъ какъ, по ея словамъ, какой-то

полковникъ пограничной стражи предлагалъ ей больше, каждому изъ нашей скромной братіи пришлось заплатить за удовольствіе провести нѣсколько пріятныхъ часовъ съ „красавицей“ по *192 рубля.*

Я краснѣю, конечно, отъ стыда, вспоминая теперь свое времяпровожденіе въ этотъ памятный для меня вечеръ *подъ защитой* „парныхъ часовыхъ“ въ тылу арміи, но краснѣетъ-ли ген. Надаровъ, создавшій съ отеческой заботливостью о своихъ подчиненныхъ подобное положеніе вещей, шайки организованныхъ грабителей, развратъ и кутежи подъ защитой „парныхъ часовыхъ“ (наблюдавшихъ эти картинки)? Думаетъ ли генералъ дать отчетъ въ этомъ передъ своею совѣстью, передъ обществомъ?

Добавлять что-нибудь мнѣ уже не приходится!

Поручикъ *А. Лохвицкій.*

IX.

Денежный развратъ.

При царившихъ въ Харбинѣ на все безумныхъ цѣнахъ люди, ворочавшіе большими, хотя и казенными суммами, буквально теряли всякую возможность правильно оцѣнивать деньги.

Вотъ очень любопытная исторія съ мясомъ, которое испортилось потому, что его не потрудились сохранить, принявъ для этого всѣ необходимыя мѣры... Одна вывозка этого испорченнаго мяса стоила казнѣ болѣе 40,000 рублей!.. Кто былъ виновенъ? Сейчасъ увидимъ. Генералъ Парчевскій отдалъ подъ судъ чиновника Гаркушенко въ Харбинѣ за то, что, будучи смотрителемъ интендантскаго магазина, довелъ мясо, хранившееся во ввѣренномъ ему магазинѣ, до негоднаго къ употребленію состоянія... Гаркушенко же на судѣ доказывалъ, что онъ просилъ у генерала Парчевскаго распоряженія о сооруженіи ледниковъ, но приказанія о томъ отъ Парчевскаго не послѣдовало, равно какъ не послѣдовало и ассигнованія на ледники необходимыхъ денегъ. Судъ для Гаркушенко окончился лишь выговоромъ.

Парчевскій, дружившій и бражничавшій вмѣстѣ съ полковникомъ Капелемъ, частенько устраивалъ эти попойки даже въ самыхъ продовольственныхъ магазинахъ, нисколько не стѣсняясь показывать всѣмъ желающимъ очень близкія отношенія свои другъ другу.

Парчевскій зналъ, что Капель имѣлъ въ городѣ двѣ помѣстительныхъ квартиры, которыя обходились колоссально дорого, что станетъ болѣе понятно если я скажу, что въ Харбинѣ трудно было найти комнату дешевле 100 р. въ мѣсяцъ... Но кромѣ роскошныхъ квартиръ, кромѣ лошадей, онъ имѣлъ очень много другихъ побочныхъ расходовъ, о которыхъ ходили самые сказочные разсказы. Можно ясно представлять себѣ какое впечатлѣніе на служащихъ, на офицеровъ и на солдатъ могъ производить подобный образъ жизни тѣхъ, кто былъ признанъ „заботиться объ ихъ нуждахъ“ въ трудные дни тяжкой войны...

Я говорилъ о капитанѣ Власенко, проигравшемъ 31,000, трудно указать сколько было этихъ неудачныхъ крупныхъ игроковъ; указываютъ на г. Коваленко, на г. Врублевскаго, проигравшихъ невѣроятныя суммы, о чемъ въ свое время возбуждалось множество толковъ.

Конечно, люди болѣе дальновидные и осмотрительные ограничивались лишь переводами домой крупныхъ суммъ, а легкомысленная молодежь забывала порою прятать концы въ воду, чѣмъ довела Парчевскаго до поступка выдавшаго его самаго; я говорю о томъ-же циркулярѣ по поводу большихъ ставокъ...

X.

Недопущеніе китайскихъ купцовъ къ доставкѣ продуктовъ интендантству.

По пріѣздѣ въ Харбинъ высшаго начальства, къ нему явилась депутація отъ китайскихъ купцовъ во главѣ съ извѣстнымъ Тифонтаемъ съ жалобой на полк. Капеля и генерала Парчевскаго на то, что доставка продуктовъ совершенно монополизированы „заготовителями“, чиновниками интендантства въ явный вредъ казнѣ... Странно, что чиновники устанавливаютъ цѣны большія, чѣмъ могли-бы поставить мѣстные купцы!

Напримѣръ, съ началомъ войны пудъ пшеничнаго зерна ставалъ по 50 к., а по окончаніи войны уже онъ сталъ 2 руб. 50 к. когда вполнѣ возможна была регулировка этихъ цѣнъ въ виду того, что зерно было все время *мѣстное*, манчжурское, слѣдовательно, наживались и очень сильно всякіе посредники...

Послѣ этой жалобы, по порученію генерала Губера, однимъ изъ помощниковъ генерала Парчевскаго дѣйств. статск. совѣтни-

комъ Соловьевымъ было произведено разслѣдованіе „домашняго“ свойства надъ дѣйствіями Парчевскаго... Хода разслѣдованію или вѣрнѣе его результатамъ дано не было... поговаривали больше, что Парчевскій „влопался“; дѣло же кончилось тѣмъ, что Соловьевъ получилъ награды; зато-ли, чтобы молчалъ или за то, что уже сказалъ—это тайна, которую раскрыть трудно.

Хлопоты и ходатайства китайскихъ купцовъ мало имѣли успѣха; чиновникамъ и „подрядчикамъ“ пріятно сжившимся вмѣстѣ, конечно, было невыгодно всякое разоблачающее ихъ постороннее вмѣшательство...

Китайцы, сильно страдавшіе отъ русско-японскихъ военныхъ операцій, дѣлали все, чтобы торговлей покрыть огромные убытки и, пользуясь ими мы могли-бы имѣть всегда въ достаточномъ количествѣ и сравнительно недорого сельско-хозяйственные продукты первой необходимости...

Мнѣ хочется привести недавно данный военнымъ министромъ приказъ; онъ такъ умѣстенъ послѣ сказаннаго мною...

Приказомъ по военному вѣдомству объявлено:

„Въ послѣднее время отъ нѣсколькихъ начальствующихъ лицъ поступили ходатайства объ опредѣленіи вновь на службу офицерскихъ чиновъ, исключенныхъ изъ нея по приговорамъ судовъ за преступленія, совершенно несовмѣстимыя съ понятіемъ объ офицерской чести, напримѣръ, за растрату казенныхъ денегъ и совершеніе подлоговъ для ея сокрытія.

Такого рода ходатайства лишь доказываютъ, что начальствующія лица ихъ возбуждающія, либо недостаточно знакомы съ личными качествами своихъ бывшихъ знакомыхъ и съ характеромъ совершенныхъ ими преступленій, либо недостаточно проникнуты сознаніемъ тѣхъ требованій порядочности и честности, которымъ долженъ удовлетворять каждый офицеръ.

Преподавъ надлежащія указанія лицамъ, возбуждающимъ подобныя ходатайства, я требую отъ всѣхъ начальствующихъ лицъ, чтобы они при всякаго рода аттестаціяхъ и ходатайствахъ о своихъ подчиненныхъ руководствовались исключительно пользою службы и всегда памятовали, что въ офицерской средѣ нѣтъ мѣста для людей порочныхъ“.

Подписалъ: Военный министръ, генералъ-отъ-инфантеріи Редигеръ.

„Исключительно пользою службы...“ какой иронією звучатъ эти слова... эти „pia desideria“ военнаго министра, будто не

знавшаго, что службою на войнѣ такъ часто пользовались для вершенія всяческихъ дѣлишекъ...

Почему-же было замято такъ много возбужденныхъ на очень вѣскихъ основаніяхъ дѣлъ?.. почему ген. Парчевскій и его друзья по прежнему пользуются, если не настоящей службой, которую, возможно что несутъ и съ пользою для родины, то результатами этой исключительной своей „службы“ на дальнемъ востокѣ въ кровавые дни исторической войны?

XI.

Пьянство и иной развратъ.

Начиная съ начала войны, когда къ русскимъ станціямъ-тыла только еще стали съѣзжаться офицеры, чиновники, дѣльцы и подрядчики всѣхъ типовъ—уже обнаружилась большая необходимость въ спиртныхъ напиткахъ.

Огромному количеству людей, бездѣйствовавшихъ въ тылу, „прикомандированныхъ“, „находящихся въ распоряженіи“ и такъ далѣе, требовались развлеченія.

Партіи за партіями прибывали ящики съ винами.

Арміи за арміями привозились особыми „скупщиками“ живого товара и съѣзжались самостоятельно — женщины всѣхъ ранговъ.

Женщины спѣшили обирать офицеровъ всѣхъ чиновъ положеній и возрастовъ. Въ короткій срокъ многія уѣзжали изъ Харбина съ крупными брилліантами и большими деньгами въ чекахъ китайскаго банка въ I классѣ экспрессовъ въ роскошныхъ нарядахъ, тогда какъ сюда въ Харбинъ и Ляоянъ едва доѣхали въ Ш-мъ на послѣдніе гроши.

Въ любое время дня и ночи можно было видѣть въ безчисленныхъ притонахъ „развлекавшихся“ поручиковъ, капитановъ, полковниковъ и генераловъ.

Въ безумныхъ оргіяхъ, въ пирушкахъ, попойкахъ и всяческихъ развратныхъ дорогихъ забавахъ проводили время тѣ, которые были посланы спасать Россію отъ обрушившагося на нее позора...

Помню одинъ генералъ, уволенный изъ интендантскаго вѣдомства за растраты денегъ (Воронинъ), умеръ отъ пьянства и разврата въ одномъ изъ ляоянскихъ притоновъ, гдѣ утромъ на-

шли его посинѣвшій трупъ вмѣстѣ съ обезумѣвшей отъ ужаса женщиной — проституткой. Передавали невѣроятныя подробности этой смерти... этой „гибели“ какъ говорили офицеры... „безславной гибели“. Тѣмъ не менѣе, генерала хоронили съ подобающими его чину почестями... Я въ то время самъ былъ въ Ляоянѣ и хорошо помню ужасное впечатлѣніе отъ этой смерти. Но... мертвымъ нѣтъ срама!.. Потому вернусь къ живымъ.

Пьянство разросталось все шире и шире, захватывая большіе и большіе круги... Менѣе всего пьянствовали солдаты, которымъ это запрещалось подъ очень строгимъ наказаніемъ.

Мнѣ случалось видѣть совершенно пьяныхъ офицеровъ, ругавшихъ совершенно трезвыхъ солдатъ, какъ они, такіе сякіе (ругательство) посмѣли напиться?

Нельзя-было придти на вокзалъ, чтобы не случилась какая-нибудь исторія... пьянствовали вездѣ, и въ вагонахъ, и въ притонахъ, и въ ресторанахъ, и въ „столовыхъ“ и въ гостинницахъ...

Дни и ночи на многихъ Ляоянскихъ и Харбинскихъ улицахъ стоялъ гулъ хрипло кричавшихъ голосовъ...

Но особенно пили на станціяхъ; больше простую водку. Съ 6—7 час. вечера уже начинались оргіи... Я видѣлъ солдатъ, которые, выходя съ вокзала, снимали картузы, крестились и отплевывались, не зная, какъ и чѣмъ выразить то возмущеніе, которое ихъ обуревало.

Помню безчисленныя дикія сцены... стоитъ-ли ихъ описывать?.. не знаетъ-ли ихъ каждый бывшій на востокѣ!

Ляоянскій буфетъ служилъ центромъ сбора.

Здѣсь сходились офицеры, врачи, сестры милосердія, купцы, вольноопредѣляющіеся, „охотники-добровольцы“, корреспонденты, больше иностранные, и прочій людъ, выплеснутый войною изъ Россіи...

Иностранцы съ любопытствомъ прислушивались и приглядывались, какъ маленькое и большое русское начальство пило, ругалось, сердилось, кричало, шалило, ссорилось, смѣялось, засыпало, дебошировало, веселилось...

Какъ лились рѣкою дорогія вина, недопитыми разбивались бутылки и расплачивались посѣтители пачками разноцвѣтныхъ кредитокъ, не считая и не глядя усталыми красными отъ вина глазами на аршинные счета.

Нерѣдко и сестеръ милосердія можно было видѣть въ этихъ веселыхъ компаніяхъ.

Но чаще всего, конечно, грубо наряженныхъ публичныхъ женщинъ.

Въ буфетѣ офицеры напивались до потери разсудка; сколько разъ бывали случаи, что, выпивъ изрядное количество шампанскаго, кто нибудь изъ компаніи укладывался подъ столъ... а другіе благополучно уходили пошатываясь...

Однажды нѣкій полковникъ Л., при видѣ такой сцены, возмущенный, что покинули пьянаго товарища, лежащимъ на полу, долженъ былъ выдержать цѣлую бурю пьяныхъ окриковъ пока не убѣдилъ компанію взять съ собою и безгласное тѣло пьянаго товарища.

Все это было всѣмъ извѣстно и... препятствій не ставилось!

Однажды на Ляоянскомъ вокзалѣ, куда я зашелъ голодный поѣсть, я былъ окруженъ совершенно незнакомыми офицерами, *требовавшими*, чтобы я пилъ съ ними, когда я отговаривался шутками и сталъ ѣсть при нихъ, одинъ, сѣвъ напротивъ съ откупоренной бутылкой, заявилъ мнѣ громко съ пьянымъ крикомъ, что заставитъ выпить...

Я принужденъ былъ приказать человѣку убрать вино съ моего прибора, что въ конецъ разбѣсило поручика.

Нѣкій полковникъ генеральнаго штаба, свидѣтель всей исторіи сдѣлалъ поручику замѣчаніе:

— Не извольте приставать къ корреспонденту; человѣкъ усталъ, хочетъ ѣсть... что вамъ отъ него нужно.

— А вамъ какое дѣло?

Полковникъ всталъ и едва сдерживаясь сказалъ:

— Извольте оставить вокзалъ, а завтра я доложу о васъ, куда слѣдуетъ.

Поручикъ не слушался — вмѣшался еще офицеръ.

Полковникъ грозилъ позвать солдатъ...

Окончивъ ѣсть, я вышелъ среди шума и говора столпившихся офицеровъ.

Отъ этихъ сценъ оставалось тяжелое чувство.

Неблагополучно было въ арміи — это сказалъ бы каждый посѣтившій хоть разъ развратный Ляоянъ, или Вавилонъ-Харбинъ...

Неблагополучно было въ арміи и тяжко сказалось это неблагополучіе въ безчисленныхъ незабываемыхъ пораженіяхъ...

Всѣ крупныя передвиженія войскъ выбалтывались впередъ въ пьяной болтовнѣ станціонныхъ вокзаловъ. О „внезапныхъ“

движеніяхъ въ Сандепу, рейдѣ Мищенки, о приготовленіяхъ къ нимъ — въ буфетахъ передъ толпами чужихъ людей говорилось, какъ въ своемъ кругу полкового собранія. И съ этимъ не боролись...

Неблагополучно было въ арміи на войнѣ и — спрошу — что изъ этого неблагополучія исчезло, умерло, чтобы не воскреснуть болѣе, излечено до нашихъ дней?

Гдѣ были попытки къ этому? Ихъ не было на войнѣ, ихъ нѣтъ и во дни мира.

XII.

Трестъ рыцарей наживы.

Вы, конечно, не разъ слышали объ огромныхъ количествахъ продовольственныхъ и иныхъ запасовъ, которые были сожжены, брошены въ руки непріятеля, просто испортились или просто „исчезли“, вслѣдствіе неудовлетворительныхъ способовъ храненія.

Въ Ляоянѣ „сгорѣло“ при отступленіи, по подсчетамъ близко знавшихъ положеніе дѣлъ чиновниковъ, вещевыхъ складовъ болѣе чѣмъ на 16 милліоновъ рублей.

Армія послѣ Мукденскаго боя шла до Сипингая въ валенкахъ, которыя быстро истерлись, и солдаты шли босикомъ, такъ какъ сапогъ не было ни въ арміи, ни въ интендантствѣ.

Въ Мукденѣ запасовъ не было, говорятъ иные; иные же утверждаютъ, что и тамъ было много одежды и провіанта.

Полковнику генер. штаба Квицинскому приказано было заготовить теплые халаты для арміи... Было исполнено, но халаты рвались, такъ какъ были изъ скверной бумажной матеріи и назначенія своего не оправдали, хотя стоили болѣе милліона!

Армія безъ сапогъ, и безъ теплой одежды! Послѣ Мукдена начальство встревожилось не на шутку. Командиру третьей арміи приказано было „озаботиться“.

Генер. Биндерлингъ, командиръ 3-й арміи, озабоченный снабдить свою 3-ю армію сапогами, отдалъ приказъ ген. Федорову, интенданту 3-й арміи, озаботиться снабженіемъ арміи сапогами, такъ какъ была телеграмма ген. Губера, что казенные сапоги застряли въ дорогѣ и что въ интендантствѣ сапогъ не имѣется.

Генер. Федоровъ обратился къ нѣкоему дворянину Добржан-

скому, не провѣривъ его отношенія къ сапожному дѣлу, наличія у него сапогъ и, вообще, его кредитоспособности. На основаніи представленныхъ Добржанскимъ 10 паръ сапогъ, ген. Федоровъ заключилъ съ Добржанскимъ поставку всего на 9,000 паръ сапогъ по 8 руб. 85 к. за пару.

Цѣна была слишкомъ велика, такъ какъ ходячая цѣна, что было хорошо извѣстно, не превышала 6 р. 65 коп. Кому то улыбнулось нажить по 2 р. 20 к. на парѣ, каковыхъ было 9,000— слѣдовательно, въ общемъ—19,800 руб.!

Провозъ соли изъ Мукдена въ Тѣлинъ обошелся (мнѣ извѣстенъ одинъ случай; – можетъ быть, ихъ было и болѣе) около 14 рублей пудъ!.. Объ этомъ хорошо извѣстно завѣдывавшему транспортами Ухачъ-Огоровичу.

Въ Харбинѣ была закуплена Парчевскимъ мука по 2 руб. съ копейками за пудъ, около 200,000 пудовъ—„американская“ съ примѣсями; она оказалась негодной, и ее не знали куда дѣвать; тамъ былъ такой процентъ примѣси бобовъ, что ее нельзя было употреблять, но ее ѣли, удивляясь, зачѣмъ нужно было пріобрѣтать въ этой богатѣйшей странѣ муку изъ Америки? Несмотря на всѣ увѣренія Парчевскаго, что „мука великолѣпна и войска другой не хотятъ“, войска хотѣли другой, такъ какъ эта была дурная, но о другой лучшей заботиться было некому...

Кого не поразятъ странные контракты на поставку сѣна или купленные гурты скота, такого дорогого, что пудъ мяса въ общемъ по этимъ контрактамъ обошелся не менѣ 60 рублей, что утверждается близко знавшимъ это дѣло чиновникомъ?!

Коммерческій заготовитель Громовъ, находившійся въ условіяхъ особаго довѣрія къ нему Куропаткина, привезшаго его съ собою, дѣйствовалъ на „особыхъ положеніяхъ“ внѣ всякихъ установленій. Колоссальная дезорганизація сказывалась во всемъ— и въ случаяхъ съ сапогами, и въ цѣнахъ, и въ потерянныхъ вагонахъ (о чемъ еще рѣчь впереди), и въ различныхъ „синдикатахъ“, начиная съ мукомольныхъ и кончая агентствомъ для торговли вагонами...

На ряду съ этимъ полная неосвѣдомленность о ходѣ военныхъ дѣйствій, безпомощность въ организаціи сбора и подвоза продуктовъ, безсистемность, отсутствіе яснаго плана, необдуманность и несогласованіе дѣйствій...

Все это во много разъ увеличило расходы на снабженіе арміи необходимымъ для ея жизни и дѣйствій; все это ставило

войска въ тяжкое положеніе, порою въ безысходное, чисто страдальческое.

При малѣйшей попыткѣ продвинуться въ глубь страны или пройти впередъ, наступая, ощущалась болѣзненно и безысходно царившая чудовищная дезорганизація. Въ чемъ же тайна, гдѣ разгадка, гдѣ причина этого? Кто и какъ создалъ такое положеніе дѣла?

Прежде, чѣмъ продолжать повѣствованіе о частичныхъ крупныхъ и мелкихъ злоупотребленіяхъ, разскажу про любопытный историческій союзъ-трестъ на войнѣ главныхъ рыцарей наживы, группировавшихъ вокругъ себя безчисленную рать мелкихъ и крупныхъ дѣятелей, парализуя всякую возможность успѣха.

Этотъ харбинскій трестъ состоялъ изъ трехъ лицъ: Парчевскаго, Надарова и Сахарова.

Парчевскій орудовалъ по своей части поставокъ продуктовъ и, кромѣ того, „союзомъ мукомоловъ“, имѣвшимъ въ своихъ рукахъ игорные дома и клубы (входъ 25 руб. съ правомъ игры!), но самое главное—„хлѣбныя“ дѣла вмѣстѣ съ гг. Капель, Серебренниковымъ и его женой г-жей Памфиловой, на имя которой Серебренниковъ пріобрѣлъ мельницу въ Харбинѣ, цѣною не менѣе 100,000 р.; теперь она продана Катюкъ и его женѣ, скупившей вагонъ съ продуктами и помогавшей мужу въ тѣхъ случаяхъ, когда дамѣ было дѣйствовать удобнѣе!.. Тамъ же дѣйствовалъ отдѣльно нѣкто Гиляръ, поставлявшій муку по высокой цѣнѣ и чай по 10 р. пудъ, когда всюду можно было заключить договоры на любое количество продукта съ мѣстными китайскими купцами, предлагавшими за 6 р. 70 к. пудъ... и пр., и пр., и пр.

Сампсоновъ – крупный подрядчикъ по вещевому довольствію, изъ казеннаго полотна онъ сшилъ рубахи, никуда негодныя, солдаты не могли ихъ носить, такъ какъ вороты прорѣзаны были за поспѣшностью на животахъ!

Въ какія части пошли папахи, поставленныя Сампсоновымъ?.. Онѣ не годились—были малы и не лѣзли на головы.

...Этотъ вещевой складъ былъ такъ запутанъ, что смотрителя, пользуясь невѣдѣніемъ Парчевскаго, не писали: „принялъ въ складъ“, а—„вступилъ въ вѣдомость“, потому что царилъ полный хаосъ; все мокло; гдѣ лежитъ—не знали.

Разверстка склада состоялась не передачей вещей, какъ то полагается, а по командировкѣ цѣлыхъ магазиновъ въ распоряженіе въ тылъ и въ усиленной перевозкѣ въ харбинскіе склады, гдѣ не было даже приготовлено никакихъ хранилищъ...

Ген. Надаровъ неоффиціально вѣдалъ особою частью доходныхъ учрежденій: публичными домами, ресторанами, извозчиками, и... въѣздомъ и выѣздомъ евреевъ... и т. д.

Веселые дома и увеселительныя зеведенія таинственно закрывались и открывались по его приказаніямъ; въ домахъ были вывѣшены его цѣны и таксы о чемъ уже упоминалось, и „хозяйки“ жили подъ страхомъ его каръ, едва скрывая свою полную зависимость отъ желаній начальника тыла. Въ одномъ смыслѣ это понятно, но далеко не во всѣхъ.

Извозчики были подъ особымъ покровительствомъ Надарова; по свидѣтельству офицеровъ споры ихъ съ извозчиками всегда кончались для выгоды послѣднихъ... Извозчики драли безбожно, были грубы... и... при мнѣ, помню—за ничтожный конецъ дралъ по рублю, а послѣ цѣны возросли еще; хорошо было только ѣздившимъ на „собственныхъ“, или казенныхъ, что, впрочемъ, было тѣмъ же самымъ. Но конечно не только въ этомъ я усматриваю большую виновность генерала Надарова. Ниже читатель увидитъ, что онъ является отвѣтственнымъ во многихъ преступленіяхъ въ тылу арміи, коего тыла онъ былъ начальникъ.

Наконецъ, Захаровъ, полковникъ генеральнаго штаба, начальникъ военныхъ сообщеній — достойный членъ этого, можетъ быть, единственнаго въ исторіи міровыхъ войнъ треста — накупившій пароходовъ для переправы продуктовъ на Сунгари...

Пароходы стоили колоссальныхъ денегъ, но негодные къ перевозкѣ, покоились въ уныломъ бездѣйствіи, такъ какъ интендантскіе заготовители предпочитали пользоваться шаландами. О количествѣ пароходовъ, объ ихъ качествѣ, объ ихъ стоимости можно было бы сказать очень много.

Конечно, въ союзъ входило множество такъ сказать сторонняго элемента, но главные заправилы интендантскихъ „дѣлъ“ были эти трое, каждый по своей части въ дружномъ единеніи старавшіеся „оправдать довѣріе властей и родины“ идеей „послѣ насъ хоть потопъ!“, красной нитью проходившей въ ихъ безсмертной дѣятельности.

XIII.

Комиссіонеры.

Въ Манчжуріи за роль комиссіонера брался первый встрѣчный. Его не спрашивали, „кто онъ?“; равно не спрашивали у

лица, пользовавшагося услугами комиссіонера, о мотивахъ порученія поставки такому-то.

„Военныя обстоятельства“ покрывали и выручали всѣхъ и все, хотя въ сущности эти обстоятельства, которыми все извинялось, мало чѣмъ отличались отъ условій мирнаго времени.

Надобности въ комиссіонерахъ обыкновенно не ощущалось, такъ какъ все то, что они поставляли, находилось въ складахъ мѣстныхъ торговцевъ. Комиссіонеръ представлялъ собою лишь преграду для успѣшныхъ дѣйствій пріемщика, обязывая послѣдняго брать лишь предметы, указываемые и доставляемые комиссіонеромъ.

Странно то, что многія условія, заключавшіяся съ комиссіонеромъ, обыкновенно были направлены лишь къ выгодѣ комиссіонера; такъ напримѣръ, пріемщику указывался лишь предназначенный максимумъ количества нужныхъ арміи продуктовъ и предметовъ; въ случаѣ невозможности выполнить обязательства, комиссіонеру можно было поставить и меньше требуемаго количества. Стоимость продукта не устанавливалась на мѣстѣ, что не гарантировало нисколько правильность нормальной оцѣнки, а наоборотъ являлось порукой возможныхъ „ошибокъ“.

Срокъ никогда почти не опредѣлялся.

Обыкновенно дѣлалось такъ. Учрежденіе или лицо, сдающее подрядъ, долго и таинственно переговаривается съ комиссіонеромъ и лишь уже для принятія отъ послѣдняго поставки назначаетъ пріемщика или „пріемную комиссію“ изъ нѣсколькихъ „депутатовъ“—въ большинствѣ лицъ, неизвѣстныхъ учрежденію, неопытныхъ, назначаемыхъ изъ частей войскъ, изъ офицеровъ, желающихъ отдохнуть и повеселиться въ тылу, въ Харбинѣ.

Обязанности пріемщика заключались въ сравненіи поставляемыхъ предметовъ съ присланными, не всегда точно условленными образцами, въ уплатѣ денегъ и писаніи „авансовыхъ счетовъ“. Такъ что въ сущности заготовителемъ являлся пріемщикъ. Онъ и пріемная комиссія служили громоотводомъ для лица, сдавшаго подрядъ,—они являлись отвѣтственными въ случаѣ негодности предметовъ, на нихъ ложилась вся вина и въ случаѣ какихъ-нибудь осложненій.

При этомъ никогда не возбуждался вопросъ: для чего требовался комиссіонеръ? Чѣмъ руководствовалось учрежденіе при заключеніи договора?...

Какъ я уже указывалъ, нѣкоторыя лица, а также и учре-

жденія, имѣли своихъ комиссіонеровъ, привезенныхъ изъ Россіи или „зафрахтованныхъ“ въ Манчжуріи.

Эти лица не знали мѣстныхъ рынковъ, не знали языка и тысячъ условій мѣстной жизни; утверждаютъ, что часто фигурировали росписки, ими не подписанныя.

Если гдѣ наживались, то черезъ этихъ комиссіонеровъ; это и не скрывалось.

Достаточно разспросить о распредѣленіи доходовъ у любого комиссіонера—каждый изъ нихъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что „процентъ“—вещь законная, съ воровствомъ ничего общаго не имѣющая...

„Процентъ“ было установленіе настолько нормальное, что даже спорили о томъ, что оно защищается „обычнымъ правомъ“,—освященное законной давностью и безнаказанностью!

Это поистинѣ изумительно.

Конечно, установить, какую сумму въ общемъ потеряла казна отъ этихъ комиссіонерскихъ процентовъ,—вещь затруднительная, но быть можетъ судъ, который будетъ разбираться въ многочисленныхъ данныхъ, и установитъ эту сумму...

Уже изъ сказаннаго ясно, что она колоссальна!

„Русскому Инвалиду“.

Въ „Русск. Инвалидѣ“ (см. № 190) помѣщена замѣтка о „Герояхъ тыла“, гдѣ говорится между прочимъ:

„...Будемъ надѣяться, что въ этихъ описаніяхъ больше мути, чѣмъ правды... Оставлять, однако, безъ вниманія всю эту филиппику нельзя... Слишкомъ обидно и больно!..“

Что обидно и больно „Русскому Инвалиду“?... Почему онъ не рѣшается сказать это яснѣе?...

То ли обидно, что „нѣкоторые чиновники тылового интендантства изобличены поименно“, какъ сказано въ замѣткѣ, или то обидно, что такіе чиновники есть въ интендантствѣ, или же вообще обидно и больно то, что дѣятельность интендантства на войнѣ стала извѣстна обществу, какъ тщательно ни старались прятать концы въ воду вотъ уже два года?...

Въ этихъ замалчиваніяхъ не безвиненъ и „Русскій Инвалидъ“, предпочитающій всему излюбленный мотивъ: „Громъ побѣды раздавайся“.

XIV.

„Интендантскій городокъ“.

На 8-й верстѣ отъ Харбина находилось управленіе главнаго смотрителя продовольственныхъ магазиновъ („интендантскій городокъ“). Въ вѣдѣніи этого смотрителя были мукомольни, продовольственные магазины, всякаго рода запасы, рыба („кета“), мясо (тамъ же и знаменитое сгнившее), штатъ служащихъ до 40 человѣкъ; общимъ надъ всѣми начальникомъ былъ главный смотритель. За все время войны въ Харбинѣ было ихъ трое. Первый— г.-л. Серебренниковъ, убранный генер. Ростковскимъ, второй – полковникъ Соколъ и третій коллежскій ассессоръ Осиповъ.

Главный смотритель полковникъ Соколъ въ бытность свою на этой должности, которая требовала слишкомъ большого труда, заботъ и времени, имѣлъ и (очень доходныя) заготовки интендантскихъ продуктовъ (пшеница, рисъ, ячмень, кукуруза и проч.).

Что заготовка была выгодна, ясно изъ одного случая, когда одинъ у другого „отбилъ заготовку“.

Былъ такой случай: приготовилъ извѣстную партію заготовитель капитанъ Мочало продукты такіе же, какъ заготовлялъ и Соколъ. Соколъ вошелъ въ соглашеніе съ подрядчикомъ, у котораго находился товаръ, „заготовленный“ капитаномъ Мочало и— сдалъ этотъ товаръ, какъ свою заготовку, лишивъ такимъ образомъ капитана Мочало, его „заготовителя“, прибыли. Прибыль эта, собственно, была ясна: допустимъ, продуктъ— пшеница; справочная цѣна на покупку пшеницы 2 рубля; заготовитель купитъ по 1 р. 80 к. у китайцевъ, цѣну же поставитъ справочную... Этотъ фактъ, что Соколъ лишилъ заработка Мочало, былъ достояніемъ всѣхъ, равно какъ извѣстно было, что между ними разыгралось бурное объясненіе, послѣ котораго они все-таки не помирились, потому что послѣ подполковникъ Мочало, служащій въ кіевскомъ окружномъ интендантствѣ, объ этомъ фактѣ донесъ генералу Ростковскому, который затребовалъ объясненія по сему вопросу отъ Парчевскаго... Чѣмъ кончилось дѣло—мнѣ неизвѣстно. Въ маѣ 1904 года по телеграммѣ главнаго полевого интенданта ген. Губера Мочало былъ устраненъ и было предписано ему никакихъ отвѣтственныхъ должностей не давать. Но по настоянію полковника Капеля ему стали вновь поручаться самыя выгодныя операціи; напр., снабженіе арміи сухарями.

Далѣе – Соколъ, какъ главный смотритель, имѣлъ право выдавать „предложенія на вагоны“. Требовалась интендантству жесть. Подрядчикъ, которому выдали предложеніе, привезъ совсѣмъ иное... вмѣсто жести, нужной интендантству, пріѣхали экипажи, сбруя и прочіе предметы, въ городѣ дорого стоившіе; конечно, при продажѣ можно было нажиться.

Дѣло стало гласнымъ и даже было постановленіе Надарова удержать съ г. Сокола довольно крупную сумму, послѣ чего Соколъ и уѣхалъ въ кіевскій округъ...

Такъ, на личныя нужды брались вагоны, которыхъ не хватало и которые были очень нужны дѣлу продовольствія.

Осиповъ, Федотъ Аникіевичъ, бывшій писарь, послѣ выдержавшій экзаменъ на классный чинъ и дослужившійся до чина коллежскаго ассессора, былъ назначенъ начальникомъ (главнымъ смотрителемъ, третьимъ по счету); подъ его начальствомъ, такимъ образомъ, считалось болѣе 40 офицерскихъ и классныхъ чиновъ. Былъ и подполковникъ, очень тяготившійся службою подъ начальствомъ бывшаго писаря, хотя послѣ ставшаго чиновникомъ крупнымъ и очень богатымъ, по завѣренію мѣстныхъ коммерсантовъ.

Страсть чиновника Осипова была тянуть бывшихъ писарей (ставшихъ заурядъ-чиновниками) на крупныя отвѣтственныя мѣста. Такъ напримѣръ, смотрителемъ перваго продовольственнаго магазина, самаго большого, былъ заурядъ-чиновникъ Саломаха (тоже изъ писарей), въ то время какъ ротмистръ и капитанъ, бывшіе въ Россіи долгое время смотрителями и командированные на войну, остались просто прикомандированными для занятій къ управленію интенданта тыла.

Такова характеристика одного за другимъ трехъ главныхъ смотрителей продовольственныхъ магазиновъ „8-й версты“; ясно, какъ велось дѣло!

XV.

Еще о картежной игрѣ.

Мнѣ выразили сомнѣніе въ тѣхъ размѣрахъ картежной игры, о которыхъ я говорилъ. Дѣлаю дополненія.

Крупнѣйшій игрокъ, смотритель 4-го продовольственнаго магазина, несмотря на все, назначенный послѣ на крайне важный постъ смотрителя продовольственнаго магазина I класса Алтуновъ,

всегда игралъ крупными ставками; иногда онъ приглашалъ къ себѣ игроковъ покрупнѣе, артистовъ и актрисъ .. Капитанъ Кафталадзе у Алтунова проигралъ 28,000. Подполковникъ Лодвиновъ увезъ выигрышъ въ 30,000... Но бывалъ и въ проигрышѣ 20,000 (былъ капитанъ; произведенъ въ подполковники)— о чемъ громогласно говорилъ самъ при свидѣтеляхъ.

Ротмистръ П. выигралъ тысячъ 50 и отослалъ ихъ въ Россію... Артиллеристъ, командиръ парка, шт.-кап. Казимирскій, благодаря тому, что въ клубѣ велась картежная игра, былъ въ выигрышѣ свыше 50,000, но онъ кончилъ тѣмъ, что проигралъ все и, кромѣ, того 13 тысячъ казенныхъ, за которыми пріѣхалъ съ позиціи въ Харбинъ; въ теченіе цѣлаго мѣсяца, чтобы отыграться, онъ пытался играть, но уже командиръ города подполковникъ Дунтенъ его искалъ и даже приходилъ въ клубъ его арестовать. Когда объ этомъ узнали въ клубѣ (никто не зналъ, что онъ проигралъ казенныя), часть собрали въ клубѣ (около 6 тысячъ), остальныя далъ братъ, офицеръ одного изъ В.-С. полковъ, заложившій для этого свой домъ въ Харбинѣ... Несмотря на это, онъ былъ арестованъ... Судъ надъ Казимірскимъ въ Харбинѣ окончился исключеніемъ со службы, и теперь онъ „дворянинъ Казимирскій“.

Крупный игрокъ былъ поруч. Языковъ; всегда играя только крупно (завѣдывалъ продовольственнымъ пунктомъ въ управленіи начальника этаповъ тыла), имѣлъ частенько 6—8 тысячъ аванса, что давало ему возможность дѣлать обороты.

Конечно, крупно играли и частныя лица: подрядчики, купцы, поставщики, „мукомолы“, актеры и проч.

XVI.

Генералъ Надаровъ.

Раскрываемая мною картина изумительнаго хищничества, казнокрадства, подлоговъ, взяточничества и прочее, вѣроятно, рождаетъ у возмущеннаго читателя вопросъ: кто-же былъ душой этого чудовищнаго заговора на государственные интересы?

Описывая дѣянія крупныхъ и мелкихъ чиновъ, я указывалъ ту круговую поруку, что, царя спасительно между ними, отстраняетъ отъ нихъ возможность неудачныхъ дѣйствій; въ случаѣ неудачи съ однимъ—его бы „выручили“ другіе всѣ. Были случаи

„проваловъ“, но эти случаи объясняются всецѣло тѣмъ, что люди переставали „ладить“ съ членами того „треста рыцарей наживы“, о которомъ я говорилъ подробно.

Но кто же все-таки былъ душою этого огромнаго заговора на интересы той родины, которой, казалось всѣмъ, эти люди служили?

Кто-нибудь одинъ долженъ былъ направлять, скрѣплять, замалчивать, „не видѣть“ и видѣть, „не слышать“ и слышать, вліять, локализировать, суммировать; кто-нибудь одинъ долженъ былъ тщательно зашивать видныя прорѣхи, „объяснять“ недочеты, „выбирать“ подрядчиковъ, допуская однихъ, не допуская другихъ...

Кто же былъ этотъ одинъ? Онъ долженъ былъ быть несомнѣнно главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, „старшимъ заправилой, ловко прятавшимся, какъ всѣ заправилы въ подобныхъ дѣлахъ, за покорныя спины, равно безвинныхъ и виноватыхъ „стрѣлочниковъ“.

Душою этого дѣла былъ видный членъ „треста рыцарей наживы“ — начальникъ тыла арміи генералъ-лейтенантъ Надаровъ.

Преступленій большихъ и малыхъ было описано мною уже достаточно, чтобы сейчасъ я могъ заговорить, наконецъ, и о главномъ изъ виновниковъ — начальникѣ того тыла, гдѣ орудовали „герои“ этого тыла, начальникъ коихъ былъ естественно однимъ изъ видныхъ этихъ „героевъ“.

Хитрый, непріятный явно искусственной грубостью и дѣланнымъ добродушіемъ, — генералъ Надаровъ былъ не любимъ еще въ училищѣ, гдѣ товарищи сторонились его, называя ненадежнымъ и опаснымъ ловко скрываемой хитростью.

Надаровъ — академикъ. Значекъ, протекція, умѣніе устраиваться, хитрость и пронырливость – вполнѣ успѣшно создавали ему ту карьеру, которой онъ добивался.

Въ 1897 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника окружнаго штаба въ Хабаровскъ, а въ половинѣ 1898 г. былъ уже окружнымъ интендантомъ.

Тутъ то онъ и началъ выступать въ рядѣ фактовъ, создавшихъ среди всѣхъ, непричастныхъ его дѣламъ лицъ, взглядъ на него вполнѣ опредѣленный.

Къ сожалѣнію, сгорѣвшіе, утерянные или уничтоженные за войну архивы документовъ многихъ нашихъ манчжурскихъ дѣлъ не могутъ, представъ сейчасъ передъ вниманіемъ читателей, ясно обрисовать недавнее прошлое ген. Надарова, такъ печально распо-

ряжавшагося тыломъ манчжурской арміи. По разсказамъ же лицъ, вполнѣ компетентныхъ, уважаемыхъ и безупречныхъ, я могу сказать о Надаровѣ, что и до назначенія его начальникомъ тыла арміи за нимъ было кое что такое, что могло бы удержать соотвѣтствующее начальство отъ этого гибельнаго назначенія. Но, повторяю, въ наши дни повсюду самое важное—умѣть ладить съ начальствомъ, и Надаровъ постигъ эту науку въ совершенствѣ.

Въ Хабаровскѣ въ бытность свою тамъ окружнымъ интендантомъ, онъ получилъ извѣстность человѣка, умѣющаго хорошо устраиваться.

Мука, присылаемая въ то время изъ Хабаровска, была съ явными примѣсями извести и мѣла; квантунское военное начальство отъ крещивалось и браковало, но „предлагали принимать“ эту, ибо другой не было; браковали комиссіи пріемныя, браковали врачи, но изъ муки все таки пеклись хлѣбы, муку принимали. Надаровъ буквально заставлялъ брать и это отражалось на здоровьѣ войскъ, такъ какъ дезинтерія (вообще частая эпидемія, „мѣстная“ болѣзнь на Квантунѣ) вырывала, благодаря худой пищѣ, еще болѣе жертвъ. Было ясно, что Надаровъ почему то былъ заинтересованъ брать худой хлѣбъ.

Любопытныя вещи происходили и съ перемолкой хлѣба, причемъ въ мукѣ, по отзыву свидѣтелей, попадались камни величиною съ кулакъ, всякіе твердые предметы и проч.

Купецъ Тифонтай, соглашавшійся на перемолъ зерна за извѣстную цѣну въ Портъ-Артурѣ, по странному указанію хабаровскаго интенданта, которому было извѣстно, что Тифонтай соглашался на меньшую цѣну—былъ извѣщенъ, что цѣна ему повышена; пусть онъ де согласится на большую цѣну.

Объ этомъ, смѣясь и удивляясь, говорилъ тогда многимъ самъ Тифпнтай. Ужъ навѣрно не въ видѣ же невиннаго подарка отъ казны жертвовалъ ему (?) Надаровъ эту незаконную разницу!.. *).

Описанное уже изъ жизни тыла арміи на войнѣ характеризуетъ ярко начальника тыла, допускавшаго и скрывавшаго, какъ всю войну, такъ и послѣ нея болѣе двухъ лѣтъ такія сказочныя безобразія, хищенія, мошенничества, большія и маленькія.

Какъ могъ напримѣръ допускать Надаровъ эти, почти во-

---

*) Тифонтай въ «Нов. Вр.» заявилъ категорически, что этого не было; прося меня лично о напечатаніи такого своего опроверженія, онъ проговорился, что отрицать его принуждаетъ начальство...

Комментаріи излишни!

шедшіе въ обычай „доходы съ санитарныхъ поѣздовъ“? Коменданты санитарныхъ поѣздовъ закупали продукты для продажи ихъ въ Харбинѣ по высокой цѣнѣ.

Везли масло, вина, шампанское, лимоны и прочее. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣлые вагоны желѣза! Дѣло въ томъ, что изъ Россіи санитарные поѣзда ѣхали на востокъ пустыми за ранеными. Въ виду малаго количества поѣздовъ, которыхъ не хватало для подвоза продуктовъ первой необходимости, равно какъ и людей, рѣшено было воспользоваться этой возможностью изрѣдка для пользы общаго дѣла перевозить необходимые продукты и необходимыхъ людей. Но привозили продукты роскоши и баловства съ цѣлью ихъ дорогой перепродажи и наживы, для пользы личной и въ явный вредъ успѣхамъ дѣла.

Нѣкій капитанъ Кожинъ „любилъ“ въ бытность свою комендантомъ поѣзда провозить лимоны и шампанское, дабы перепродавать ихъ втридорога. Когда на ст. Манчжурія представители желѣзной дороги спросили, зачѣмъ онъ везетъ обнаруженный товаръ, комендантъ поѣзда отвѣтилъ, что не знаетъ, а послѣ неоффиціально предложилъ 200 руб., чтобы товаръ не арестовали.

У одного коменданта спросили, почему столько лимоновъ въ вашемъ поѣздѣ? Онъ отвѣтилъ, что везетъ ихъ по распоряженію дворянскаго отдѣла Краснаго Креста. Запрошенный отдѣлъ отвѣтилъ, что такого заказа не дѣлалъ... Ящики конфисковали и только!

Рядъ подобныхъ этимъ фактовъ послужилъ поводомъ къ тому, что было приказано представителямъ дороги и комендантамъ станцій тщательно осматривать... по-просту обыскивать вагоны всѣхъ санитарныхъ поѣздовъ, что было въ большой мѣрѣ оскорбительно для врачей, такъ какъ требовались документы и воякія оправдательныя свидѣтельства...

Вы также не знали, генералъ Надаровъ, о томъ, что генералъ Хлыновскій, вѣдавшій санитарной частью тыла по эвакуаціи больныхъ, занимался систематической скупкой по Сибири мяса, муки и другихъ предметовъ; мясо въ Омскѣ стоило по 2 р. за пудъ, а въ Иркутскѣ даже санитарные поѣзда покупали по 5 р. пудъ (самое меньшее). Такъ, ген. Хлыновскій, успѣшно закупая мясо въ Сибири, провозя его незаконно на санитарныхъ поѣздахъ или инымъ способомъ, имъ же, санитарамъ, продавалъ, дѣлая хорошія дѣла. Объ этомъ свидѣтельствуетъ врачъ, которому вполнѣ довѣряю, врачъ, самъ ѣздившій съ санитарнымм поѣздами.

Результаты провозки припасовъ въ санитарныхъ поѣздахъ были еще и тѣ, что вагоны, пропыленные, грязные требовали чистки. Это сильно задерживало нагрузку на нихъ раненыхъ, а съ другой стороны, это не было гигіенично съ санитарной точки зрѣнія... Объ этомъ возбуждалось слѣдствіе, но... заглохло...

Но Надарову Хлыновскій извѣстенъ не однимъ этимъ, а хотя бы и постройкой бараковъ для больныхъ въ нѣсколько тысячъ, бараковъ, стоившихъ очень дорого; бараки дождь и вѣтеръ снесли въ рѣку; тогда генералъ Треповъ только выругался и тѣмъ дѣло кончилось.

А пропадавшіе поѣзда?.. А спаленные склады на милліоны рублей, стотысячные неоправданные авансы? Безумная картежная игра съ проигрываніемъ казенныхъ суммъ? Развратъ всѣхъ видовъ и ранговъ? — Это все было хорошо извѣстно генералу Надарову, лично ежедневно дѣлавшему по всему этому десятки, а можетъ быть и сотни распоряженій, тѣмъ не менѣе...

Тѣмъ не менѣе Надаровъ занимаетъ постъ иркутскаго генералъ-губернатора!.. Для него не ново все, о чемъ я говорю; онъ находитъ здѣсь знакомыя имена, знакомыя лица и дѣла... Они воскресаютъ въ его памяти, но ему, успокоенному, что за два года, навѣрно, уже ничего не всплыветъ, придется горько разочароваться.

XVI.

Результаты огласки.

По поводу появившихся въ газетахъ замѣтокъ о томъ, что военныя власти экстренно приступили къ разслѣдованію оглашаемыхъ дѣйствій интендантства въ послѣднюю войну и о командированіи особыхъ лицъ въ Иркутскъ для послѣдняго разслѣдованія, мною получено отъ одного лично мнѣ извѣстнаго офицера интересное письмо, изъ котораго приведу выдержку.

„Результаты вашихъ статей уже сказались.

Въ г. Иркутскъ отправляются 3 начальника отдѣленій интендантскаго управленія. Если принять во вниманіе, что для предварительнаго разслѣдованія хищеній на Забайкальской желѣзной дорогѣ въ г. Иркутскъ была командирована междувѣдомственная комиссія, то можно опасаться, что гг. ревизоры главнаго интендантскаго управленія будутъ встрѣчать при разборѣ дѣла пре-

пятствія чисто психическаго и этическаго характера. Дѣло въ томъ что виновные чины интендантства при всѣхъ своихъ, иногда чрезвычайно смѣлыхъ, „операціяхъ“, прикрывались властью главнаго начальника тыла, или властью главнаго интенданта. Можно положительно утверждать, что почти на каждомъ шагу ревизорамъ будутъ указаны то резолюціи начальника тыла генерала Надарова, то разрѣшительныя телеграммы главнаго интенданта генерала Ростковскаго. Ну, представьте себѣ теперь положеніе любого изъ гг. ревизоровъ, который, открывъ злоупотребленіе, увидитъ, что разрѣшительная телеграмма главнаго интенданта была имъ же самимъ составлена и представлена для подписи главному интенданту, конечно, не изъ-за халатности или небрежности, а исключительно только по незнанію обстоятельствъ дѣла, тщательно скрываемыхъ отъ высшаго начальства „героями тыла“. (Необходимо только припомнить историческую резолюцію генерала Парчевскаго: „Составить докладъ безъ справокъ“).

„Что сдѣлаетъ ревизоръ, если онъ откроетъ подобный фактъ, который вѣдь весьма возможенъ? По законамъ психологіи онъ обойдетъ его молчаніемъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ создастъ возможность обвинить себя самого въ недосмотрѣ, если не больше.

„Кромѣ того, не нужно забывать, что, какъ у гг. врачей, присяжныхъ повѣренныхъ и тому подобныхъ членовъ извѣстной корпораціи, существуетъ своя этика. — Такъ напримѣръ, если больного уже лечитъ одинъ врачъ и ближніе потомъ обращаются къ другому, то корпоративная этика не позволяетъ подвести коллегу, т. е. открыть его ошибки, происшедшія или отъ незнанія или отъ преступной небрежности.

„Легко себѣ представить, какъ „герои тыла“ будутъ ухаживать за гг. ревизорами, въ какихъ трогательныхъ выраженіяхъ они будутъ просить о защитѣ корпоративной чести, т. е. объ обѣленіи ихъ, указывая на извѣстную милую поговорку. „Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ“...

„Къ сожалѣнію, вина „героевъ тыла“ передъ родиной и Богомъ слишкомъ велика... Правда не доходила до родины ни изъ Портъ-Артура, ни изъ „современнаго Вавилона“ — Харбина. Я вспоминаю приведенныя нами слова офицера, что армія, видя и зная всѣ эти злоупотребленія, теряла весь энтузіазмъ, весь благородный порывъ жертвовать собою для славы родины.

„Господа ревизоры, узнайте правду, узнайте и разскажите, почему солдатъ кормили негодной мукой, лошадей — гнилымъ сѣ-

номъ и почему наша доблестная армія не получала своевременно одежды и должна была кутаться въ китайскіе халаты къ хохоту японцевъ и всего міра, въ то время, когда спиртъ и предметы роскоши свободно доходили до Харбина цѣлыми поѣздами.

„Кто виноватъ въ этомъ позорѣ? Публика и армія это знаютъ, но „Русскій Инвалидъ“ дѣлаетъ видъ, что вами руководитъ не желаніе служить правдѣ, не желаніе искоренить зло, чтобы наконецъ-то для родины былъ невозможенъ позоръ и пораженіе, а что будто въ вашихъ статьяхъ „муть“...

Не посовѣтуетъ-ли столь вліятельный органъ, какъ „Русскій Инвалидъ“, послать въ г. Иркутскъ не чисто интендантскихъ ревизоровъ, а такую же междувѣдомственную комиссію, какая ревизуетъ теперь Забайкальскую желѣзную дорогу? И не посовѣтуетъ ли почтенная газета начать ревизію съ документовъ, имѣющихся въ г. С.-Петербургѣ во временной ревизіонной комиссіи?

„По моему глубокому убѣжденію дѣло столь важнаго общественнаго и государственнаго значенія не можетъ быть разслѣдовано келейно, одними интендантами, а только совмѣстно съ чинами контроля и военно-судебнаго вѣдомства, которые стоятъ на стражѣ интересовъ казны“.

Конечно, необходимо назначеніе особой комиссіи для разслѣдованія всѣхъ разсказанныхъ мною, кажущихся невѣроятными, преступленій чиновъ интендантства; оглашаемою мною — лишь ничтожная часть дѣйствительности, которую обнаружить можетъ только судъ, владѣющій такой возможностью всесторонняго разслѣдованія, какою не можетъ владѣть одно лицо.

Важно, чтобы комиссія заключала въ себѣ сенаторовъ-юристовъ, компетентныхъ въ оцѣнкѣ договоровъ, на основаніи которыхъ израсходованы милліардныя суммы. И особенно важно, чтобы во главѣ Комиссіи не стояли члены интендантства, такъ какъ какой же смыслъ себя самихъ контролировать?

P. S: Въ дополненіе къ статьѣ объ „Интендантскомъ городкѣ“, въ виду выраженныхъ мнѣ сомнѣній по поводу сказаннаго о Соколѣ, привожу документъ, не требующій большихъ разъясненій:

Приказаніе по главному интендантскому управленію.
С.-Петербургъ, 28 Февраля 1907 г. № 42.

Штабъ-офицеръ для особыхъ порученій при главномъ интендантскомъ управленіи, полковникъ Ретивовъ, командируется въ

города Кременчугъ и Кіевъ для производства дознанія по дѣлу о перекупкѣ ячменя полковникомъ Соколомъ въ бытность его главнымъ смотрителемъ харбинскихъ продовольственныхъ заведеній у полковника Мочало, съ производствомъ ему суточныхъ денегъ со дня выѣзда изъ Петербурга въ означенную командировку и по день возвращенія обратно по 2 р. 85 к. въ сутки.

XVIII.

Таинственное исчезновеніе поѣздовъ.

У Конанъ-Дойля есть бульварный уголовный романъ „Пропавшій поѣздъ". Тамъ описывается, какъ экспрессъ, вышедшій изъ одной станціи, на другую не дошелъ и его не могли найти на всей линіи. Послѣ оказалось, что по заранѣе приготовленному подъѣздному пути поѣздъ былъ подведенъ къ краю пропасти, куда, ринувшись съ полнаго хода, разбился въ прахъ.

Фантастическая и совершенно невѣроятная фабула этого романа блѣднѣетъ передъ изумительными продѣлками съ отправлявшимися на войну товарными вагонами и цѣлыми поѣздами съ дорогими казенными грузами.

Одинъ поѣздъ, отправленный спѣшно въ Харбинъ съ госпитальными вещами, очень нужными въ арміи, гдѣ огромное количество раненыхъ требовало быстрыхъ доставокъ госпитальныхъ и медицинскихъ принадлежностей, и еще кромѣ госпитальныхъ вещей груженый бунтовыми и вьючными брезентами—исчезъ.

О поѣздѣ послѣ Омска свѣдѣнія вдругъ терялись. Тщетно посылались телеграммы за телеграммами по станціямъ; не удавалось нигдѣ обнаружить существованія поѣзда.

Въ окружномъ интендантскомъ управленіи по этому вопросу скопилась любопытная и немалая переписка, состоящая изъ телеграммъ, донесеній, докладовъ, запросовъ и проч.

И эта куча бумагъ—все, что осталось отъ таинственно исчезнувшаго поѣзда!

Управленіе запрашивало генерала Парчевскаго, требуя оправдательныхъ документовъ по дѣлу пропажи поѣзда, или же свѣдѣній о мѣстонахожденіи поѣзда. Парчевскій отвѣчалъ, что ничего не можетъ дать и свѣдѣній о поѣздѣ не имѣетъ. Не имѣлъ свѣдѣній о поѣздѣ также и генералъ Надаровъ.

Поѣзда такъ и не нашли, а дѣло о его пропажѣ „замяли".

Но одинъ поѣздъ это еще не такъ много!..

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1906 года дѣйствительному статскому совѣтнику Калтановскому было поручено совмѣстно съ агентомъ дороги разыскать ни болѣе ни менѣе какъ 6,000 пропавшихъ вагоновъ!.. Вагоны не прибыли, какъ то надлежало, въ Харбинъ, куда были отправлены...

Найдены были только 5,000 вагоновъ, но, говорятъ, безъ товара... Не удалось мнѣ установить точно, куда дѣлся товаръ: былъ ли онъ „сожженъ“ „въ виду приближенія непріятеля“, или просто распроданъ чинами, или же разграбленъ ворами...

Шестую тысячу вагоновъ разыскивалъ генералъ Губеръ еще зимою 1906—1907 года, но безрезультатно.

Не знаю, извѣстно ли генералу Надарову, начальнику тыла, объ этихъ таинственныхъ исчезновеніяхъ; во всякомъ случаѣ, ему не могли не доносить о такихъ крупныхъ пропажахъ...

Я не знаю также, извѣстно ли генералу Надарову, почему именно не было возбуждено уголовнаго преслѣдованія противъ соотвѣтствующихъ чиновъ вѣдомствъ послѣ того, какъ „отыскалась“ часть вагоновъ!..

Я не знаю также, извѣстно ли начальку тыла, куда собственно исчезали вагоны и поѣзда? Мнѣ говорятъ, что были особые тупики, куда загонялись вагоны, перекрашивались (ставили другую дорогу, другой номеръ, другое клеймо) и отправлялись дальше, гдѣ содержимое и продавалось частнымъ лицамъ „за ненахожденіемъ владѣльцевъ“... Ревизоръ станціоннаго счетоводства при управленіи Забайкальской желѣзной дороги г. Цѣхановскій передаетъ, что на слѣдъ подобныхъ продѣлокъ онъ напалъ между прочимъ на станціи „Манчжурія“. Еще такіе же тупики находились на станціи Иннокентьевская.

Мнѣ передавали, что иногда вагоны просто напросто перегружались, и товары мѣняли владѣльцевъ, изъ коихъ одинъ оставался конечно очень недоволенъ, другой же весьма выигрывалъ.

Мнѣ передавали, наконецъ, что вслѣдствіе соглашенія извѣстныхъ лицъ, прикосновенныхъ къ движенію поѣздовъ и заинтересованныхъ въ ихъ исчезновеніи, удерживалась аккуратно

---

*) «Товарищъ 1-го Сентября № 360». Комиссія при главномъ интендантствѣ, разсмотрѣвъ отчетность по израсходованію суммъ по интендантству во время русско-японской войны сдѣлала уже начетъ на генерала Надарова въ полмилліона рублей.

извѣстная часть вагоновъ для надобностей частныхъ предпринимателей, удерживалась и распродавалась.

Можетъ быть, генераламъ Надарову и Парчевскому извѣстно, какая изъ этихъ версій вѣрнѣе? Любопытно, что выяснитъ судъ?...

Спѣшная „ревизія“).*

„Герои тыла“ Ф. Купчинскаго, какъ и слѣдовало ожидать, вызвали необходимость разслѣдовать милліонныя растраты и хищенія, произведенныя въ тылу арміи за послѣднюю войну. Въ Иркутскъ отправляется генералъ Ростковскій, главный интендантъ.

Странно, что разслѣдованіе поручено лицу, которое состояло во главѣ того вѣдомства, гдѣ происходили хищенія; и которое само отвѣтственно за то, что дѣянія эти оставались до сихъ поръ не раскрытыми.

Какъ бы ни были на дѣлѣ независимы члены посылаемой комиссіи ген. Ростковскаго, но родственныя и дружескія отношенія между ними не составляютъ никакой тайны. Нельзя, немыслимо обставлять „семейно“ это разслѣдованіе, когда рѣчь идетъ о сотняхъ народныхъ милліоновъ, о деньгахъ, потомъ и кровью нашего крестьянства добытыхъ, на нужды этой пагубной войны...

Нужна междувѣдомственная комиссія, безъ участія высшихъ чиновниковъ интендантства, съ юристами и безупречнымъ компетентнымъ лицомъ во главѣ.

Какъ бы ни былъ добросовѣстенъ ген. Ростковскій, по возвращеніи его встрѣтитъ здѣсь и вездѣ по Россіи подозрѣніе, что матеріалъ для суда, приготовленный начальникомъ скомпрометированнаго вѣдомства, намѣренно облѣдненъ въ понятныхъ цѣляхъ собственной реабилитаціи. Разслѣдованіе настоящее, каковое и необходимо, въ подобномъ случаѣ можетъ быть произведено лишь лицами, ни въ какой мѣрѣ не заинтересованными въ обѣленіи виновныхъ.

И это должно быть именно такъ?

Если мы имѣли гражданское мужество пережить разоблаченія Мукдена, Артура и Цусимы, будемъ имѣть мужество пережить и это исцѣляющее оглашеніе пораженій Россіи отъ своихъ же въ тылу „героями“ тыла.

---

*) Нижеслѣдующая передовая статья была въ соотвѣтствующемъ номерѣ помѣщена въ «Руси».

И будемъ вѣрить, надѣяться, ждать, что результаты оглашенія этихъ пораженій принесутъ то необходимое рвеніе очиститься отъ скверны, которое одно уже значительно выровнитъ пути къ новому.

Пусть гласно приступитъ особая междувѣдомственная комиссія къ строжайшему разслѣдованію нынѣ оглашенныхъ позорнѣйшихъ преступленій.

Начетъ въ полъмилліона на ген. Надарова.

XIX.

Въ № 360 газеты „Товарищъ“ появилась замѣтка о произведенномъ на генерала Надарова начетѣ на полъмилліона. Это, конечно уже „что-нибудь“, но думаю, что начетъ этотъ незначителенъ по сравненію съ тѣми суммами, въ которыя обошелся государству генералъ Надаровъ. Есть положительныя свѣдѣнія, что генералъ Надаровъ не представилъ еще до сихъ поръ оправдательныхъ документовъ на нѣсколько милліоновъ еще съ Китайской „кампаніи“.

Слѣдуетъ придать особое значеніе этому *).

Почему теперь черезъ два года, когда печать заговорила о жизни въ тылу арміи, почему теперь дѣлается этотъ начетъ на суммы, расходованныя въ японскую войну, тогда какъ неоправданные милліоны съ войны китайской преданы забвенію?

А операція съ мукомолами?

Отчего за нее остались безотвѣтственны главный виновникъ Надаровъ и помощникъ—Парчевскій?

Эта продѣлка заключалась въ слѣдующемъ:

Харбинскимъ мукомоламъ былъ отданъ въ 1904 г. перемолъ зерна въ муку за извѣстную сумму съ пуда (не лишнее добавить, что мельницы сихъ мукомоловъ выросли на казенныя деньги, данныя въ видѣ авансовъ въ счетъ денегъ за будущій перемолъ; такъ что интендантство могло смѣло выстроить мельницы собственныя за свои казенныя деньги).

Въ началѣ 1905 г. въ періодъ Мукденскихъ кровопролитныхъ пораженій, когда вниманіе всѣхъ почти всецѣло поглощалось потрясающими извѣстіями объ новой великой неудачѣ на-

---

*) Генералъ Надаровъ отрицаетъ этотъ начетъ; я имѣю свѣдѣнія, что онъ былъ произведенъ; обстоятельства дальнѣйшаго теченія дѣла, конечно, выяснятъ, былъ-ли начетъ, правиленъ-ли онъ, если былъ и правильно-ли, если не былъ.

шего оружія, кто-то надоумилъ мукомоловъ заявить, что при взятой ими цѣнѣ за пудъ перемола, они *якобы* понесли убытокъ въ 1904 году на 1.500,000 рублей.

Генералъ Парчевскій отнесся къ этому заявленію очень одобрительно, къ слову сказать о немъ заранѣе уже поговаривали, и по поводу него кое что порѣшили съ кѣмъ слѣдуетъ.

Запросили заключеніе главнаго контролера; тотъ почему то тоже далъ благопріятное заключеніе.

Тогда отъ имени Парчевскаго, Надарову былъ составленъ докладъ съ заключеніемъ справедливости заявленій мукомоловъ объ убыткѣ и о возмѣщеніи имъ такового въ суммѣ $1^1/_2$ милліона рублей.

Надаровъ утвердилъ.

Полтора милліона были выданы мукомоламъ и вслѣдъ за этимъ непосредственно г-жѣ Надаровой „въ пользу увѣчныхъ, раненыхъ и больныхъ воиновъ“ поступило отъ этихъ харбинскихъ мукомоловъ „пожертвованіе“ въ 15,000 рублей.

Г-жа Надарова, дѣйствительно была предсѣдательницей дамскаго кружка Краснаго Креста. Но скажите же, генералъ Надаровъ, почему „законное“ желаніе мукомоловъ, ежели оно было дѣйствительно законно, почему оно натолкнуло мукомоловъ на такое крупное пожертвованіе и притомъ столь демонстративное? Его недаромъ называли только „поплавкомъ“, по которому можно догадаться о другомъ болѣе скрытомъ, но и болѣе существенномъ.

XX.

Посылка ген. Ростковскаго.

Для разслѣдованія злоупотребленій интендантства посылается въ Иркутскъ главный интендантъ генер. Ростковскій во главѣ небольшой слѣдственной комиссіи.

Комиссія выѣзжаетъ 6 сентября.

Кромѣ Ростковскаго въ составъ комиссіи входятъ:

Племянникъ Ростковскаго начальникъ 1-го вещевого отдѣла главнаго интендантскаго управленія полковникъ Маркевичъ, коллежскій совѣтникъ Райнш, очень близкій знакомый Ростковскаго, выписанный главнымъ интендантомъ изъ Москвы и прикомандированный къ провѣрочной комиссіи. Тоже близкій къ Ростковскому человѣкъ, подполковникъ Лаврентьевъ.

Такимъ образомъ разслѣдованіе важныхъ преступленій, въ коихъ замѣшано множество чиновъ вѣдомства, не только поручено начальнику этого самаго вѣдомства, но и его близкимъ людямъ, подъ его начальствомъ.

Безъ сомнѣнія въ это дѣло можетъ внести дѣйствительный и яркій свѣтъ только междувѣдомственная комиссія во главѣ съ сенаторами, опытными въ разслѣдованіи подобныхъ сложныхъ и запутанныхъ операцій.

Мелочь *).

Передовая ст. газ. «Русь», № 234.

Мы печатаемъ сегодня рядомъ письмо главнаго интенданта ген. Ростковскаго и новое повѣствованіе г. Купчинскаго объ интендантскихъ подвигахъ — на этотъ разъ полковника, теперь генералъ-маіора Ухачъ-Огоровича.

Не можемъ не выразить своего удивленія. О правильной отчетности заботы въ интендантскомъ вѣдомствѣ заботы прилагаются, а о правильности дѣйствій подотчетныхъ людей согласно этимъ отчетамъ — заботъ въ предѣлахъ того же самаго интендантскаго вѣдомства нѣтъ никакихъ!!

Почему такое безучастіе къ народнымъ интересамъ, какъ и къ интересамъ самого вѣдомства? Какъ можетъ это быть?

Ген. Ростковскій говоритъ, что его дѣломъ и отвѣтственностью было — исполненіе требованій главнокомандующаго по заготовкамъ въ Евр. Россіи и до Байкала, а далѣе отвѣтственны мѣстныя власти полевого управленія арміей.

Ну а пропавшіе поѣзда — всѣ двинулись со станціей послѣ Байкала? Неужели ни одинъ такой летучій голландецъ не попалъ станціей своего отправленія внутрь этого раіона отъ Варшавы до Байкала?!

Насъ изумляетъ вотъ что еще. Какъ о столь изумительныхъ дѣяніяхъ въ глубокомъ тылу арміи знаетъ военный корреспондентъ, въ этомъ тылу бывшій во время войны лишь наѣздами, и о нихъ повидимому — мы въ этомъ сомнѣваться не можемъ послѣ дышущаго такимъ сознаніемъ правоты письма ген. Ростковскаго — совсѣмъ не зналъ ген. Ростковскій?! Иначе онъ нравственно обязанъ былъ бы давнымъ давно поднять эти вопіющія дѣла и вызвать ихъразслѣдованіе.

Вѣдь къ этому въ его рукахъ такая огромная власть такая *исключительная* власть!!.

И вотъ подите же!! Разслѣдываетъ эти дѣла военный корреспондентъ, а все интендантское вѣдомство, все военное министерство о нихъ и не вѣдаетъ.

Не его это дѣло!! Мы—до Байкала, а мы—отъ Байкала! Но г. Редигеръ, есть же въ военномъ вѣдомствѣ люди, которымъ должны быть интересны дѣла военнаго хозяйства и до Байкала и послѣ Байкала?! Неправда-ли?

Вѣдь офицерскій мундиръ за Байкаломъ не иной, чѣмъ до Байкала. И это помнить, казалось бы, было такъ естественно даже и въ такомъ пустякѣ, когда человѣкъ пишетъ письмо въ редакцію.

Письмо въ редакцію.
4 сентября, № 234.

М. Г. Въ помѣщенной въ послѣднемъ № 233 газеты „Русь“ статьѣ г. Купчинскаго „Герои тыла“ и въ замѣткѣ „Спѣшная ревизія“ говорится, что для разслѣдованія милліонныхъ растратъ и хищеній въ тылу арміи за послѣднюю войну посылается въ Иркутскъ главный интендантъ генералъ Ростковскій во главѣ небольшой слѣдственной комиссіи въ составѣ племянника его полковника Маркевича, коллежскаго совѣтника Райншъ, очень близкаго знакомаго Ростковскаго, и также близкаго человѣка Ростковскому подполковника Лаврентьева.

Эти сообщенія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, а именно: съ окончаніемъ послѣдней войны выяснилась необходимость устройства особаго иркутскаго военнаго округа, который и сформированъ согласно приказу по воен. вѣд. 12 мая № 292.

Округъ этотъ съ вновь устраиваемыми огромными складами, въ которые передается разнообразное, многочисленное и дорого стоящее имущество, оставшееся послѣ войны, требуетъ особаго вниманія и установленія правильной отчетности съ самаго начала. Все это дѣло вызываетъ массу вопросовъ, которые успѣшно могутъ быть разрѣшены только на мѣстѣ.

Въ видахъ всего сказаннаго я призналъ неоходимымъ лично отправиться въ Иркутскъ для выясненія на мѣстѣ назрѣвшихъ нуждъ, провѣрки правильнаго установленія дѣятельности Иркутскаго окружного интендантскаго управленія и мѣстныхъ интендантскихъ учрежденій.

Для успѣшнаго и возможно быстраго исполненія сказаннаго я командировалъ въ Иркутскъ: начальника вещевого отдѣленія

полковника Маркевича, начальника обознаго отдѣленія полковника Эльснера, коллежскаго совѣтника Райнцъ и изъ Московскаго интендантства начальника счетнаго отдѣла подполковника Никольскаго.

Что касается сопоставленія разслѣдованія злоупотребленій въ тылу армій съ моей поѣздкой въ Иркутскъ, то это простое недоразумѣніе.

Всѣ учрежденія и управленія интендантства тыла арміи въ послѣднюю войну не подлежали вѣдѣнію главнаго интенданта военнаго министерства, они подчинены были мѣстнымъ властямъ, полевого управленія арміей, и главный интендантъ военнаго министерства не имѣлъ права ни касаться распоряженій чиновъ тыла и дѣйствующей арміи, ни дѣлать какія-либо провѣрки; а вся обязанность его состояла въ исполненіи требованій главнокомандующаго по заготовкамъ въ предѣлахъ Европейской Россіи и Сибири до Байкала.

Поэтому и въ настоящее время мнѣ, какъ главному интенданту военнаго министерства, не подлежитъ разборъ дѣйствій, о которыхъ упоминаетъ г. Купчинскій. Всякія разслѣдованія и разборъ хищеній и растратъ подлежитъ судебной власти.

Поѣздка моя въ Иркутскъ намѣчена по указанію военнаго министра еще весною текущаго года и никакой связи съ разоблаченіями г. Купчинскаго не имѣетъ. Командируемыя выше упомянутыя лица никакой комиссіи не составляютъ и никакой провѣрки дѣятельности тыловыхъ учрежденій дѣлать не будутъ.

Въ заключеніе могу согласиться съ заявленіемъ газ. „Русь“, что для разбора подобныхъ дѣлъ быть можетъ была бы совершенно умѣстной междувѣдомственная коммиссія, роль которой я на себя никоимъ образомъ не бралъ и не беру.

Кстати, маленькая поправка въ статьѣ „Геров тыла“: полковникъ Маркевичъ въ родствѣ ни со мною, ни съ моею женою не состоитъ. Знаю я его и всѣхъ выше перечисленныхъ мною лицъ, равно и подполковника Лаврентьева, который въ Иркутскъ не ѣдетъ, какъ отличныхъ, добросовѣстныхъ, честныхъ служакъ, относящихся къ дѣлу самымъ лучшимъ образомъ.

Ф. Ростковскій.

XXI.

Генералъ Ухачъ-Огоровичъ.)*

Среди видныхъ, ярко отличившихся „героевъ“ тыла, это настолько замѣчательный и любопытный „герой“, что въ тылу даже часть фамиліи его стала нарицательной, и людей, похожихъ по складу натуры на этого генерала, звали „ухачами“. Были „ухачи“ большіе, были и „ухачи“ малые.

Но надо отдать генералу Ухачу-Огоровичу справедливость, что мало кто могъ сравниться съ нимъ по величинѣ и качеству подвиговъ, особенность которыхъ была та, что они отличались большимъ индивидуализмомъ, такъ какъ большой индивидуалистъ былъ ихъ авторъ, тогда полковникъ генеральнаго штаба, нынѣ генералъ-маіоръ Ухачъ-Огоровичъ.

Этотъ человѣкъ, фамилію котораго никто до сихъ поръ не зналъ, сразу выростетъ въ глазахъ читателей, какъ бы окружась нѣкоторымъ обаяніемъ, если я скажу, что въ продолженіе войны черезъ его руки прошло не болѣе не менѣе, какъ 16 милліоновъ рублей денегъ!..

Онъ получалъ, въ бытность свою въ тылу начальникомъ транспортовъ арміи, огромные авансы до 800,000—900,000 р. попросту на руки кредитными билетами; а на рукахъ постоянныхъ авансовъ у него бывало не менѣе одного милліона наличными и болѣе **).

Только на войнѣ люди могли видѣть и даже имѣть въ своемъ распоряженіи такія колоссальныя суммы. Отъ такихъ огромныхъ суммъ „соскрести“ было такъ легко, и потому понятно, что требовалась рѣдкая исключительная честность для добросовѣстныхъ прикосновеній къ этимъ большимъ деньгамъ.

Ухача-Огоровича очень сильно возвеличивало то обстоятельство, что такъ много всесильныхъ, могущественныхъ денегъ поручалось его единоличному распоряженію, подъ отчетъ правда, но мы увидимъ сейчасъ, какая это была нестрашная штука:—отчетъ!

Ухачу-Огоровичу очень было пріятно, когда о немъ говорили, что вотъ опъ, Ухачъ-Огоровичъ, получаетъ на руку не болѣе не

---

*) Увольняется отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, по генеральному штабу бывшій начальникъ транспортовъ 1-й Манчжурской арміи, ген.-маіоръ Ухачъ-Огоровичъ—съ мундиромъ и съ пенсіею.

**) Генералъ Ухачъ-Огоровичъ въ своемъ возраженіи заявляетъ что авансъ имъ получались по нѣсколько милліоновъ, а своимъ подчиненнымъ онъ самъ выдавалъ по *два* милліона авансовъ... Интересное дополненіе.

менѣе, какъ 800,000 рублей, а такъ какъ 200,000 еще осталось неоправданныхъ, то у него на рукахъ цѣлый милліонъ.

Навѣрно онъ личность незаурядная, если ему поручаютъ такія деньги! И Ухачъ-Огоровичъ просилъ, чтобы его снялъ фотографъ въ тотъ моментъ, когда онъ получаетъ милліонъ.

„Милліонъ“ — это огромный ящикъ, величиной съ добрый письменный столъ; въ немъ туго связанными пачками лежатъ кредитки всѣхъ сортовъ, начиная отъ пятисотенныхъ и кончая трехрублевками.

„Полковникъ генеральнаго штаба Ухачъ-Огоровичъ и милліонъ рублей!“ — просилъ онъ написать подъ фотографіей и очень хлопоталъ, чтобы она попала въ какой-нибудь журналъ; если я не ошибаюсь, его желаніе было дѣйствительно исполнено, и онъ запечатлѣнъ былъ съ милліономъ руб. въ какомъ-то журналѣ.

Въ началѣ мая 1904 года въ предположеніи отступленія отъ Ляояна Ухачу-Огоровичу, занимавшему должность начальника транспортовъ арміи, было поручено доставить 2,000 повозокъ для 20 транспортовъ, необходимыхъ для перевозки запасовъ.

Это лѣто для Ухача-Огоровича было исключительное; за четыре лѣтнихъ мѣсяца чрезъ его руки прошло 8 милліоновъ рублей.

Посмотримъ же, какъ онъ распоряжался этими колоссальными суммами; разскажу поучительную исторію о заготовкѣ транспортовъ. Это лишь одно изъ многихъ, поручавшихся ему всю войну, дѣлъ; потому какъ имъ была исполнена эта задача, можно судить и объ иныхъ.

Будучи начальникомъ транспортовъ, отвѣтственность онъ несъ не малую.

Вмѣсто законныхъ 2,000 транспортовъ Ухачъ-Огоровичъ приготовилъ всего 1,500.

Справочная цѣна на арбы съ тремя лошадьми была сперва 400—500 р.; позже же она дошла до 700 рублей.

Арбы раздобывались по сосѣдству, и съ хозяевами ихъ Ухачъ-Огоровичъ долженъ былъ расплачиваться ежедневно изъ авансовыхъ суммъ, расписки китайцевъ въ уплатѣ имъ денегъ вшивались въ дѣло, которое поступало въ контроль, ставившій штемпеля объ уплатѣ и ихъ провѣркѣ, для пополненія на другой же день израсходованныхъ суммъ. Расписки представлялись на китайскомъ языкѣ и по поводу нихъ бывало не мало разговоровъ и недомолвокъ съ тѣми, кому по долгу службы надлежало ихъ

просматривать, провѣрять и накладывать пропускные штемпеля.

Однажды провѣрявшій китайскія записки Ухача-Огоровича чиновникъ наткнулся на странное поразившее его недоразумѣніе. Цѣлая серія расписокъ была выдана на меньшія суммы, чѣмъ оговаривалось. Скажемъ по распискѣ NN по русски написано „выдано такому-то китайцу столько-то“, при переводѣ китайскаго текста сумма оказывалась меньшей на 10 руб.

Попросили объясненія Ухача-Огоровича, послѣ того какъ такія „неточности“ стали повторяться изо-дня въ день.

Ухачъ-Огоровичъ много сердился и упрекалъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ чиновниковъ за то, что они не даютъ ему возможности успѣшно заготовлять, портя общее дѣло. Десятирублевыя разницы участились, и по этому вопросу кажется, послѣ личнаго ходатайства генерала Забѣлина, начальника ближайшаго тыла, начальника военныхъ сообщеній (человѣка, между прочимъ, очень порядочнаго) и послѣ всяческихъ разговоровъ съ соотвѣтствующими лицами самого Ухача-Огоровича — начаты были съ послѣднимъ споры.

Ухачъ-Огоровичъ оправдался тѣмъ, что заявилъ, что долженъ давать по 10 рублей каждому китайцу, привозящему арбу хоть бы только напоказъ, для того чтобы оцѣнить ея пригодность.

Тѣмъ не менѣе послѣ разрѣшенія — „десятирублевки“ прекратились... что уже совсѣмъ странно.

Арбы, купленныя Ухачемъ-Огоровичемъ, осматривались особой пріемной комиссіей съ представителями контроля.

Комиссія на площади, гдѣ длинной вереницей медленно проходили закупленныя арбы, осматривала ихъ довольно бѣгло.

На осмотръ каждой арбы надо было затратить, въ виду малаго количества времени, не болѣе минуты, а то и мѣнѣе; нужно бывало въ день осмотрѣть не менѣе 200 арбъ.

Часто пропускались арбы, никуда негодныя.

Лошади были очень плохи...

Иногда кто-нибудь изъ комиссіи указывалъ, что лошади не годны; ихъ тутъ же выпрягали, но послѣ... незамѣтно впрягали вновь сзади и лошадь тоже снова осматривали и — если не проходила во второй разъ благополучно, то проходила благополучно въ третій и четвертый разы.

При первыхъ случаяхъ пользованія арбами, онѣ оказались очень плохими; лошади были измучены, жалки и безсильны и арбы стары и негодны.

Черезъ мѣсяцъ послѣ пріемки самъ Куропаткинъ, находясь въ Дашичао, обратилъ вниманіе, что въ арбахъ лошади безсильны, почему ничтожна грузоподъемность арбъ. Было обвинено ближайшее начальство, пропускавшее арбы.

Недовольный Куропаткинъ приказалъ разслѣдовать. Были по его приказанію образованы двѣ особыя комиссіи; въ одну вошелъ полковникъ Сиреніусъ, въ другую генералъ фонъ-деръ-Бринкенъ; комиссіи должны были выяснить степень безнадежности закупленныхъ транспортовъ.

Результаты изслѣдованія комиссіи были таковы:

Громадная часть лошадей была признана настолько негодными, что было приказано немедленно прекратить выдачу имъ фуража и перепродать за безцѣнокъ китайцамъ на кости и кожу по 2—3—5 рублей (казнѣ лошади стоили 120—200 руб.), 25 проц. лошадей малогодныхъ было приказано поставить на подкормку.

Тѣмъ не менѣе никакихъ взысканій не было... Ходили слухи, что члены комиссіи „за работу“ получали 40 руб. съ арбы; много странныхъ симптомовъ почти подтвердили эти слухи.

Вотъ еще небольшія иллюстраціи къ этой покупкѣ транспортовъ, стоившихъ милліоны и оказавшихся негодными.

Назначается туда совершенно неопытный контролеръ и застаетъ, что командированная Ухачомъ-Огоровичемъ комиссія изъ 2-хъ лицъ (tres fiunt collegiums—это дѣйствуетъ и въ нашихъ законодательствахъ!) изъ служащихъ его же управленія уже закупила лошадей. Оказывается лошади куплены у китайцевъ съ возложеніемъ на нихъ обязанности доставить въ Ляоянъ.

Въ виду же полученнаго распоряженія отправить ихъ по желѣзной дорогѣ, контролеръ не согласился на такой расходъ.

Военный чиновникъ согласился на уменьшеніе расхода по всей покупкѣ на 90,000 рублей, который, какъ онъ утверждаетъ, онъ получитъ обратно отъ проданныхъ лошадей китайцевъ (?!).

Ухачъ-Огоровичъ нашелъ, что его чиновникъ за такое сохраненіе казенныхъ денегъ долженъ быть награжденъ орденомъ!

Ну, а самъ Ухачъ-Огоровичъ?.. Впрочемъ, онъ награду получилъ, такъ какъ произведенъ изъ полковниковъ въ генералы.

Интересно, что до ляоянскаго сраженія, т. е. лѣтомъ 1904 года, казенными транспортами Ухача-Огоровича не пользовались почти совсѣмъ. Отчасти, вслѣдствіе непригодности лошадей, а отчасти... вслѣдствіе экономіи фуража... За этимъ послѣднимъ уже слѣдилъ самъ Ухачъ-Огоровичъ.

И вотъ какъ онъ слѣдилъ.

„За недостаткомъ“ казенныхъ транспортовъ (прокормъ однихъ негодныхъ лошадей стоилъ 8,000 рублей въ день)—онъ нанималъ „вольнонаемные транспорты“, которые ставились имъ въ счетъ.

На негодныхъ же транспортахъ очевидно дѣлалась г. Ухачемъ солидная экономія!

— Что же ген. Забѣлинъ?.. – спроситъ читатель.

Онъ въ полномъ смыслѣ слова былъ „опутанъ“ Ухачемъ-Огоровичемъ.

По закону начальникъ транспортовъ, каковымъ былъ Ухачъ-Огоровичъ, долженъ доносить обо всѣхъ движеніяхъ транспортовъ начальнику военныхъ сообщеній и главному полевому контролеру.

По закону каждый представитель полевого контроля имѣетъ право провѣрять дѣятельность транспортовъ, останавливать повозки для осмотра, нѣтъ ли на нихъ частныхъ грузовъ; Ухачъ-Огоровичъ не разрѣшалъ осмотра, заявляя, что „частныя лица, не военныя, не могутъ знать военныхъ секретовъ“...

Если вообще распоряженія милліонами Ухачъ-Огоровича являлись военнымъ секретомъ, то меня могутъ смѣло привлечь къ отвѣтственности за оглашеніе военныхъ секретовъ!..

Еще къ характеристикѣ дѣлъ съ транспортомъ могу дополнить, что въ 1904 году почти не пользовались казеннымъ транспортомъ, это видно изъ счетовъ вольнонаемныхъ транспортовъ, равно какъ и по направленіямъ ихъ движенія, что можетъ быть доказано.

Около 30 начальниковъ транспортовъ (5 транспортовъ составляютъ обозный баталіонъ)—„отличались“ тѣмъ, что всѣ имѣли большія деньги.

Ихъ называли маленькими Ухачами!

Не правда ли характерно?

XXI

Отвѣтъ генералу Ростковскому.

Нѣсколько лѣтъ стоящій во главѣ интендантства генералъ Ростковскій заявляетъ печатно, что его не касаются злоупотребленія въ индендантствѣ во время войны, такъ какъ-де тыловое

индендантство состоитъ въ вѣдѣніи начальника тыла арміи и главнокомандующаго.

Такъ какъ теперь „тыла арміи“ нѣтъ и потому нѣтъ тылового интендантства, расформированнаго, но вошедшаго въ составъ окружного интендантства въ Иркутскѣ почти цѣликомъ, главный интендантъ генералъ Ростковскій юридически совершенно справедлнво заявилъ, что... „все это до него не касается“, но нѣтъ сомнѣнія, что если бы генералъ Ростковскій хотѣлъ, онъ могъ бы сдѣлать многое.

„Герои“ тыла обставлены, такимъ образомъ, въ смыслѣ безотвѣтственности очень удобно. Нѣтъ тыла и какъ будто нѣтъ также ихъ, тогда какъ они существуютъ, конечно, и уже теперь многіе подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Ростковскаго.

Если генералъ Ростковскій говоритъ, что „та сторона Байкала“ — „не въ его участкѣ“, то все-таки можетъ быть, если поискать по эту сторону Байкала, найдутся и эти „герои“, и новые!

Какъ поступитъ генералъ Ростковскій, ѣдущій въ Иркутскъ (вовсе не для разслѣдованія, помилуйте!—это совпаденіе и недоразумѣніе не больше!), съ тѣми, кто сейчасъ подъ его начальствомъ и о комъ я писалъ очень опредѣленно, напримѣръ, съ подполковникомъ Капелемъ?.. Нынѣ онъ начальникъ ликвидаціоннаго отдѣленія иркутскаго интендантскаго управленія, или же напримѣръ, съ чиновникомъ Алтуновымъ, нынѣ состоящимъ смотрителемъ главнаго провіантскаго магазина въ 7 верстахъ отъ Иркутска? Это тотъ самый Алтуновъ, о которомъ я говорилъ, что онъ не отбылъ ареста, наложеннаго за побитіе женщины; онъ крупно игралъ и велъ себя вообще очень видно и шумно.

Если Надаровъ, занимающій постъ степного генералъ-губернатора, почти неуязвимъ теперь, такъ какъ находится въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ, и неуязвимъ Парчевскій, нынѣ начальникъ резервной бригады въ Варшавѣ, то уязвимы же прочіе, продолжающіе служить въ вѣдомствѣ генерала Ростковскаго!..

Когда дѣло касается крупныхъ и видныхъ „героевъ“, генералъ Ростковскій говоритъ: „моя хата съ краю, ничего не знаю; это не въ моемъ участкѣ; мой — до Байкала!“ — а между тѣмъ онъ же разслѣдуетъ и отрѣшаетъ чиновъ меньшихъ, чѣмъ-либо неудовлетворившихъ его!

Генераломъ Ростковскимъ былъ отозванъ изъ Харбина глав-

ный смотритель продовольственныхъ магазиновъ и вещевыхъ складовъ чиновникъ Серебренниковъ (о которомъ я говорилъ достаточно).

То же самое видно изъ приказа по главному интендантскому управленію за № 42 отъ 28 февраля 1907 г.: былъ генераломъ Ростковскимъ командированъ особый штабъ-офицеръ (полковникъ Ретивовъ) для производства дознанія по дѣлу о перекупкѣ ячменя полковникомъ Соколомъ въ дни харбинской вольной жизни у полковника Мочало (о чемъ я уже говорилъ).

Значитъ въ извѣстныхъ случаяхъ генералъ Ростковскій не открещивался отъ своего вниманія къ дѣятельности чиновъ интендантства.

...Почему генералъ Губеръ, бывшій главный полевой интендантъ, вѣроятно знающій многое, подчиненный теперь Ростковскому, такъ какъ состоитъ въ кіевскомъ окружномъ интендантствѣ,—почему, хотя теперь, онъ не докладываетъ обо всемъ генералу Ростковскому?

Я напомню слова изъ текста „присяги на вѣрность службы царю и отечеству“... Правда, изложеніе присяги очень напышенно и неудобопонятно, но смыслъ все-таки ясенъ:

„Объ ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать потщуся и всякую ввѣренную тайность крѣпко хранить буду, а предпоставленнымъ надъ мною начальникамъ во всемъ, что къ пользѣ и службѣ государства касаться будетъ, надлежащимъ образомъ чинить послушаніе, и все по совѣсти своей исполнять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противъ службы и присяги не поступать, отъ команды и знамя, гдѣ принадлежу, хотя въ полѣ, обозѣ или гарнизонѣ, никогда не отлучаться; но за опымъ, пока живъ, слѣдовать буду, и во всемъ такъ себя вести и поступать, какъ честному, вѣрному, послушному, храброму и расторопному солдату надлежитъ“.

Если солдату приказано поклясться говорить о хищеніяхъ, то неужто начальнику приказано молчать о хищеніяхъ передъ начальствомъ высшимъ? Правда, офицерамъ за „разговоры“ больно попадаетъ отъ начальниковъ въ разрѣзъ съ прямымъ смысломъ приведенной присяги,—но въ этомъ еще печатно никто не сознавался. Генералъ Ростковскій сдѣлалъ это первый!

Газета „Herold“ говоритъ, что генералъ Ростков-

скій еще въ прошломъ году заявлялъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ по поводу „слуховъ“ о злоупотребленіи, что въ эту войну въ его вѣдомствѣ никакихъ злоупотребленій не было... „Такъ говорилъ генералъ Ростковскій, уже много лѣтъ стоящій во главѣ интендантства, окруженный своими родственниками и любимцами,—говоритъ газета. Почему же тогда онъ считалъ возможнымъ официально вставать на защиту „не своего участка“?

Но не то заговорилъ г. Ростковскій, когда дѣятельность интендантства обнаружилась и въ видѣ матерьяла для судебнаго слѣдствія изложена печатно, на основаніи документальныхъ данныхъ и безчисленныхъ свидѣтельскихъ показаній!

— Это не мое дѣло!—говоритъ теперь ген. Ростковскій и спѣшитъ согласиться со мною, что дѣйствительно нужна междувѣдомственная комиссія, на участіе въ которой онъ и не претендуетъ.

Вы говорите, что во время войны должны были только исполнять требованія главнокомандующаго по заготовкамъ, а вмѣшиваться и провѣрять не могли, а теперь, я спрошу васъ, когда интендантство изъ харбинскаго тыла перешло въ Иркутскъ „по сю сторону Байкала“—вы можете вмѣшаться и провѣрять?

Вы говорите, что это дѣло судебной власти!

Но вѣдь по смыслу военно-судебныхъ уставовъ военный судъ можетъ привлечь служащихъ въ воен. вѣдомствѣ не иначе, какъ по порученію военнаго начальства! Кто же это военное начальство?.. Вы, стоящій во главѣ интендантскаго вѣдомства, говорите, что это до васъ не касается, такъ кого же это касается? Такъ какъ юридически вы правы въ этомъ, то вашъ долгъ теперь доложить о дѣйствіяхъ интендантства военному министру.

Приведу соотвѣтствующія выдержки изъ военныхъ уставовъ. Изъ нихъ ясно, что если военное начальство не захочетъ, то прокуроръ не привлечетъ и слѣдователь не начнетъ слѣдствія!

Ст. 346. Военный слѣдователь приступаетъ къ предварительному слѣдствію не иначе, какъ по порученію военнаго начальника. О времени полученія требованія военнаго начальника о производствѣ слѣдствія, а равно и о начатіи онаго, военный слѣдователь немедленно увѣдомляетъ военнаго прокурора.

Дополненіе къ ст. 346. Вся преслѣдовательная власть за преступленія сосредоточивается на гражд. вѣдомствѣ въ рукахъ слѣдователя и прокурора, которые могутъ вчинять слѣдствія по собственному ихъ усмотрѣнію, вслѣдствіе дошедшихъ до нихъ не-

посредственно свѣдѣній о преступленіи; къ нимъ же должны поступать и всѣ жалобы, открываемыя полиціею свѣдѣнія относительно преступленія, но въ военномъ вѣдомствѣ не могутъ быть поставлены въ то же положеніе военный прокуроръ и военный слѣдователь. Военные начальники обязаны блюсти въ подвѣдомственныхъ имъ частяхъ порядокъ и благочиніе, пресѣкать всякое зло, обнаруживать преступленія; для всего этого облечены они властью подвергать виновныхъ незначительнымъ наказаніямъ въ мѣрѣ, опредѣленной дисц. уставомъ. При такихъ обязанностяхъ и истекающей изъ этого отвѣтственности военныхъ начальниковъ, вопросъ объ отдѣленіи власти судебной отъ власти административной можетъ имѣть въ военномъ вѣдомствѣ лишь то значеніе, чтобы въ дѣлахъ, получающихъ, по важности ихъ, судебное движеніе, начальники устранены были отъ вліянія на ходъ и рѣшеніе этихъ дѣлъ, но въ силу лежащей на нихъ обязанности первоначальнаго обнаруженія преступленій въ мѣстахъ, состоящихъ въ исключительномъ ихъ вѣдѣніи, и въ виду власти военныхъ начальниковъ разбирать и рѣшать дѣла о маловажныхъ проступкахъ, никакъ не могутъ быть они поставлены къ органамъ военнопреслѣдовательной власти въ тѣ же отношенія, въ какихъ должны находиться въ гражд. вѣдомствѣ прокуроры и судебн. слѣдователи къ администр. и полиц. учрежденіямъ, т. е. нельзя въ военномъ вѣдомствѣ допустить непосредственнаго, безъ вѣдома начальниковъ, дѣйствія воен. прокурора и слѣдователя. Такое самостоятельное вмѣшательство прокурора и слѣдователя въ дѣла, подвѣдомственныя воен. начальникамъ, повело бы на практикѣ къ самымъ непріятнымъ столкновеніямъ между законными органами преслѣдователей власти и воен. начальниками и могло бы имѣть самыя невыгодныя послѣдствія.

Ст. 336. Для производства предварительнаго слѣдствія о преступныхъ дѣяніяхъ, до службы относящихся, въ случаѣ особой сложности дѣла, а также о важныхъ происшествіяхъ, случающихся въ мѣстахъ, состоящихъ въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства, могутъ быть назначены, по распоряженію военнаго министра или главныхъ начальниковъ военныхъ округовъ, особыя слѣдственныя комиссіи. Въ числѣ членовъ комиссіи должно находиться, по крайней мѣрѣ, одно лицо военно-судебнаго вѣдомства.

Ст. 280. Законными поводами къ начатію дѣлъ признаются:

1) Непосредственное усмотрѣніе военнаго начальства и донесенія подчиненныхъ начальниковъ.

2) Сообщенія полиціи, мировыхъ судей, судебныхъ и другихъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ..

3) Объявленія и жалобы частныхъ лицъ, и

4) Явка съ повинною.

Въ статьѣ 280 ясно указаны мотивы привлеченія; они на лицо.

Если вы, генералъ Ростковскій, печатно согласились, что дѣйствія интендантства за войну должны быть разсмотрѣны междувѣдомственной комиссіей, то и на судѣ, вы обязаны настоять, по буквальному смыслу приведенной присяги и приведенныхъ выдержекъ изъ статей военныхъ уставовъ, войдя съ докладомъ по этому предмету къ военному министру.

Вы говорите, что ѣдете въ Иркутскъ вовсе не для разслѣдованія, а для установленія правильной отчетности по передачѣ вообще склада дорого стоющаго имущества, оставшагося отъ войны... Мнѣ неизвѣстны ваши другія задачи, но неужели же вы не интересуетесь, какъ съ этимъ имуществомъ обращались на войнѣ и вы, читая подробности хищеній, взятокъ и проч., заявляете печатно, что это не ваше дѣло?.. Чье же это дѣло, генералъ Ростковскій? Судъ по закону не приступитъ къ разбору безъ иниціативы военнаго начальства и если военное начальство будетъ ждать суда, то, конечно, не дождется его, а общество будетъ думать, что военному начальству важно, чтобы этого суда не было...

Странное совпаденіе вашей поѣздки съ обвиненіями въ печати чиновъ интендантства не можетъ не удивить каждаго, и ваше увѣреніе, что зависимости нѣтъ, когда она не можетъ не быть, ибо безучастно отнестись къ уже оглашенному вы не можете,— ваше увѣреніе не подѣйствуетъ на читающія массы!

Повторяю—конечно, не съ комиссіи изъ чиновъ интендантства, съ которой de facto начинается разслѣдованіе хищеній интендантскихъ же чиновъ,—должно быть начато это дѣло, если должнымъ образомъ относиться къ нравственному престижу всего военнаго вѣдомства.

XXIII.

Отъ лица хорошо знакомаго съ военно-судебными законами я получилъ слѣдующее письмо:

М. Г. Я имѣлъ случай убѣдиться, что ваши смѣлыя разоблаченія служатъ въ тѣхъ кругахъ, которыхъ онѣ ближе всего

касаются, только темою для шутокъ и пикантныхъ разговоровъ. Не забудьте, что есть люди, которые преклоняются передъ богатствомъ и въ глазахъ которыхъ генералъ Парчевскій и его правая рука—подполковникъ Каппель—прямо *геніи*. То обстоятельство, что ими все „оформлено“, что все сдѣлано на „законномъ основаніи“ съ резолюціями высшаго начальства, съ заключеніями контроля и т. д., это обстоятельство еще болѣе возвышаетъ въ глазахъ нѣкоторыхъ лицъ „героевъ тыла“.

Вѣдь и въ древней Греціи одно время наказывали вора только потому, что онъ далъ себя поймать(!) Но такъ какъ каждый мошенникъ прежде всего умный человѣкъ, то для того, чтобы „героевъ тыла“ привлечь къ уголовной отвѣтственности, необходимо исполненіе многихъ формальностей, что требуетъ времени, времени и времени.

Прежде всего въ пользу „героевъ тыла“ то, что они числятся въ военномъ вѣдомствѣ, а у насъ, какъ газеты пишутъ, ожидается перемѣна военнаго министра, значитъ будутъ ждать, что скажетъ новый хозяинъ.

Второе благопріятное имъ обстоятельство это—полное устраненіе въ военномъ вѣдомствѣ вліянія прокуратуры, ибо она можетъ только „довести до свѣдѣнія“ то, что ею обнаружено при разсмотрѣніи другого какого нибудь дѣла, но — начальство виновныхъ можетъ все это совершенно игнорировать, чему бываетъ масса примѣровъ.

Третье и самое главное благопріятное обстоятельство для героевъ тыла это—присущая намъ всѣмъ лѣнь говорить что-нибудь другое, какъ только: „все обстоитъ благополучно!“ Лицъ, которыя не забываютъ слова присяги: доносить и предотвращать все то, что можетъ нанести ущербъ интересу Его Императорскаго Величества, такихъ лицъ — судятъ за неоказаніе уваженія начальству.

Между прочимъ, говорится, что въ интендантствѣ смотрятъ на казенныя деньги, какъ на никому не принадлежащее добро, т. е. совершенно противоположно тому, какъ японскій генералъ Ноги смотрѣлъ на лошадь генерала Стесселя, сдѣлавшуюся послѣ сдачи Портъ-Артура японскимъ государственнымъ имуществомъ.

Ваши статьи непремѣнно вызовутъ запросъ правительству въ третьей Государственной Думѣ и тогда мы услышимъ:

1) Какія формальныя причины не позволили послать въ г. Иркутскъ ту слѣдственную комиссію, которая предусмотрѣна ст. 336 военно-судебнаго устава и

2) почему надъ героями тыла, напримѣръ генераломъ Парчевскимъ, не принято никакихъ мѣръ пресѣченія способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда, что предусмотрѣно ст. 328 военно-судебнаго устава.

Что же касается начетовъ, то отъ „героевъ тыла“ казна ничего не получитъ, такъ какъ всѣ „свои“ деньги они, по слухамъ, перевели давнымъ-давно въ заграничные банки и за все отвѣтитъ одна многострадальная матушка-казна.

Если бы даже стали кое-что удерживать изъ жалованья, то это было бы въ буквальномъ смыслѣ „капля въ морѣ“.

XXIV.

Нравы тылового интендантства.

Когда началась война, интендантство тыла было сформировано изъ Квантунскаго интендантства.

Но кромѣ того, генералъ Ростковскій, главный интендантъ, увѣдомлялъ, что имъ будутъ высланы на войну лучшіе интенданты.

Оправдались ли надежды, рожденныя обѣщаніемъ главнаго начальника интендантовъ, предоставляю судить тѣмъ, кто прочиталъ мои предыдущіе очерки, раскрывающіе безконечную сѣть иногда очень тонко, искусно и замысловато организованныхъ преступленій.

Въ этихъ преступленіяхъ одно тщательно покрывали всѣ и если было довольно много привлеченій къ суду интендантскихъ чиновъ за эту войну, то это объясняется тѣмъ, что они просто не выдерживали условленной „круговой поруки“...

Если генералу Ростковскому мало краснорѣчивы приводимыя мною описанія злоупотребленій интендантскихъ чиновъ, я укажу на нѣсколько представленій интендантовъ, привлекающихся къ суду за всяческія незаконныя дѣянія.

1) Корпусный интендантъ Шуриновъ: — оказался подъ судомъ, теперь уже осужденъ.

2) Корпусный интендантъ подполковникъ Лебедевъ — находится подъ судомъ за растрату авансовъ.

3) Интендантъ капитанъ Шаповаловъ — былъ отданъ подъ судъ, лишенъ званія и правъ; приговоренъ къ арестантскимъ ротамъ харбинскимъ окружнымъ судомъ.

4) Капитанъ Раевскій (завѣдывалъ хлѣбопекарней) за растрату привлеченъ къ суду *).

Многіе множество разъ привлекались къ суду, но дѣла глохли подъ очевиднымъ давленіемъ вышеупомянутой круговой поруки. Въ дополненіе къ сказанному прочтите приводимую выдержку изъ письма ко мнѣ одного офицера.

„Я, какъ близко знающій закулисныя стороны жизни харбинскаго интендантства, считаю своимъ долгомъ разъяснить вашимъ читателямъ нѣкоторыя явленія, описанныя вами. Такъ напр. обществу осталось не вполнѣ яснымъ, почему чиновникъ Осиповъ имѣлъ такую страсть тянуть бывшихъ писарей на крупныя отвѣтственныя мѣста. Тамъ играетъ роль не только то, что г. Осиповъ самъ бывшій писарь. Отнюдь не то. Подобной страстью были одержаны и другія лица „круговой поруки“ до генераловъ Парчевскаго и Хаскина включительно. Укажу только на одинъ фактъ. Когда вмѣстѣ съ эвакуаціей войскъ пришлось расформировать интендантство тыла, то почти всѣ офицеры были откомандированы въ Россію и оставлены за штатомъ. Въ Иркутскъ пріѣхали только всѣ знакомые г. Каппеля и, вообще, лица, принадлежащія къ „круговой порукѣ“, всѣ же остальныя должности были заняты бывшими писарями (заурядъ-чиновниками), которые, какъ люди неинтеллигентные, только что снявшіе солдатскій мундиръ, слѣпо исполняютъ всѣ приказанія начальства, не отдавая и по неразвитости своей и не умѣя отдавать себѣ отчета въ томъ, законно или незаконно приказаніе.

Переполненіе иркутскаго интендантства заурядъ-чиновниками бросилось въ глаза главному интенданту, который приказалъ всѣхъ ихъ уволить. Но исполнено ли это — мнѣ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что все еще числится за штатомъ, т. е. не у дѣлъ, масса офицеровъ и чиновниковъ интендантскаго вѣдомства, которые, какъ люди семейные, еле-еле сводятъ концы съ концами, получая уменьшенное заштатное содержаніе и съ тревогой ждутъ того дня, когда имъ скажутъ: „Вы въ теченіе года не получали должности. Извольте подать въ отставку!“

Такія слова были сказаны крупному интендантскому чиновнику, лицу съ высшимъ образованіемъ, несмотря на то, что въ интендантскомъ вѣдомствѣ лицъ съ высшимъ образованіемъ что-то около 1 проц.!

*) Позже военное министерство возражая на мои статьи, заявило, что разслѣдуется около 30 дѣлъ по злоупотребленіямъ въ тыловомъ интендантствѣ.

Конечно высшее образованіе не есть еще гарантія нравственной чистоплотности, но за то и невѣжество не должно быть залогомъ матеріальнаго обезпеченія на государственной службѣ. Но въ харбинскомъ и иркутскомъ интендантствѣ оно такъ и случилось". —ъ.

Во время войны на интендантскую службу смотрѣли какъ на выгодный отхожій промыселъ. Служить было очень доходно и туда шли поправить свои дѣла офицеры изъ строя. На мѣста же постоянныя сплошь и рядомъ назначались необразованные писаря, лакеи и проч. Лакей Куропаткина сдѣлалъ интендантскую карьеру.

Къ характеристикѣ интендантскихъ чиновниковъ не лишнее добавить, что было великое множество отдѣльныхъ небольшихъ взысканій, налагавшихся властью ближайшаго начальника на интендантскихъ чиновъ и взысканія эти сплошь и рядомъ не отбывались вовсе.

Интендантъ былъ выше закона!!

Смотритель четвертаго продовольственнаго магазина коллежскій ассесоръ Алтуновъ, къ слову сказать, славившійся въ тылу безпутствомъ, кутежами, бросаніемъ денегъ, проигрышами и прочими художествами, былъ посаженъ на 10 сутокъ подъ арестъ за то, что въ раіонѣ магазина своего побилъ женщину (sic!). Наказаніе Алтуновъ не отбывалъ; почему, — сіе осталось неизвѣстнымъ.

Въ настоящее время Алтуновъ занимаетъ сравнительно крупное мѣсто—смотрителя продовольственнаго магазина I класса въ въ 7 верстахъ отъ Иркутска.

Говорятъ, что „неприкосновенность личности" гарантировала ему дружба съ генераломъ Парчевскимъ.

Капитанъ Трошинъ арестованъ былъ только по приказу, гдѣ можно было прочесть указъ о его арестѣ; почему онъ не отбывалъ наказанія,—надо спросить также Парчевскаго.

Какъ вели себя интендантскіе чины, знали,—о семъ всюду громко говорили; въ арміи какъ впереди, такъ и въ тылу циркулировало такое множество „легендъ", слуховъ, разсказней, что одна форма интендантскаго чиновника уже заставляла перешептываться...

Сколько было личныхъ столкновеній на этой почвѣ!.. Тѣмъ не менѣе власти „замалчивали".

Д. с. с. Соловьевъ въ частномъ разговорѣ съ состоящимъ по судной части въ штабѣ тыла подѣлился впечатлѣніями, какъ

съ товарищемъ, о всѣхъ ужасахъ, которые онъ замѣчалъ во всю бытность свою въ роли помощника интенданта тыла. Послѣдствія были тѣ, что его позвалъ начальникъ тыла ген.-лейт. Ивановъ, который потребовалъ отъ него официально донести, о всемъ „что тотъ говорилъ“. Онъ какъ мнѣ передаютъ и заявилъ ему, но это кануло въ вѣчность.

Между тѣмъ въ этомъ донесеніи одна исторія съ займомъ пшеницы мукомолами у интендантства—заслуживаетъ огромнаго вниманія по существу.

XXV.

Генералъ Хаскинъ.

Своей телеграммой съ объясненіями выдвинулъ себя генералъ Хаскинъ.

Мнѣ разсказываютъ о дѣятельности наслѣдника харбинскаго интендантства, т. е. о вновь сформированномъ иркутскомъ интендантствѣ, куда переведены всѣ главные воротилы описаннаго мною интендантства тыла.

Во время войны у генерала Парчевскаго были слѣдующіе помощники: генералъ-маіоръ Высоцкій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Колтановскій. Со всѣми этими своими помощниками, людьми съ почтенной репутаціей, генералъ Парчевскій сумѣлъ разстаться и устроилъ такъ, что они остались за штатомъ, а въ помощники себѣ онъ взялъ ничего общаго съ интендантствомъ не имѣвшаго бывшаго военнаго слѣдователя или помощника прокурора полковника Хаскина, нынѣ произведеннаго въ генералъ-маіоры.

Всѣ терялись въ догадкахъ: почему бывшій военный слѣдователь хочетъ быть непремѣнно интендантомъ, хотя въ военно-юридической академіи такихъ предметовъ не проходятъ, которые имѣли бы хоть малѣйшее отношеніе къ „хлѣбному“ интендантскому вѣдомству...

Но какъ бы тамъ ни было — полковникъ Хаскинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и принялъ отъ генерала Парчевскаго иркутское интендантство.

Генералъ-маіоръ Хаскинъ къ концу войны былъ причисленъ къ интендантству тыла, тогда какъ нѣсколько ранѣе въ тыловомъ интендантствѣ было получено извѣщеніе, что лица, не занимавшія

въ интендантствѣ должности 6 класса, не могутъ быть помощниками окружнаго интенданта, а тѣмъ паче интенданта.

Генералъ Губеръ заготовливалъ мало; его дѣло было больше распорядительное, главное дѣло было въ рукахъ генераловъ Хаскина и Парчевскаго.

И послѣ войны Хаскинъ занималъ должность помощника иркутскаго окружнаго интенданта, но такъ какъ генералъ Парчевскій ушелъ въ строй, то уже $^1/_2$ года фактически всѣми дѣлами интендантства вѣдалъ, не принадлежа къ вѣдомству, генералъ Хаскинъ. Относительно этого слѣдовало бы спросить генерала Ростковскаго, главу интендантства, чѣмъ онъ руководствовался назначая въ свое вѣдомство офицеровъ изъ строя?

Вернусь къ телеграммѣ генерала Хаскина.

Утвержденіе, что будто дѣлу о неоправданіи аванса въ 75,000 р. чиновникомъ Серебренниковымъ дано законное направленіе, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Дѣло въ томъ, что бывшій юрисконсультъ главнаго начальника тыла, нынѣ представитель военнаго министерства въ иркутскомъ окружномъ совѣтѣ, полковникъ Войцеховскій, требовалъ назначенія слѣдствія надъ чиновникомъ Серебренниковымъ, но подполковникъ Каппель, какъ начальникъ ликвидаціоннаго отдѣленія при интендантѣ, генералѣ Хаскинѣ, сумѣлъ убѣдить послѣдняго, что есть еще другое „законное“ направленіе — это ходатайствовать передъ окружнымъ совѣтомъ, чтобы неоправданный авансъ 75,000 р. былъ принятъ на счетъ казны.

Генералъ Хаскинъ выбралъ именно это другое, съ формальной точки зрѣнія тоже „законное“ направленіе. Но такъ какъ въ другихъ дѣлахъ, касающихся маленькихъ суммъ, израсходованныхъ на нужды солдатъ другими служащими интендантства, генералъ Хаскинъ передъ окружнымъ совѣтомъ не ходатайствуетъ, а передаетъ дѣло военному слѣдователю, то случай съ чиновникомъ Серебренниковымъ пріобрѣтаетъ въ глазахъ публики свой спецефическій оттѣнокъ и вполнѣ, подтверждаетъ мое утвержденіе о существованіи „круговой поруки“, гарантирующей взаимную безнаказанность... Надо сказать, что 75,000, данныя Серебренникову для заготовки муки, не были оправданы вовсе, тѣмъ не менѣе послѣ Парчевскимъ и Хаскинымъ ему ввѣрялись неоднократно стотысячные авансы, что совершенно необъяснимо. И все на счетъ казны! Гдѣ же слова присяги, генералъ Хаскинъ: „...о вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо бла-

говременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать потшусь"?

Вамъ, какъ военному юристу, это должно быть особенно извѣстно.

Мнѣ передавали, что когда 11 мая сего года чины этого интендантства, во главѣ съ своимъ новымъ начальникомъ собрались на Иркутскомъ вокзалѣ чтобы провожать „героя тыла", генерала Парчевскаго, то генералъ Хаскинъ, какъ бывшій помощникъ военнаго прокурора, держалъ рѣчь, въ которой говорилъ, что онъ будетъ вести дѣло интендантства столь-же честно, какъ генералъ Парчевскій...

Услышавъ эти слова, генералъ Парчевскій слегка покраснѣлъ, а другіе чины пнтендантства стали смотрѣть на свои сапоги... Но это мелькнуло непріятнымъ мгновеніемъ, не испортивъ общаго настроенія, и генералъ Парчевскій уѣхалъ при торжественной обстановкѣ.

Теперь намъ остается только разсмотрѣть, ведетъ ли генералъ Хаскинъ дѣло интендантства дѣйствительно столь же „честно", какъ генералъ Парчевскій.

Когда командиры полковъ въ г. Читѣ доносятъ по командѣ высшему начальству, что мука читинскаго продовольственнаго магазина крайне недоброкачественна, а смотритель магазина оправдывается тѣмъ, что мука доставлена интендантскими заготовителями Каревымъ, Трошинымъ и Рашинскимъ, которые могутъ пріѣзжать ревизовать магазинъ, то генералъ Хаскинъ арестовываетъ не заготовителей негодной муки, а смотрителя магазина и смѣщаетъ его съ должности.

Объясняется дѣло очень просто; заготовителей назначилъ генералъ Хаскинъ самъ, они принадлежали къ „круговой порукѣ", а смотритель—повидимому стоялъ внѣ оной.

Обнаруживъ лично, при осмотрѣ иркутскаго продовольственнаго магазина мошенническія продѣлки смотрителя мысовскаго продовольственнаго магазина Случевскаго по дѣлу о высылкѣ крупчатки, ген. Хаскинъ приказываетъ подать о томъ рапортъ, что немедленно и исполняется. Но „круговая порука" спасаетъ Случевскаго: смѣщаютъ не его, а лицо, подавшее на него рапортъ, чиновника Кузнецова.

Когда ген. Хаскину кажется, что негодную муку принялъ смотритель магазина, тогда генералъ Хаскинъ пишетъ резолюцію: „произвести слѣдствіе", но когда онъ узнаетъ, что мука принята

комиссіей, состоящей изъ интендантскаго чиновника Мячкова и двухъ шт.-кап. Клягина и Умыруки-Запольскаго при участіи военнаго врача Безсонова, то генералъ Хаскинъ никакого слѣдствія не назначаетъ, тѣмъ болѣе, что негодная мука была изъ числа той, которую покупали для мысовскаго магазина по явно дутой цѣнѣ (1 р. 40 к. п.), хотя настоящія цѣны (1 р. 20 коп. пудъ) были извѣстны интендантству изъ неоднократныхъ донесеній смотрителя.

Въ иркутскомъ магазинѣ еще зимою лежала негодная мука, высланная лѣтомъ прошлаго года изъ Мысовска чиновникомъ Случевскимъ и принятая вышеупомянутой комиссіей. Интересно только, почему врачъ Безсоновъ нашелъ ее сперва негодной, а потомъ въ комиссіи—годной къ пріему, что видно изъ имѣющихся у меня документовъ.

Откуда такая метаморфоза?

Полагаю, что два большихъ амбара, переполненные негодной мукой, никакъ не могли быть приняты комиссіей безъ особыхъ побужденій, предусмотрѣнныхъ въ уголовныхъ законахъ. Отъ генерала Хаскина было получено довольно длинное опроверженіе, но ввиду запутанности фактовъ своевременно не могло быть напечатано.

Онъ оспариваетъ изложенное, главнымъ образомъ, указывая на дурныя качества поручика Винтера, давшаго мнѣ вполнѣ имъ доказанныя обвиненія.

Ихъ взвѣсить и оцѣнить можетъ, конечно, только судъ.

XXVI.

Институтъ „своихъ людей“.

Генералу Ростковскому, печатно отрицавшему мое заявленіе, что онъ ѣдетъ въ Иркутскъ со „своими“ людьми, посвящаю особенно нижеслѣдующее повѣствованіе о томъ, какъ въ его вѣдомствѣ свои люди устраивали и до сихъ поръ недурно устраиваютъ своихъ людей. Я рѣшительно не сомнѣваюсь въ томъ, что самъ генералъ Ростковскій много способствовалъ вкорененію въ интендантскомъ вѣдомствѣ столь пагубнаго, даже преступнаго института „своихъ людей“. Это явствуетъ изъ внимательнаго знакомства съ серьезными данными. Я не буду особенно напирать на описанныхъ „героевъ“ тыла въ виду печатнаго отреченія отъ

нихъ генерала Ростковскаго, теперь конечно сожалѣющаго, что годъ тому назадъ онъ такъ опрометчиво заявилъ въ „Русск. Инв.“ о полнѣйшемъ отсутствіи въ интендантствѣ за войну какихъ-либо злоупотребленій... Тогда никто не зналъ, что генералъ Ростковскій говорилъ собственно объ участкѣ до Байкала, а объ участкѣ за Байкаломъ не говорилъ; теперь это знаютъ, благодаря откровенности самаго Ростковскаго, уѣхавшаго знакомиться съ правами своего вѣдомства... и по эту сторону Байкала...

Что генералъ Ростковскій поѣхалъ со своими людьми, это утверждать я продолжаю, не смотря на то, что поѣхавшій съ нимъ, названный мною племянникомъ его — только воспитанникъ и protegé — не болѣе, и не смотря на то, что нѣкоторыя названныя лица замѣнены другими. Помимо многихъ назначеній, также крайне странныхъ, какъ назначеніе генераловъ Хаскина, Парчевскаго, Ухача-Огоровича и многихъ другихъ, были случаи, гдѣ генералъ Ростковскій положительно покрывалъ людей сомнительныхъ, чтобы не сказать сильнѣе.

„Свои люди“ и „не свои“ имѣли и имѣютъ въ интендантскомъ вѣдомствѣ разныя права и разныя судьбы.

Напомню генералу Ростковскому исторію съ генераломъ Козловымъ, военнымъ инженеромъ, служившимъ въ главномъ управленіи членовъ техническаго комитета.

По объявленіи войны нужно было назначить торги на консервы; въ главномъ интендантскомъ управленіи многое зависѣло отъ Козлова: установленіе окончательной цѣны, количества, срока, и проч. На заводъ Кольберга въ Ригу былъ командированъ офицеръ для переговоровъ о крупномъ заказѣ въ 3 — 4 милл. коробокъ консервовъ для войскъ. Посланному офицеру заявили совершенно положительно, что генералъ Козловъ написалъ Кольбергу письмо, гдѣ указывалъ, что ежели молъ Кольбергъ не дастъ извѣстной суммы (1 к.—$1^1/_2$ к. съ коробки) въ пользу его, Козлова, то онъ, Козловъ, этого подряда не устроитъ. Генералъ Козловъ послѣ печатно отказался отъ этого письма и заявилъ что привлекаетъ къ суду за „клевету“. Каково же будетъ его удивленіе, если на судѣ выяснится, что сохранены и другія подобныя этому его письма.

Письмо Кольбергъ представилъ генералу Ростковскому, который не только дѣло замялъ, но и предоставилъ Козлову довольно отвѣтственный постъ въ тыловомъ интендантствѣ, гдѣ генералъ Козловъ, къ слову сказать, дѣйствовалъ уже за „чертой дося-

гаемости“ генерала Ростковскаго, т. е. „по ту сторону Байкала“... внѣ отвѣтственности генерала Ростковскаго.

Надо добавить, что у Козлова была солидная поддержка въ лицѣ генерала Тевяшева, туркестанскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками округа; кромѣ того были и другія солидныя связи.

Мнѣ бы хотѣлось напомнить генералу Ростковскому еще одинъ случай, можетъ быть не имѣвшій большого значенія, если бы онъ печатно не отрицалъ проводимаго имъ въ вѣдомствѣ института своихъ людей.

Я говорю о ротмистрѣ Ивковѣ, который былъ казненъ передъ войною за перепродажу Японіи нашихъ военныхъ тайнъ.

Этотъ офицеръ, служившій въ интендантствѣ, еще до того, какъ его стали подозрѣвать въ сношеніяхъ съ Японіей, попался въ служебномъ подлогѣ, о чемъ зналъ Ростковскій, но, какъ онъ самъ послѣ сознался передъ многими, если не всѣми чинами своего управленія, онъ тогда ошибочно простилъ его.

Офицеръ этотъ попался въ служебномъ подлогѣ.—Но... онъ пришолъ ко мнѣ въ кабинетъ, плакалъ, цѣловалъ руки; я его простилъ тогда; теперь онъ попался еще... уже слишкомъ серьезно.—При свидѣтеляхъ говорилъ генералъ Ростковскій.

Я не хочу видѣть въ этомъ злостнаго намѣренія, напротивъ— я вижу здѣсь примѣръ большой сердечности генерала Ростковскаго, видимо обманувшагося въ человѣкѣ, раскаянію котораго повѣрилъ такъ опрометчиво.

Я знаю, что тяжело обманываться въ людяхъ, которымъ повѣришь и, можетъ быть теперь Ростковскому не легко обмануться въ рядѣ людей, которымъ онъ вѣрилъ, но меня изумляютъ безчисленные примѣры назначеній въ интендантство тыла людей ненадежныхъ, которымъ явно онъ покровительствовалъ.

Дѣятельность ихъ, повторяю, была „по ту сторону Байкала“, но назначались то они съ этой стороны Байкала, генералъ Ростковскій!

Укажу нѣсколько примѣровъ устройствъ генераломъ Ростковскимъ „своихъ людей“ въ своемъ вѣдомствѣ.

Достаточно только примѣра недавней войны, чтобы сказать опредѣленно какъ несправедливъ и пагубенъ подобный протекціонизмъ тамъ, гдѣ должна быть расцѣнка и назначеніе людей по степени ихъ близости къ главному начальнику.

Генералъ Ростковскій для своихъ друзей не останавливается ни передъ какими комбинаціями, лишь бы ихъ устроить.

Близкій знакомый Ростковскаго коллежскій ассесоръ Чупруновъ назначенъ исправляющимъ должность корпусного интенданта 13 армейскаго корпуса, то-есть, не взирая на его небольшой чинъ и полную неопытность—получилъ генеральскую должность. Приказъ объ этомъ назначеніи конечно для отвода глазъ подписанъ Бухгольцомъ, оставленнымъ Ростковскимъ вмѣсто себя на время его отъѣзда изъ Петербурга.

(Копія этого приказа за № 160 у меня имѣется).

Репетиторъ дѣтей Ростковскаго, молодой человѣкъ Шушкевичъ, назначенъ Ростковскимъ столоначальникомъ вещевого отдѣленія главнаго интендантскаго управленія, а капитаны, кончившіе интендантскіе курсы, обойдены.

Пріѣхавшій изъ Манчжуріи родственникъ Ростковскаго капитанъ Пташицкій сразу назначенъ столоначальникомъ главнаго управленія.

Другъ Ростковскаго капитанъ Микини, недавно произведенный въ подполковники, назначенъ имъ постояннымъ членомъ техническаго комитета, эта должность генеральская, 5-го класса.

Микини обѣщана Ростковскимъ должность управляющаго дѣлами техническаго комитета, какъ только эту должность освободитъ генералъ-лейтенантъ Нечаевъ.

Но еще интереснѣе исторія съ другомъ Ростковскаго Клепцовымъ; изъ приказа № 77 по главному интендантскому управленію видно, что Клепцовъ уволенъ отъ службы по прошенію съ производствомъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а изъ приказа № 80, видно, что онъ продолжаетъ служить, какъ мнѣ передаютъ, „по вольному найму“. Такимъ образомъ, Клепцовъ и получилъ чинъ и, уволенный, остался на службѣ; изъ приказа явствуетъ, что ему дали въ счетъ столовыхъ эмеритальную пенсію и отпускаютъ квартирныя деньги, по освобожденію казенной квартиры по окладу въ 1,500 руб. въ годъ.

Вниманію генерала Ростковскаго посвящаю мое повѣтствованіе о генералѣ Федоровѣ, интендантѣ третьей арміи, и его „своихъ людяхъ“. Что они отправились въ армію вмѣстѣ съ Федоровымъ, объ этомъ не знать генералъ Ростковскій не могъ!

XXVII.

Генералъ Федоровъ.

Въ концѣ ноября 1904 года послѣдовало раздѣленіе нашихъ дѣйствующихъ военныхъ силъ на востокѣ на три арміи—первую, вторую и третью. Интендантомъ третьей арміи былъ назначенъ послѣ долгихъ усиленныхъ хлопотъ и просьбъ съ его стороны одесскій окружный интендантъ генералъ-маіоръ Федоровъ.

Генералъ Федоровъ въ концѣ декабря пріѣхалъ въ Мукденъ и привезъ съ собою въ тылъ дѣйствующей арміи для совмѣстной службы двухъ родственниковъ: подполковника Каплинскаго (служившаго ранѣе въ жандармахъ) и капитана, нынче подполковника Томина.

Также генералъ Федоровъ привезъ съ собою и „собственнаго“ комиссіонера Николаева.

Генералъ Федоровъ устроился со своими людьми, какъ у себя дома.

Каплинскаго Федоровъ назначилъ интендантомъ главной квартиры третьей арміи, а Томина—правителемъ канцеляріи интендантскаго управленія; обѣ должности пятаго класса и генеральскаго оклада.

Фактически сразу всѣми дѣлами сталъ заправлять Томинъ; это объясняли многіе крайней ограниченностью генерала Федорова, которую утверждали, какъ многіе чины полевого интендантства, такъ и чины штаба.

Первое, что сталъ дѣлать Томинъ—изгонять лицъ непріятныхъ ему или служащихъ чѣмъ-либо помѣхой.

Томинъ для достиженія своихъ цѣлей не останавливался ни передъ клеветой, ни передъ подлогами, ни передъ показаніями лицъ, не понимающихъ того, что они, дѣлая угодное Томину, являются лжесвидѣтелями.

Много лицъ пострадало отъ такого веденія дѣла. Среди пострадавшихъ особенно яркій примѣръ капитанъ Шеповаловъ, по своей полнѣйшей невиновности въ возведенныхъ на него преступленіяхъ. (О капитанѣ Шеповаловѣ, уже осужденномъ, я упоминалъ однажды, когда приводилъ примѣръ уголовныхъ преслѣдованій интендантскихъ чиновъ; разсмотрѣвъ его дѣло, я нахожу налицо всѣ данныя, заставляющія меня сказать о немъ, что этотъ порядочный, честный и достойный человѣкъ былъ осужденъ со-

вершенно невинно, что можетъ быть доказано множествомъ свидѣтелей, недопрошенныхъ при первоначальномъ разбирательствѣ дѣла,—если дѣло будетъ разсмотрѣно вновь).

Дѣйствія генерала Федорова и подполковника Томина могутъ быть также ярко освѣщены судебнымъ разбирательствомъ, котораго добивается подполковникъ Верховцевъ, судившійся, но оправданный.

Пока я могъ бы указать на слѣдующихъ лицъ, которыя, мнѣ хочется вѣрить, не откажутся дать, въ случаѣ надобности, необходимыя разъясненія кому слѣдуетъ о дѣйствіяхъ генерала Федорова.

Указываю ихъ въ большой мѣрѣ для свѣдѣнія генерала Ростковскаго, который, быть можетъ, и заинтересуется дѣйствіями генерала Федорова, хотя онъ и былъ... „по ту сторону Байкала“!..

1) Бывшій главный интендантъ при главнокомандующемъ генералъ Губеръ.

2) Подполковникъ Саковичъ.

3) Подполковникъ Горецкій, бывшій помощникъ интенданта 3 арміи, нынѣ туркестанскій окружной интендантъ.

4) Полковникъ Эрдманъ.

5) Подполковникъ Верховцевъ.

6) Бывшій капитанъ Шеповаловъ (о коемъ буду говорить особо).

7) Подполковникъ Звенигородскій.

8) Инженеръ технологъ Бобровскій.

9) Капитанъ Промптовъ.

10) Чиновникъ Гукъ.

11) Капитанъ Долгій и многіе другіе.

Перечисляю этихъ лицъ, чтобы до суда, котораго я жду и хочу, замолкли голоса сомнѣвающихся въ моихъ утвержденіяхъ и подробныхъ разсказахъ о преступленіяхъ „героевъ тыла“, которыя дѣйствительно кажутся невѣроятными по своей значительности.

Приказомъ за № 192 генералъ-маіора Батьянова, командующаго 3-й арміей, въ очень мягкой формѣ на дѣйствія генерала Федорова наложена, такъ сказать, опека изъ особой комиссіи.

Напрасно генералъ Федоровъ стремился недочеты свои свалить на генерала Губера; даже изъ этого приказа явствуетъ кое-что изъ области порядковъ, царившихъ благодаря генералу Федорову.

Приведу полностью этотъ приказъ.

Приказъ войскамъ 3-й Манчжурской арміи.
24 іюня 1905 г.

Дер. Людипуза.

№ 192.

Изъ донесеній командировъ корпусовъ я убѣждаюсь, что продовольственные пункты и фуражъ доходятъ до войскъ слишкомъ часто въ значительной части недоброкачественными. Полевымъ интендантомъ арміи это объясняется тѣмъ, что часть этихъ предметовъ довольствія доставляется изъ тыловыхъ складовъ уже въ недоброкачественномъ видѣ, несмотря на неоднократныя съ его стороны заявленія главному полевому интенданту.

Я требую, чтобы во всякомъ случаѣ отпускъ войскамъ продуктовъ недоброкачественныхъ былъ прекращенъ. Полевой интендантъ можетъ изъ главнаго армейскаго магазина передавать въ корпусные расходные нѣкоторое количество продуктовъ, требующихъ отсортировки, но со строгимъ ограниченіемъ, чтобы отсортировка не вызывала значительныхъ тратъ рабочихъ силъ и перевозка не обременяла транспортныхъ средствъ. Что касается выдачъ продуктовъ изъ интендантскихъ магазиновъ въ войска, то продуктъ долженъ выдаваться отсортированнымъ и вполнѣ доброкачественнымъ.

За неисполненіе сего послѣдняго предлагаю командирамъ корпусовъ привлекать къ отвѣтственности интендантовъ корпусовъ.

Вообще, я усматриваю, что корпусные и дивизіонные интенданты не выполняютъ возлагаемыхъ на нихъ закономъ обязанностей. Вмѣсто заботы въ удовлетвореніи потребности частей въ мѣрѣ возможности ихъ, интендантовъ, попеченіемъ, они являются только передаточными инстанціями для продуктовъ, подвозимыхъ или заготовляемыхъ главнымъ интендантомъ, а при недостаткѣ послѣднихъ взваливаютъ заботу по покупкѣ на войска.

Прошу командировъ корпусовъ требовать отъ своихъ интендантовъ бо́льшей распорядительности и самостоятельной заботы по заготовкамъ. Значительная часть жалобъ войскъ на недопускъ интендантствомъ тѣхъ или другихъ продуктовъ, въ виду незначительности недопуска, всецѣло должна быть отнесена къ бездѣятельности корпусныхъ и дивизіонныхъ интендантовъ.

Для установленія, въ какомъ именно видѣ доставляются продукты въ гунчжулинскій магазинъ арміи изъ тыла, предписываю

составить комиссію подъ предсѣдательствомъ командира 2-й бригады 40-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Модль, изъ двухъ штабъ и двухъ оберъ-офицеровъ этой бригады по назначенію командира 4 корпуса, ветеринара и врача по назначенію главнаго полевого контролера арміи. Комиссіи собраться въ Гунчжулинѣ 28 іюня къ 9 часамъ утра въ управленіе интенданта арміи. Предсѣдателю ежедневно доносить мнѣ по телеграфу, сколько прибыло продуктовъ за день для нуждъ арміи изъ тыла по желѣзной дорогѣ и сколько изъ нихъ по заключенію комиссіи негодныхъ.

О времени прекращенія дѣйствія комиссіи мною будетъ своевременно дано указаніе.

На настоятельную необходимость болѣе твердо поставить вопросъ довольствія арміи продуктами по интендантской части обращаю вниманіе генералъ-маіора Федорова.

Подписалъ командующій арміей, генералъ-отъ-инфантеріи

Батьяновъ.

Нижеслѣдующій же приказъ еще ярче говоритъ, что творилось подъ начальствомъ генерала Федорова и его „своихъ“ людей въ интендантствѣ 4-й арміи.

Безобразія, засвидѣтельствованныя самимъ начальствомъ санитарной части арміи, получили довольно точную формулировку въ сжатомъ и сухомъ приказѣ.

Приказъ войскамъ 3-й Манчжурской арміи.

11 сентября 1905 г.

Дер. Людипуза.

№ 329.

Проѣзжая мимо цейхгауза 214 пѣхотнаго Мокшанскаго полка, 8 сентября, я взялъ на пробу каравай хлѣба изъ массы ихъ такого же вида. Хлѣбъ этотъ оказался, по мнѣнію врачей, плохо выпеченнымъ съ большой примѣсью бобовой муки, соломы, половы, съ затхлымъ запахомъ, горечью, безусловно негоднымъ для употребленія.

По докладу начальника санитарной части военно врачебнымъ осмотромъ установлено, что изъ такой же недоброкачественной муки выпекается хлѣбъ и въ 140 пѣхотномъ Зарайскомъ полку,

что въ значительной мѣрѣ способствуетъ заболѣванію въ полку. Обращаю вниманіе командировъ 5 сибирскаго и 17 армейскихъ корпусовъ на неудовлетворительную постановку хлѣбопеченія для частей.

Ставлю на видъ полевому интенданту арміи снабженіе войскъ неудовлетворительною мукою, а и. д. корпусныхъ интендантовъ 5 сибирскаго и 17 армейскаго корпусовъ подполковникамъ Лебедеву и Ильину объявляю выговоръ за снабженіе войскъ негоднымъ хлѣбомъ и предупреждаю ихъ, что въ случаѣ повторенія выдачи недоброкачественнаго хлѣба, отчислю ихъ отъ должностей за нерадѣніе. Съ прочихъ виновныхъ взыскать по усмотрѣнію корпусныхъ командировъ.

Требую, чтобы прежде всего выдавались людямъ годные для употребленія продукты, а затѣмъ уже заботились объ освѣженіи запасовъ въ магазинахъ.

Подписалъ командующій арміей

ген.-отъ инфант. *Батьяновъ*.

Казалось бы къ нему дополненій не требуется. Объ отрицательныхъ качествахъ генерала Федорова, какъ интенданта арміи и какъ человѣка, говорили открыто даже въ штабѣ арміи и мнѣ сейчасъ нѣтъ надобности скрывать то отношеніе къ нему сослуживцевъ, которое свидѣтельствуется множествомъ лицъ.

Генерала Федорова все „стремились“ устранить, но, видимо, сидѣлъ онъ крѣпко, и руки, посадившія его „съ той стороны Байкала“, держали его и на этой сторонѣ Байкала вопреки всѣмъ понятіямъ объ элементарнѣйшей справедливости, не говоря уже о дважды упомянутымъ мною словамъ присяги.

Собирался устранить Федорова генералъ Каульбарсъ, но сдалъ третью армію генералу Батьянову и принялъ вторую.

Собирался отрѣшить Федорова отъ должности генералъ Батьяновъ, но... сдалъ командованіе арміей генералу Биндерлингу, который... ошибочно представилъ Федорова не къ увольненію, а къ Аннѣ первой степени съ мечами, повѣривъ генералу Федорову на слово, что будто бы онъ былъ подъ обстрѣломъ, и не зная о всѣмъ извѣстномъ позорномъ бѣгствѣ Федорова изъ обоза управленія утромъ 26 февраля 1905 г., близь деревень „Ялу“ и „Тава“, о чемъ у меня есть показанія свидѣтелей.

Тогда обозъ управленія былъ доставленъ въ Куаннендзы капитаномъ Промптовымъ, награду за это не получившимъ, тогда

какъ ее получилъ сопутствовавшій при бѣгствѣ генерала Федорова его родственникъ, полковникъ Томинъ, уже извѣстный читателю.

Такъ дѣйствовали свои люди.

Интересуетъ ли это васъ, генералъ Ростковскій?..

Вы скажете, я знаю, что!..

„...по ту сторону Байкала!..“—не правда ли?

Но какъ же вы можете, генералъ Ростковскій, подавать спокойно руку генералу Федорову и подполковнику Томину, такъ плохо державшимъ себя „по ту сторону Байкала“?.. Что, кажется, изложено мною доказательно и наглядно? Теперь оба „по эту сторону Байкала“.

Томинъ находится въ одесскомъ окружномъ интендантскомъ управленіи и ему обѣщана окружнымъ интендантомъ генераломъ Шевелевымъ должность главнаго смотрителя кременчугскаго вещевого склада, къ которой Шевелевымъ онъ уже представленъ.

Такимъ образомъ, Томинъ явится достойнымъ замѣстителемъ нынѣ, наконецъ, уволеннаго, къ слову сказать, въ отставку полковника Сокола.

Генералъ Федоровъ, награжденный по представленіи генерала Биндерлинга орденомъ св. Анны I степени съ мечами и чиномъ генералъ-лейтенанта, нынѣ благополучно занимаетъ постъ начальника 19-й пѣхотной дивизіи, входящей въ составъ 19-го армейскаго корпуса.

Какъ эти господа добились своихъ отличій и своей безопасности—объ этомъ въ другой разъ; яркій примѣръ—жестоко несправедливое осужденіе капитана Шаповалова, невинность котораго должна быть наконецъ доказана...

Только удобно ли послѣ будетъ гг. Федорову и Томину носить свои ордена?

XXVIII.

По поводу статей „Герои тыла“.

(Письмо генерала Парчевскаго).

Въ четырехъ статьяхъ въ газетѣ *Русь*, (№№ 223, 224 225 и 226), озаглавленныхъ „Героями тыла“, г. *Ф. Купчинскій* приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, умышленно искаженныхъ имъ

или тѣми, у кого онъ черпалъ эти факты, и съ завѣдомою цѣлью очернить многихъ лицъ, служившихъ въ тылу.

Исключительно для возстановленія истины, считаю долгомъ просить васъ помѣстить въ вашей газетѣ слѣдующее:

Авторъ статей говоритъ, что для поступленія въ академію я „перешелъ изъ католичества въ православіе“; далѣе, что я уроженецъ Варшавской губерніи и теперь попалъ на родину. Что я не мѣнялъ религіи для карьеры, какъ утверждаетъ г. Купчинскій, въ этомъ легко убѣдиться изъ моего послужного списка, экземпляръ котораго имѣется во всѣхъ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ я до сихъ поръ служилъ. Изъ послужного списка, составленнаго при выпускѣ моемъ въ офицеры въ артиллерію изъ Павловскаго училища, можно убѣдиться, что и тогда, т. е. за пять лѣтъ до поступленія въ академію, я былъ православнымъ. Изъ того-же послужного списка видно, что я вовсе не уроженецъ Варшавской, а Могилевской губерніи, и никогда прежде въ Западномъ краѣ не служилъ; а отъ себя добавлю, что никогда прежде въ Западномъ краѣ не былъ.

Въ первой статьѣ (№ 223) приводится рѣчь моего предшественника, генерала Ланга, о томъ, чтобы не повторились безобразія турецкой войны, 1877—78 гг. и, несомнѣнно умышленно, пропускается тотъ фактъ. что приблизительно такія же рѣчи я говорилъ ежедневно при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ, принимая каждаго, прибывающаго на службу, командируемаго и проч. — Это могутъ подтвердить всѣ, служившіе подъ моимъ начальствомъ.

Г. Купчинскій находитъ, что въ Харбинъ я былъ назначенъ только потому, что генералъ Надаровъ былъ „большимъ моимъ пріятелемъ по службѣ въ Читѣ“. Это не такъ: совмѣстно съ генераломъ Надаровымъ я служилъ въ Читѣ только три мѣсяца, раньше его даже не видѣлъ. Затѣмъ, онъ былъ командированъ въ Портъ-Артуръ, и я, въ теченіе всего 1905 года, исправлялъ его должность въ Забайкальѣ. Къ числу пріятелей генерала Надарова я не осмѣливаюсь себя отнести, но считалъ-бы это великою для себя честью.

Далѣе, критикуется мой секретный циркуляръ, запрещающій игру въ карты. Спорить не буду; быть можетъ редакція этого циркуляра и не удачная, но при работѣ всѣхъ чиновъ управленія для успѣшнаго довольствія милліонной арміи, не менѣе 16 часовъ въ сутки (это каждый, побывавшій въ Харбинѣ можетъ подтвер-

дить), останавливаться надъ редакціей циркуляра, не имѣющаго прямого отношенія къ этому довольствію, не представлялось никакой физической возможности. По закону имѣлъ право запретить азартныя игры—и запретилъ.

Что касается „выгодной моей операціи съ прививкою скота“ при помощи купца Синицына, то прежде всего этотъ купецъ не читинскій, гдѣ прежде служилъ я, а кяхтинскій. Онъ былъ одинъ разъ въ Харбинѣ и до этого ни въ Читѣ, ни въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ я его никогда не видѣлъ. Въ Харбинъ онъ пріѣзжалъ съ предложеніемъ поставлять скотъ, но предложеніе по невыгодности цѣны принято не было. Противочумная сыворотка пріобрѣталась на читинской станціи Принца Ольденбургскаго, а когда эта станція категорически отказалась вырабатывать увеличившуюся потребность въ сывороткѣ, то таковую—какъ и совѣтуетъ г. Купчинскій — начали пріобрѣтать дополнительно въ Троицкосавской станціи. Въ другихъ мѣстахъ не пріобрѣтено ни одной дозы. Отъ Синицина интендантствомъ не пріобрѣтено ни одного фунта мороженаго мяса и ни одного быка или барана уже потому, что въ Забайкальѣ скотъ для арміи покупался въ теченіе всей кампаніи особой неподчиненной мнѣ комиссіей, при участіи контроля и подъ предсѣдательствомъ генерала Путилова. Рублевой расцѣнки за прививку никогда не было, и Синицинъ никогда ни въ чемъ мнѣ не помогалъ. Все вышеизложенное будетъ мною документально подтверждено. Вообще, авторъ статей въ *Руси* весьма плохо освѣдомленъ о существовавшемъ въ тылу порядкѣ заключенія условій, всякаго рода ассигнованій и пр.; безъ согласія и утвержденія контроля я не ассигновывалъ не только 75,000, но 75 руб.

Въ слѣдующемъ номерѣ (№ 224) г. Купчинскій подробно останавливается на чиновникѣ Семеновѣ; на томъ, что начальникъ контроля приказалъ составить актъ о вымогательствѣ этого чиновника, что этотъ актъ былъ препровожденъ мнѣ, съ увѣдомленіемъ, что контроль не можетъ пропустить ассигновку подрядчика, и что я „сей актъ нашелъ нужнымъ положить подъ сукно, не давая ему тѣмъ законнаго хода“. Никакихъ актовъ никогда контроль о чиновникѣ Семеновѣ не составлялъ и мнѣ не передавалъ. Изъ всей этой исторіи вѣрно только то, что на Семенова жаловался подрядчикъ одному изъ чиновъ контроля; я немедленно приказалъ моему помощнику произвести разслѣдованіе, но жалоба не подтвердилась, о чемъ имѣется въ дѣлѣ переписка для документальнаго подтвержденія.

Далѣе авторъ статей указываетъ цѣны, по которымъ можно было покупать муку и овесъ, и болѣе высокія цѣны, по которымъ я „заключилъ“ самъ въ Харбинѣ и „уполномочилъ завѣдывающаго интендантскою частью въ Читѣ заключить контракты“.

Прежде всего, за время кампаніи цѣны на все очень колебались, а потому голословно утверждать, что мука покупалась по 1 руб. 40 коп., когда можно было купить по 1 руб. 20 коп. пудъ; а затѣмъ я „самъ“ по закону ничего не имѣлъ права покупать, а тѣмъ болѣе заключать контракты. Дѣлалось по закону такъ: интендантствомъ, совмѣстно съ контролемъ, вырабатывались цѣны для каждаго пункта на извѣстный періодъ; цѣны эти утверждались высшимъ начальствомъ, и повышать ихъ я не имѣлъ никакого права, а заключенные контракты — вромѣ того — всѣ проходили черезъ контроль.

Ниже г. Купчинскій останавливается на Мысовскомъ продовольственномъ магазинѣ, подробно излагаетъ злоупотребленія въ этомъ магазинѣ; упрекаетъ — конечно — меня; говоритъ, что я „махнулъ рукой на это дѣло“, и даже приводитъ статьи закона, обязывающія меня, какъ начальника, передавать виновныхъ подчиненныхъ суду. Я такъ и сдѣлалъ, и дѣло о Мысовскомъ продовольственномъ магазинѣ еще въ началѣ года передано мною военному слѣдователю.

Въ слѣдующей статьѣ (№ 225) г. Купчинскій повѣствуетъ объ огромнѣйшихъ авансахъ, выдаваемыхъ мелкимъ чиновникамъ и офицерамъ и о колоссальныхъ проигрышахъ въ карты. Большіе авансы дѣйствительно выдавались, но дѣлалось это вполнѣ законно и, по обстановкѣ военнаго времени, было неизбѣжно. Относительно картъ я слышалъ, что играли и проигрывали, но приведенный примѣръ съ капитаномъ Власенко, проигравшимъ будтобы 31 тысячу рублей, преувеличенъ. Онъ проигралъ ровно въ четыре раза меньше и проигралъ „собственныя деньги“, а не чужія. Разслѣдованіе по этому поводу такъ его огорчило, что онъ, по собственному желанію, немедленно вернулся въ артиллерію.

Относительно чиновника Серебренникова утверждаю, что о назначеніи его въ Харбинъ я никогда и никого не просилъ, ибо, до прибытія его туда, не зналъ его совсѣмъ и никогда даже не видалъ. О томъ, что у него были недочеты въ Портъ-Артурѣ, въ первый разъ слышу. Если-же онъ теперь — въ мое отсутствіе растратилъ авансъ, какъ утверждаетъ г. Купчинскій, то, несомнѣнно, и будетъ привлеченъ къ законной отвѣтственности.

Въ слѣдующей статьѣ (№ 226) авторъ упрекаетъ меня не въ томъ, что я дѣйствовалъ заодно съ „преступными чиновниками“, а на этотъ разъ—совсѣмъ наоборотъ: въ томъ, что я предалъ суду чиновника Гаркушенко за испортившееся мясо и что „судъ для Гаркушенко окончился лишь выговоромъ“. Значитъ, я не покрывалъ чиновниковъ, а предавалъ ихъ суду, разъ къ этому былъ поводъ.

Съ подполковникомъ Каппелемъ, какъ и съ другими чиновниками, ни одного разу не бражничалъ уже потому, что вообще никогда не бражничаю. Лошадей его часто видѣлъ, но „великолѣпными“ ихъ отнюдь нельзя назвать. Въ его „роскошныхъ квартирахъ“ никогда не бывалъ и не видѣлъ. Все это вымыселъ, который легко опровергнуть каждому, жившему въ Харбинѣ.

По поводу жалобы китайцевъ на недопущеніе ихъ къ поставкамъ, генералъ Губеръ черезъ моего помощника никакихъ разслѣдованій не дѣлалъ, да и не могъ дѣлать, такъ какъ я пользовался одинаковыми съ нимъ правами. Моимъ помощникамъ я поручалъ разнаго рода разслѣдованія и повѣрки, и никто другой ни разу.

По всему вышеизложенному мною собираются документы, которые представлю по начальству для соотвѣтственныхъ распоряженій и съ просьбой избавить меня на будущее время отъ подобныхъ инсинуацій.

Генералъ-маіоръ *Парчевскій*.

Отвѣтъ генералу Парчевскому.

Не буду останавливаться на мелочахъ, коимъ много мѣста удѣляетъ въ письмѣ своемъ генералъ Парчевскій, потому что совсѣмъ не важно для оцѣнки преступленій генерала Парчевскаго то обстоятельство, когда онъ принялъ православіе—Варшавской или Могилевской губерніи онъ уроженецъ и былъ или не былъ онъ когда-нибудь въ Западномъ краѣ. Послужной списокъ, который предлагаетъ прочитать генералъ Парчевскій, интересуетъ меня гораздо менѣе, чѣмъ его роль въ тылу арміи и поступки, тамъ въ послужной списокъ, конечно, не занесенные. Но возраженія на мои серьезныя, обоснованныя обвиненія генераломъ Парчевскимъ сдѣланы настолько неаккуратно, что мнѣ противъ воли прихо-

дится подозрѣвать его въ нежеланіи освѣтить своими возраженіями указанные мною факты.

Генералъ Парчевскій говоритъ, что я умышленно пропустилъ то обстоятельство, что рѣчь, подобная рѣчи его предшественника генерала Ланга, о неповтореніи безобразій турецкой войны—говорилась неоднократно и имъ, „при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ“.

Мнѣ было это извѣстно, генералъ Парчевскій, и я охотно добавлю сейчасъ, что вы говорили при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ еще и другую рѣчь, которая, въ сопоставленіи съ предыдущей, ее зачеркиваетъ.

„Мнѣ дѣла нѣтъ, сколько заплатятъ за продуктъ, мнѣ важно, чтобы онъ былъ, и по цѣнѣ установленной, а почемъ куплено—я буду смотрѣть сквозь пальцы“. Эти слова вы произносили въ пріемной комнатѣ, куда являлись къ вамъ интендантскіе офицеры, изъ которыхъ не всѣ забыли эти ваши слова такъ скоро, какъ предыдущія, по поводу коихъ вы меня упрекаете.

Вы говорите, что съ генераломъ Надаровымъ служили всего три мѣсяца въ Читѣ и не осмѣливаетесь отнести себя къ числу его пріятелей, но сочли бы это великой для себя честью...

Я не утверждалъ, что вы служили съ генераломъ Надаровымъ въ Читѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ, но несомнѣненъ тотъ фактъ, что генералъ Надаровъ изъ строя, которому вы принадлежите, какъ офицеръ генеральнаго штаба—привлекъ васъ „къ себѣ“ въ тылъ въ интендантство, но, конечно, вы перемѣнили родъ оружія... не только изъ за великой для васъ чести быть пріятелемъ генерала Надарова.

Не буду развивать доводовъ въ стремленіи установить степень вашей взаимной пріязни, думаю, что она выяснится послѣ суда, который разберется въ причинахъ быстрыхъ утвержденій Надаровымъ вашихъ бумагъ и прочихъ вашихъ отношеній постольку, поскольку эти отношенія имѣли вліяніе на ходъ событій и на всю дѣятельность интендантскаго вѣдомства.

Вы говорите относительно своего циркуляра о картежной игрѣ, что вамъ не представлялось никакой физической возможности останавливаться на его редакціи „имѣлъ по закону право азартныя игры запретить—и запретилъ“. Но въ томъ то и дѣло, что, благодаря редакціи вашего циркуляра, гдѣ не было прямого запрещенія картежной игры, игра эта продолжалась и въ размѣрахъ даже большихъ, чѣмъ мною были указаны въ свое время, такъ

какъ и послѣ циркуляра лицами, служившими въ вашемъ вѣдомствѣ въ тылу, проигрывались и выигрывались колоссальныя суммы, чего вы не могли не знать.

Далѣе генералъ Парчевскій отрицаетъ категорически исторію съ порціями прививокъ, которую я назвалъ „выгодной операціей“, но, уклоняясь отъ выясненія сути подробно описаннаго мною инцидента, онъ впадаетъ въ слѣдующее странное противорѣчіе. Утверждая, что отъ подрядчика Синицына порціи прививокъ (сыворотка) никогда не пріобрѣтались, онъ говоритъ, что она пріобрѣталась въ Троицко-Савской станціи... Но дѣло въ томъ, что станція эта принадлежала Синицыну. И у меня являются вопросы, генералъ Парчевскій.

— Какъ вы „начали“ это пріобрѣтеніе у Синицына въ его станціи? по какой цѣнѣ? по той ли, которая была для частныхъ лицъ и частныхъ продажъ, или по той, которую было угодно вамъ предложить владѣльцу?

Вы говорите, что рублевой цѣны за порцію прививки не было. Но передъ самымъ полученіемъ вашего письма мною получено другое письмо въ вашу защиту, гдѣ очень неудовлетворительно объясняется именно эта рублевая цѣна большими расходами по доставкѣ и кормленію скота. Очевидно авторъ предварительно не видѣлся съ вами. Письмо не помѣщено по той причинѣ, что авторъ не подписался его полной фамиліей, а лишь иниціалами.

Кромѣ того, я напомню вамъ приведенный мною вашъ разговоръ съ чиновникомъ Квасницкимъ, о коемъ вы почему-то умалчиваете; если вы этотъ разговоръ забыли, я напомню вамъ другой, можетъ быть болѣе серьезный, котораго позабыть вы, конечно, не могли.

Вѣдь чиновникъ Квасницкій исправлялъ должность начальника продовольственнаго отдѣла капитана Власенко, который ушелъ со своего мѣста вовсе не отъ своего несчастія съ картами, дѣйствительно бывшаго съ нимъ, а именно изъ-за тѣхъ же порцій.

Вы, конечно, не забыли его докладную записку съ указаніемъ меньшихъ цѣнъ за порціи прививокъ; черновикъ этой записки, вами исправленный, можетъ фигурировать на судѣ...

Думаю, ваше предположеніе о томъ, что несчастіе капитана Власенко отразилось на его памяти объ этомъ инцидентѣ — васъ обмануло и, хотя вы говорите, что „собираете документы“, предупреждаю, что по многимъ вопросамъ документы уже собраны

и не вами, потому что не въ вашу пользу, въ чемъ убѣдитесь на судѣ.

Вы заговорили о мясѣ и указываете вашу непричастность. Эта причастность для меня ясна и я лишь спрашиваю васъ, генералъ Парчевскій:

Сколько тысячъ пудовъ мяса сгнило въ вагонахъ?

Сколько сгнило въ „ледникахъ“, построенныхъ не въ землѣ, а на землѣ (на поверхности) генераломъ Козловымъ, стоившихъ не менѣе 50—60 тысячъ рублей, гдѣ мясо портилось съ первымъ солнечнымъ лучемъ, а ледъ таялъ черезъ двѣ недѣли?

А сколько мяса вы закопали?

Оно было такъ гнило, что его нельзя было взвѣшивать, и вы, конечно, не установили количества уничтоженнаго тогда мяса? Китайцы не соглашались его закапывать, такъ какъ сильный запахъ валилъ съ ногъ человѣка...

А вы помните, какъ мясо продавалось по 7, по 5 копѣекъ, даже отдавалось даромъ, лишь бы брали, потому что „скопилось“ столько, что дѣвать было некуда?

А вы, можетъ быть, не знали, какъ и для чего „копили“ продукты?.. Вамъ было извѣстно, какъ скупали продукты и выжидали поднятія справочной цѣны (кто ее поднималъ, генералъ Парчевскій?), чтобы позже продавать съ огромнымъ барышомъ, помните ли вы частые случаи, когда сжигался уже испорченный продуктъ, причемъ количество его не поддавалось никакому учету? Вы говорите, что на чиновника Семенова, проговорившагося при чинахъ контроля, жаловался подрядчикъ одному изъ чиновъ контроля; вы приказали разслѣдовать, но жалоба не подтвердилась... Что же это былъ за контроль? причастный къ дѣлу, или посторонній? и какъ, наконецъ, подрядчикъ могъ жаловаться чину контроля, а не своему начальству?

Ваше возраженіе лишь подтверждаетъ мои слова о случайномъ спорѣ Семенова по поводу процента неосторожно при чинахъ контроля... Вы говорите, что цѣны колебались и мои утвержденія о разницахъ голословны.

Благоволите отвѣтить, кто же колебалъ цѣны, генералъ Парчевскій, какъ не владѣвшіе рынкомъ интенданты и подрядчики?..

Вы не имѣли права повышать, — говорите вы, — такъ какъ они утверждались высшимъ начальствомъ, т. е. Надаровымъ. Но вѣроятно судъ установитъ, какъ повышались цѣны и какъ утверждалось повышеніе ихъ.

Скажу только, что вы должны были обязать при совершеніи сдѣлокъ представлять копіи съ условій; тогда бы не происходило и поднятія цѣнъ, такъ какъ это было бы ненужнымъ...

Дѣло о мысовскомъ продовольственномъ магазинѣ теперь будетъ разбираться въ судѣ, который и установитъ настоящую вину причастныхъ къ этому дѣлу лицъ; тѣ ли виновны, которыхъ привлекли, или же тѣ, которыхъ не привлекали.

Серебренникова, вы говорите, не знали, не видѣли, про дѣла его въ Портъ-Артурѣ не слышали...

Но вами же былъ посланъ Серебренниковъ, генералъ Парчевскій, скупать пшеницу на Сунгари при справочной цѣнѣ 1 р. 60 коп.! Вамъ было неизвѣстно, что онъ удержалъ скупленный продуктъ до тѣхъ поръ, пока цѣна не возросла до 3 рублей и лишь тогда сталъ ставить?

Упоминаніе о чиновникѣ Гаркушенко, для котораго судъ окончился... выговоромъ,—преждевременно, генералъ Парчевскій, такъ какъ мои повѣствованія далеко еще не закончились.

Подполковника Каппеля коснулись вы неосторожно и отрицаніе ваше, что лошади его не были роскошны, а квартиры не были великолѣпны, только заставитъ читателей подумать, что вы дѣйствительно близко знали и его лошадей, и его квартиры. О томъ, какъ жилъ Каппель, вѣроятно освѣдомлены вы лучше меня, потому что врядъ ли безъ помощи вашей могъ сей подполковникъ, тратя по 500, 600 руб. въ день въ Харбинѣ, сколотить себѣ колоссальное состояніе, что ни для кого не секретъ и что на судѣ будетъ легко установлено.

Вы просите начальство, чтобы оно избавило васъ отъ „инсинуацій?“

Избавить васъ отъ „инсинуацій“ можетъ только судъ, генералъ Парчевскій, и хотя вы не упоминаете о судѣ, я его предлагаю вамъ для детальнаго выясненія событій.

Всякій другой способъ, который изобрѣтетъ ваше начальство для вашего спасенія, укажетъ обществу слишкомъ ясно на дѣйствительную причину уклоненій отъ суда...

Я говорю для общества, генералъ Парчевскій, и вы, возражая мнѣ, говорите для общества, дѣйствія же вашего начальства по отношенію къ вамъ должны быть извѣстны обществу, почему и вамъ, разъ вы вѣрите въ правоту своихъ дѣйствій—слѣдуетъ согласиться со мною, что только судъ можетъ пролить безпристрастный свѣтъ на эти дѣйствія.

И моя задача судебнымъ внимательнымъ разборомъ установить ту ненормальную, дорого стоившую родинѣ „идиллію счастливыхъ дней“ интендантства тыла арміи въ дни кровавыхъ боевъ и жестокихъ пораженій.

По поводу вашихъ возраженій, генералъ Парчевскій, напоминаю вамъ еще слѣдующую выдержку изъ офиціальнаго документа—циркуляра, подписаннаго вами за № 38376 отъ 28-го іюля 1905 года, подлинникъ котораго, подписанный вами, у меня находится...

„... Между тѣмъ оказывается, что нѣкоторые гг. комиссіонеры, какъ будто, и знать не хотятъ никакихъ подписанныхъ и обязательныхъ для всѣхъ законоположеній; о дѣйствіяхъ своихъ почти не доносятъ или доносятъ очень рѣдко. Задатки раздаютъ безъ всякихъ обезпеченій, ручательствъ мѣстныхъ и китайскихъ властей и письменныхъ условій, покупныя цѣны обозначаютъ, даже не справляясь съ мѣстными рыночными, въ несоотвѣтственно преувеличенныхъ иногда размѣрахъ; объ изысканіи же способовъ и мѣръ къ возможному удешевленію заготовокъ противъ цѣнъ предѣльныхъ, никакихъ стремленій у нѣкоторыхъ гг. комиссіонеровъ, къ глубокому моему сожалѣнію и прискорбію, мною не замѣчено. Все это несомнѣнно не только обременяетъ крупные военные расходы казны, но весьма невыгодно и нелестно отражается на репутаціи цѣлаго вѣдомства, становясь въ разрѣзъ съ прямой задачей—удешевленія, упрощенія и облегченія способовъ обезпеченія войскъ предметами первой необходимости...“

Значитъ вамъ, генералъ Парчевскій, далеко не безызвѣстны были нравы вашего вѣдомства въ тылу, и были случаи, когда вы считали нужнымъ говорить циркулярно о недостаткахъ дѣятельности вашихъ подчиненныхъ. Это немного противорѣчитъ со словами, что вы произносили въ пріемной.

Въ заключеніе приведу, между прочимъ, слѣдующій документъ—офиціальное заявленіе военному министру о злоупотребленіяхъ. Подпись автора пока не обнаруживаю.

Состоящій за штатомъ
числящійся по армейск.
пѣхотѣ
поруч. ...ъ.

—

10 авг. 1907 года.
№ 90.
г. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Согласно присягѣ и на основаніи разрѣшенія с.-петербургскаго коменданта, почтительнѣйше прошу ваше высокопревосходительство не оставить безъ разслѣдованія всѣ мои донесенія о крупныхъ злоупотребленіяхъ въ интендантствѣ тыла, допущенныхъ генералъ-маіоромъ Парчевскимъ, не подчиненнымъ въ настоящее время главному интенданту, — тѣмъ болѣе, что министръ путей сообщенія далъ законный ходъ подобному донесенію мелкаго служащаго, послѣдствіемъ чего было обнаруженіе злоупотребленій на 6 милліоновъ рублей.

Злоупотребленія въ интендантствѣ выражались въ слѣдующемъ: 1) въ заключеніи контрактовъ по крайне высокимъ цѣнамъ, когда продукты можно было пріобрѣтать дешевле; 2) въ пріемѣ въ казну завѣдомо негодныхъ продуктовъ; 3) въ составленіи подложныхъ актовъ съ цѣлью наживы; 4) въ вымогательствѣ отъ подрядчиковъ денегъ; 5) въ полученіи прогонныхъ денегъ безъ исполненія служебнаго порученія и т. д.

Съ подлиннымъ вѣрно:

поручикъ (*подпись*).

XXIX.

Какъ осудили капитана Шаповалова.

Подполковникъ Томинъ лично ненавидѣлъ офицеровъ, окончившихъ интендантскіе курсы. Этотъ штабъ-офицеръ позволилъ себѣ подъ Мукденомъ, въ присутствіи чиновъ управленія и интен-

данта генерала Федорова, назвать курсистовъ „ворами“ а курсы—„воровскимъ учрежденіемъ“, не имѣя на это никакихъ данныхъ. Объ этомъ одинъ изъ офицеровъ—курсистовъ, штабсъ-капитанъ Промптовъ, подалъ рапортъ на подполковника Томина, для привлеченія его къ законной отвѣтственности. Этотъ послѣдній, какъ правитель канцеляріи интенданта 3-й арміи, не давая рапорту движенія, положилъ его „подъ сукно“. Эта ненависть у подполковника Томина и генерала Федорова дошла до того, что шт.-кап. Промптову, какъ человѣку болѣе первному, пришлось, спасая себя отъ несправедливыхъ нареканій, перейти въ управленіе полевого интенданта 1-й арміи на низшій окладъ, а подполковнику Верховцеву и капитану Шаповалову пришлось—идти подъ судъ.

Полковникъ Верховцевъ былъ судомъ оправданъ.

Иная участь постигла капитана Шаповалова (курсиста). Не смотря на полное отсутствіе самыхъ незначительныхъ уликъ, исключительно на основаніи очень неопредѣленныхъ показаній офицера, имѣвшаго для своихъ личныхъ цѣлей (оправданія себя) надобность въ оклеветаніи капитана Шаповалова, послѣдній былъ привлеченъ къ суду и судимъ съ нарушеніемъ многихъ важныхъ законныхъ формальностей. Онъ былъ осужденъ, а до резолюціи суда просидѣлъ годъ въ харбинской тюрьмѣ безъ денегъ и извѣстій о ходѣ своего дѣла.

Прежде, чѣмъ говорить о ходѣ судебнаго разбора дѣла капитана Шаповалова, разскажу вкратцѣ суть обвиненія, признаннаго судомъ.

Будучи предсѣдателемъ заготовительной комиссіи, капитанъ Шаповаловъ былъ отправленъ въ Монголію для закупки скота, получивъ предварительно авансъ кредитными билетами 25,000 р. Приступивъ къ дѣлу закупки скота съ людьми взятыми съ собою, онъ, между прочимъ, въ деревнѣ Эргіо сдѣлалъ остановку, такъ какъ тамъ стояла 32 сотня 2 Заамурскаго пограничной стражи полка, и, по предположеніямъ Шаповалова, люди могли знать о мѣстопребываніи гуртовъ у туземцевъ. Сотней командовалъ поручикъ Маркевичъ, который, какъ оказалось, занимался барышничествомъ скота. Скупая его съ помощью своихъ нижнихъ чиновъ, Маркевичъ перепродавалъ его значительно дороже частямъ войскъ.

Этотъ видъ вполнѣ гласнаго и легальнаго барышничества былъ очень распространенъ, въ особенности среди офицеровъ-пограничниковъ, наживавшихъ не маленькія деньги скупкой и передачей грузовъ скота. Шаповаловъ уговорился съ Маркевичемъ, чтобы тотъ

помогъ добыть необходимое количество скота. Маркевичъ продавалъ скотъ около 5 руб. за пудъ живого вѣса; Шаповаловъ нашелъ эту расцѣнку высокой и условился покупать по 3 р. 25 к., ставя и въ счетъ ту же цѣну (3 р., 25 к.), что дѣлало казнѣ солидную экономію, но вмѣстѣ съ тѣмъ подрывало дѣятельность поручика Маркевича, что вполнѣ ясно каждому.

На этой-то почвѣ и родилось обвиненіе.

Несмотря на то, что Шаповаловъ, закончивъ покупку скота, далъ точный отчетъ въ авансѣ, полученномъ при командированіи, и проявилъ дѣйствительно рѣдкое отношеніе къ казеннымъ суммамъ — онъ послѣ былъ привлеченъ къ суду, вслѣдствіе заявленія Маркевича, что послѣдній будто бы передалъ Шаповалову для какой-то надобности сумму казенныхъ денегъ, какъ видно изъ обвинительнаго акта, очень неопредѣленную (то сказано 1,200 р. то 1,400, то 1,500, то 1,600 руб.). Тогда какъ на самомъ дѣлѣ Шаповаловъ получилъ отъ Маркевича лишь сумму 783 р., данные Шаповаловымъ переводчику Маркевича Юкинъ-Суну по его просьбѣ.

Все веденіе слѣдствія, равно какъ и самый разборъ дѣла, поражаетъ своими непонятными странностями.

Капитанъ Шаповаловъ по сдачѣ разсчета во взятомъ авансѣ, что я вижу изъ офиціальныхъ отчетовъ, назначается исправляющимъ должность завѣдующаго вещевымъ отдѣленіемъ 3-й арміи, вмѣсто бывшаго капитана Воронова. Черезъ двѣ недѣли Шаповаловъ ложится въ госпиталь, серьезно заболѣвая. Въ продолженіе почти четырехъ мѣсяцевъ онъ ничего не знаетъ о томъ, что его готовятся привлекать къ суду „за растрату и мародерство“. Объ этомъ онъ узнаетъ уже по выздоровленіи отъ самаго поручика Маркевича.

Теперь посмотримъ, какъ создалось самое обвиненіе, какъ велось предварительное слѣдствіе и какъ, наконецъ, состоялся самый судъ надъ явно невиннымъ капитаномъ Шаповаловымъ.

Какъ выясняется, обвиненіе создалось только на основаніи слуховъ, глухо пущенныхъ поручикомъ Маркевичемъ въ пьяномъ видѣ, о чемъ могутъ при разслѣдованіи указать члены комиссіи: поручикъ Іогансонъ, ветеринарный врачъ Калмыковъ и контрольный чиновникъ Святогоръ и чины управленія — капитанъ Вороновъ и капитанъ Грѣховъ. Поручикъ Маркевичъ пустилъ про капитана Шаповалова эту сплетню за то, что

1) послѣдній отказался наотрѣзъ давать ему охотниковъ для его коммерческихъ цѣлей,

2) не заступился за его переводчика Юкинъ-Суна, когда командиръ 2-го Заамурскаго погр. стражи полка полковникъ Лагуновъ производилъ дознаніе по жалобѣ одной китаянки и

3) лишилъ его возможности эксплоатировать съ согласія прапорщика Розова конно-охотничью команду, отправившись со всей комиссіей и конвоемъ на закупку скота далѣе на западъ, въ глубь Монголіи, въ тотъ раіонъ, гдѣ капитанъ Шаповаловъ производилъ рекогносцировку скота 30 апрѣля 1905 г.

Эту сплетню могъ разоблачить только одинъ капитанъ Шаповаловъ въ самомъ началѣ предварительнаго дознанія, при сопоставленіи различныхъ фактовъ и очныхъ ставокъ со всѣми членами комиссіи и поручикомъ Маркевичемъ. Но генералъ Федоровъ и его родственникъ подполковникъ Томинъ, воспользовавшись тяжелой болѣзнью капитана Шаповалова, этого не допустили и не дали ему возможности оправдаться, а военнаго слѣдователя 3-й арміи, полковника Тыртова, относительно капитана и его дѣла ввели въ полное заблужденіе, а затѣмъ:

1) На предварительномъ дознаніи правитель канцеляріи, интендантства 3-й арміи, подполковникъ Томинъ, капитана Шаповалова совсѣмъ не допрашивалъ.

2) Слѣдственное дѣло велъ военный слѣдователь 3-й арміи, подполковникъ Тыртовъ и закончилъ его въ сентябрѣ 1905 г., не спросивши совершенно капитана Шаповалова.

3) Какъ во время дознанія, такъ и во время слѣдствія, капитанъ Шаповаловъ лежалъ опасно больнымъ въ германскомъ лазаретѣ въ Харбинѣ, вынеся двѣ операціи. Объ этомъ извѣстно было помощнику интенданта, полковнику Эрдману, подполковнику Томину, капитану Грѣхову и бухгалтеру Малиновскому. Доказательствомъ чего были: свидѣтельство врача лазарета Императрицы Александры Ѳеодоровны въ Гунчжулинѣ, санитарный билетъ и открытое письмо чиновника Малиновскаго, посланное сестрѣ Шаповалова 28 августа 1905 г. до окончанія слѣдствія полковникомъ Тыртовымъ.

4) Для выясненія невиновности капитана Шаповалова, послѣдній настоятельно просилъ 21 и 22 февраля 1906 г. слѣдователя 5 корпуса (въ Яомынѣ) подполковника Фиренкранца, не смотря на законченное въ отсутствіе капитана Шаповалова слѣдственное дѣло полковникомъ Тыртовымъ, допросить немедленно свидѣтелей, въ виду ихъ ближайшей эвакуаціи въ Россію. По совершенно непонятной причинѣ этого сдѣлано не было, хотя под-

полковникъ Фиренкренцъ далъ Шаповалову слово допросить свидѣтелей подъ присягой.

5) По предъявленіи капитану Шаповалову слѣдственнаго дѣла 12 апрѣля 1906 г., послѣдній просилъ военнаго слѣдователя въ Харбинѣ, капитана Зелепскаго, въ виду полнаго противорѣчія свидѣтельскихъ показаній съ объясненіемъ Шаповалова, продолжить далѣе слѣдственное дѣло, о чемъ свидѣтельствуетъ письменная просьба капитана Шаповалова о допросѣ свидѣтелей, приложенная къ слѣдственному дѣлу.

6) Такимъ образомъ, просьба капитана Шаповалова о допросѣ по его дѣлу свидѣтелей военнымъ слѣдователемъ, капитаномъ Зеленскимъ, какъ оказалось, не была уважена и объ этомъ Шаповалову не сообщено своевременно, послѣ чего дѣло его перешло прямо въ судъ, на заключеніе прокурора. Капитанъ Шаповаловъ находитъ, что военный слѣдователь, капитанъ Зеленскій, нарушилъ статью 514 уст. в. с., на основаніи которой ему не было предъявлено слѣдственное дѣло окончательно. А потому капитанъ Шаповаловъ лишенъ былъ права обжаловать въ судѣ отказъ въ своей просьбѣ о допросѣ свидѣтелей въ свое время.

7) Ни правитель канцеляріи, подполковникъ Томинъ, при производствѣ имъ дознанія, ни военный слѣдователь, полковникъ Тыртовъ, при производствѣ имъ слѣдствія, ни, наконецъ, прокурорскій надзоръ въ обвинительномъ актѣ, привлекая капитана Шаповалова къ суду по ст. 232 раз. 4 кн. 22 св. в. п. 1869 г. изд. 3-е, не установили сумму, якобы имъ присвоенныхъ денегъ, вслѣдствіе чего, не признавая капитана Шаповалова виновнымъ въ растратѣ какихъ-либо казенныхъ денегъ, послѣдній лишенъ былъ возможности внести, какъ таковыя, до суда, что давало бы ему право понести возможно меньшее и безъ того несправедливое наказаніе.

8) Всѣ свидѣтели на судѣ отсутствовали, за исключеніемъ только двухъ, которыхъ капитанъ Шаповаловъ вызвалъ по телефону въ день засѣданія суда. А потому доказать свою полную невиновность на судѣ онъ не могъ, за отсутствіемъ двухъ самыхъ важныхъ для него свидѣтелей—поручика Іогансона и ветеринарнаго врача Калмыкова, какъ уволенныхъ въ запасъ въ Россію, которые должны были подтвердить, поручикъ Маркевичъ, что какъ только капитанъ Шаповаловъ пріѣхалъ ночью 30 апрѣля 1905 г. изъ рекогносцировки, онъ категорически предъявилъ свои права на пригнанный охотниками рогатый скотъ, и что Шаповаловъ пе-

редалъ 68 головъ скота этому офицеру не по личному желанію, ради извлеченія для себя матеріальной выгоды, какъ указано въ приговорѣ въ окончательной формѣ, а только лишь по настоятельному требованію членовъ комиссіи. Этотъ фактъ передачи поручику Маркевичу 68 головъ скота Шаповаловымъ не по личному желанію, а по настоянію членовъ комиссіи, не былъ поднятъ и освѣщенъ военнымъ слѣдователемъ, полковникомъ Тыртовымъ, при производствѣ имъ слѣдствія.

9) Комиссія въ полномъ своемъ составѣ купила у поручика Маркевича рогатый скотъ, въ количествѣ 80 головъ, взявши 58 головъ, изъ пригнаннаго охотниками гурта 30 апрѣля, и 22 головы, изъ пригнаннаго гурта людьми поручика Маркевича наканунѣ, т. е. 29 апрѣля.

10) Выданные капитаномъ Шаповаловымъ заимообразно изъ своихъ собственныхъ средствъ переводчику поручика Маркевича, китайцу Юкинъ-Суну, при покупкѣ имъ скота у монголовъ, 783 р. были ему, Шаповалову, поручикомъ Маркевичемъ возвращены въ тотъ же самый вечеръ, когда былъ пригнанъ охотниками скотъ, т. е. 30 апрѣля.

11) Никакихъ жалобъ, претензій или иныхъ заявленій, при спросѣ капитаномъ Шаповаловымъ, какъ членовъ комиссіи, такъ и офицеровъ конвоя, къ нему не поступало. Никакихъ жалобъ со стороны китайцевъ и монголовъ окружныхъ деревень не было заявлено, о чемъ можетъ засвидѣтельствовать командиръ 2-го Заамурскаго пограничной стражи полка, полковникъ Лагуновъ.

12) Комиссія купила 80 головъ рогатаго скота за 3,350 р., о чемъ былъ составленъ актъ за подписью всѣхъ членовъ комиссіи, и получила отъ переводчика Юкинъ-Суна расписку въ полученіи отъ капитана Шаповалова полностью денегъ, причемъ деньги выдавалъ контрольный чиновникъ Святогоръ лично китайцу Юкинъ-Суну, о чемъ засвидѣтельствовалъ въ распискѣ этого послѣдняго своей подписью.

13) Торгъ велся въ фанзѣ поручика Маркевича въ присутствіи всѣхъ членовъ комиссіи, причемъ особенно дѣятельное участіе принималъ ветеринарный врачъ Калмыковъ. Минимальную цифру за 80 головъ давалъ капитанъ Шаповаловъ, а не комиссія, а именно 3,000 рублей, но поручикъ Маркевичъ на это не согласился, вслѣдствіе чего комиссія рѣшила дать 3,350 рублей.

14) Покупка комиссіей 80-ти г. за 3,350 рублей, принимая во вниманіе справочную цѣну на скотъ за май мѣсяцъ 1905 г.,

дала экономію казнѣ около 3,700 руб. (считая экономическій фуражъ за 16 дней).

15) Всѣ сосѣднія комиссіи покупали у поручика Маркевича рогатый скотъ по болѣе дорогой цѣнѣ. Такъ интендантъ главной квартиры отъ 3-й арміи, подполковникъ Каплинскій, купилъ у того же поручика Маркевича 33 головы рогатаго скота за 1,850 р., уплачивая такимъ образомъ около 5 руб. за пудъ живого вѣса. И эту покупку подполковникъ Каплинскій находилъ въ экономическомъ отношеніи блестящей, за что и получилъ отъ штаба 3-й арміи благодарность, какъ о томъ засвидѣтельствовалъ на судѣ этотъ штабъ-офицеръ своимъ показаніемъ. Комиссія же, подъ предсѣдательствомъ капитана Шаповалова, купила у поручика Маркевича скотъ по 3 руб. 25 коп. за пудъ живого вѣса, о чемъ засвидѣтельствовалъ на судѣ своимъ показаніемъ контрольный чиновникъ Святогоръ.

16) По пріѣздѣ изъ Монголіи капитанъ Шаповаловъ тотчасъ же сдалъ въ управленіе авансовые счета съ оправдательными документами и квитанціи о сдачѣ въ казначейство полностью казенныхъ денегъ, оставшихся отъ закупки скота.

17) Въ то время, когда судъ войскъ Дальняго Востока, въ засѣданіи своемъ отъ 16 іюня 1906 года, по голословному показанію поручика Маркевича, не обоснованному никакими свидѣтельскими показаніями, ни фактическими данными, обвинилъ Шаповалова по ст. 232 разд. 4 кн. 22 св. в. п. 1869 г., изд. 3, въ растратѣ, причемъ эта растрата, въ количествѣ 370 руб. въ краткомъ приговорѣ обозначена, а въ обвинительномъ актѣ и въ приговорѣ въ окончательной формѣ таковая совсѣмъ не указана, капитанъ Шаповаловъ по личному произволу полполковника Томина, генерала Федорова, въ теченіе 13 мѣсяцевъ не получалъ совсѣмъ слѣдуемаго ему по закону содержанія, а также не получалъ: военно-подъемныхъ денегъ и пособія на подъемъ, въ размѣрѣ 460 рублей, суточныхъ денегъ, въ количествѣ 164 руб., прогонныхъ за двѣ командировки въ Монголію, полевыхъ порціоновъ, фанзовыхъ, дровяныхъ и фуражныхъ, а также не возвращены были его собственныя деньги, уплаченныя имъ за барановъ во время первой поѣздки въ Монголію съ 6-ю казаками, и деньги, вырученныя за самовольно проданную его собственную верховую лошадь. И теперь, вслѣдствіе произвола тѣхъ-же, генерала Федорова и подполковника Томина,—Шаповаловъ не получилъ до сихъ поръ ни слѣдуемаго ему по закону за 22 мѣсяца

содержанія, ни вышеуказанныхъ денегъ (о чемъ имѣются документальныя данныя).

18) Сумма, сказанная на судѣ пор. Маркевичемъ, а именно 1,500 руб., которая будто бы была дана имъ Шаповалову, въ возвратъ израсходованныхъ денегъ на субсидію его переводчика, китайца Юкинъ-Суна, при покупкѣ имъ скота, никакими свидѣтельскими показаніями, ни фактическими данными не установлена. Достаточно прослѣдить только обвинительный актъ: въ началѣ его въ свидѣтельскихъ показаніяхъ говорится, что поручикъ Маркевичъ категорически будто бы утверждалъ, что далъ капитану Шаповалову 1,200 руб., въ другомъ мѣстѣ, со словъ поручика Маркевича, говорится въ обвинительномъ актѣ—1,400 руб., въ третьемъ — 1,500 руб., въ четвертомъ — 1,600 руб., а въ статьѣ о преданіи суду упоминается, что поручикъ Маркевичъ передалъ капитану Шаповалову 1,600 руб., и выше.

19) Приговоръ суда относительно капитана Шаповалова не былъ утвержденъ командующимъ войсками на Дальнемъ Востокѣ и съ резолюціей генерала Гродекова былъ отосланъ въ главный военный судъ.

20) Разбирая всѣ детали о возникновеніи противъ Шаповалова обвиненія по поводу закупки скота въ Монголіи комиссіей отъ 3-й арміи подъ предсѣдательствомъ самого Шаповалова, послѣ нѣсколькихъ заданныхъ имъ поручику Маркевичу вопросовъ, этотъ послѣдній, въ присутствіи штабсъ-капитана 4-й В.-С. стрѣлковой артиллерійской бригады Спасскаго и поручика 14-го В.-С. стрѣлковаго полка Никольскаго, сообщилъ слѣдующее: „Да, я впуталъ капитана Шаповалова въ эту исторію и самъ запутался, именно за то, что онъ, капитанъ Шаповаловъ, не далъ мнѣ возможности заработать на скотѣ 40,000 руб.“. Показанія этихъ офицеровъ имѣются.

21) Къ дѣлу не приложены: ни авансовые счета капитана Шаповалова, ни оправдательные документы, ни росписки, ни акты, составленные комиссіей, ни, наконецъ, квитанціи о сдачѣ имъ полностью оставшихся отъ закупки скота казенныхъ денегъ (въ копіяхъ).

22) Въ приложенномъ къ слѣдственному дѣлу послужномъ спискѣ странная подчистка, невольно создающая вопросъ генералу Федорову и его фактическому помощнику подполковнику Томину: „Что это—подлогъ или только невинная служебная ошибка?“

23) О пристрастномъ отношеніи генерала Федорова и под-

полковника Томина къ офицерамъ, окончившимъ интендантскій курсъ, мнѣ кажется, могутъ засвидѣтельствовать: помощникъ интенданта полковникъ Эрдманъ, подполковникъ Верховцевъ, капитанъ Промптовъ, капитанъ Грѣховъ и бывшій заурядъ-чиновникъ Бобровскій (окончившій технологическій институтъ).

Таковы обстоятельства дѣла въ общихъ чертахъ.

Теперь посмотримъ, какъ судъ отнесся къ Шаповалову.

Позволяю себѣ подробно остановиться на этой исторіи, такъ ярко иллюстрирующей нравы интендантскаго міра.

XXX.

„Свои люди“ генерала Парчевскаго.

Управленіе интендантства тыла было сформировано изъ квантунскаго областного интендантства, чины котораго и послужили его ядромъ.

Личный составъ офицеровъ и классныхъ чиновниковъ тылового интендантства составляли бывшіе чины квантунскаго интендантства, также присланные изъ главнаго управленія или окружныхъ управленій и съ интендантскихъ курсовъ; кромѣ того прикомандированные изъ строя раненые и контуженные, въ незначительной степени легкія царапины и контузіи весьма выгодно утилизировавшіе, благодаря протекціи, и удалившіеся изъ строя. Наконецъ, добрая половина всего состава заурядъ-чиновники, то есть, бывшіе писаря, допущенные за недостаткомъ офицеровъ и чиновниковъ къ занятію классныхъ должностей.

Генералъ Парчевскій вовсе не останавливался передъ необразованностью назначаемыхъ имъ чиновъ и на важные отвѣтственные посты имъ назначались лица съ низшимъ или домашнимъ образованіемъ, напримѣръ на должности начальниковъ отдѣленій, чиновниковъ для порученій VI класса и т. д. Всѣ болѣе или менѣе лучшія должности были заняты квантунцами и ихъ пріятелями.

Секретарь — капитанъ Петровскій; его помощникъ (офиціально—чиновникъ для порученій VI класса, такъ какъ по этой должности больше жалованья) губернскій секретарь Шепотинскій бывшій писарь. Начальники отдѣленій: знаменитый подполковникъ Каппель, Суховъ (изъ фельдшерскихъ учениковъ), извѣстный нынѣ читателямъ Серебренниковъ. Осиповъ (изъ писарей)—главный смо-

тритель продовольственныхъ магазиновъ (очень хлѣбная должность). Скопиченко—главный смотритель вещевого склада и затѣмъ начальникъ отдѣленія управленія (съ низшимъ образованіемъ).

Позже къ числу этихъ удачно пристроившихся квантунцевъ присоединился чиновникъ Кочуринъ (бывшій помощникъ бухгалтера петербургскаго вещевого склада) и прикомандированный изъ строя штабсъ-капитанъ Сорокинъ — оба, составлявшіе вмѣстѣ веселую компанію генералу Парчевскому въ совмѣстныхъ кутежахъ и прочихъ развлеченіяхъ. Первый при томъ былъ еще начальникомъ вещевого отдѣленія; второй казначеемъ.

На этихъ и нѣкоторыхъ другихъ сыпались начальническія поощренія и милости въ видѣ орденовъ, денежныхъ наградъ, всяческихъ пособій (на леченіе болѣзней, воспитаніе дѣтей и проч.) и „выгодныхъ командировокъ“, выдавались разъѣздныя деньги 3 рубля и болѣе въ сутки. Сидящимъ на стулѣ давались авансы (напримѣръ Евницкій, благодаря дружбѣ генерала Парчевскаго съ его женой) съ правомъ найма рабочихъ „по вольной цѣнѣ“ при наличіи казенныхъ рабочихъ силъ.

Каппель за время войны „за отличіе“ кромѣ производства въ подполковники получилъ 3 или 4 ордена. Секретарь, капитанъ Петровскій, нѣсколько орденовъ, помощникъ его губернскій секретарь изъ писарей имѣлъ 3 или 4 ордена за 3—4 года службы, казначей, штабсъ-капитанъ Сорокинъ, одинъ изъ главныхъ фаворитовъ Парчевскаго — большія денежныя награды, суточныя, разъѣздныя по 3 руб., при наличіи находящейся въ его распоряженіи лошади и проч.

Главной силой въ управленіи почти за все время войны были капитанъ Петровскій и подполковникъ Каппель. Эти двое ворочали всѣмъ; отъ нихъ всецѣло зависѣли всѣ повышенія, назначенія на должности, всякія перемѣны по службѣ. Только подъ конецъ дѣятельности тылового интендантства значеніе этихъ офицеровъ нѣсколько уменьшилось, когда исправляющимъ должность помощника интенданта былъ назначенъ полковникъ Хаскинъ, нынѣ генералъ-маіоръ, который совершенно забралъ въ руки слабохарактернаго генерала Парчевскаго.

Совершенно ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ трудно разсчитывать было на успѣхъ общаго дѣла продовольствія, но успѣшно было гарантировано благополучіе тѣсно сплоченной и выгодно подобранной компаніи людей.

XXXI.

Генералъ Хлыновскій.

Если въ манчжурскихъ арміяхъ по расхищенію денегъ работали цѣлыя хорошо организованныя товарищества, начиная отъ высшихъ чиновъ и кончая подпоручикомъ или коллежскимъ регистраторомъ, и расхищенныя деньги немедленно большинствомъ пропивались въ харбинскихъ ресторанахъ и кафе-шантанахъ, то въ томъ мѣстѣ, о которомъ я хочу сейчасъ говорить, дѣлалось какъ разъ наоборотъ: не было хорошо организованныхъ товариществъ и бандъ, зато дѣло находилось въ однѣхъ сильныхъ и крѣпкихъ рукахъ.

Въ Сибирскомъ военномъ округѣ, въ раіонѣ отъ Омска до Байкала, былъ сформированъ цѣлый рядъ разныхъ госпиталей подъ названіемъ: „омскихъ“, „томскихъ„“, „иркутскихъ„ и т. д. Всѣми упомянутыми госпиталями управлялъ генералъ-маіоръ Хлыновскій, именовавшійся начальникомъ санитарно-эвакуаціонной части въ Сибирскомъ военномъ округѣ. Объ этомъ генералѣ я уже упоминалъ въ одномъ изъ очерковъ. Этотъ пресловутый генералъ во время минувшей войны не могъ спеціализироваться на своемъ посту и обратился въ форменнаго купца: поставлялъ для госпиталей муку, крупу, чай, сахаръ, зелень, мясо и прочіе продукты — это для больныхъ, а для другихъ нуждъ госпиталей поставлялъ кровати, лѣсъ, дрова и иные матеріалы. Для болѣе широкой и выгоднѣй, конечно для себя, поставки всѣхъ вышепоименованныхъ продуктовъ и матеріаловъ. генералъ Хлыновскій мечталъ, если война затянется надолго, расширить сферу своей дѣятельности настолько, чтобы заработокъ въ его пользу былъ бы минимумъ 50 — 75 проц. Этого генералу Хлыновскому достичь было нетрудно, такъ какъ всѣ продукты и матеріалы перевозились безплатно въ санитарныхъ поѣздахъ, а цѣны на эти продукты генераломъ были установлены баснословно высокія. Заручившись согласіемъ высшаго начальства на безплатную перевозку продуктовъ и др. матеріаловъ въ санитарныхъ поѣздахъ, генералъ Хлыновскій непреминулъ и тутъ воспользоваться этими поѣздами для своихъ личныхъ цѣлей. При переѣздѣ его изъ Омска въ Иркутскъ, гдѣ впослѣдствіи было сформировано управленіе санитарно эвакуаціонной частью, цѣлые санитарные поѣзда везли имущество вышеупомянутаго генерала, именуя его казеннымъ грузомъ. Одинъ изъ такихъ поѣздовъ совершенно случайно былъ осмотрѣнъ

ревизоромъ изъ Петербурга, ѣхавшимъ на Дальній Востокъ, и тогда объ этомъ случаѣ много говорили, но дѣло, конечно, какъ почти всегда въ такихъ случаяхъ, никакого дальнѣйшаго направленія не приняло, и вещи генерала благополучно доѣхали до Иркутска. Совершенно другое было съ жителями гор. Иркутска. Съ громаднымъ трудомъ можно было городской управѣ добиться у покойнаго генерала Левашова разрѣшеніе на перевозку необходимыхъ продуктовъ для населенія г. Иркутска, такъ какъ таковыя давались съ „большой осторожностью“ или вѣрнѣе по сильной протекціи и то больше для перевозки въ армію водокъ и наливокъ разныхъ наименованій. Нѣсколько разъ многимъ приходилось наблюдать толпу въ тысячу, а иногда и больше людей, осаждающихъ какую-нибудь лавчонку, въ которую только что привезли „по милостивому разрѣшенію“ вагончикъ муки. Продажа производилась не больше, какъ по одному пуду на человѣка. При такомъ порядкѣ и массѣ голодныхъ людей, желающихъ купить себѣ пропитаніе на одинъ или много три, четыре дня, были неоднократные случаи, что въ день распродажи одинъ — два человѣка уберутся на тотъ свѣтъ — это изъ-за куска насущнаго хлѣба, а въ санитарныхъ поѣздахъ везли безплатно богатую комфортабельную мебель генералу, который, перебравшись въ Иркутскъ, прежде всего открылъ, спеціально для госпиталей, свою лавку, посадивъ въ нее офицеровъ и чиновниковъ. Послѣ открытія этого, какъ казалось генералу, небольшого дѣльца, не удовлетворяющаго его большому аппетиту, онъ принялся на мѣстѣ скупать живой скотъ для убоя. Затѣмъ онъ послалъ одного „опытнаго“ своего приближеннаго „капитана“ (прапорщиковъ запаса звали капитанами) въ Монголію для покупки тамъ скота. Прибывшій изъ Монголіи скотъ, а также и купленный на мѣстѣ, генералъ помѣстилъ для откармливанія на одномъ изъ островковъ рѣки Ангары, недалеко отъ Иркутска, и заставилъ этого же капитана хранить скотъ, какъ зѣницу ока, а въ помощь ему для наблюденія за пастбищемъ назначилъ чиновниковъ, которые смиренно и терпѣливо несли несложныя обязанности пастуховъ, что несовмѣстимо не только съ званіемъ, но и воинской дисциплиной. Изрѣдка, и то въ началѣ и втихомолку пастухи выражали свое неудовольствіе на генерала, а затѣмъ смирились съ своимъ новымъ положеніемъ и замолчали. Грозный генералъ не слышалъ ихъ ропота и продолжалъ свою широкую коммерческую дѣятельность. Недалеко отъ Иркутска къ Байкалу, Хлыновскій облюбовалъ участки земли съ

лѣсомъ и энергично принялся его сводить (рубить), посылая туда для сплава лѣса офицеровъ и чиновниковъ (люди казенные—выгодно). Послѣдніе на свою судьбу такъ не роптали, какъ пастухи, пасшіе генеральскія стада, а наоборотъ, очень умиленно усмѣхались и, потирая рука объ руку, говорили: „какъ прикажетъ его превосходительство“. Фактъ ясенъ, почему послѣдніе такъ смирялись предъ рокомъ своей судьбы. Тактику лѣсоводовъ, повидимому, переняли и пастухи: мясо, бывши еще „на корню“, уже испортилось и его пришлось приказомъ по санитарно-эвакуаціонной части уничтожить, предварительно продѣлавъ съ нимъ всю бумажную махинацію и доведя его стоимость до 8—9 руб. за пудъ, что для Иркутска очень дорого, а тѣмъ болѣе свое покупное—живьемъ (на базарѣ мясо продавалось 5—7 руб., а нѣкоторыми госпиталями было законтрактовано отъ 6 до 6 руб. 75 коп. за пудъ; впослѣдствіи генералъ обязалъ всѣ госпитали покупать мясо у него, хотя бы даже стоимостью и дороже). Приказъ по санитарной части былъ отданъ самаго невиннаго характера: перечисливъ въ предисловіи порядокъ, почему обошлось такъ дорого мясо, приказъ объясняетъ, что скотъ покупалъ капитанъ и благодаря его неопытности, но отнюдь не отъ нерадѣнія и другихъ какихъ либо причинъ, произошла порча мяса, а потому убытки принять на счетъ казны. О лѣсѣ генералъ умалчиваетъ. Тамъ видимо ужъ слишкомъ было много того, о чемъ нельзя писать въ приказахъ, поэтому генералъ прибѣгнулъ къ бюрократической формулѣ: „сдѣлать подъ шумокъ“. Собственная генеральская лавка давала немало дохода, но этого генералу казалось мало и онъ, какъ я сказалъ выше, все время стремился расширить сферу своей дѣятельности и энергично занялся поставкой въ госпитали кроватей. Всѣхъ подрядчиковъ и поставщиковъ генералъ принималъ всегда неизмѣнно въ своемъ кабинетѣ, который послѣ входа въ него подрядчика или поставщика запирался на ключъ и даже самые близкіе генерала не посвящались въ эту великую тайну. Какъ только въ печать проникли частные слухи о мирѣ, генералъ, не теряя ни одной минуты времени, спѣшно ѣдетъ по госпиталямъ, которые только еще въ зародышѣ, и приказываетъ главнымъ врачамъ (личный составъ уже существовалъ) подать ему сейчасъ же рапорты объ открытіи госпиталей (сводныхъ) и возможно на большее число мѣстъ больныхъ, дабы этимъ показать свою дѣятельность, а главнымъ образомъ сбыть побольше кроватей, отъ которыхъ добрая половина дохода нашла себѣ мѣсто въ

генеральскомъ карманѣ. Въ этомъ направленіи генералъ ушелъ далеко и до того изощрился въ своихъ коммерческихъ предпріятіяхъ, что даже въ средѣ своихъ служащихъ (въ управленіи санитарной части) учредилъ что-то вродѣ спекулятивнаго предпріятія. Для этой цѣли генералъ Хлыновскій въ своемъ управленіи насадилъ цѣлую серію заурядъ-чиновниковъ, съ содержаніемъ отъ казны по 37 руб. 50 к. въ мѣсяцъ каждому, согласно прик. воен. вѣд. 1891 г. № 137, а отъ интендантства требовалось всѣмъ положенное шт. содержаніе, какъ классн. чинамъ, съ окладами не менѣе 105—125 руб. въ мѣсяцъ. Вы спросите: что-же изъ этого? —остатки останутся въ казнѣ! Вотъ тутъ то и бѣда: остатки эти расплылись безъ остатка. На остатки генералъ Хлыновскій утвердилъ въ управленіи санит. части "чаепитіе" съ булками и вкуснымъ завтракомъ. Если и послѣ этого были еще отъ этихъ суммъ остатки, то ихъ со спокойной совѣстью дѣлили крупные люди между собою, обходя наградой грошевыхъ труженниковъ— заурядъ чиновниковъ. Впрочемъ нѣкоторымъ изъ нихъ давали къ празднику Рождества по 25 руб., въ рѣдкихъ случаяхъ и то избраннымъ („пастухамъ", „лѣсоводамъ") давали сравнительно больше. Такъ цѣнилъ генералъ Хлыновскій трудъ своихъ подчиненныхъ, эксплоатируя ихъ на каждомъ шагу. Далѣе генералъ занимается постройкой шатровыхъ госпиталей, для которыхъ шелъ лѣсъ изъ его дачъ. Только что соорудили внѣшнюю оболочку упомянутыхъ госпиталей, безъ всякаго внутренняго ихъ оборудованія, Хлыновскій торжественно производитъ ихъ открытіе и въ этотъ моментъ получаетъ, по телеграфу, изъ Петербурга благодарность. Трудъ будто бы оцѣненъ по заслугамъ, и генералъ торжествуетъ. Вдругъ, немного спустя, послѣ всей этой церемоніи, на зло рока поднимается маленькая буря, и всѣ шатровые госпитали уноситъ въ рѣку Ушаковку, по берегу которой они были выстроены, погребая въ ней казенныя деньги, затраченныя чуть ли не 40 тысячъ рублей на каждый, „а еще больше погребено казенныхъ денегъ въ генеральскомъ карманѣ, гдѣ они нашли себѣ прочный и вполнѣ надежный пріютъ"—пишетъ мнѣ одинъ мой корреспондентъ.

Кромѣ офицеровъ, у генерала Хлыновскаго были любимчики чиновники, къ которымъ онъ особенно благоволилъ. На одного изъ такихъ укажу, на титулярнаго совѣтника Космана, который на столько былъ приближенъ къ генералу, что по разнымъ его порученіямъ разъѣзжалъ то въ дѣйствующую армію, то въ Петер-

бургъ, то въ разныя другія мѣста и за всѣ эти проѣзды получалъ прогонныя деньги, тогда какъ другимъ выдавались предложенія.

Теперь на упомянутаго чиновника сдѣланъ контролемъ начетъ, но какъ онъ его избѣжитъ и какъ безъ ген. Хлыновскаго обойдется объясненіе,—это покажетъ наша бюрократическая изворотливость.

Браковать врачамъ негодныя поставки и продукты было рисковано, такъ какъ поставщикъ былъ и главный начальникъ врачей.

Теперь генералъ Хлыновскій, получившій орденъ, назначенъ на видную должность въ Нерчинскій округъ.

Не лучше были и сподвижники Хлыновскаго-Голицынъ, Садиловъ и Владиславлевичъ. Въ поручаемомъ имъ дѣлѣ царилъ всегда полный хаосъ, отъ котораго страдали больные, раненые. Было ясно, что всѣ эти люди собрались сюда только для наживы.

Воображаю, какую потрясающую картину могли бы открыть о дѣятельности Хлыновскаго именно врачи его госпиталей, на глазахъ которыхъ страдали раненые,—если бы не... всѣхъ останавливающее опасеніе пострадать по службѣ!..

Но я вѣрю, что найдутся рѣшительные, честные люди и выскажутся о Хлыновскомъ открыто.

XXXII.

Къ моимъ корреспондентамъ.

Двое изъ видныхъ „героевъ“ прислали телеграммы о привлеченіи меня „за клевету“. Привѣтствую ихъ начинаніе и твердо вѣрю, что такъ же поступятъ и иные „герои“, увѣренные въ своей правотѣ или... въ моемъ незнаніи ихъ преступленій.

Думаю, что эти двѣ телеграммы лишь первыя ласточки многихъ другихъ. Поставленные въ необходимость оправдать себя на судѣ, „герои“ тыла должны будутъ очень подробно указать обстоятельства своей дѣятельности, что мнѣ одному сдѣлать было бы не подъ силу. Вотъ, почему я особенно привѣтствую гг. Каппеля и Ухача-Огоровича, не въ примѣръ прочимъ, уже заявившимъ свою готовность судебнымъ разбирательствомъ оживить и дополнить рисуемую мною картину, „идиллію счастливыхъ дней тылового интендантства“... Конечно, г. Ухачу-Огоровичу ничего не

оставалось, какъ закричать по телеграфу: „ложь, клевета“ и проч.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я вѣрю вполнѣ, что всѣ порядочные люди, служившіе въ интендантствѣ тыла, смѣло, открыто заявятъ суду извѣстную имъ объ этихъ геройхъ истину, не останавливаясь передъ соображеніями служебнаго свойства.

Наступило время, когда гласности передано то, что такъ тщательно скрывалось не только въ дни войны, но и послѣ войны почти три года, и суду надлежитъ безпристрастно оцѣнить дѣятельность этихъ разрушителей духа, силы и здоровья нашей арміи, губителей трудового гроша русскаго народа.

Я еще далеко не закончилъ моихъ описаній и перечислилъ еще не всѣхъ „героевъ“, тѣмъ не менѣе я вижу уже результаты осязаемые... Судъ публично оцѣнитъ мои обвинительные акты...

Мнѣ говорятъ: „Они уклонятся и теперь; ихъ много, они станутъ поддерживать другъ друга“ и прочее... Думаю, что дѣло принимаетъ такой оборотъ, когда офиціальное вмѣшательство высшихъ военныхъ властей въ дѣятельность „героевъ тыла“, станетъ неизбѣжнымъ и дальнѣйшее сокрытіе преступленій немыслимымъ.

Убѣдительно прошу моихъ корреспондентовъ не сѣтовать на меня, что я не въ силахъ отвѣтить на множество цѣнныхъ писемъ, съ документами, свидѣтельскими показаніями и прочее; искренно благодаренъ за всякую помощь въ этомъ дѣлѣ и чѣмъ смѣлѣе эта помощь, тѣмъ радостнѣе она для меня и тѣмъ полезнѣе самому дѣлу!

Многимъ корреспондентамъ, спрашивающимъ меня, не прислать-ли тѣхъ или иныхъ документовъ, отвѣчаю: — Да, конечно! все будетъ внимательно разобрано и чѣмъ яснѣе встанетъ картина „идилліи счастливыхъ дней“ въ тылу, тѣмъ надежнѣе избавленіе отъ хищниковъ и арміи, и народной казны“!

XXXIII.

Прибыльныя операціи съ гуртами скота.

Можно сказать смѣло, что въ тылу большіе и малые „ухачи“ и „герои“ старались нажиться буквально на всемъ. Исключитель-

ная обстановка войны давала къ тому множество удобнѣйшихъ случаевъ. Рискъ, къ которому такъ странно привыкали на войнѣ самые слабые и трусливые люди, царилъ и въ тылу съ исключительной силой. Ежедневно по многу разъ люди мало и много чиновные, бѣдные и богатые, скромные и беззастѣнчивые, привыкшіе и непривыкшіе „жить“, ставили на карту свое доброе имя, свой мундиръ, свою должность, свое жалованье, средства, порою всю свою жизнь.

Наблюдая съ завистью харбинскія вакханаліи, у скромныхъ и честныхъ людей просыпалась тоска по невозможности бросать деньги, которыхъ нѣтъ, рождалась грусть по невозможности пить дорогое вино, шумѣть и скандалить въ дорогихъ шато-кабакахъ съ дорогими „женщинами“, досада и боль на невозможность поставить крупный кушъ на карту спокойнымъ и тревожнымъ словомъ „вабанкъ“, за которымъ таится можетъ быть столько счастья.

И люди, которыхъ прежде не касались, можетъ быть, никогда „порочные“ инстинкты недоброкачественной наживы, изощрялись въ творчествѣ легкаго, безопаснаго и вѣрнаго обогащенія.

Уже довольно много способовъ наживы, практиковавшихся въ тылу, изложилъ я въ предыдущихъ главахъ, но напрасно читатель будетъ думать, что ими исчерпывается любопытное творчество „героевъ“ тыла. Ниже я сдѣлаю небольшой перечень практиковавшихся способовъ наживы съ краткимъ указателемъ на факты, такъ сказать небольшой справочникъ для читателей, для суда, для самихъ „героевъ“, для кого угодно.

Но пока остановлюсь на гуртахъ скота; операціи съ гуртами были вообще чрезвычайно разнообразны...

Я какъ-то упомянулъ, что въ покупаемыхъ интендантствомъ тыла гуртахъ скота пудъ мяса обходился намъ не менѣе 60 руб; это показалось сказочнымъ и среди множества получаемыхъ мною писемъ стали попадаться очень искреннія просьбы заинтересовавшихся недоумѣвающихъ читателей — разсказать, какимъ образомъ мясо могло стоить 60 рублей пудъ, то есть полтора рубля фунтъ!...

На нужды интендантства скотъ скупался въ Монголіи интендантскими чиновниками, офицерами, заурядъ-прапорщиками, даже фельдфебелями.

Скупленный скотъ скоплялся въ гурты (гуртъ = 750 головъ рогатаго скота или 4,000 головъ барановъ, овецъ или свиней).

Гурты „принимались“ и вѣдались особыми комиссіями по гуртамъ. Мнѣ извѣстно существованіе двухъ такихъ комиссій: комиссія подполковника Мамѣева и комиссія подполковника Горохова.

Мамѣевъ и Гороховъ получали крупные авансы, но сами скотъ не добывали, а раздавали ихъ скупщикамъ, изъ коихъ главный завѣдующій гуртами былъ капитанъ Орловскій на большомъ участкѣ Цицикаръ—Хайларъ—Манчжурія. Самое формированіе гуртовъ уже совершалось заурядъ-чиновниками и прапорщиками при ближайшихъ совѣтахъ, указаніяхъ и вмѣшательствахъ заинтересованнаго въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ, тою или иною подробностью начальства. Въ вѣдѣніи капитана Орловскаго находилось не менѣе 150 гуртовъ, что составляло значительный капиталъ, который одной своей наличностью требовалъ ежедневно колоссальныхъ затратъ (фуражъ, прививка, сторожа, погонщики, вагоны, сараи и проч.). Скотъ, принятый въ гурты, провѣрялся особыми комиссіями при представителяхъ самихъ подрядчиковъ и въ присутствіи начальниковъ гуртовъ. Тутъ было большое поле для злоупотребленій; стоитъ только понять какой убытокъ подрядчику, когда ему бракуютъ и не принимаютъ его скота. Взятки, бравшіяся за пропускъ гуртовъ, имѣли всякую мотивировку. Брали за пропускъ явно зачумленнаго скота, напримѣръ гуртъ Аржанова, въ которомъ отъ чумы въ два дня изъ 750 головъ пало 300.

Принимали скотъ съ искусственно повышеннымъ вѣсомъ, что достигалось напаиваніемъ голоднаго отъ „экономіи“ скота водою, отчего сразу прибавлялась безплатно для владѣльцевъ стоимость лишнихъ пудовъ воды; особенно удачно это практиковалось съ баранами, пудъ „живого вѣса“ которыхъ по высшей расцѣнкѣ былъ 4 руб. 50 коп.;—напаиваніемъ передъ смотромъ увеличивали значительно вѣсъ и порядочно наживали. Капитанъ Орловскій, какъ человѣкъ порядочный и чистоплотный, сколько могъ и умѣлъ, боролся съ царящей жаждой наживы. Онъ неоднократно доносилъ въ тылъ рапортами въ интендантское управленіе о неправильности пріемки комиссіей скота, указывалъ на принимавшаго больной скотъ врача Федецкаго и другихъ—это было безполезно. Кто-то тамъ зналъ и молчалъ, а почему—было ясно.

Только однажды пріѣхалъ изъ Харбина ветеринарный врачъ „для ревизіи„ отъ интендантскаго управленія, но было ясно, что означенное управленіе послало „замазать“ дѣло по-просту „своего“

человѣка, коихъ въ управленіи было достаточно. Пріѣхавшій ветеринаръ даже остановился у врача Федецкаго, сразу давъ всѣмъ понять, на чьей сторонѣ онъ найдетъ правду; конечно, правда и оказалась на сторонѣ Федецкаго; дѣло замяли.

Однажды Орловскому „приказали“ принять 4,000 быковъ, заготовленныхъ генераломъ Путиловымъ.

Капитанъ Орловскій нашелъ скотъ зачумленнымъ и принять его отказался, донесши о семъ офиціальнымъ рапортомъ генералу Парчевскому; послѣдній, какъ мнѣ передаютъ, сказалъ, прочитавъ рапортъ.

— Орловскій только завѣдующій гуртами и вмѣшиваться въ оцѣнку качества скота не имѣетъ права...

Орловскому пришлось принять... Кстати сказать, эта заготовка была уже по окончаніи войны...

Война кончилась, а скотъ все „заготовляли“ по примѣру генерала Хлыновскаго, спѣшившаго строить бараки послѣ мира, по примѣру другихъ, то строившихъ поспѣшно передъ наступленіемъ, то ломавшихъ, за все ставя въ отчетахъ огромныя цифры. Скотъ продолжали ставить въ октябрѣ, ноябрѣ, декабрѣ 1905 года выше тогдашней потребности уже уменьшавшихся въ числѣ войскъ и много скота пропадало зря.

Было заготовлено около 20,000 рогатаго скота и не менѣе 50,000 барановъ.

Сколько денегъ было тутъ переплачено, сколько тутъ нажилось народу... врядъ-ли сумѣетъ выяснить точно и подробно даже судъ, такъ какъ уничтожено предусмотрительно немало краснорѣчивыхъ документовъ.

Но особенно интересно, какъ распорядились съ фуражемъ, какъ этотъ скотъ кормили.

На этомъ дѣлѣ погибли безвозвратно милліоны русскаго золота, расплывшагося по карманамъ безчисленныхъ шакаловъ въ чинахъ и безъ чиновъ, въ погонахъ и безъ оныхъ.

Но особенно нашумѣло дѣло о десяти милліонахъ пудовъ сѣна, порученнаго доставить на нужды скота и войска инженеру Михайловскому, которому на заготовку сѣна въ видѣ аванса было выдано $2^1/_2$ милліона рублей... Въ итогѣ сѣна было поставлено никакъ не болѣе какъ на одинъ милліонъ рублей, остальное же исчезло въ „усушкахъ“ и въ „гнили“. Но такъ какъ усушка и гниль по контракту должны были идти въ счетъ подрядчика, то казалось бы казна не должна была пострадать при доставкѣ сѣна,

хотя бы и на милліонъ рублей. Между тѣмъ по этой операціи казна потеряла чистыхъ $1^1/_2$ милліона руб., такъ данный авансъ оправданъ не былъ. Зимой на прокормленіе скота требовалось множество сѣна и скотъ голодая, ѣлъ собственный калъ и падалъ во множествѣ („падежъ“ — тоже одна изъ доходныхъ статей; „заболѣваніе“ и „лѣченіе“ тоже не мало обогащали многихъ)— за сѣно платили втридорога—лишь бы прокормить до лѣта скотъ и не дать ему передохнуть всему.

Самый контрактъ этотъ на поставку такой массы сѣна—есть нѣчто истинно феерическое. Инж. Михайловскій можетъ быть даже и не сознавалъ ясно всей сказочной огромности принятыхъ на себя обязательствъ, увлеченіе всегда было яркой чертой его дѣятельности, но главное-то управленіе интендантства тыла (генералъ Надаровъ, Парчевскій и др.) обязано было своевременно оцѣнить все безуміе этой затѣи. Это безуміе станетъ ясно для каждаго изъ очень небольшого всѣмъ понятнаго соображенія.

Для поставки сѣна 10 милліоновъ пудовъ нужно было его заготовить **minimum** 13.000,000 (усушка, овѣтріе, низъ, всегда подгнивавшій и проч.). Считая **maximum** по 65 пудовъ съ десятины, нужно, значитъ, было выкосить 200,000 десятинъ луга, что съ уборкой въ Монголіи и Манчжуріи требовало по простому разсчету 600,000 рабочихъ дней. На полосу 2,000 кв. верстъ (= 200,000 десятинъ луга), потребовалось бы 20,000 косарей (на мѣсяцъ) и уборщиковъ, кромѣ того прессовальщиковъ, подвозчиковъ и проч.

Потребовалось бы **minimum** 100 большихъ прессовъ съ не менѣе чѣмъ 40 днями работы.

Потребовалось бы вагоновъ при самой добросовѣстной увязкѣ **minimum** 32,500, что составляетъ тысячу поѣздовъ... Какъ видно, предпріятіе явно абсурдное, да изъ него ничего и не вышло, если не считать крупный выигрышъ или „заработокъ“, или растрату **minimum** въ $1^1/_2$ милліона рублей.

Поистинѣ несчастія, лишенія, невзгоды тѣхъ, кто былъ впереди дѣйствующихъ армій, обратно пропорціональны идилліямъ счастливыхъ дней „героевъ тыла“!..

И это далеко, далеко не все.

Письмо въ редакцію.

Сегодня въ „Нов. Времени“ въ хроникѣ напечатано, что генералъ Надаровъ привлекаетъ меня къ суду за мои разоблаченія.

Одновременно въ томъ же номерѣ напечатано слѣдующее письмо въ редакцію *).

М. Г. Прошу не отказать помѣстить слѣдующее:

Въ газетѣ „Русь“ въ рядѣ статей г. Купчинскаго подъ заглавіемъ „герои тыла“ печатается самая возмутительная клевета на моего отца, бывшаго главнаго начальника тыла манчжурскихъ армій, генерала Надарова, причемъ многое, что выдается за факты, просто выдумано г. Купчинскимъ, или тѣми „очевидцами“, корреспонденціи которыхъ онъ помѣщаетъ.

Если бы газетой „Русь“ руководило только желаніе раскрыть темныя стороны нашего недавняго прошлаго, то она отнеслась бы осторожнѣе къ чести чужого имени, тѣмъ болѣе, что при нѣкоторой добросовѣстности г. Купчинскому не стоило бы большого труда собрать болѣе вѣрныя свѣдѣнія о моемъ отцѣ, который прослужилъ на Дальнемъ Востокѣ болѣе 20 лѣтъ и котораго тамъ знаютъ рѣшительно всѣ.

Очевидно, мотивы и расчетъ у газеты и у г. Купчинскаго были совершенно иные, о чемъ свидѣтельствуетъ какъ развязный, грубый тонъ разоблаченій послѣдняго, такъ и односторонній кругъ его корреспондентовъ, въ родѣ содержателей и содержательницъ разныхъ притоновъ гор. Харбина и ихъ завсегдатаевъ, откуда могъ черпать г. Купчинскій свои свѣдѣнія, и на письма которыхъ онъ ссылается.

Не входя самъ въ оцѣнку дѣйствій г. Купчинскаго, могу высказать только увѣренность, что судъ, къ защитѣ котораго обращается мой отецъ за дальностью разстоянія только теперь, разберетъ, насколько вѣрны и добросовѣстны всѣ сообщенія г. Купчинскаго и какого имени заслуживаетъ онъ самъ.

16 сентября 1907 г.
Спб.

Шт.-кап. *Б. Надаровъ.*

Какъ человѣкъ съ яснымъ чувствомъ чести,—шт.-кап. Надаровъ не долженъ былъ и не смѣлъ позволять себѣ печатать явно вызывающее по моему адресу письмо, когда я уже вызванъ его

---

*) *Къ статьямъ „Герои тыла“.* (*Телеграмма*). Ялта, 18 сентября. По поводу телеграммы интендантскаго подполковника Каппеля прошу газету «Русь» прибавить мою фамилію къ числу свидѣтелей, могущихъ подтвердить напечатанное. Убѣжденъ, что добровольными свидѣтелями выступятъ еще многіе другіе, возмущавшіеся ненормальной жизнью (чиновъ интендантства?) въ дни жестокихъ пораженій и національнаго горя. Адресъ почтою.

Одинъ изъ участниковъ войны.

отцомъ представить на судъ доказательства его, генер. Надарова, преступленій. Такъ не поступаютъ люди, которые себя уважаютъ.

Какъ сынъ — шт.-кап. Надаровъ не долженъ былъ ждать цѣлый мѣсяцъ, чтобы заступиться за своего отца, если видѣлъ къ этому поводъ, и теряетъ терпѣніе лишь въ тотъ моментъ, когда эта защита уже ввѣрена его отцомъ суду.

Какъ гражданинъ и сынъ своей родины — шт.-кап. Надаровъ не смѣлъ изъ всѣхъ обвиненій, поставленныхъ мною противъ ген. Надарова, помнить лишь то, которое связано съ таксой харбинскихъ „домовъ“ и пытаться имъ закрыть всѣ остальныя.

Какъ просто порядочный человѣкъ — шт. кап. Надаровъ долженъ былъ понимать, что въ дѣлѣ чести печатная инсинуація — самая плохая защита. Для офицера она казалось бы всего менѣе — оружіе.

Ген. Парчевскій заслонился „начальствомъ“. Защищается ген. Надаровъ.

Къ дѣламъ „героевъ тыла“.

Мы получили изъ Иркутска слѣдующую телеграмму:

„Помѣщенная въ № 237 „Руси“, касающаяся меня замѣтка представляетъ сплошной вымыселъ и очевидную клевету. Заявляю, что авторъ замѣтки введенъ въ заблужденіе нѣкимъ поручикомъ Винтеромъ, давшимъ ложныя свѣдѣнія изъ мести ко мнѣ, такъ какъ въ качествѣ помощника прокурора я обвинялъ Винтера на судѣ, присудившемъ его къ исключенію изъ службы, а теперь вновь возбудилъ противъ него преслѣдованіе за незаконное расходованіе казенныхъ суммъ и другія преступленія въ бытность его смотрителемъ магазина. Я въ интендантствѣ тыла во время войны не служилъ, при мнѣ тамъ никакихъ заготовленій продуктовъ не производилось. О всѣхъ упоминаемыхъ въ замѣткѣ, защищаемыхъ Винтеромъ смотрителяхъ также производятся, по моему распоряженію, слѣдствія по обвиненію ихъ въ злоупотребленіяхъ по службѣ. Предоставляю судить, насколько вѣроятны обвиненія меня, своей долгой службой въ судебномъ вѣдомствѣ, воспитаннаго въ духѣ строгой законности, со стороны выгнаннаго изъ службы и состоящаго подъ слѣдствіемъ человѣка.

Настоящимъ заявленіемъ прекращаю дальнѣйшія возраженія на какія-либо обвиненія меня въ будущемъ.

Генералъ-маіоръ *Хаскинъ*.

Хотя разсказанное о ген. Хаскинѣ я узналъ со словъ пор. Винтера, но разсказъ пор. Винтера мнѣ подтверждали и другія лица. Изъ лицъ, непосредственно знающихъ это дѣло и могущихъ подтвердить его обстоятельства, укажу слѣдующихъ:

Бывшаго смотрителя иркутскаго продовольственнаго магазина Кузнецова; смотрителя читинскаго магазина—Патронова; бывшаго начальника гарнизона гор. Мысовска капитана Жигалковскаго; бывшаго дѣлопроизводителя мысовскаго этапа чиновника Касьянинова; пристава Мысовска г. Буруса; вахтера Воробьева; писаря Климова и Фепогенова; служителя Жуковскаго; артельщика Нефедова и др.; пока достаточно и этихъ.

Эти люди къ суду не привлекались, и показанія ихъ имѣютъ полную доказательную силу.

Въ отвѣтъ на обвиненіе пор. Винтера противъ себя генералъ Хаскинъ обвиняетъ—пор. Винтера. Если это доказательство, то изъ очень слабыхъ. Послѣ него болѣе чѣмъ странно такъ спѣшить съ отказомъ отъ отвѣта на всѣ и будущія обвиненія, даже „какія либо“, какъ дѣлаетъ ген. Хаскинъ.

Прекратить возраженія на обвиненія конечно легче, чѣмъ оправдать свои дѣйствія разъясненіемъ ихъ. Голословное утвержденіе: „клевета“ и спокойное заявленіе, что молъ „клевета“ не тревожитъ, такъ какъ она отъ подсудимаго—вовсѣ не разъясняетъ дѣла и всего менѣе соотвѣтствуетъ „духу строгой законности“, въ которомъ ген. Хаскинъ воспитывался.

P. S. Отъ пор. Винтера въ объясненіе обстоятельствъ дѣла, по которому онъ былъ привлеченъ и въ которомъ онъ, по его словамъ, обвиненъ былъ неправильно, я получилъ слѣдующее заявленіе:

„Симъ подтверждаю, что могу всегда по совѣсти подтвердить на судѣ подъ присягою: 1) что чиновникъ Дульскій явился ко мнѣ на квартиру и сказалъ: „ген. Парчевскій поручилъ мнѣ узнать, чѣмъ вы были бы удовлетворены по дѣлу Случевскаго“ и 2) что подполковникъ Страуцкій, составивъ массу замѣчаній, весьма нелѣпыхъ, при осмотрѣ вверенпаго мнѣ магазина, сказалъ мнѣ: „я могу эти замѣчанія и не показывать“. А когда я дѣлалъ видъ, что не понимаю этихъ словъ, то написалъ завѣдомо ложный докладъ о магазинѣ“.

Поручикъ *Винтеръ*.

XXXV.

„Свои люди“ генерала Куропаткина.

Въ эту несчастную войну большинство чувствовало себя не на своемъ мѣстѣ, даже тѣ, кто думалъ просто принести пользу родинѣ, отбросивъ всѣ личные интересы, — и тѣ въ силу господствовавшихъ въ арміи вѣяній, почувствовали себя лишними, обиженными и оскорбленными. Что же можно сказать про тѣхъ, которые шли по обязанности? Вѣдь для того, чтобы человѣкъ шелъ свободно, сознательно сражаться за родину, нужны двѣ вещи — сознаніе долга и любовь къ родинѣ. Первое можно внушить воспитаніемъ и поддержаніемъ высокой нравственности въ войскахъ, добиться его исполненія, — для второго не поможетъ никакая прописная мораль: нельзя полюбить родину, разъ ее не знаешь, разъ вмѣсто цвѣтущихъ полей, привольной степи или величественныхъ скалъ въ багажѣ прошлаго лежитъ воспоминаніе о сѣромъ казарменномъ дворѣ, угрюмыхъ стѣнахъ корпуса, суровомъ режимѣ училища и опять казарменномъ дворѣ. Вѣдь все изложенное было прекрасно извѣстно. И въ доброе старое время военоначальники, желая скрасить блѣдную дѣйствительность, заботливо поддерживали устои дружбы и товарищества. Возьмите для примѣра хотя бы преданія о бытѣ въ кавказской арміи, о дружбѣ, простотѣ и товариществѣ, преданія, твердо хранимыя, не смотря на всѣ небла гопріятныя обстоятельства, нашими кавказскими войсками до настоящаго времени. А что дѣлалось въ манчжурской арміи, какія мѣры принимались главнокомандующимъ генераломъ Куропаткинымъ, чтобы воодушевить ввѣренныя ему родиной войска? Ослѣпленный выпавшимъ на его долю жребіемъ, убаюканный предсказаніями и славословіями газетныхъ пророковъ, упиваясь достигнутымъ положеніемъ и лестью окружившихъ его pic-assiette'овъ, генералъ Куропаткинъ въ числѣ факторовъ успѣха полагалъ обаяніе своей личности, но суровое время доказало противное и жестоко разбило мечты.

Кто видѣлъ на харбинскомъ вокзалѣ сцену 12 марта 1904 г.— торжественный въѣздъ, быстрое смѣщеніе мѣстныхъ властей и

немедленное замѣщеніе ихъ вновь прибывшими, совершенно неизвѣстными лицами, грозный палецъ командующаго передъ носомъ китайскаго сановника,—тотъ сразу почувствовалъ, что на границѣ Манчжуріи оставлены всѣ прежнія заслуги, вся прежняя служба, и что для дальнѣйшаго преуспѣянія и удовлетворенія своего честолюбія нужно идти новыми путями, считаясь съ установившимся на нашихъ окраинахъ режимомъ, основнымъ принципомъ котораго были родственныя связи и благоволеніе начальства. По странной ли случайности или по злой насмѣшкѣ судьбы, даже полученное упорнымъ трудомъ знаніе отошло на задній планъ, про талантъ и говорить нечего...

Офицеровъ генеральнаго штаба засадили за штабы, а важные отдѣлы военнаго управленія поручили случайнымъ людямъ. Даже начальникъ штаба, генералъ Сахаровъ, игралъ болѣе роль политическаго буфера на случай отступленія въ Петербургъ, чѣмъ дѣятельнаго помощника.

Ближайшими сотрудниками генерала Куропаткина были люди совершенно неизвѣстные, подчасъ необразованные, неразвитые; эти лица заслоняли главнокомандующаго отъ всего, что было въ арміи талантливаго и знающаго. Были генералы, послужной списокъ которыхъ кратко свидѣтельствовалъ, что все образованіе генерала исчерпывалось прохожденіемъ курса юнкерскаго училища. Послѣднее обстоятельство въ глазахъ названныхъ и окружающихъ имѣло особо важное значеніе, постоянно выставляемое на видъ не только подчиненнымъ, но и совершенно постороннимъ лицамъ, и показывало, что для занятія любой должности въ штабѣ командующаго арміей не требовалось никакихъ свѣдѣній и знаній. Одинъ генералъ въ блаженной невинности откровенно заявилъ: „Вотъ я и мало учился, а какъ высоко пошелъ; правда, я — самое близкое лицо къ командующему, ближе меня никого нѣтъ“ и т. д.

Такимъ людямъ поручались главнѣйшіе отдѣлы полевого управленія: вѣроятно, военные историки отдадутъ имъ должное въ своихъ изслѣдованіяхъ, я же со своей стороны постараюсь нарисовать картину послѣдствій назначенія интендантомъ арміи генерала Губера и приглашенія подрядчика Громова, и подчеркиваю игнорированіе генераломъ Куропаткинымъ,—человѣкомъ, впитавшимъ академическія истины,—военнаго опыта и выводовъ современной науки и обращеніе къ первобытному среднеазіатскому способу довольствія арміи. Присутствіе такого крупнаго заготовителя,

какъ Громовъ, потребовало даже измѣненія „Положенія о полевомъ управленіи войскъ“, а именно: предоставленіе распорядительному управленію главнаго полевого интенданта правъ исполнительныхъ (въ „Краткомъ обзорѣ дѣятельности полевого интендантства въ русско-японскую войну 1904—1905 гг.“, изд. 1905 г.,—объ этомъ упоминается, причемъ авторъ усматриваетъ въ этомъ недостатки нашей „старой системы“ и задается цѣлью измѣнить таковую). Громовъ пользовался особыми преимуществами передъ всѣми другими поставщиками. Присутствіе этого комиссіонера въ штабѣ командующаго дало и болѣе мелкимъ управленіямъ предлогъ обзаводиться таковыми же: мало того, во многихъ интендантскихъ управленіяхъ вопреки существующему закону была допущена совмѣстная служба родственниковъ, о чемъ уже я говорилъ. Нѣкоторые интенданты ихъ везли вмѣстѣ съ комиссіонерами, предварительно возбуждая усиленную переписку о разрѣшеніи взять такого-то и такого-то. Благодаря такому положенію дѣлъ, въ Манчжурію поѣхали всѣ, рѣшившіеся такъ или иначе поправить свои обстоятельства, денежныя и служебныя. Ѣхали, пренебрегая своимъ служебнымъ положеніемъ, ѣхали, чтобы быть въ подчиненіи у младшаго, и еще имѣли смѣлость увѣрять, что дѣлаютъ это изъ желанія послужить родинѣ. Были генералы (напр. генералъ Федоровъ, интендантъ 3-й арміи), что ѣхали занять интендантскую должность и быть въ подчиненіи у младшаго — генерала Губера,—несмотря на двукратное напоминаніе высшаго начальства, которое весьма прозрачно указывало на неудобство такихъ служебныхъ отношеній. Могъ ли быть толкъ отъ ихъ дѣятельности, разъ, ничего не видя, они уже поступались своимъ самолюбіемъ, которое у всего образованнаго корректнаго міра считается могучимъ средствомъ и порукой за добросовѣстность лицъ, имъ обладающихъ? Въ Германіи, напримѣръ, если обойденный офицеръ остается на службѣ, его просто изгоняютъ. Но въ манчжурской арміи было все возможно—тутъ были свои принципы, свои взгляды, свои отношенія.

Подобранные такимъ образомъ сотрудники немедленно открыли свою дѣятельность. Насколько она была полезна, указываетъ перечень описанныхъ мною преступленій; насколько она осталась безнаказанной, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что никто изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ не привлеченъ къ отвѣтственности и лишь изрѣдка, какъ раскатъ отдаленной грозы, выплываетъ дѣло какого-нибудь третьестепеннаго участника. Китайская война

1900 года сдѣлала свое дѣло, не давъ организаціи дѣятельности, не давъ опыта для веденія хозяйства надвигавшейся японской войны, она дала громадный опытъ въ искусствѣ выходить сухимъ изъ воды, въ производствѣ разныхъ „комбинацій“, техника которыхъ достигла невѣроятной высоты.

Закутившій, растратившій казенныя деньги корнетъ дѣлаетъ зло, но зло поправимое, такъ какъ зло сдѣлано отдѣльнымъ лицомъ подъ вліяніемъ печально сложившихся обстоятельствъ. Гораздо опаснѣе, когда въ дѣлѣ хищенія принимаетъ участіе шайка холодныхъ исполнителей, дѣйствующая подъ вліяніемъ сложившихся обстоятельствъ и сама создающая эти обстоятельства, для чего искусно опредѣляетъ между собою роли. Вѣдь нельзя предположить, что торговля вагонами была дѣйствіемъ единичнаго лица, что въ потеряхъ сотенъ вагоновъ была вина какого-нибудь смазчика!

Ослабленіе нравственнной сдержки въ манчжурской арміи сдѣлало то, что люди слабые духомъ пустились въ аферы. Одни дѣлали это по недостатку нравственныхъ устоевъ, увлеченные общей волной; другіе потому, что видѣли въ этомъ цѣль своего пребыванія на войнѣ; третьи, желая вознаградить себя и, такъ сказать, уравнять въ заслугахъ съ другими, болѣе счастливыми въ родѣ и протекціи. Были правда люди, составлявшіе рѣдкое исключеніе, но и тѣ были честными больше по инерціи, такъ какъ быстро поняли, что при общемъ развратѣ ихъ порядочность являлась аномаліей, что при поголовномъ недовѣріи ихъ честность осталась непризнанной. Главный вредъ присутствія комиссіонеровъ заключался въ образованіи лишняго звена въ длинной цѣпи посредниковъ, въ наличіи лишнихъ людей, усиленно набивающихъ цѣну и связанному съ этимъ искусственному повышенію цѣнъ.

И это было преступленіе... Только институтомъ „своихъ людей“ при главной квартирѣ и всюду въ арміи явно поощряемыхъ Куропаткинымъ, окруженнымъ „своими“—можно объяснить то, что творилось тамъ.

Помимо недобросовѣстности, помимо хищеній, организованныхъ сознательныхъ малыхъ и большихъ проступковъ, была непростительная, изумительная небрежность, неряшливость какъ въ дѣлахъ большихъ и значительныхъ, такъ и въ малыхъ... Развѣ не курьезенъ, напримѣръ, такой документъ...—лошади не полагалось, фуражныя полагались!..—подписанный двумя небезызвѣстными генералами...

26 сентября 1905 г.
№ 14745.
Д. Людятинъ.

Добровольцу И. Поповичу.

Изъ объясненія, даннаго гвардіи полковникомъ Л. на Ваше прошеніе отъ 10 сентября о взысканіи съ него 166 р. 20 к., усматривается: 1) что лошади не полагалось; 2) фуражныхъ полагалось не за шесть мѣсяцевъ, а лишь за два мѣсяца, и 3) за командировку въ Харбинѣ Вамъ выдано по 1 руб. 50 к. въ сутки, къ выдачѣ же по три рубля основаній не имѣется.

Въ виду этого прошеніе Ваше оставлено безъ послѣдствій *).

Подписали: Командиръ корпуса ген.-л. *Засуличъ*.
Начальникъ штаба ген.-м. *Лисовскій*.

Документъ сей—по истинѣ юмористическій, какія объясненія къ нему ни приводились бы.

Не угодно-ли полюбоваться, напримѣръ, также такой картинкой.

Въ 6-й корпусъ самимъ главнымъ интендантомъ генераломъ Ростковскимъ былъ назначенъ корпусный интендантъ полковникъ Козеровскій, по поводу котораго командиру 6-го корпуса была послана слѣдующая краснорѣчивая телеграмма, оставшаяся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Копія.

По военнымъ обстоятельствамъ.

Петербургъ. Главному интенданту.

Корпусной интендантъ полковникъ Козеровскій при полномъ усердіи не въ состояніи выполнить должнымъ образомъ своихъ обязанностей по преклонному возрасту, слабости здоровья и недостаточности опытности, почему не признаете ли возможнымъ избрать на его мѣсто болѣе молодого энергичнаго офицера, предоставивъ полковнику Козеровскому болѣе покойную должность, 1413.

Подписалъ командиръ 6 корпуса.

*) Случайно встрѣтился съ полковникомъ Л. и спросилъ его объ этомъ документѣ; онъ объяснилъ, что часто фуражъ выдавался и добровольцамъ, имѣвшимъ собственныхъ лошадей.

Господину Козеровскому была нужна „покойная должность“; изъ этого ясно вытекаетъ, что находились и такія для „своихъ людей“.

На разборѣ одного „интендантскаго“ дѣла, въ показаніяхъ военному слѣдователю, читаю въ дѣлѣ такія многозначительныя строки:

...ставить сапоги ему предложилъ полковникъ Э... желая помочь ему, бѣдному человѣку, раззорившемуся при потерѣ Ляояна; по этому поводу приложено къ дѣлу любопытное письмо полковника Э...“.

Но для вящшей характеристики всеобщаго института „своихъ людей“ мнѣ придется остановиться на полевомъ главномъ интендантѣ при главнокомандующемъ генералѣ Губерѣ...

XXXVI.

Генералъ Губеръ.

Привезенный Куропаткинымъ и произведенный въ „полевого главнаго интенданта при главнокомандующемъ“, генералъ Губеръ сразу очутился въ положеніи исключительномъ.

Онъ ни въ какой мѣрѣ не считался съ главнымъ интендантскимъ управленіемъ, и эта самостоятельность была хотя съ одной стороны и очень удобной, но за то тѣмъ самымъ увеличивалась его отвѣтственность за грѣхи иныхъ. Если помимо собственныхъ дѣяній, во многихъ чужихъ преступленіяхъ виновны генералы Надаровъ и Парчевскій, допустившіе беззаконіе и почти открытый грабежъ, то не безвиненъ и генералъ Губеръ въ дѣлахъ многихъ, можетъ быть, умѣвшихъ ловко проводить его и прятать концы въ воду. Я обвинялъ Надарова и Парчевскаго, о которыхъ въ арміи давно-давно, задолго до моихъ статей, уже сложилось мнѣніе вполнѣ опредѣленное, достаточно объясненное уже и оглашенными мною фактическими данными.

Оговариваюсь категорически—я отнюдь не хочу ставить дѣятельность генерала Губера въ рядъ съ дѣятельностью Парчевскаго и Надарова.

Я не хочу обвинять генерала Губера, такъ какъ несмотря на многія показанія и документы, указывающіе на его ошибки, мнѣ рисуется его образъ совсѣмъ инымъ, нежели образъ тѣхъ „ге-

роевъ“ тыла, въ прямой виновности коихъ не сомнѣваюсь ни на минуту.

Я не могу не упомянуть о рядѣ случаевъ, когда дѣятельность генерала Губера сама говорила опредѣленно о его личности, вполнѣ заслуженно пользующейся широкимъ уваженіемъ.

И ниже изложенное особенно убѣждаетъ меня, что ежели были въ его дѣятельности ошибки, въ ошибкахъ этихъ не было злого умысла, что положительно констатируется въ дѣятельности иныхъ.

Въ положеніи о продовольственныхъ магазинахъ военнаго времени смотрителямъ магазиновъ за экономическій продуктъ положено выдавать 80 проц., но Губеръ не выдавалъ никому ни копейки, исходя изъ того соображенія, что въ военное время, при спѣшности получекъ войсками продуктовъ, экономія могла получиться только отъ обвѣшиванія войсковыхъ получателей.

Отнятіемъ преміальныхъ денегъ у смотрителей Губеръ достигъ двухъ цѣлей: 1) оставилъ въ ослабленной непомѣрными расходами казнѣ громадныя преміальныя деньги и 2) заставилъ смотрителей цѣликомъ отдавать въ войска положенное.

Губеръ безъ стѣсненія отрѣшалъ отъ должности всѣхъ безчестныхъ и неспособныхъ людей.

Первый, кого онъ отрѣшилъ — это былъ тотъ самый Серебрянниковъ, о которомъ уже не разъ упоминалось въ „Герояхъ тыла“.

Но къ сожалѣнію генералъ Губеръ не имѣлъ власти надъ полевыми интендантами, не всѣхъ, кого слѣдовало, могъ онъ отрѣшить: при существовавшемъ порядкѣ Губеръ, несмотря на то, что былъ главнымъ полевымъ интендантомъ, пользовался лишь одинаковыми правами съ интендантами 1-й, 2-й и 3-й арміи и съ интендантомъ тыла.

Такимъ образомъ, интендантъ 3-й арміи генералъ Федоровъ за спиной командующаго 3-й арміей былъ неуязвимъ для Губера и безнаказанно чернилъ и порочилъ его, сваливая на него всѣ свои ежедневныя ошибки. Это, наконецъ, вызвало опеку надъ дѣйствіями Федорова войсковой комиссіи подъ предсѣдательствомъ генерала Модля (о чемъ я уже говорилъ).

Очень часто Губеръ бывалъ безъ вины виноватъ въ глазахъ войсковыхъ начальниковъ, а случалось это вотъ почему: припасы заготовлялъ интендантъ тыла, а Губеръ, какъ главный полевой интендантъ, распредѣлялъ ихъ по числу людей и лошадей между тремя арміями.

Если интендантъ тыла не подвозилъ припасовъ, то естественно, онъ, Губеръ, не могъ ничего дать въ войска. Нареканія сыпались не на интенданта тыла, а на генерала Губера.

Генерала Губера обвиняютъ при всемъ этомъ въ оставленіи безъ отвѣта одного рапорта чиновъ контроля.

31 мая 1905 года генералу Губеру было подано заявленіе-рапортъ совершенно оффиціальнаго характера за № 1149, подписанный исправ. обяз. полевого главнаго контролера и старшимъ контролеромъ. Въ этомъ рапортѣ подробно разсказывается интересная манипуляція съ консервами, давшая чистаго убытку казнѣ 55,233 рубля.

Дѣло явно уголовнаго характера разслѣдовано не было и хотя эта бумага прошла черезъ капитана Горецкаго (человѣка внѣ всякихъ компрометирующихъ подозрѣній) — дѣло было оставлено безъ послѣдствій.

Чувствуя непричастность генерала Губера, я бы очень хотѣлъ услышать отъ него въ этомъ подтвержденіе, тѣмъ самымъ общество и сослуживцы убѣдились бы въ томъ, что онъ стоялъ среди немногихъ внѣ всякихъ подозрѣній.

Привожу цѣликомъ вышеупомянутый документъ. Прошу у читателя труда прочесть его до конца.

Копія.

Г. К.

Управленіе полевого главнаго контролера при главнокомандующемъ сухопутными и морскими силами, дѣйствующими противъ Японіи.

13 мая 1905 года.

№ 1149.

Ст. Куанчендзы.

Полевому главному интенданту при главнокомандующемъ, генералу Губеру.

Изъ препровожденныхъ при отношеніяхъ 4 и 15 октября 1904 г. за № 14,434 и 15,342 копій прошеній коммерсанта Верещагина и резолюцій вашего превосходительства на нихъ усматриваю, что вами приняты были предложенныя Верещагинымъ условія на поставку имъ для арміи сначала 300,000 порцій консервовъ, а затѣмъ еще 200,000 и сообщено объ этомъ полевому контролеру на основаніи ст. 175 полож о пол. управл. войскъ и приказа войскамъ манчжурской арміи отъ 19 апрѣля

за № 203 для ввѣреннаго вамъ управленія, вмѣстѣ съ тѣмъ просите заключенія контроля по этому вопросу.

Хотя по смыслу ст. 184 вышеуказаннаго положенія начальникамъ главныхъ отдѣловъ предоставлено право спрашивать заключенія полевого главнаго контроля по предпринимаемымъ операціямъ, а не въ то время, когда условія операцій ими уже приняты, тѣмъ не менѣе управленіе полевого главнаго контролера дало свое заключеніе въ томъ смыслѣ, что оно не встрѣчаетъ съ своей стороны возраженій противъ заготовленія консервовъ на утвержденныхъ интендантомъ арміи условіяхъ, если въ этихъ припасахъ имѣется дѣйствительная надобность.

Затѣмъ, въ виду отсутствія мѣстныхъ рыночныхъ цѣнъ на консервы, не входя въ обсужденіе принятыхъ цѣнъ, просило лишь полевое интендантство увѣдомить — не производятся ли покупки консервовъ въ Россіи для нуждъ арміи и какъ согласованы эти операціи съ операціями полевого интендантства по закупкѣ консервовъ. По послѣднему вопросу управленіе интенданта, отзывомъ отъ 9 ноября за № 17155 сообщило, что, ввиду медленности въ доставленіи заготовляемыхъ въ Россіи консервовъ, признается необходимымъ воспользоваться возможностью купить и здѣсь нѣкоторое количество консервовъ.

Все вышеуказанное количество консервовъ, т. е. 500,000 порцій и, сверхъ того, 12,821 порція были поставлены Верещагинымъ въ мукденскій и телинскій продовольственные магазины, за что было уплочено 250,423 р. 80 к.

Въ настоящее время, изъ дошедшихъ до меня свѣдѣній, усматривается, что въ сентябрѣ телеграммою въ Телинъ на имя интенданта арміи, и еще ранѣе отношеніемъ на имя окружного интенданта, коммерческая часть Китайской Восточной жел. дороги сообщила полевому интендантству, что въ ея распоряженіи имѣются мясные консервы съ рижскихъ фабрикъ (щи, горохъ, борщъ, рагу, тушеная говядина). Консервы эти были заготовлены управленіемъ дорогъ для продовольствія служащихъ, но остались безъ требованія съ ихъ стороны.

Предложеніе коммерческой части интендантствомъ было оставлено безъ отвѣта, но въ концѣ сентября явился въ коммерческую часть лично бывшій служащій при части, К. Н. Верещагинъ, и предложилъ купить все количество консервовъ, причемъ Верещагинъ предъявилъ отношеніе управленія интенданта арміи отъ 28 сентября за № 874 въ доказательство того, что по-

ставка консервовъ предоставлена ему. Коммерческая часть, не получивъ отвѣта интендантства на свое непосредственное предложеніе, продала Верещагину 5,168 ящиковъ консервовъ на сумму 195,190 рублей, т. е. считая въ одномъ ящикѣ около 100 порцій, количество весьма близкое къ тому, которое Верещагинъ продалъ интендантству (512,821 порція), но за сумму 250,423 рубля 80 коп., или болѣе оцѣнки коммерческой части (250,423 рубля 80 коп.—195,190 руб.) на 55,233 рубля 80 коп.

Изъ сопоставленія сказаннаго можно заключить, что Верещагинымъ были куплены у коммерческой части и проданы интендантству тѣ самые консервы, которые коммерческой частью были непосредственно предложены интендантству.

Всѣ эти обстоятельства не были извѣстны полевому контролю и управленію интенданта арміи, сообщивъ о принятыхъ интендантствомъ условіяхъ коммерсанта Верещагина на поставку имъ для арміи консервовъ и прося заключенія контроля по этому вопросу, не увѣдомило о томъ, что коммерческой частью были сдѣланы какъ непосредственно, такъ и черезъ окружнаго интенданта предложенія поставить консервы для интендантства.

О всемъ вышеизложенномъ полевой главный контроль считаетъ долгомъ сообщить вашему превосходительству въ предположеніи, что вы признаете необходимымъ съ своей стороны разслѣдовать обстоятельства этого дѣла въ виду возможности въ данномъ случаѣ ущерба казны и о послѣдующемъ не откажите меня увѣдомить.

И. об. полевого главнаго контролера при главнокомандующемъ NN старшій контролеръ Бурдуковъ“.

— Дѣло ясно!

Остается только удивляться, какъ контроль не возбуждалъ дѣла, когда сей докладъ былъ подписанъ двумя видными чинами контроля?..

Если для контроля дѣло было ясно, почему во время онъ не возбудилъ дѣла?

Почему печать замѣчаетъ этотъ докладъ, а не замѣчаетъ начальство, или то лицо, коимъ даны право и власть распоряжаться казенными милліонами?..

Дѣло требуетъ разбора *).

---

*) Ниже помѣщено объясненіе подполковника Горецкаго по поводу этого дѣла.

Письмо въ редакцію.

М. Г. Въ опроверженіе словъ ген.-лейтен. Надарова, помѣщенныхъ въ № 244 вашей уважаемой газеты, могу подтвердить на судѣ и подъ присягой, что приведенная г. Ф. Купчинскимъ „такса“ въ домахъ терпимости гор. Харбина (см. № 222 газеты „Русь“) есть сущая правда, а отвѣтъ ген.-лейт. Надарова— совершенная ложь.

Прапорщикъ запаса *Б. С. Филипьевъ.*

Кромѣ фамиліи автора этого письма имѣется еще десять фамилій офицеровъ, вызвавшихся на судѣ подтвердить существованіе „таксы“, которую такъ категорически отрицаетъ ген.-лейт. Надаровъ, такъ же какъ и подпись ген.-лейт. Надарова подъ нею.

Ред.

Передовая „Руси“, № 255.

Заботы о чести арміи.

Статьи г. Купчинскаго чрезвычайно взволновали кн. В. П. Мещерскаго, и взволновали, такъ сказать, двояко. Съ одной стороны почтенный издатель „Гражданина“ усмотрѣлъ въ этихъ статьяхъ то, что усматриваетъ въ нихъ всякій средній русскій обыватель, т. е. разоблаченія о громадныхъ по своимъ размѣрамъ хищеніяхъ и злоупотребленіяхъ, требующихъ немедленнаго и самаго строгаго разслѣдованія. Съ другой же стороны князь нашелъ, что статьи г. Купчинскаго имѣютъ ужасающее значеніе для государственной безопасности Россіи. По его мнѣнію, „Русь“ на весь міръ разливаетъ грязный позоръ на всю русскую военную администрацію, задѣваетъ честь арміи и слѣдствіемъ всего этого явится массовая деморализація войскъ.

Возмущеніе маститаго лѣтописца стараго режима вполнѣ понятно. Помилуйте, какъ можно писать на страницахъ газеты о злоупотребленіяхъ и хищеніяхъ генераловъ! Вѣдь это колеблетъ генеральскій авторитетъ вообще, что является уже прямой угрозой государственной безопасности. Конечно, и генералъ можетъ ошибаться, можетъ поддаваться всякимъ человѣческимъ слабостямъ, но зачѣмъ же это предавать гласности, выносить на судъ общественнаго мнѣнія? Почему г. Купчинскій не избралъ иного пути для своихъ разоблаченій, а именно не подалъ соотвѣтственнымъ властямъ докладной записки о всѣхъ собранныхъ имъ фактахъ? Власти безпристрастно, но, конечно, въ глубокой тайнѣ, разслѣ-

довали бы все дѣло, воздали бы „коемуждо по дѣломъ его“ и все стало бы обстоять благополучно. Безъ огласки на весь міръ, безъ потоковъ грязи виновные, если бы таковые оказались, получили бы должное возмездіе и истина восторжествовала бы, не поколебавъ священнаго авторитета генеральскаго чина.

Да, такой порядокъ вещей существовалъ у насъ много-много лѣтъ и мирно и тихо, безъ всякой деморализующей огласки пришли мы съ этимъ порядкомъ къ Мукдену и Цусимѣ.

Неужели мало этихъ уроковъ?

Неужели эти уроки стали уже забываться?

Нѣтъ, не разоблаченія деморализуютъ армію, а укрывательство и спокойное отношеніе къ тѣмъ злоупотребленіямъ, о которыхъ эти разоблаченія говорятъ.

Кто не слышалъ отъ вернувшихся съ Дальняго Востока разсказовъ о пропажѣ вагоновъ, о торговлѣ этими вагонами, объ операціяхъ „ухачей“, о знаменитомъ привольномъ житьѣ въ Харбинѣ? Но не было преступной огласки, не было „потоковъ грязи на весь міръ“, и мирно жили и творили свои преступленія „герои тыла“, не безпокоемые своимъ начальствомъ. И кто поручится, что, не будь нынѣшнихъ разоблаченій, не дожили бы они въ чинахъ высокихъ до безболѣзненной и мирной кончины живота своего?

Кн. Мещерскій взываетъ къ военному министру, требуетъ, чтобы онъ немедленно громовымъ ударомъ раскрылъ бы истину.

Мы думаемъ, что взывать теперь къ одному военному министру нѣсколько поздно. Къ нему слѣдовало взывать кн. Мещерскому тогда, когда разоблаченій г. Купчинскаго еще не появлялось, а только ходили слухи о злоупотребленіяхъ „героевъ тыла“. Вотъ тогда военный министръ могъ бы и долженъ былъ по своей личной иниціативѣ начать разслѣдованіе этихъ слуховъ.

Теперь же разслѣдованіе такъ же требуется. И разлѣдованіе быстрое, строгое и полное. Но вести его долженъ уже не военный министръ и не чины, состоящіе въ его вѣденіи, а чрезвычайная комиссія съ участіемъ сенаторовъ-юристовъ, представителей государственнаго контроля и, конечно, и военнаго вѣдомства. И общее руководство этой комиссіи должно быть поручено лицу, независимому отъ вѣдомствъ, область которыхъ захватывается обвиненіемъ.

Раскрытіемъ всѣхъ злоупотребленій, возстановленіемъ добраго имени тѣхъ, на которыхъ незаслуженно пало обвиненіе, и карой тѣхъ, которые ее заслужили, должно кончиться это дѣло.

Повторяемъ, честь арміи разоблаченіями дѣйствій недостойныхъ членовъ ея не затрагивается. Эта честь страдаетъ, когда подъ флагомъ „все благополучно“ недостойные носить военный мундиръ носятъ его наравнѣ съ доблестными воинами. Вотъ это послѣднее дѣйствительно деморализуетъ армію и вноситъ гниль и разложеніе въ ея ряды.

XXXVII.

Свѣтлое.

Это „свѣтлое“ нашего интендантства группировалось въ Манчжуріи около генерала Губера, который съ началомъ русско-японской войны былъ назначенъ на постъ интенданта Манчжурской арміи по личному выбору генерала Куропаткина.

Занявъ постъ интенданта арміи, Губеръ прежде всего ознакомился съ личнымъ составомъ полевого интендантства, и болѣе отвѣтственныя должности поручилъ лицамъ, предварительно зарекомендовавшимъ себя на мелкихъ должностяхъ.

Съ началомъ боевъ подъ Ташичао Губеръ настаивалъ на необходимости отвоза припасовъ въ глубокій тылъ, но генералъ Куропаткинъ не разрѣшилъ перевозку, какъ говорятъ, по той причинѣ, что боялся ослабить этимъ воинскій духъ арміи... Въ результатѣ—громадные склады припасовъ въ Хайченѣ послѣ взятія японцами Ташичао были сожжены, и громадное пожарище гораздо сильнѣе подѣйствовало на упадокъ воинскаго духа, чѣмъ заблаговременный отвозъ назадъ продуктовъ, который былъ бы замѣтенъ только по линіи желѣзной дороги, тогда какъ громадное зарево пожарища видѣли и русскія, и японскія войска.

То же самое повторилось и при потерѣ Ляояна, но здѣсь припасовъ было сожжено гораздо болѣе.

Послѣ ляоянскаго пораженія манчжурская армія была раздѣлена на три. Губеръ былъ назначенъ главнымъ полевымъ интендантомъ, окружной интендантъ въ Харбинѣ былъ перекрещенъ въ тылового, а въ каждую изъ трехъ армій былъ назначенъ отдѣльный интендантъ: въ первую—генералъ Бачинскій, во вторую—генералъ Лангъ, а въ третью—злополучный генералъ Федоровъ, стяжавшій себѣ хотя и громкую, но не лестную для него славу.

Роль Губера свелась къ распредѣленію припасовъ и одежды,

получаемыхъ изъ тыла, между тремя арміями. На первый взглядъ, пожалуй, это очень не сложная обязанность: получилъ, раздѣлилъ на три части и разослалъ по арміямъ... Чего же легче?! Но на дѣлѣ это было далеко не то...

Богатая Манчжурія къ этому времени уже была истощена, а мѣстный недостатокъ въ скотѣ заставлялъ покупать его въ Монголіи. Самостоятельное существованіе трехъ отдѣльныхъ полевыхъ интендантовъ, подчиненныхъ не главному полевому интенданту, а своему командующему арміей, на практикѣ породило массу недоразумѣній. Случалось, что заготовители двухъ, а иногда и всѣхъ трехъ армій, встрѣчались на одномъ участкѣ и, соперничая другъ съ другомъ въ закупкѣ припасовъ, неестественно поднимали на нихъ цѣны. Это заставило Губера добиться разграниченія заготовительныхъ раіоновъ, но и здѣсь заготовители одной арміи то и дѣло вторгались въ раіонъ другой. Транспорты не были подчинены Губеру, какъ главному полевому интенданту, что также не могло не отозваться печально на общемъ дѣлѣ продовольствія войскъ. Начальникомъ транспортовъ былъ тотъ самый генералъ Ухачъ-Огоровичъ, о которомъ уже говорилось ранѣе и который недавно счелъ за лучшее заблаговременно выйти въ отставку. Если при всемъ этомъ всеобщемъ настроеніи армія была одѣта и не голодала, то—должно это признать—причиной этому только неутомимая энергія и желѣзная воля генерала Губера.

Это было тѣмъ труднѣе, что власть его по отношенію къ интендантамъ армій и тыла была фиктивна; они творили, что хотѣли. Отсутствіемъ дѣйствительной власти у генерала Губера можно объяснить тѣ преступленія, которыя совершены тѣми всѣмъ извѣстными Парчевскими, Федоровыми и ихъ коллегами.

И это уже на совѣсти высшаго начальства.

Мнѣ говорятъ служившіе съ Губеромъ честные люди (которые и тамъ были среди этого торжества преступленій!):

„Генералъ Губеръ своимъ трудомъ и честностью сумѣлъ такъ привязать къ себѣ насъ, своихъ подчиненныхъ, что они прямо молились на своего начальника, жили его радостями и горевали его горемъ. Генералъ Губеръ чувствовалъ это и также симпатично относился ко всѣмъ намъ“.

Къ числу свѣтлыхъ лицъ изъ высшихъ интендантскихъ чиновъ, кромѣ главнаго полевого интенданта при главнокомандующемъ генерала Губера, назову также полевыхъ интендантовъ 1 и

2 армій генераловъ Бачинскаго и Ланга. Они умѣли выбирать и назначать на отвѣтственныя должности изъ числа присланныхъ въ ихъ распоряженіе интендантскихъ чиновъ именно тѣхъ, на которыхъ можно вполнѣ положиться и которые прибыли въ Манчжурію не съ цѣлью наживы, а съ цѣлью зарекомендовать себя хорошими и честными работниками и создать достойное имя воспитавшему ихъ учебному заведенію. Рѣчь идетъ объ офицерахъ, окончившихъ интендантскій курсъ.

Я хочу, я долженъ отмѣтить ясныхъ людей, конхъ особенно сознательно держали въ тѣни настоящіе „герои“ тыла.

Были, конечно, честные и высоко порядочные люди въ интендантствѣ тыла также помимо курсистовъ, но послѣдніе, какъ общее правило, встрѣчали и принуждены были выносить вражду и разнообразныя нападенія сильныхъ по своей власти „героевъ тыла“.

Не позволяя себѣ называть имена отдѣльныхъ извѣстныхъ мнѣ честныхъ и незамѣченныхъ дѣятелей въ интендантствѣ тыла, скажу, что разбираясь въ массахъ фактовъ, показаній и документовъ, я особенно исключительной считаю дѣятельность молодыхъ офицеровъ - курсистовъ. Среди преступниковъ явныхъ, среди сомнительныхъ людей, несмотря на положеніе часто тяжко зависимое—надо отдать справедливость тѣмъ офицерамъ, что вышли изъ интендантскихъ курсовъ, что они всѣми мѣрами стремились служить и дѣйствительно служили трудному дѣлу. И, конечно, необходимо отдать должное учебному заведенію, давшему исключительныхъ дѣятелей даже туда, гдѣ доминировали элементы сомнительные, если не явно преступные.

Въ заключеніе я приведу такія слова молодого офицера-курсиста, котораго хорошо знаю.

„Да, если бы такое же единеніе и основанное на тѣхъ же принципахъ существовало и въ управленіяхъ Парчевскаго и Федорова, то интендантство удостоилось бы уваженія и благодарности общества; но тамъ единеніе было основано на принципахъ грабежа и наживы. Подчиненные генерала Парчевскаго тоже ему преклонялись, но преклонялись за то, что онъ не мѣшалъ имъ творить тѣ же преступленія, которыя творилъ самъ“.

Передъ дальнѣйшимъ перечисленіемъ новыхъ преступныхъ дѣяній я съ облегченіемъ остановился на этомъ свѣтломъ оазисѣ *)...

---

*) *Къ дѣламъ «героевъ тыла»*. Изъ Омска мы получили слѣдующую телеграмму отъ ген.-лейт. Надарова.

«Прочелъ въ номерахъ газеты «Русь» отъ 222 до 246 статьи г. Купчинскаго

XXXVIII.

Результаты.

Что сдѣлало высшее военное начальство для разслѣдованія описанныхъ преступленій, начальство, несомнѣнно освѣдомленное о томъ, что ежедневно у него на глазахъ оглашаются факты, жестоко обвиняющіе подчиненныхъ его въ служебныхъ преступленіяхъ?

Принялось-ли оно за энергичное разслѣдованіе, чтобы установить правду или неправду обвиненій цѣлой вереницы лицъ?

Оградило-ли оно какимъ бы то ни было образомъ порядочныхъ людей и достойныхъ представителей корпораціи отъ совмѣстной службы съ тѣми, дѣятельность которыхъ ложилась пятномъ и на людей чистыхъ той же корпораціи?

Меня обвиняютъ справа въ „походѣ на генераловъ“; мнѣ говорятъ, что я выступаю лично противъ нихъ, главнымъ образомъ потому, что они генералы.

Я останавливаюсь на чинахъ большихъ, а не на меньшихъ, съ понятнымъ желаніемъ освѣтить дѣла тѣхъ, отъ которыхъ зависѣли преступленія и добродѣтели меньшихъ. Если многіе генералы за эту войну доказали, что одна красная подкладка еще не говоритъ о добродѣтели, потому что дѣло вѣдь не въ погонахъ и не въ подкладкѣ, а въ сущности самого человѣка, то вѣдь это же всѣ знали прежде...

Что же тутъ страннаго, если на многихъ, обвиненныхъ мною, оказалась генеральская формa, разъ она одна еще не могла гарантировать ихъ честности и добропорядочности?

Перечислю пока нѣкоторые фактическіе результаты печатанія очерковъ „Герои тыла“.

«Герои тыла». Во всемъ, что написано обо мнѣ, нѣтъ ни одного слова правды, почему я привлекаю автора статей г Купчинскаго къ судебной отвѣтственности за клевету. Прошу другія газеты, печатавшія выдержки изъ вышеуказанныхъ статей г. Купчинскаго, напечатать настоящую мою телеграмму.

Бывшій главный начальникъ тыла манчжурской арміи генералъ-лейтенантъ *Надаровъ*».

Это уже вторая телеграмма генерала Надарова о неправдѣ.

Очевидно первой своей телеграммѣ съ вызовомъ меня на судъ генералъ Надаровъ самъ не придалъ большого значенія, если рѣшилъ для «рѣшительнаго» впечатлѣнія послать и вторую. Но я долженъ довести до его свѣдѣнія, что и первую телеграмму я принялъ вполнѣ въ серьезъ.

На судѣ увидимъ и сосчитаемъ количество словъ правды, какъ въ телеграммѣ генерала Надарова, такъ и въ статьяхъ «Герои тыла».

Обращеніе генерала къ суду не могу не привѣтствовать. Это безспорно единственный путь для подсчета словъ правды и словъ неправды въ томъ, что писалъ я, и въ томъ, что отвѣчалъ ген. Надаровъ.

1) Генералъ Парчевскій—заслонился начальствомъ; изъ газетъ узнаемъ, что онъ привлеченъ къ суду.

2) Генералъ Надаровъ — отрицаетъ обвиненія, привлекаетъ къ суду (особенно ярко отрицаетъ извѣстную „таксу“); въ газетахъ появились извѣстія о начетѣ на него въ $1^1/_2$ милліона и въ $^1/_2$ милліона, но онъ отрицаетъ.

3) Генералъ Ухачъ-Огоровичъ—протелеграфировалъ, что все клевета, и что привлекаетъ къ суду—уволенъ въ отставку безъ слѣдующаго чина (Можетъ быть и совпаденіе?).

4) Полковникъ Соколъ — уволенъ въ отставку. Обвиненія оставилъ безъ отвѣта.

5) Подполковникъ Каппель; заявилъ, что все клевета и привлекъ къ суду; если вѣрить телеграммамъ — уже былъ подъ судомъ, о чемъ умалчиваетъ. Начальство уволило въ запасъ.

6) Генералъ Хлыновскій—назвалъ „клеветою“ и привлекаетъ къ суду.

7) Генералъ Козловъ—назвалъ „клеветою“ и привлекаетъ къ суду.

8) Генералъ Хаскинъ, — заявляетъ, что виновность поручика Винтера его оправдываетъ отъ всякихъ обвиненій противъ него, ген. Хаскина. Привлекаетъ къ суду за „диффамацію“.

9) Генералъ Захаровъ—назвалъ „клеветою“ и привлекъ къ суду.

10) Генералъ Федоровъ—отрицаетъ и грозитъ судомъ.

11) Подполковникъ Томинъ—молчитъ.

12) Полковникъ Цехановскій—привлекаетъ къ суду.

13) И наконецъ генералъ Ростковскій, заявляетъ печатно, что злоупотребленія въ его вѣдомствѣ его нисколько не касаются, такъ какъ совершены ...по ту сторону Байкала...

XXXIX.

Генералъ Ростковскій.

Назвавъ офицеровъ окончившихъ интендантскій курсъ „ворами“, а интендантскій курсъ учрежденіемъ, гдѣ „въ совершенствѣ обучаютъ воровать“, подполковникъ Томинъ бросилъ этимъ вызовъ цѣлой корпораціи. Если офицеры-курсисты, при существующемъ

въ настоящее время въ интендантствѣ порядкѣ, поставлены въ такія условія, что могутъ только молча негодовать, то въ иныхъ условіяхъ находятся професора интендантскаго курса, изъ которыхъ многіе не принадлежатъ къ интендантскому вѣдомству и потому могутъ смѣло запросить генерала Ростковскаго, какую оцѣнку далъ онъ клеветѣ Томина, и не есть-ли назначеніе Томина на высшую должность признакъ симпатіи къ нему генерала Ростковскаго и его, такъ сказать, плевокъ на оклеветанную Томинымъ корпорацію, во главѣ которой стоитъ генералъ-лейтенантъ Бухольцъ, какъ начальникъ интендантской академіи?

Хотя должностью главнаго смотрителя кременчугскаго вещевого склада наградилъ Томина вѣрный своему обѣщанію генералъ Шевелевъ, но представленіе Шевелева шло не прямо въ главный штабъ, а чрезъ руки Ростковскаго, какъ главы интендантскаго вѣдомства и отвѣтственнаго лица за всѣ назначенія.

Генералу Ростковскому слѣдовало бы поосмотрительнѣе утверждать представленія генерала Шевелева, который уволеннаго въ отставку полковника Сокола, вмѣсто преданія его суду, представилъ къ чину генералъ-маіора, но генералъ Ростковскій не рискнулъ однако на такой смѣлый шагъ,—и Соколъ былъ уволенъ полковникомъ съ мундиромъ и пенсіей.

Невольно бросается въ глаза черта личной слабости генерала Ростковскаго, уступая которой, онъ явно чрезмѣрно склоненъ раздавать высшія и отвѣтственная должности людямъ съ „прошлымъ“. Вотъ и примѣры тому:

1) Ротмистръ Ивковъ попался въ нехорошемъ дѣлѣ, но преклонилъ предъ Ростковскимъ колѣна, облобызалъ его начальническую десницу (это буквально, и такого человѣка ген. Ростковскій считалъ офицеромъ!) и былъ оставленъ имъ на своей должности, послѣ чего попался въ передачѣ секретныхъ бумагъ японцамъ и окончилъ жизнь въ казематѣ Петропавловской крѣпости; казненъ или убилъ себя самъ—это тайна.

2) Полковникъ Соколъ, въ бытность свою завѣдующимъ продовольственными заведеніями въ Харбинѣ, попался въ крупныхъ мошенничествахъ и сразу послѣ этого, еще до окончанія войны, былъ назначенъ на высшую должность—главнаго смотрителя кременчугскаго вещевого склада.

3) Полковникъ Антоновъ сильно скомпрометтировалъ себя во время своего нахожденія предсѣдателемъ симбирской пріемной комиссіи и, не смотря на краснорѣчивый рапортъ о его дѣяніяхъ

со стороны помощника Казанскаго окружнаго интенданта полковника Завадскаго, получилъ, какъ бы въ награду, высшую должность—главнаго смотрителя хабаровскаго вещевого склада.

4) Подполковникъ Томинъ стяжалъ себѣ на Дальнемъ Востокѣ (совмѣстно съ генераломъ Федоровымъ) позорную славу бѣглеца, клеветника и доказанно безчестнаго человѣка, — и назначенъ на высшую должность.

5) Генералъ Козловъ письменно потребовалъ себѣ съ владѣльца консервнаго завода Кольберга нѣкоторый процентъ на поставку въ казну консервовъ, былъ уличенъ въ этомъ и—былъ командированъ на „ту сторону Байкала“...

Наконецъ, чисто Фамусовское назначеніе на лучшія мѣста родственниковъ и близкихъ людей, какъ напримѣръ, Клепцова, Маткевича, Шушкевича, Эльснера, Райна, Микина, Загребельскаго Чупрунова, Пташинскаго и прочихъ, — не показываетъ-ли, что Ростковскій не отдѣляетъ службы отъ дружбы?

Наряду съ этимъ полное затираніе лицъ, окончившихъ интендантскій курсъ, бывшихъ во время войны на отвѣтственныхъ должностяхъ и зарекомендовавшихъ себя съ лучшей стороны, что оффиціально засвидѣтельствовано генералами — тружениками на пользу арміи—Губеромъ, Бачинскимъ и Лангомъ...

Все это говоритъ далеко не въ пользу генерала Ростковскаго.

Но на все это генералъ Ростковскій можетъ сказать, что его родственники и знакомые—дѣйствительно самые лучшіе люди въ интендантскомъ вѣдомствѣ. Тогда мы повѣримъ ему на слово, что Маткевичъ ему вовсе не родственникъ, и укажемъ ему на тотъ документъ, появленія котораго онъ такъ сильно и такъ основательно боялся—мы укажемъ ему на книгу въ 454 страницы, носящую заглавіе „Сводъ матеріаловъ къ отчету по интендантской части за время войны съ Японіей 1904—1905 гг.“.

Нарисованная въ этой книгѣ картина сама говоритъ за себя.

Но этого мало?

Я принужденъ остановиться внимательно на генералѣ Ростковскомъ, еще стоящемъ во главѣ интендантскаго вѣдомства, и прослѣдить въ какой мѣрѣ касаются его преступныя дѣянія другихъ по ту и по сю сторону Байкала.

Возвращающійся скоро изъ своей экстренной командировки генералъ Ростковскій, конечно, привезетъ съ той стороны Байкала своему начальству доказательства ложнаго освѣщенія мною дѣятельности „героевъ“ тыла...

Письмо въ редакцію.

(По поводу телеграммы генерала Хаскина къ статьямъ „Герои тыла“).

Въ своемъ возраженіи генералъ Хаскинъ чернитъ меня... Состоя на дѣйствительной службѣ и не имѣя другого способа защиты своей чести, прошу редакцію не отказать обнародовать прилагаемую копію памятной записки на имя главнаго интенданта Манчжурской арміи, изъ которой видно, что въ 1894 году меня судили на далекой окраинѣ изъ мести за обнаруженіе злоупотребленій. Свидѣтелями на судѣ явились лица, которыхъ военный слѣдователь постановилъ привлечь къ суду за служебные подлоги, вымогательство и иныя преступленія, но начальство ихъ не привлекло, а меня судили за неоказаніе уваженія этимъ лицамъ.

Добавляю, что генералъ Хаскинъ опровергаетъ общеизвѣстные факты; во-первыхъ, что служилъ въ „интендантствѣ тыла“, хотя это называлось „интендантствомъ Дальняго Востока“ и во-вторыхъ, что самъ заготовлялъ овесъ и крупчатку.

Копія памятной записки,

представленной окр. интенданту Манчжурской арміи.

Состоя въ 1893 г. казначеемъ и квартирмейстеромъ 6-го Восточно-Сибирскаго линейнаго баталіона, я имѣлъ столкновенія съ командиромъ и съ завѣдующимъ хозяйствомъ изъ-за одного моего нежеланія выдавать имъ незаконно деньги и вести подложно книги казначея. Обиды и оскорбленія стали столь невыносимы, что я былъ принужденъ жаловаться мѣстному высшему начальству, которое однако ничего не отвѣтило и не обратило вниманія на указанія о злоупотребленіяхъ, пока я не донесъ, по долгу службы, бывшему военному министру; тогда была назначена комиссія для приведенія въ порядокъ хозяйства означенной части войскъ. Командиръ баталіона полковникъ Слѣпушкинъ уволенъ и завѣдующій хозяйствомъ подполковникъ Квитницкій переведенъ, хотя военный слѣдователь постановилъ привлечь къ суду за подлоги, растраты, вымогательства и превышеніе власти не только этихъ лицъ, но и дѣлопроизводителя Марачковскаго, бывшаго почтоваго чиновника, на котораго былъ сдѣланъ почтовымъ вѣдомствомъ начетъ на 3,600 рублей.

Я же былъ преданъ военному суду за неоказаніе должнаго уваженія вышеозначеннымъ лицамъ, за помѣщеніе въ жалобахъ рѣзкихъ выраженій и за неисполненіе нѣкоторыхъ ихъ приказа-

ній (ст. 96, 100 и 105 с. в. п. 1869 г. изд. 2). При судебномъ разбирательствѣ показали противъ меня, въ качествѣ свидѣтелей, всѣ три вышеозначенныя лица. Прокуроръ отказался отъ главнаго обвиненія по 105 ст., но я былъ тѣмъ не менѣе осужденъ къ исключенію изъ службы. Такъ какъ главный военный судъ дѣла по существу на разсматриваетъ, то приговоръ остался въ силѣ, и я принужденъ разстаться съ офицерскимъ мундиромъ, хотя въ Европейской Россіи командиръ 109 пѣх. Волжскаго полка полковникъ Дроздовичъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ) поцѣловалъ меня передъ собраннымъ обществомъ офицеровъ, благодаря за примѣрную службу и называя меня лучшимъ офицеромъ полка.

Желая вернуть своимъ дѣтямъ доброе имя отца, я, при содѣйствіи предсѣдателя главнаго военнаго суда, поступилъ вновь на службу рядовымъ въ 198 пѣх. Александро-Невскій полкъ и былъ произведенъ вторично въ офицеры 10 апрѣля 1900 года. Но многолѣтнія нравственныя страданія и униженія, а также и матеріальныя лишенія такъ надломили мои силы и разстроили мое здоровье, что мнѣ очень тяжело нести службу въ строю въ качествѣ младшаго офицера. И такъ какъ я долженъ считаться вполнѣ реабилитированнымъ, потому что былъ произведенъ вновь въ офицеры по особому Высочайшему повелѣванію, основанному на докладѣ его превосходительства военнаго министра, то рѣшаюсь покорнѣйше просить опредѣлить меня на какую-нибудь нестроевую должность въ интендантствѣ, въ складѣ въ госпиталѣ и т. д.

Приложеніе: Выдержка изъ приказа по 29 пѣх. дивизіи отъ 13 февраля 1888 г. за № 12.

Справка: 1) Отрѣшеніе отъ командованія батальономъ полковника Слѣпушкина состоялось приказомъ по пріамурскому военному округу отъ 30 октября 1893 г.; 2) фактъ, что прокуроръ „по совѣсти и по закону“ отказался отъ обвиненія меня за умышленное неисполненіе приказанія, установленъ мною въ кассаціонной жалобѣ*). Поручикъ Винтеръ.

*) *Реорганизація интендантства.* Военнымъ министерствомъ возбужденъ въ настоящее время вопросъ о реорганизаціи главнаго интендантскаго управленія. Въ числѣ намѣченныхъ на первыхъ порахъ реформъ, обращено, главнымъ образомъ, вниманіе на передачу нѣкоторыхъ функцій интендантскаго управленія въ непосредственное вѣдѣніе военнаго министра.

Точно также контроль надъ дѣйствіями главнаго управленія, находившійся до сего времени въ вѣдѣніи военнаго министерства, предполагается передать особой комиссіи. Детальная разработка проекта введенія этихъ реформъ поручена особой комиссіи изъ чиновъ военнаго министерства и главнаго интендантскаго управленія. Окончательное же рѣшеніе этого вопроса подлежитъ совѣту министровъ.

Небезынтересны слѣдующія замѣтки, появлявшіяся въ газетахъ во время печатанія статей „герои тыла“.

Въ интендантствѣ.

По словамъ „Пет. Газ.“, главный интендантъ генералъ-отъ-инфантеріи Ростковскій возвратился изъ своей поѣздки въ сибирскій и иркутскій военные округа недовольный и смущенный, двумя недѣлями ранѣе, чѣмъ ожидали. Чины главнаго интендантства ждутъ обычнаго приказа о результатахъ поѣздки, пока неизвѣстныхъ. Приказъ ожидается объемистый, листа въ полтора печатныхъ. Говорятъ о результатахъ поѣздки много. Злоупотребленія и безпорядки въ полевыхъ интендантствахъ потвердились. Интендантсткое имущество, сдававшееся на храненіе эвакуировавшимися войсками, частью уже исчезло, растрачено, частью приведено въ негодность изъ-за небрежнаго храненія. Идетъ слѣдствіе объ огромныхъ безпорядкахъ въ иркутскомъ вещевомъ складѣ, главный смотритель котораго коллежскій совѣтникъ Коваленко былъ отставленъ отъ должности еще лѣтомъ. Вообще, въ интендантскомъ вѣдомствѣ исчезло ликующее настроеніе, бывшее всю войну, и смѣнилось подавленнымъ. Въ будущемъ возможны важныя перемѣны въ личномъ составѣ интендантскаго вѣдомства.

XL.

Для чего и какъ повышались цѣны.

Чтобы объяснить въ полной мѣрѣ происхожденіе преступленій интендантскихъ чиновъ, сплотившихся для того, чтобы дружными усиліями возможно скорѣе пройти тернистый и опасный путь къ желанному обогащенію, необходимо подробно разсказать, какъ совершалось искусственное повышеніе цѣнъ.

Предположимъ, нужно поставить 100 тысячъ пудовъ какого нибудь зерна, и прослѣдимъ дѣло поставки, стоя на точкѣ зрѣнія интересовъ поставщика.

Интересы поставщика требуютъ получить съ поставки возможно больше дохода. Сообразно съ этимъ торгующій зерномъ долженъ стремиться къ тому, чтобы на рынкѣ было возможно меньше зерна и чтобы оно было возможно дорого.

При низкой цѣнѣ 5,000 руб. съ 100,000 пудовъ — было бы недурнымъ выигрышемъ, но такая сумма заработка не удо-

влетворитъ ни одного шакала войны, привыкшаго къ гораздо большимъ прибылямъ.

Поставщику нужно добиться искусственнаго поднятія цѣнъ.

Но въ странѣ, изобилующей зерномъ, гдѣ тучныя нивы приносятъ колоссальныя количества зерна, котораго при всемъ желаніи не сожжешь, не уничтожишь, поднятіе цѣны вещь весьма затруднительная.

Для этого нужны и финансовыя способности, и совмѣстная работа многихъ вѣдомствъ.

Поставщикъ долженъ заставить поднять цѣну самого интенданта и чтобы бороться съ поставщикомъ, интендантъ долженъ знать хорошо край, быть образованъ, освѣдомленъ о мѣстныхъ условіяхъ, знать центры торговли, мѣры водоснабженія и проч., иначе интендантъ въ рукахъ поставщика.

Если же этихъ необходимыхъ качествъ у интендантовъ нѣтъ, то первымъ пособникомъ къ повышенію будетъ самъ интендантъ, который будетъ играть, можетъ быть, и помимо своей воли на руку поставщикамъ. Цѣна поднимается.

Надо помнить, что вопросъ продовольствія—неотложный; опозданіе въ доставкѣ не только повліяетъ на военныя дѣйствія, но, можетъ быть, даже вызвать ропотъ среди солдатъ; интендантъ поставленъ въ необходимость пойти на встрѣчу желаніямъ поставщика.

Ежели страна бѣдна—отсутствіе продукта повело бы къ увольненію интенданта; въ странѣ же богатой продуктами, скотомъ, дѣло обстоитъ иначе. Если въ странѣ этой открыть большія справочныя цѣны и предоставить заготовленіе войскамъ, то отъ этого кромѣ взаимнаго удовольствія ничего не произойдетъ.

Такое распоряженіе поведетъ къ поднятію цѣнъ съ одной стороны и дѣйствуетъ развращающе на армію съ другой, но главное всѣ будутъ довольны. Правда, пострадаютъ сильно интересы казны, но до нихъ нѣтъ никому дѣла; оффиціальныя лица могутъ и не додуматься до результатовъ подобной мѣры.

Выпуская изъ своихъ рукъ рынокъ, интендантъ создаетъ искусственно конкурренцію; является множество агентовъ одного и того же покупщика отъ казны, чѣмъ искусственно ложно представляться начинаетъ величина дѣйствительнаго спроса, почему продавецъ прячетъ товаръ про будущее, а интендантъ поднимаетъ цѣну.

Такое положеніе дѣлъ даетъ широкій просторъ великимъ злоупотребленіямъ.

Для усиленія роста цѣны нужно, чтобы въ богатой странѣ нашлось мѣсто, бѣдное продуктами.

Въ раіонѣ сосредоточенія арміи пунктъ такой найти легче всего. Для поддержанія такого пункта въ желанномъ бѣдномъ состояніи важно (въ странѣ обильной) создать внутреннія границы, стѣсняющія свободный провозъ зерна изъ одного раіона въ другой (достаточно добавить, что напримѣръ цѣна на зерно дошла отъ 32 к. до 3 р. 50 коп. искусственнымъ повышеніемъ).

Развивается очень прибыльная контрабанда, организуется, какъ нѣкій странный промыселъ, тайный подвозъ зерна изъ болѣе богатаго раіона въ бѣдный, причемъ для этого привлекаются всѣ имѣющіяся въ сосѣднемъ раіонѣ перевозочныя средства и наносится, конечно, огромный вредъ общему цѣлу.

Вслѣдствіе недостатка и дороговизны продуктовъ войсковыя части развиваютъ дальнія фуражировки, что ослабляетъ боевую силу и усиливаетъ мародерство, которое такъ процвѣтало въ нашу кампанію, кромѣ того слишкомъ располагаетъ къ коммерціи за счетъ военной доблести...

Пользу имѣютъ только крупные подрядчики.

Учрежденіе не удешевляющихъ продуктъ раіоновъ играетъ имъ въ руку; на затраченные гроши—наживается капиталъ.

Конечно, высшее начальство, и только оно можетъ бороться съ этимъ опаснымъ зломъ; нормировка цѣнъ должна была бы быть главной заботой интендантовъ... Между тѣмъ, видя въ томъ себѣ выгоду, начальство явно шло на встрѣчу интересамъ поставщиковъ.

Но уже наблюдалась не только стачка подрядчиковъ, а и стачка подрядчиковъ съ описаннымъ трестомъ главныхъ начальниковъ, что и создавало такую ненормальность: подрядчики и чиновники наживались, а войска не были удовлетворены.

За продовольствіе снабжались разрѣшеніемъ покупать, являлись сразу и заготовитель—офицеръ, и интендантъ, и перекупщикъ—начинавшійся торгъ былъ по результатамъ слишкомъ понятенъ!

Обширный матеріалъ для этихъ положеній дали порядки тыла въ эту войну, гдѣ вся жизнь и дѣятельность интендантства подъ начальствомъ упомянутыхъ генераловъ клонилась къ неуспѣху, каковой и сказался такъ жестокимъ.

Выиграли только тѣ, кто привезли сотни тысячъ и даже, быть можетъ, милліоны на текущій счетъ... изъ деликатности въ иностранные банки.

XLI.

Генералъ Ростковскій

(по сю сторону Байкала).

Помимо уже описанныхъ мною непорядковъ и преступленій въ вѣдомствѣ генерала Ростковскаго, были въ его личныхъ служебныхъ дѣйствіяхъ нѣкоторыя очень странныя и трудно объяснимыя дѣйствія.

Поэтому прежде, чѣмъ говорить о нравахъ въ главномъ интендантскомъ управленіи, я дополню еще характеристику „служебнаго рвенія“ генерала Ростковскаго, который довелъ свое вѣдомство до состоянія, описаннаго выше.

Въ началѣ японской войны въ Варшавѣ Ростковскимъ были открыты склады вещевого довольствія, то-есть склады шинелей, бѣлья, сапогъ, госпитальныхъ вещей и проч., обмундировочныя мастерскія и т. д.

Если вспомнить рѣшеніе бывшаго военнаго министра Милютина послѣ турецкой войны, рѣшеніе, возведенное въ обязательное правило: не имѣть интендантскихъ складовъ близко къ границѣ,— становится страннымъ, какъ возможно было генералу Ростковскому устроить вещевые склады въ Варшавѣ.

Если до сихъ поръ не разрѣшается закономъ имѣть вещевые склады въ Брестъ-Литовскѣ, почему они разрѣшены въ Варшавѣ?

Во время войны обмундировочныя мастерскія Варшавы работали на армію; отдаленность мастерскихъ — которыя, конечно, слѣдовало-бы для пользы дѣла устроить въ Восточно-Азіатской Сибири по крайней мѣрѣ — отдаленность мастерскихъ отражалась на своевременности заготовокъ и поставокъ. Именно по этой главнымъ образомъ причинѣ въ войска приходили лѣтомъ полушубки и валенки, а зимой рубашки хаки, парусиновые сапоги, фуражки съ солнечнымъ прикрытіемъ и проч.

Въ арміи надъ этимъ смѣялись, но это было не смѣшно, а по истинѣ трагично, потому что при отступленіяхъ, столь выгодныхъ многимъ, сжигались колоссальные склады обмундировокъ, не только за невозможностью ихъ захватить и спасти, *но и за полной ихъ ненадобностью, такъ какъ онѣ были заготовлены не по сезону.*

Чтобы склады и мастерскія интендантства ни въ какомъ случаѣ не могли попасть въ руки непріятеля и рѣшено было не

имѣть означенныхъ складовъ, магазиновъ и мастерскихъ близко къ границѣ.

Мнѣ передавали, что Ростковскій вообще очень любилъ и любитъ крупные заказы проводить именно въ Варшавѣ, – не стану входить въ разсмотрѣніе этихъ соображеній и остановлюсь еще на протекціонизмѣ генерала Ростковскаго.

Племянникъ Ростковскаго (тоже Ростковскій) до войны былъ въ чинѣ губернскаго секретаря, занималъ должность 6 класса.

Другой Ростковскій служилъ на Кавказѣ въ интендантствѣ. (Всѣхъ Ростковскихъ въ интендантствѣ нѣсколько; мнѣ извѣстно четверо, но ихъ больше).

Съ молодымъ Ростковскимъ на войнѣ были интересныя приключенія; не будь онъ родственникомъ главнаго интенданта, конечно, давно бы онъ слетѣлъ.

Однажды генералъ Парчевскій при производствѣ ревизіи обнаружилъ (конечно, не лично) у чиновника Ростковскаго около 1,000 не исполненныхъ требованій...

Тысяча не исполненныхъ требованій въ дни войны – это тяжкое преступленіе. Скрыть Парчевскій не могъ и пришлось ему суть этого дѣла изложить въ особомъ приказѣ, который кончался словами, что Ростковскаго нужно перевести изъ управленія тыла въ завѣдующіе хлѣбопекарней, чѣмъ, конечно, были жестоко обижены служившіе на этихъ должностяхъ.

Какъ должность 8 класса, ее по штату могли занимать капитаны, и было странно, что чиновникъ съ меньшимъ чиномъ, обнаружившій преступное нерадѣніе—былъ назначенъ на эту должность, какъ бы въ наказаніе!.. Теперь онъ столоначальникомъ въ иркутскомъ окружномъ интендантствѣ; въ то время, когда множество людей находится за штатомъ, чиновниковъ, обнаружившихъ явное неумѣніе служить дѣлу – продолжаютъ держать.

Посмотримъ же теперь, какъ поставлена служба въ главномъ интендантскомъ управленіи и что дѣлаетъ генералъ Ростковскій, чтобы ввѣренное ему управленіе стояло на должной высотѣ.

Главное интендантское управленіе состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, которыя вѣдаютъ разными отраслями дѣлопроизводства по интендантскому вѣдомству.

Для примѣра остановлюсь на 6-мъ отдѣленіи, разберу царящіе тамъ странные порядки и нравы и укажу на результаты отъ нихъ.

6-е отдѣленіе производитъ разсчеты съ желѣзными дорогами и пароходствами за совершенныя перевозки воинскихъ чиновъ и

войсковыхъ грузовъ. Работы въ отдѣленіи масса; работа эта требуетъ отъ служащихъ весьма добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу, такъ какъ отъ малѣйшей небрежности или невниманія служащаго можетъ быть причиненъ казнѣ значительный матеріальный ущербъ.

Прослѣдимъ, какъ несутъ службу чиновники отдѣленія, и какія мѣры принимаются генераломъ Ростковскимъ, чтобы затраты казны на содержаніе этого отдѣленія дѣйствительно вознаграждались его работой.

Мнѣ передавали, что генералъ Ростковскій не любитъ 6-го отдѣленія, считаетъ его своимъ пасынкомъ и ссылаетъ туда ему неугодныхъ, или людей, непріятныхъ его близкимъ.

Ввиду этого самый составъ отдѣленія, такимъ образомъ, подобрался на славу. Тутъ собрались глубокіе старцы, съ трудомъ передвигающіе ноги, ожидающіе съ нетерпѣніемъ выслуги пенсіи, чтобы поскорѣй убраться на покой. Сюда собрались алкоголики, кажется, со всего управленія и рады радешеньки, что строгое начальство не заглядываетъ въ отдѣленіе. Сюда собрались сынки недоросли всѣхъ бывшихъ начальниковъ отдѣленій, равно какъ и всѣ тѣ, которыхъ почему нибудь генералъ Ростковскій считалъ опаснымъ держать къ себѣ поближе.

Каждый изъ служащихъ, такъ или иначе попадающій въ 6-е отдѣленіе, ставитъ на своей службѣ крестъ, машетъ рукой на будущее, не интересуется дѣломъ, не вѣритъ въ его надобность и, кое-какъ, вяло тянетъ служебную лямку.

Ясно, что мало добраго можно ожидать отъ отдѣленія при подобномъ составѣ служащихъ, изъ коихъ многіе абсолютно не способны работать. Глубокимъ старикамъ, сосланнымъ въ отдѣленіе, уже поздно знакомиться съ новымъ дѣломъ, уже поздно изучать извилины разныхъ законоположеній; у иныхъ нѣтъ силъ, у другихъ нѣтъ охоты. На службу являются аккуратно, высиживаютъ опредѣленные часы, а работѣ ихъ цѣна ломанный грошъ. Принятымъ на службу за заслуги отцовъ молодымъ недорослямъ предоставляются почетныя, отвѣтственныя должности. Отсюда ясно, каково служить въ отдѣленіи тѣмъ, которые, не зная за собой никакихъ другихъ добродѣтелей кромѣ честной, трудовой службы, видятъ ежесекундно на себѣ несправедливое отношеніе начальства,—есть же, конечно, и такіе.

Не разсчитывая однимъ трудомъ добиться повышенія, они volens-nolens начинаютъ работать такъ же вяло и кое-какъ, какъ ихъ коллеги, или имѣющіе про запасъ папенекъ, или въ конецъ махнувшіе рукой на будущее.

Если до сихъ поръ есть въ шестомъ отдѣленіи люди, которые что-нибудь дѣлаютъ, нѣтъ сомнѣнія, что скоро изсякнетъ ихъ энергія, и вялая апатія къ дѣлу отъ сознанія безсилія и одиночества въ трудномъ дѣлѣ придетъ на смѣну честнымъ порывамъ добросовѣстно исполнять обязанности.

Да и трудно, если не невозможно нѣсколькимъ людямъ исправить безчисленныя ошибки множества служащихъ! Можно ли ожидать благопріятныхъ для вѣдомства и дѣла результатовъ отъ службы въ управленіи при такихъ условіяхъ? Не скажу „нѣтъ“ голословно, а отвѣчу примѣромъ.

Благодаря существующимъ порядкамъ, отдѣленіе запустило дѣло до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что дѣлается положительно непонятнымъ, что смотрятъ чины высшіе, какъ допускается такая странная небрежность въ важныхъ дѣлахъ?

Напримѣръ, интендантство задолжало за время войны желѣзнымъ дорогамъ и пароходствамъ, какъ бы вы думали, сколько? до 140 милліоновъ рублей!..

Требованія дорогъ и пароходствъ какъ казенныхъ, такъ и частныхъ поступаютъ ежедневно и—забрасываются. Почему требованія не удовлетворяются—совершенно непонятно, когда кредитъ въ казначействѣ открытъ и представляемые счета безпрекословно оплачиваются.

Дороги грозятъ судомъ, просятъ честью, требуютъ проценты за неплатежъ (проценты и платятся изъ 6 проц. годовыхъ)... Частныя дороги присылаютъ слезныя просьбы, даже мольбы заплатить „хоть нѣсколько тысячъ“, такъ какъ долги одолѣваютъ и грозитъ банкротство нѣкоторымъ мелкимъ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ...

И несмотря на угрозы, жалобы куда только можно—требованія заваливаются, копятся... еще съ 1903 года, передъ войной... (со времени поступленія на должность главнаго интенданта генерала Ростковскаго).

На ряду съ этимъ просматриваются счета такъ небрежно, что положительно не преувеличивая можно сказать, что среди счетовъ могутъ пройти и счета отъ прачки, и за молоко, и изъ сосѣдней лавочки, и что вамъ угодно.

Какъ же изъ того положенія, въ какомъ и по сейчасъ находится въ главномъ интендантскомъ управленіи 6-е отдѣленіе, выпутывается начальство?

Оно приняло на службу 12 вольнонаемныхъ людей, возложивъ на нихъ всѣ упованія о приведеніи 6-го отдѣленія въ должный видъ.

Будущее покажетъ. Пока все-таки нельзя не выразить крайняго удивленія странному режиму въ управленіи. Если 6-е отдѣленіе своей дѣятельностью заставило управленіе задолжать 140 милліоновъ, за которые платится 6 проц. дорогамъ и пароходствамъ, то что же въ другихъ отдѣленіяхъ, болѣе обласканныхъ генераломъ Ростковскимъ?

Тутъ уже вы не можете сказать ваше, отнынѣ историческое, „это по ту сторону Байкала“, генералъ Ростковскій! *).

Какая цѣна такому „опроверженію“—ясно. Разсказанное мною могутъ подтвердить безспорные свидѣтели, и отъ г. Тифонтая зависитъ услышать ихъ на судѣ.

Помимо описанныхъ порядковъ, въ одномъ изъ отдѣленій главнаго интендантскаго управленія, благодаря этимъ порядкамъ за время начальствованія генерала Ростковскаго, задолжавшаго жел. дорогамъ и пароходствамъ треть военнаго бюджета государства, не лишне указать примѣры и иной категоріи.

„Взяточничество царитъ повсюду и бороться съ нимъ трудно, почти невозможно!“ — пожимая плечами, говорятъ мнѣ часто въ случайныхъ разговорахъ люди, хорошо знающіе, условія россійскихъ службъ въ разныхъ вѣдомствахъ.

Приму это положеніе за условіе, неизбѣжное при служеніи въ нашихъ казенныхъ учрежденіяхъ, при нынѣшнихъ порядкахъ и, не касаясь, пока что, вопросовъ о взяткахъ, остановлюсь на подлогахъ, въ увѣренности, что съ ними „бороться тоже трудно потому что они-де царятъ повсюду“.

По точному толкованію міровыхъ древнихъ и новыхъ уголовныхъ законовъ подлоги на службѣ являются преступленіями,

---

*) Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» въ № 213 помѣщено «письмо въ редакцію» подрядчика Громова, именующаго себя въ немъ «русскимъ человѣкомъ съ гордымъ именемъ и отважной службой. Къ тому, что это письмо говоритъ за себя, прибавлю одно: г. Громовъ лжетъ будто это письмо редакція «Руси» обѣщала ему напечатать.

По поводу помѣщеннаго въ «Нов. Вр.» письма г. Тифонтая отрицающаго то, что подтверждаютъ мнѣ свидѣтели, долженъ замѣтить, что онъ самъ былъ у меня и просилъ дать ему письмо, что свѣдѣнія получены «не отъ него», какое письменное подтвержденіе я ему и далъ, потому что дѣйствительно свѣдѣнія получены были не отъ него. Смыслъ подкладка нынѣшняго отрицанія г. Тифонтая ясны каждому, конечно отрицать заставили его тѣ, которыхъ близко касается обвиненіе, о чемъ при своемъ объясненіи откровенно и признался мнѣ самъ г. Тифонтай.

разслѣдованіе коихъ предписывается закономъ тотчасъ-же по ихъ обнаруженіи, всякое же о нихъ замалчиваніе или признаніе въ одномъ низшемъ служащемъ „стрѣлочника“, когда ясно, что подлогъ есть результатъ дѣяній многихъ—составляетъ въ свою очередь также преступленіе.

Остановлюсь на примѣрѣ, можетъ быть, на первый взглядъ незначительномъ, но достаточно характерномъ.

Одинъ изъ подполковниковъ главнаго интендантскаго управленія (мнѣ передаетъ, что это былъ подполковникъ М—ни) былъ командированъ въ московскую пріемную комиссію для провѣрки ея работъ.

Онъ осмотрѣлъ принятое комиссіей отъ фабриканта-поставщика сукно и для болѣе тщательнаго изслѣдованія качествъ этого сукна взялъ на угадъ одну штуку его, записалъ поставленный на немъ номеръ и приказалъ прислать въ повѣрочную комиссію при главномъ интендантскомъ управленіи.

Въ повѣрочной комиссіи при осмотрѣ сукна обнаружилось, что записанный подполковникомъ номеръ поставленъ на подчищенномъ другомъ номерѣ.

При разслѣдованіи этого дѣла, послѣ обнаруженія явной подчистки, оказалось, что на суконной фабрикѣ, въ книгѣ, гдѣ обыкновенно записываются по номерамъ штуки сукна, а также (что очень важно) обозначается вѣсъ ихъ, — тоже подчистка. Подъ номеромъ, записаннымъ подполковникомъ, обозначенная цифра вѣса зачеркнута и сверху написана другая цифра; эта другая цифра соотвѣтствуетъ дѣйствительному вѣсу, опредѣленному въ повѣрочной комиссіи.

Совершенно ясно, что комиссія приняла сукно недостаточно удовлетворительнаго качества, если пришлось передѣлать цифру вѣса: для этой „поправки“, конечно, нужно было войти въ сдѣлку съ фабрикантомъ, послѣ котораго только и могла быть допущена поправка въ фабричной книгѣ.

Ясно также, что подчистка одного номера на штукѣ сукна и замѣна его другимъ есть подлогъ. Объ этомъ заговорили и пришлось возбудить дѣло.

Одинъ человѣкъ выполнить это дѣло не могъ, не говоря уже о томъ, что одинъ подобный случай могъ указывать на частое примѣненіе подобныхъ этому случаевъ, тѣмъ не менѣе былъ обвиненъ одинъ маленькій служащій: вольнонаемный писарь пріемной комиссіи, котораго... только уволили со службы.

Спрашивается, неужели, если бы виновность сего „стрѣлочника“ была доказана, то его бы только уволили?.. Видимо, въ удаленіи мелкаго служащаго крылось желаніе дѣло это замять; такимъ образомъ, дѣло о случайно обнаруженномъ подлогѣ было замято.

Если этотъ случай кажется темнымъ и мало краснорѣчивымъ, и генералу Ростковскому будетъ легко скрыть свою виновность въ туманѣ трудно учитываемыхъ безъ внимательнаго слѣдствія обстоятельствахъ изложеннаго дѣла, я разскажу другой случай, болѣе ярко характеризующій уже непосредственно генерала Ростковскаго.

Начальникъ кадра запаса кавалерійской дивизіи, расположеннаго въ Московскомъ округѣ, обратился къ бывшему главному интенданту генералу Тевяшеву, нынѣ умершему, съ заявленіемъ, что отпущенныя кадру патронныя сумки изъ воронежскаго вещевого склада не закрываются по вложеніи въ нихъ комплекта патроновъ.

На сдѣланный по этому предмету запросъ генералъ Ростковскій, тогда московскій окружной интендантъ, донесъ, что такая незакрываемость присуща сколку съ Высочайше утвержденнаго образца, высланному въ воронежскій складъ техническимъ комитетомъ главнаго интендантскаго управленія. Въ виду этого бывшей въ то время въ Воронежѣ комиссіи по качественной повѣркѣ имущества, хранящагося въ воронежскомъ складѣ, было поручено осмотрѣть упомянутый сколокъ въ присутствіи самого генерала Ростковскаго.

По сличеніи оказалось, что донесеніе генерала Ростковскаго было ложно, такъ какъ сколокъ съ образца великолѣпно закрывался по вложеніи въ него вкладышей, соотвѣтствующихъ числу патроновъ.

Былъ составленъ актъ и подъ нимъ первая подпись была Ростковскаго.

Все это дѣло подробно описано въ журналахъ комиссіи, сданныхъ по окончаніи дѣлъ въ техническій комитетъ главнаго интендантскаго управленія.

Нѣтъ сомнѣнія, что разслѣдованное во-время это дѣло во всей его дѣйствительной обстановкѣ уже одно послужило бы поводомъ къ недопущенію Ростковскаго на отвѣтственный постъ главнаго интенданта.

Вообще, нужно сказать, что извлеченіе означенныхъ журналовъ изъ-подъ спуда названнаго комитета пролило бы достаточно свѣта на дѣла одного только воронежскаго склада, находившагося въ вѣдѣніи генерала Ростковскаго.

Ставъ главнымъ интендантомъ, генералъ Ростковскій прежде всего обратилъ гнѣвъ свой на лицъ, ему неугодившихъ прежде и особенно на тѣхъ, къ которымъ было расположено предшествовавшее ему начальство.

Можно было бы перечислить не мало жертвъ его начальническихъ приговоровъ надъ служащими, по большей части, людьми дѣйствительно добросовѣстными въ отправленіи своихъ обязанностей по службѣ.

Я напомню пока генералу Ростковскому самоубійство капитана Сазоновича, душевное разстройство и смерть Поліектова, Безбидевича, Уткина, Соловьевича и многихъ другихъ, которые на совѣсти Ростковскаго.

Интересна исторія съ госпитальными палатками, хорошо памятная генералу Ростковскому. Когда требованіе ихъ „не на прямую надобность“ прежнимъ главнымъ интендантомъ было объявлено незаконнымъ и какъ таковое пришито къ дѣлу, Ростковскій по своемъ назначеніи, требованія эти получилъ вновь и, на возраженія служащихъ не обращая вниманія, видимо эти требованія удовлетворялъ. Это послѣднее мнѣ установить въ подробностяхъ трудно, такъ какъ это установить можетъ лишь точное и строгое разслѣдованіе.

Памятна, вѣроятно, также Ростковскому исторія съ поставками кустарей... но... „это было еще въ 1902 году“ — отвѣтятъ мнѣ.

Примѣчаніе. На очередномъ засѣданіи членовъ *лиги обновленія флота* 2 октября слушался докладъ Г. К. Коллежинскаго „Военно-морское хозяйство въ связи съ общегосударственнымъ“.

Разсматривая детально положеніе вещей и основываясь на статистическихъ данныхъ, докладчикъ приходитъ къ выводу о безпомощности современной финансовой и экономической политики. Самая постановка дѣла и законы общегосударственнаго хозяйства покровительствуютъ однимъ капиталистамъ, раззоряя мелкихъ тружениковъ, землевладѣльцевъ крестьянъ.

Монополія капиталистовъ убила экономическую жизнь страны.

Исходя изъ статистическихъ данныхъ докладчикъ указываетъ, что въ Россіи благосостояніе арміи и флота, ниже чѣмъ въ другихъ государствахъ. *Послѣднія розоблаченія печати злоупотребленій интендантства требуютъ измѣненія всего устарѣвшаго порядка вещей.*

Тезисы докладчика сводятся къ необходимому увеличенію суммъ, отпускаемыхъ на флотъ и армію; увеличеніе содержанія и пенсій офицерамъ и нижнимъ чинамъ, по примѣру германской арміи.

Необходимо измѣненіе порядка поставокъ для арміи и флота въ направленіи передачи ихъ въ руки мелкихъ землевладѣльцевъ, что поднимаетъ благосостояніе страны и ослабитъ монополію капиталистовъ; открытіе казенныхъ ко-

XLII.

Еще о „своихъ людяхъ“ генерала Куропаткина.

Всюду, гдѣ назначеніе чиновъ зависѣло отъ личныхъ знакомствъ и совершалось въ соображеніяхъ личнаго свойства въ особенности въ тылу арміи, служба назначаемыхъ „своими“ начальниками своихъ людей носила общій рѣзкій отпечатокъ.

Для „своихъ“ людей было всегда возможно расширить толкованіе того или иного закона; для своихъ людей всегда можно было устроить такъ, что имъ выдавались боевыя награды отнюдь не за боевыя заслуги, а лишь за личныя услуги тѣмъ, кто представлялъ ихъ.

Мнѣ передавали и у меня зарегистрировано не мало случаевъ награжденія орденами людей за „подвиги“, о коихъ сами награжденные въ товарищескихъ бесѣдахъ, смѣясь, разсказывали порою очень комичныя вещи.

Раздавались боевые ордена за выдуманныя, порою ненужныя, командировки съ упоминаніемъ въ бумагахъ о рискѣ и доблести, которыхъ и прилагать то было не къ чему.

Раздавались боевые ордена за... удачное угощеніе пріѣхавшаго начальника вкусно сваренными щами (случай мною зарегистрированъ и можетъ быть оглашенъ въ подробностяхъ со всѣми именами).

Раздавались ордена за личныя мелкія услуги; такихъ примѣровъ я знаю много, и впослѣдствіи, для нагляднаго подтвержденія приводимыхъ положеній, я приведу длинную серію примѣровъ награжденій боевыми отличіями, когда въ сущности люди награждались вовсе не за боевыя отличія; а пока вновь остановлюсь на высказанномъ уже мною положеніи, что генералъ Куропаткинъ въ большой мѣрѣ способствовалъ развитію въ дѣйствующей арміи пагубнаго института „своихъ людей“.

Помимо подрядчика Громова, выступившаго печатно (правда въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“!) съ „опроверженіями“ ранѣе, чѣмъ я высказалъ о немъ что-либо опредѣленное и поло-

---

жевенныхъ заводовъ, земскихъ продовольственныхъ магазиновъ и элеваторовъ; строгій государственный контроль и наказаніе виновныхъ въ злоупотребленіяхъ; особенно строгія кары за злоупотребленія, раскрытыя печатью.

Собраніе кончилось около часу ночи. Докладъ Г. К. Коллежинскаго рѣшено, обсудить и разобрать въ особой комиссіи лиги обновленія флота. Въ концѣ засѣданія была вынесена резолюція, напечатанная вчера. (*Изъ газетъ*).

жительное, я сейчасъ прослѣжу для примѣра службу одного писаря, попавшаго въ личные секретари генерала Куропаткина и дослужившагося до должности VI класса въ управленіи интенданта первой арміи.

Вотъ выдержка изъ послужного списка бывшаго писаря Антона Задорожченко, получившаго отъ Куропаткина: Станислава 2-й спепени съ мечами, Анны 2-й степени и Владиміра 4-й степени.

Про Станислава сказано, что награжденъ „за мужественное спокойствіе во-время боевъ подъ Ляояномъ 16—20 августа 1904 г.“.

Кромѣ того, З. получилъ и два чина; чинъ надворнаго совѣтника „за отличіе въ дѣлахъ противъ японцевъ“.

Не неся обязанностей, связанныхъ съ должностью 6-го класса управленія интенданта 1-й арміи, Задорожченко получалъ содержаніе по этой должности. Это, равно какъ и 5 полученныхъ наградъ, явилось, конечно, только слѣдствіемъ исключительнаго къ нему вниманія Куропаткина.

Указываю на Задорожченко, какъ на интересный и характерный примѣръ. Въ то время какъ офицеры, ставя на карту свою жизнь и благосостояніе своихъ семей, были ранены, побывали во многихъ сраженіяхъ, исполняли рискованныя порученія и вернулись на родину безъ всякихъ отличій, бывшій писарь только потому, что служилъ на глазахъ Куропаткина „личнымъ секретаремъ“, осыпанъ наградами.

Привожу выдержку изъ послужного списка.

„Антонъ Кузьмичъ Задорожченко на службу поступилъ и зачисленъ въ писарской классъ при 54 резервномъ батальонѣ — 1886 г. 9 декабря“. „Переведенъ и зачисленъ на вакансію писаря младшаго разряда въ управленіи 11 мѣстной бригады 1887 г. 14 октября. Назначенъ на службу въ главный штабъ — 1888 г. декабря 8.“ Зачисленъ въ главный штабъ нестроевымъ младшаго разряда 1888 года декабря 20. Старшаго разряда низшаго оклада 1889 года 1 января. Средняго оклада 1890 года 1 января. Высшаго оклада 1890 года 26 ноября“.

Прибавлю ко всему этому, что Задорожченко продолжаетъ состоять при особѣ генерала Куропаткина въ качествѣ личнаго его секретаря, получая за это деньги по требовательной вѣдомости полевого интендантскаго управленія, какъ бы чиновникъ этого управленія.

Это примѣръ одинъ, но такихъ не мало.

На ряду съ этимъ не лишнее отмѣтить интересную черту изъ практики прохожденія службы интендантскими чинами, отчасти дополняющую перечень подобныхъ источниковъ, незаконно узаконенныхъ доходовъ чиновъ высшихъ.

Въ очеркахъ „Герои тыла“ неоднократно указывалось на склонность высшихъ чиновъ управленія интенданта тыла на штатныя должности назначать заурядъ-прапорщиковъ и заурядъ-чиновниковъ. Разница между заурядъ-прапорщиками и заурядъ-чиновниками та, что-первые – изъ строевыхъ унтеръ-офицеровъ, а вторые — изъ вахтеровъ и писарей. Это были очень удобные люди, которые на любое приказаніе начальника и старшаго всегда отвѣчали короткимъ и молодецкимъ: „слушаю“.

И вотъ, въ то время, когда такъ называемые „зауряды“ были на штатныхъ должностяхъ, нѣкоторые капитаны и штабсъ-капитаны были на положеніи прикомандированныхъ. Назначеніемъ на штатныя мѣста „заурядовъ“ преслѣдовалась еще и иная цѣль: дѣло въ томъ, какую бы должность ни занималъ „заурядъ“, будь она восьмого, седьмого или шестого класса, содержаніе онъ получалъ не по занимаемой должности, а по званію зауряда (половинное содержаніе прапорщика). Требованіе же на жалованіе составлялось по должностямъ, и всѣ излишки отъ жалованія должностей занятыхъ „заурядами“ оставались въ управленіи и, какъ экономія, шли въ награду „достойнымъ“ людямъ. Это было, такъ сказать, узаконенное беззаконіе. Всѣмъ чинамъ управленія интенданта третьей арміи очень хорошо извѣстно, какую львиную часть наградныхъ изъ „экономическихъ суммъ“ отхватилъ себѣ подполковникъ Томинъ, удѣливъ нѣкоторую, также значительную долю, нѣкоему чиновнику Малиновскому, который, какъ разсказываютъ, молодость свою провелъ послушникомъ въ одномъ изъ монастырей, какъ типичный „монастырскій служка“, сумѣлъ снискать себѣ расположеніе Томина до такой степени, что даже былъ назначенъ на должность пятаго класса, когда должность эта была освобождена эвакуированнымъ въ Россію капитаномъ Вороновымъ.

XLIII.

Передъ тѣмъ, какъ говорить дальше.

Прежде, чѣмъ продолжать описанія, я принужденъ остановиться на нѣкоторыхъ отголоскахъ въ печати извѣстнаго направленія. Огромное количество статей по поводу „Героевъ тыла“ съ подписями и безъ подписей терпѣливо прочитано мною сегодня. Я нашелъ въ нихъ кучи бездоказательныхъ самыхъ странныхъ обвиненій. Цѣну имъ установитъ будущее; я даже не стану сейчасъ входить въ ихъ подробное разсмотрѣніе, отвлекаясь отъ главной своей задачи, еще далеко не законченной.

Я возражу только противъ общаго тона нападокъ, злословій и клеветническихъ сплетенъ, чтобы легче установить въ глазахъ читателей главную идею этихъ выступленій противъ моей личности тамъ, гдѣ выступленіе противъ изложенныхъ мною фактовъ затруднительно.

Особенно остались у меня въ памяти изъ прочитаннаго „передовыя“ статьи, помѣщенныя въ газетѣ „Голосъ Правды“. Передо мною ихъ двѣ: отъ 4 октября и 6 октября.

Въ изложеніи, мало толковомъ, очень длинномъ, безъ всякой аргументаціи, безъ фактовъ, безъ именъ, безъ указанія на тѣ или иныя мои утвержденія — въ этихъ статьяхъ отъ редакціи — говорится, что у меня, Купчинскаго, есть очень много недостатковъ, почему, конечно, очень много недостатковъ есть, вѣроятно, и въ моихъ статьяхъ.

Главный мой недостатокъ, — по мнѣнію „Голоса Правды“, — это то, что я молодъ, „безусый юноша, ничего не смыслящій въ военномъ дѣлѣ, падающій въ обморокъ при первыхъ выстрѣлахъ“.

Авторъ статей описываетъ даже со словъ какихъ-то свидѣтелей, какъ я, въ какомъ-то „одномъ изъ первыхъ“ боевъ „сошелъ съ ума отъ страха и кричалъ въ безпамятствѣ: „прекратите эту рѣзню, тамъ льется кровь“ и т. д.

Конечно, молодость моя не порокъ и если я былъ самымъ молодымъ изъ военныхъ корреспондентовъ на войнѣ, то, вѣроятно, въ большой мѣрѣ именно поэтому я, не смотря на всякія препятствія, сохранилъ въ себѣ свѣжесть силъ, необходимую для того дѣла, которое на себя взялъ и которое не брошу, пока не доведу до конца, какъ бы ни отвлекалось мое вниманіе всякими

выступленіями противъ меня лично. Я не знаю боя, въ которомъ я кричалъ приводимыя слова или падалъ въ обморокъ. Первое мое участіе въ стычкахъ съ японцами было на развѣдкахъ, на которыя я добровольно ѣздилъ почти ежедневно съ конно-охотничьими командами 14 Вост.-Сиб. стрѣлк. полка и 5 Вост.-Сиб. стрѣлк. полка — вплоть до моего отъѣзда изъ Портъ-Артура. Слѣдовательно, большіе бои, которыхъ я явился свидѣтелемъ, не были для меня новостью.

Къ отъѣзду изъ Артура возвращаться не буду; все, что говорится объ этомъ въ упомянутыхъ статьяхъ — почерпнуто изъ одного источника: этотъ источникъ—прапорщикъ Тагѣевъ, дополнять характеристику котораго считаю послѣ всего напечатаннаго мною уже излишнимъ.

„Авторъ и въ своихъ цѣляхъ, — говоритъ газета, — и въ своемъ творчествѣ — младенецъ, говорящій устами другихъ; за его молодою и, вѣроятно, въ значительной степени безтолково-наивной грудью прячутся другіе, а говоря иначе, все творчество Купчинскаго является смѣлымъ анонимнымъ доносомъ желающихъ оставаться въ неизвѣстности...“

Я для сличенія этихъ немного комичныхъ положеній съ дѣйствительностью укажу: какія цѣли у меня были, какія цѣли мною уже достигнуты, какія цѣли у меня есть еще, и, наконецъ, нѣсколько скажу объ „анонимности“.

Цѣль моя въ печатаніи описаній преступныхъ дѣяній интендантскихъ видныхъ чиновъ и иныхъ начальниковъ за эту войну— указать ярко на безуміе войны, создающей почву подобнымъ дѣяніямъ, равно какъ и на возможность подобныхъ милліонныхъ хищеній народныхъ денегъ подъ флагомъ „тратъ на нужды войны“ людьми, вовсе не заявившими себя до войны способными благополучно распоряжаться народными средствами

Цѣль моя создать судебное разбирательство безчисленныхъ преступленій, дабы и впредь было обновлено вѣдомство, въ коемъ допускались такъ безвозбранно описанныя беззаконія, тяжкимъ гнетомъ ложившіяся на нашу страну.

Цѣль моя—обнаженіе войны во всемъ отвратительномъ, зловѣщемъ ея ужасѣ. Тѣмъ сильнѣе будутъ бороться съ войною, чѣмъ ярче познаютъ всѣ виды ея потрясающихъ нелѣпостей, ужасовъ и преступленій.

Теперь напомню читателямъ, какія цѣли мною уже достигнуты

и, если это еще очень мало, я, твердо идя дальше, могу надѣяться, что не все время буду одинъ, потому что безчисленные свидѣтели личными показаніями на судѣ дорисуютъ ярко описываемую мною картину почти невѣроятныхъ злоупотребленій.

Полуторамилліонный начетъ, сдѣланный на генерала Надароза, вовсе не говоритъ, что обвиненія мои были „вымышлены".

Привлеченіе къ суду генерала Парчевскаго, отставка генерала Ухача-Огоровича, отставка полковника Сокола, предписаніе подать въ запасъ полковнику Каппелю это не свидѣтельствуетъ, что мои описанія преступныхъ дѣяній этихъ лицъ были вымышлены, а, наоборотъ, ярко подтверждаетъ уже теперь, до суда, правдивость моихъ описаній.

Что выяснитъ судъ — вамъ неизвѣстно, господа анонимные авторы, обвиняющіе меня въ молодости, наивности и проч.

Если у меня были ошибки, которыя будутъ ясны на судѣ — признаться въ своей ошибкѣ у меня хватитъ мужества, но объ этомъ до суда говорить во всякомъ случаѣ еще преждевременно, тѣмъ болѣе тѣмъ, которые найти эти ошибки и указать на нихъ — до такой степени не въ силахъ.

Если судить по телеграммамъ (повѣстокъ до сихъ поръ мало), меня привлекли къ суду изъ „героевъ тыла":

Генералъ Ухачъ-Огоровичъ.
Генералъ Надаровъ.
Полковникъ Каппель.
Генералъ Хлыновскій.
Генералъ Козловъ.
Генералъ Заушкевичъ.
Генералъ Федоровъ.
Полковникъ Цѣхановскій.
Генералъ Захаровъ.
Генералъ Хаскинъ.
Статскій совѣтникъ Крюковскій.
Списокъ пока, видимо, еще очень неполный...

Вопросъ ген. Ростковскому

Документъ, который печатается въ очеркахъ г. Ф. Купчинскаго, говоритъ о полушубкахъ, сапогахъ и рукавицахъ, но, конечно, каждый прочтетъ его съ глубочайшимъ интересомъ и ѣдкой горечью за русскую армію и ея солдата, и каждый задастъ

ген. Ростковскому тотъ же вопросъ, который задаетъ и г. Купчинскій.

Документъ этотъ официально называетъ эту милліонную поставку „преступленіемъ противъ русской арміи“. Генералъ Ростковскій,—почему это преступленіе осталось не разслѣдованнымъ, и газетный корреспондентъ почти три года спустя долженъ поднимать объ этомъ вопросъ? *(Изъ передов. ст. „Руси“).*

XLIV.

Полушубки, одѣяла, шарфы, шапки, сапоги.

Такъ какъ ниже помѣщенный протоколъ „особой комиссіи“ никакъ не могъ миновать очей генерала Ростковскаго, то я и спрашиваю главнаго интенданта генерала Ростковскаго, почему послѣ официальнаго засвидѣтельствованія здѣсь изложенныхъ злоупотребленій не было наряжено слѣдствіе, даже не было произведено дознаніе опросомъ членовъ комиссіи?

Настоящій протоколъ, въ коемъ оффиціальнымъ, казеннымъ слогомъ „особая комиссія“ разсказываетъ изумительныя вещи—былъ оставленъ безъ вниманія, словно все, что въ этомъ протоколѣ свидѣтельствуется, отнюдь не является ни тайной, ни новостью для главнаго интенданта...

Протоколъ.

Согласно постановленію комитета по ликвидаціи дѣлъ снабженія крѣпости Портъ-Артуръ, состоявшемуся 9—22 іюля с. г., избранная комитетомъ комиссія въ составѣ трехъ членовъ—титулярнаго совѣтника В. А. Мирнаго, поручика Л. Л. Рейтлингера и служащаго русско-китайскаго банка А. А. Куколевскаго 13—26 іюля с. г. начала провѣрку остатковъ вещей, которыми предполагалось снабдить гарнизонъ крѣпости Портъ-Артуръ во время осады и армію въ Манчжуріи. Какъ экспертъ по пушному и шкурному дѣлу, комиссіей былъ приглашенъ германскій подданный г. Тростъ, управляющій фирмой того же имени. Большинство поставокъ было сдѣлано чрезъ представителя фирмы Тельге и Шретеръ г. Зоммера и г. военнымъ агентомъ полковникомъ Огородниковымъ было заявлено, что у него имѣется письмо отъ Зоммера, въ которомъ онъ, будто бы, заявляетъ о своей отвѣтственности за количество

Товаръ лицомъ!

Сапоги: 8 руб. 25 коп. пара, какъ излишніе запасы послѣ войны были проданы по 40 центовъ (копѣекъ) за пару поставщикамъ китайской арміи для подбивки подошвъ и каблуковъ.

и качество доставленныхъ имъ вещей, но лишь при условіи, что вскрытіе тюковъ должно происходить въ его присутствіи; имѣя это въ виду, комиссія пригласила г. Зоммера присутствовать при провѣркѣ.

Для комиссіи было ясно, что провѣряемыя вещи назначены были, чтобы одѣть, обуть и накормить русскую армію въ боевой обстановкѣ, и потому естественно—при провѣркѣ искала готовую, крѣпко сшитую, теплую и чистую одежду, пригодные для совершенія походовъ сапоги и теплыя удобныя, хотя бы для дѣйствія холоднымъ оружіемъ, перчатки.

Для того, чтобы оріентироваться при провѣкѣ, комиссія хотѣла получить контракты съ поставщиками и вѣдомости пріемщиковъ. Полковникъ Огородниковъ указалъ комиссіи, что контракты на поставки должны быть у г. Кона—директора тяньдзинскаго отдѣленія русско-китайскаго банка, что вѣдомости пріемщиковъ у него не имѣется, но принимать вещи долженъ былъ тотъ-же банкъ, согласно обычнымъ надписямъ на увѣдомленіяхъ г. Зоммера—„прошу принять заказъ“. Получивъ такое указаніе, комиссія обратилась къ г. Кону съ просьбой дать ей нужные контракты и вѣдомости о пріемѣ вещей отъ Зоммера и другихъ лицъ. Г. Конъ вручилъ комиссіи *папку съ нѣсколькими письмами* Зоммера къ полковнику Огородникову, русско-китайскому банку и къ самому г. Кону и заявилъ, *что больше у него ничего не имѣется* по интересовавшему комиссію вопросу. Въ этихъ письмахъ г. Зоммеромъ сообщалось большей частью объ исполненной заготовкѣ вещей, согласно какимъ то устнымъ соглашеніямъ; писемъ въ этой папкѣ оказалось мало и нужныхъ для комиссіи данныхъ они не заключали. И несмотря на то, что на этихъ письмахъ были надписи г. военнаго агента—„прошу принять заказъ“ — и, конечно, обращенныхъ къ русско-китайскому банку, г. Конъ заявилъ, что онъ этихъ заказовъ не принималъ и никакихъ болѣе документовъ комиссіи не далъ.

Такимъ образомъ, единственными данными для сравненія при провѣркѣ комиссіи служили лишь списки г. Зоммера, правильность коихъ тоже не была удостовѣрена.

Въ этихъ спискахъ указаны дни заключенія контрактовъ на поставку извѣстнаго количества одежды и обуви; указаны также цѣны вещамъ съ комиссіей г. Зоммера въ 10 проц. этой стоимости и время, когда и кому были сданы заказанныя вещи. Въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ этихъ списковъ значится: Delivered to? agent R. Ch. By delivery order of. (date). Эти указанія ясно говорятъ, что русско-китайскій банкъ явно принималъ активное участіе въ этихъ дѣлахъ, и потому комиссія снова обратилась къ банку съ просьбой разъяснить эти неясныя указанія. Г. Кржевашевскій, оставшійся, за отъѣздомъ г. Кона, управляющимъ отдѣленіемъ банка, заявилъ о своемъ полномъ незнаніи о существованіи этихъ приказовъ.

Повидимому никто заказовъ не провѣрялъ; косвенно же комиссія узнала отъ сотника И. И. Карташева, что еще въ декабрѣ прошлаго года ему была поручена провѣрка сапогъ и тулуповъ съ примѣркой ихъ на нижнихъ чиновъ, но была задержана на основаніи какихъ то соображеній г. Кона и такъ и не состоялась; но сотникъ Карташевъ видѣлъ эти вещи въ то время и заявилъ комиссіи, что еще тогда онѣ не были годны для употребленія въ арміи.

О количествѣ доставленныхъ Зоммеромъ предметовъ, согласно его списковъ, можно было добыть слѣдующія цифры:

Одежда.

50,000	паръ ватной одежды . .	134,177 р.
27,650	тулуповъ на	259,600 р.
30,000	полушубковъ	218,930 р.
28,100	мѣх. одѣялъ	70,500 р.
40,000	мѣх. перчатокъ	40,665 р.
20,000	шарфовъ и чулокъ . . .	13,300 р.
10,000	мѣх. шапокъ	35,796 р.
Обувь.		
73,205	паръ сапогъ	524,969 р.
	Всего . . .	1,303,937 р.

Такое огромное количество мѣховой одежды и обуви было доставлено фирмой Тельге, Шретеръ и К°, которая скупала всѣ эти вещи у другихъ фирмъ здѣсь же, въ Тянь-Дзинѣ, какъ Форбса и К°, Симсена и К° и др., а между тѣмъ, по заявленію эксперта-мѣхоторговца и насколько извѣстно и самимъ членамъ комиссіи, фирма Тельге, Шретеръ и К° *никогда не занималась* торговлей шкурами или сапогами.

Въ присутствіи г. Зоммера были вскрыты слѣдующіе тюки съ мѣховой одеждой (T. S.) — 121, — въ этомъ тюкѣ количество пудовъ оказалось согласнымъ съ вѣдомостью Зоммера, но тамъ

не было военныхъ тулуповъ, — половину составляли старыя, а другую половину новыя, полувыдѣланныя шкуры, сметанныя плохой ниткой и на скорую руку въ форму какого-то халата, причемъ первая половина ношенныхъ шкуръ имѣла разрѣзъ спереди но мѣшокъ былъ настолько узокъ, что при примѣркѣ на средняго роста стрѣлка шкуры не хватало заполнить ея; вторая половина количества шкуръ этого тюка не имѣла даже прорѣза ни для шеи, ни для груди. Въ слѣдующемъ тюкѣ (T. S.) 122, — оказалось должное по списку количество, но военныхъ тулуповъ снова не оказалось—были все тѣ же полудубленныя шкуры сметанныя наскоро въ мѣшки съ однимъ открытымъ концомъ и съ приметанными рукавами въ углахъ закрытаго.

(T. S.) 148,—здѣсь также найдено должное количество, но качество шкуры было тоже.

Никто изъ членовъ комиссіи и изъ присутствовавшихъ не могъ признать эти шкуры за одежду—это былъ лишь плохой матеріалъ для одежды и только.

Г. Зоммеръ крайне волновался по поводу его репутаціи, когда комиссія спрашивала его объ military coats, но въ концѣ концовъ заявилъ, что имъ дѣйствительно была доставлена не одежда, какъ комиссія это понимаетъ, а лишь шкуры, какъ онѣ ходятъ въ описанной выше формѣ на мѣстномъ рынкѣ; что же касается плохого качества этихъ шкуръ, то Зоммеръ старался убѣдить комиссію, что другихъ добыть не было возможности и что онъ заявлялъ кому слѣдовало объ этой невозможности, но получилъ въ отвѣтъ категорическое приказаніе *скупать, что было на рынкѣ*.

Зоммеръ также заявилъ, что онъ нашелъ теперь доставленный имъ товаръ именно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его сдавалъ, да иного заключенія онъ и не могъ сдѣлать, такъ какъ находящіяся въ складѣ 571 штука мѣховой одежды отъ г. Бертрама, не спрессованной въ тюки и лежавшей въ складѣ открыто, нисколько не испортились при храненіи.

571 штука тулуповъ и полушубковъ, доставленныхъ г. Бертрамомъ, представляютъ изъ себя лучшій товаръ этого рода въ складѣ: это—короткія и длинныя китайскія курмы, хорошо сшитыя изъ хорошихъ дубленныхъ шкуръ съ густой и чистой шерстью, и хотя онѣ все же не сшиты по образцу военныхъ полушубковъ, то легко могутъ быть пригнаны самимъ солдатомъ; цѣна же за

тулупъ Л. 5,50 и за полушубокъ Л. 3,50 крайне умѣренна при сравненіи съ цѣной за плохія и сметанныя лишь наскоро шкуры отъ Зоммера, стоившія въ среднемъ Л. 6,50 за штуку, и это при огромной доставкѣ въ 27,650 однихъ тулуповъ на сумму 260,000 р.

Изъ имѣющихся въ складѣ полушубковъ, крытыхъ сѣрой дрелью, въ количествѣ 13,160 (по спискамъ Зоммера), комиссіей были осмотрѣны два тюка за марками. Въ нихъ оказалось должное количество, но качество шкуръ, изъ которыхъ онѣ сшиты, очень плохое: онѣ жидки и грязны, какъ всѣ плохія выдѣлки; полушубки эти очень коротки и очевидно были предназначены для носки совмѣстно съ имѣющимися въ складѣ въ томъ же количествѣ ватными штанами сѣраго же цвѣта; причемъ навѣрно предполагалось соединить мѣховую куртку съ китайскими штанами обычнымъ въ китайской арміи широкимъ поясомъ — иначе тепло и удобно одѣться въ эту одежду было бы трудно, — но этихъ поясовъ заготовлено не было. Принявъ во вниманіе заявленіе г. Зоммера о томъ, что дальнѣйшее вскрытіе его тюковъ не приведетъ ни къ какому новому заключенію и что товаръ находится въ томъ же состояніи, въ какомъ былъ при доставкѣ, комиссіей было рѣшено остановить дальнѣйшее вскрытіе тюковъ со шкурами отъ Зоммера.

Что касается *сапогъ*, поставленныхъ Зоммеромъ, то онъ еще до осмотра ихъ комиссіей заявилъ, что къ сожалѣнію онъ долженъ сознаться, что его опытъ здѣсь не удался окончательно и употребленный способъ скорой химической обработки кожи окончился очень печально, — но все же изъ этой кожи навѣрно, когда она была еще въ сыромъ видѣ, были сшиты неуклюжіе сапоги.

Зоммеръ заявилъ снова, что онъ предупреждалъ при заказѣ, что такое большое количество хорошихъ сапогъ нельзя было добыть, но, получивъ приказъ, онъ выполнилъ, какъ онъ могъ, этотъ заказъ въ 73,205 паръ и получилъ за это вмѣстѣ съ 10 проц. комиссіонныхъ сумму въ 525,000; онъ даже добылъ откуда то поношенные канадскіе сапоги и доставилъ ихъ по 6 р. 5 к. за пару, что въ сравненіи съ цѣною 8 р. 25 к. за его новые, но съ самого начала никуда негодные сапоги, представляется еще цѣною весьма умѣренной; этихъ сапогъ въ складѣ имѣется всего 900 паръ, остальные же 32,000, если даже ничего не говорить о качествѣ кожи, то ихъ размѣры уже исключаютъ

возможность ихъ употребленія, какъ обуви для арміи: размѣры старыхъ канадскихъ по подошвѣ $11^1/_2$ д. длина и $3^3/_4$ дюйма ширина, тогда какъ размѣры всѣхъ остальныхъ — 13 дюйм. и $4^3/_4$ д.; кожа этихъ послѣднихъ засохла и стала, какъ дерево,— въ большинствѣ сопрѣла и лопается, или разсыпается и слоится, какъ навозъ; нитки швовъ истлѣли, негнущіяся подошвы сшиты изъ нѣсколькихъ слоевъ желтой кожи и обиты желѣзными гвоздями съ большими шляпками, причемъ во многихъ сапогахъ эти гвозди, проникая во внутрь сапога, непремѣнно должны натирать ногу.

Имѣющіеся въ небольшомъ количествѣ паръ 800 сапогъ, сшитыхъ изъ желтой кожи, хотя по своимъ размѣрамъ и не годны для арміи, но убѣдительно свидѣтельствуютъ о томъ фактѣ, что хорошо дубленная кожа не могла испортиться при условіяхъ храненія въ складѣ русско-китайскаго банка, какъ случилось съ наскоро обработанной кожей новыхъ сапогъ, хранившихся тамъ же и въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ.

По окончаніи этого осмотра Зоммеръ объявилъ, что онъ больше не придетъ лично, такъ какъ находится все въ порядкѣ и считаетъ излишнимъ дальнѣйшее вскрытіе его тюковъ, но обѣщалъ комиссіи прислать за себя, въ случаѣ надобности, одного изъ своихъ служащихъ.

Въ одинъ изъ дней осмотра въ складъ явился служащій г. Зоммера — г. Карлъ—вмѣстѣ съ экспертомъ со своей стороны, г. Дугласъ, отъ фирмы Вильсонъ и К° и попросилъ еще разъ пересмотрѣть открытые ранѣе тюки со шкурами. Комиссія удовлетворила ихъ желаніе, и г. Дугласъ, какъ экспертъ, подтвердилъ высказанное уже мнѣніе комиссіи и г. Троста, заявивъ, что эти шкуры плохо выдѣланы и представляютъ лишь неготовую одежду для мѣстныхъ кули.

Затѣмъ комиссія приступила къ осмотру тюковъ съ одеждой, доставленной, согласно списковъ Зоммера, и другими лицами.

Въ тюкѣ А. Н., отъ Б. Швиринга число тулуповъ оказалось на-лицо, тулупы короткіе и скорѣе могутъ быть названы полушубками; сшиты они изъ грязныхъ, плохо дубленныхъ шкуръ, но все же эти тулупы похожи на одежду и имѣютъ даже воротники.

Тюкъ К. S. С. 3 заключалъ въ себѣ должное количество, и половина этихъ плохо сшитыхъ тулуповъ имѣла, хотя и бѣдныя шерстью, но чистыя, хорошо дубленныя шкуры, другая же поло-

вина тулуповъ также сшитыхъ на живую нитку, представляетъ изъ себя нѣчто ужасное—шкуры были отвратительно выдѣланы и нѣсколько изъ нихъ были покрыты какими-то *струпьями*, г. Тростъ и врачъ Яровицкій заявили по поводу этихъ шкуръ, что не только эти, *явно зараженныя*, но и всѣ остальныя, плохо выдѣланныя, *небезопасны для здоровья*.

Въ тюкахъ A. H. C. 73 и 60, доставленныхъ черезъ Зоммера, г. Haas'омъ, оказалось должное по спискамъ количество полушубковъ; сшиты они порядочно, имѣютъ воротники, размѣры соотвѣтствуютъ назначенію — въ этотъ полушубокъ можно тепло одѣться, полы хорошо заходятъ одна за другую спереди; мѣхъ густой, но очень грязный, такъ какъ шкуры выдѣланы очень плохо.

Тюкъ съ ватными штанами S. W. T. 22 и T. S. 577, со штанами изъ дрели и T. и S. 355—съ рубахами изъ дрели же заключали порядочную одежду, хотя штаны сшиты чисто, по китайскому образцу.

Въ тюкѣ W. S. 502 отъ Зоммера число *перчатокъ* оказалось точнымъ, то качество и размѣры этихъ перчатокъ ниже всякой критики; изъ козловой шкуры съ длинной сыплющейся шерстью, выкроены перчатки на какую-то гигантскую руку о трехъ пальцахъ; покрыта эта перчатка тонкой легко рвущейся бѣлой бумажной матеріей.

Назначеніе подобныхъ рукавицъ трудно опредѣлить; никто изъ присутствующихъ *не могъ одѣть ихъ такъ на руки*, чтобы можно было потомъ этими руками что-либо схватить; очевидно, средній палецъ перчатки предназначался для стрѣльбы въ перчаткахъ, но человѣкъ, создавшій подобный образецъ, навѣрно никгда не видѣлъ ружья и не имѣетъ понятія о владѣніи имъ.

52394 пары этихъ перчатокъ, стоимостью въ 60,665 р., не могутъ считаться одеждой, и заготовка ихъ, по мнѣнію комиссіи и эксперта, является безцѣльной, чтобы не сказать болѣе.

Перевязочные матеріалы были осмотрѣны комиссіей въ присутствіи врача отъ русскаго охраннаго отряда г. Яровицкаго и найдены въ исправномъ видѣ, но укупорка этихъ вещей очень плоха и нисколько не предохраняетъ отъ сырости и пыли, а между тѣмъ медикаментовъ въ этихъ 148 ящикахъ находится 21,000.

Ростбифъ въ банкахъ и молоко еще не испорчены; также солонина въ неповрежденныхъ боченкахъ годна въ пищу, но всѣ

поврежденные боченки издаютъ трупный запахъ и, конечно, должны быть уничтожены; такихъ боченковъ есть пока 9 малыхъ и 6 большихъ изъ 100 боченковъ обоего рода; вскрытый при осмотрѣ боченокъ съ найденной въ немъ доброй солониной былъ отосланъ русскому отряду.

Овесъ, по утвержденію сотника И. И. Карташева, очень старъ и казачьи лошади его не ѣдятъ, а по заявленію г. Троста, этотъ овесъ, купленный у Вальте и К°., извѣстенъ здѣсь въ Тяндзинѣ уже *лѣтъ пять*.

Присоединяя къ сему протоколу письменныя мнѣнія г. Троста, какъ исполнявшаго при работѣ комиссіи роль эксперта по шкурному дѣлу, и доктора Яровицкаго, какъ производившаго экспертизу перевязочныхъ матеріаловъ и качества заготовленной одежды въ санитарномъ отношеніи, комиссія со своей стороны позволяетъ себѣ высказать слѣдующее заключеніе, основанное на добытыхъ ею данныхъ при провѣркѣ.

Принимая во вниманіе, что всѣ осмотрѣнныя вещи предназначались для дѣйствующей арміи, когда всякое упущеніе и безпорядокъ въ снабженіи войскъ могутъ оказать непоправимыя и пагубныя послѣдствія, а также понимая, что армія въ боевой обстановкѣ должна получать одежду и обувь въ готовомъ и вполнѣ доброкачественномъ видѣ, комиссія находитъ, что среди осмотрѣнной ею одежды и обуви она не нашла ничего, удовлетворяющаго такимъ требованіямъ. Кромѣ того, выяснилось, что никто эти вещи, стоившія огромныя суммы денегъ, не принималъ отъ поставщиковъ, какъ слѣдуетъ по закону; слѣпо оплачивая иногда никуда негодныя вещи въ тридорога, растрачивались напрасно народныя деньги, а нуждающуюся армію могли, обнадеживъ и доставивъ подобныя негодныя вещи, поставить въ критическое положеніе.

Кто виноватъ въ этомъ, не дѣло комиссіи разбирать, но факты, установленные комиссіей, говорятъ о преступленіи противъ русской арміи.

Тяньдзинъ, 26 іюля 1905 г., поручикъ запаса *А. Куколевскій*.

Подписываю настоящій протоколъ до словъ: „какъ слѣдуетъ по закону“.—Все высказанное далѣе не входитъ въ данныя мнѣ полномочія.—Титулярный совѣтникъ *В. Мирный*.

Подписываю до словъ „какъ слѣдуетъ по закону“ поручикъ *Рейтлангеръ*.

Я знаю теперь, что отвѣтитъ генералъ Ростковскій: это все было — „по ту сторону Байкала“... Но это возраженіе было еще удовлетворительно при разсмотрѣніи дѣяній отдѣльныхъ лицъ, настоящій же протоколъ слишкомъ ярко иллюстрируетъ вообще интендантсткое вѣдомство, во главѣ коего стоитъ до сихъ поръ генералъ Ростковскій.

LXV.

Отзывы генерала Ростковскаго о дѣятельности интендантства.

Генераломъ Ростковскимъ, конечно, въ интересахъ „престижа“ вѣдомства явно замалчивались недостатки, пробѣлы, злоупотребленія и преступленія, совершавшіеся въ его вѣдомствѣ по обѣ стороны Байкала.

Можно ли было главному интенданту спокойно прочитывать постановленія особой комиссіи:

1) О полушубкахъ, принятыхъ и дорого вѣдомствомъ оплаченныхъ:

„Никто изъ членовъ комиссіи и изъ присутствующихъ не могъ признать эти шкуры за одежду; это былъ лишь плохой матеріалъ для одежды и только...“

2) О сапогахъ, принятыхъ и дорого вѣдомствомъ оплаченныхъ:

„...кожа засохла и стала какъ дерево — въ большинствѣ сопрѣла и лопается или же разсыпается и слоится какъ навозъ; нитки швовъ истлѣли... и т. д.“

Изъ газетъ. „Русскій Инвалидъ“ 9 сего октября получилъ слѣдующую телеграмму изъ м. Тульчина, Подольской губерніи, отъ бывшаго полевого интенданта 3-й Манчжурской арміи, нынѣ начальника 19-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта Федорова:

„О клеветѣ на меня газеты „Русь“ я узналъ изъ писемъ друзей. Въ Тульчинѣ съ трудомъ досталъ газету „Русь“. На дняхъ окончу составленіе доклада и представлю по командѣ, прося разслѣдованія и привлеченія къ отвѣтственности мстителей, бывшихъ моихъ подчиненныхъ, и господина Купчинскаго. Прошу напечатать эту телеграмму въ дополненіе отвѣта, посланнаго уже мною почтою въ редакцію „Русскаго Инвалида“. Генералъ *Федоровъ*.

Извиняюсь передъ генераломъ Федоровымъ, что не дождался пока онъ окончитъ составленіе своего доклада о мстителяхъ. Мой докладъ не о мстителяхъ, а о генералѣ Федоровѣ давно уже законченъ и генералъ Федоровъ будетъ имѣть удовольствіе познакомиться съ нимъ на судѣ.

Лучше, чтобы это было скорѣе генералъ!

3) О тулупахъ, принятыхъ и дорого вѣдомствомъ оплаченныхъ:

„...шкуры были отвратительно выдѣланы и нѣсколько изъ нихъ покрыты какими-то струпьями; а врачи заявили отдѣльно, что не только эти, явно зараженныя, но и всѣ остальныя плохо выдѣланы и небезопасны для здоровья... и т. д.“

4) О рукавицахъ, принятыхъ и дорого вѣдомствомъ оплаченныхъ:

„...назначеніе рукавицъ трудно опредѣлить; никто не могъ надѣть ихъ на руку такъ, чтобы взять что-нибудь рукой; 52,394 пары рукавицъ, стоимостью 60,665 руб., не могутъ считаться одеждою и заготовка ихъ, по мнѣнію комиссіи и эксперта, является безцѣльной, чтобы не сказать болѣе...“

5) О медикаментахъ, что ихъ не предохранили отъ сырости и пыли.

6) Объ овсѣ, что „его лошади не ѣдятъ, потому что онъ 5 лѣтъ пролежалъ въ Тяньзинѣ.

И т. п.

Оказывается, можно было не только спокойно прочитать эти чудовищные результаты экспертизы „особой комиссіи“, но даже и послѣ этого быть въ полной увѣренности, что все очень хорошо или во всякомъ случаѣ о таковой увѣренности говорить.

Ранѣе, чѣмъ продолжать повѣтствованіе о дѣлахъ въ интендантствѣ генерала Ростковскаго, я напомню ему, какъ онъ „не видѣлъ“ зла.

Послѣ того какъ генералъ Ростковскій уже сказалъ, что злоупотребленія были, только-де „преувеличины въ прессѣ“, и послѣ того, какъ генералъ Ростковскій, возражая мнѣ, заявилъ, что все дурное было по ту сторону Байкала „не въ его вѣдомствѣ“, куда, онъ со мною вполнѣ согласенъ, слѣдуетъ командировать дѣйствительно междувѣдомственную комиссію,—я приведу одинъ приказъ, изъ котораго явствуетъ, что генералъ Ростковскій до настоящихъ статей не держался этого мнѣнія или скрывалъ настоящее. Этотъ приказъ, собственно, данный генераломъ Надаровымъ съ телеграммой генерала Куропаткина и отвѣтными словами Государя, говоритъ о томъ, какъ тщательно скрывалось зло если возможно было выдавать такіе аттестаты вѣдомству генерала Ростковскаго.

ПРИКАЗЪ

начальника военно-окружныхъ управленій и временно командующаго войсками гиринской и хейгундзянской провинцій и Забайкальской области.

№ 797.

„Окружнымъ интендантомъ получена слѣдующая телеграмма отъ начальника главнаго интендантскаго управленія военнаго министерства отъ 3-го сентября сего года.

Харбинъ, окружному Интенданту.

Отъ командующаго войсками манчжурской арміи генералъ-адъютанта Куропаткина была получена военнымъ министромъ и мною 30 августа телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Съ начала войны дѣятельность всѣхъ членовъ интендантскаго вѣдомства, отъ перваго до послѣдняго, свыше всякой похвалы. Успѣху работы по снабженію арміи продовольствіемъ среди массы разныхъ препятствій мы обязаны неослабной энергіи и труду всѣхъ чиновъ. Даже передовые отряды, какъ генералонъ Мищенко и Самсонова получали во многихъ случаяхъ довольствіе отъ интендантства до печенаго хлѣба включительно; всѣ войска почти все время питались печенымъ хлѣбомъ, приготовленнымъ въ полевыхъ подвижныхъ пекарняхъ, чѣмъ и объясняется отсутствіе въ арміи сухарнаго поноса, не смотря на самыя неблагопріятныя климатическія условія. Чины интендантства слѣдуютъ съ войсками всюду до самыхъ передовыхъ позицій, убитые и раненые офицеры и нижніе чины этого вѣдомства служатъ лучшимъ доказательствомъ самоотверженности ихъ дѣятельности. При обстрѣливаніи Ляояна въ теченіе нѣсколькихъ дней производилась выдача продуктовъ подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, при чемъ убитъ одинъ вахтеръ, ранено одиннадцать нижнихъ чиновъ и

Изъ газетъ (телеграмма). *Иркутскъ*. Здѣсь произвело сильное впечатлѣніе мнѣніе князя Мещерскаго о необходимости строжайшаго разслѣдованія интендантской панамы, такъ какъ полагаютъ, что оно отражаетъ взгляды высшихъ сферъ. Вспоминаютъ слова предсѣдателя совѣта министровъ во второй Думѣ, что правительство будетъ привѣтствовать всякое открытое разоблаченіе какихъ бы то ни было злоупотребленій. Среди газетнаго міра указываютъ на то, что пока разоблачено далеко не все и что объ извѣстныхъ многимъ крупныхъ хищеніяхъ рѣчь еще впереди. Есть скептики, утверждающіе, что все заглохнетъ и останется безъ послѣдствій, хотя „Слово“ положительно утверждало, что рѣшено дать ходъ правосудію.

контуженъ одинъ человѣкъ, и тѣмъ не менѣе всѣ до послѣдняго момента оставались на своихъ мѣстахъ.

Вооруженныя, въ силу Высочайшаго повелѣнія, команды интендантскаго вѣдомства привлекаются къ охранѣ тыла отъ хунхузовъ тамъ, гдѣ принимали во главѣ съ генералъ-маіоромъ Губеромъ дѣятельное участіе въ приведеніи въ порядокъ отступавшихъ войскъ отряда генерала Орлова. Войска относятся къ дѣятельности интендантскаго вѣдомства съ уваженіемъ и довѣріемъ. На всеподданнѣйшемъ докладѣ этой телеграммы Государь Императоръ собственноручно изволилъ начертать:

„Съ искреннимъ удовольствіемъ прочелъ отзывъ командующаго манчжурской арміей относительно примѣрнаго и точнаго исполненія своего долга чинами интендантскаго вѣдомства".

Счастливымъ почитаю себя сообщить вамъ объ этомъ и прошу объявить по ввѣренному вамъ интендантству. 37,332. *Ростковскій.*

Объявляя объ этомъ, предлагаю приказъ этотъ прочесть во всѣхъ учрежденіяхъ и заведеніяхъ интендантскаго вѣдомства.

Подписалъ: Временно командующій войсками генералъ-маіоръ *Надаровъ.*

Съ подлиннымъ вѣрно: Начальникъ денежнаго отдѣленія окружнаго интендантскаго управленія манчжурской арміи коллежскій совѣтникъ *Загорскій.*"

Если вѣдомство генерала Ростковскаго удостоилось такихъ

Письмо въ редакцію. М. Г. Живя на дачѣ и не получая газеты „Русь" я только теперь, вернувшись въ С.-Петербургъ, прочелъ №№ 239, 242 и 256 возмутительную ложь обо мнѣ г. Ф. Купчинскаго въ статьѣ „Герои тыла". Считаю нужнымъ объяснить, что 1) Ни въ какихъ сдѣлкахъ съ г. Кольбергомъ я не состоялъ, письма г. Кольбергу („Русь" №№ 239 и 256) я не писалъ и потому его не можетъ быть у генерала Ростковскаго, 2) Комиссія, въ которой я состоялъ членомъ (приказы главнаго интендантскаго управленія №№ 29, 50 — 1904 года) касалась только технической стороны производства на вновь открываемыхъ заводахъ, самые же заказы выдавались окружн. интенд. управл., 3) Что касается ледниковъ („Русь" № 242), то они мною не строились. За клевету привлекаю къ отвѣтственности.

Прошу напечатать это мое опроверженіе на основаніи статьи 139 о цензурѣ.

Генералъ-маіоръ *Козловъ.*

Заявленія генерала Козлова категоричны. Ему остается большее—доказать ихъ правдивость передъ судомъ.

аттестацій, нѣтъ сомнѣнія, что при условіи существованія описанныхъ нравовъ надо было потратить много труда на сокрытіе правды.

LXII.

Генералъ Ростковскій и „та сторона“ Байкала.

Въ виду того, что преступленія интендантовъ тыла арміи, по словамъ генерала Ростковскаго, его не касаются, въ виду того, что и юридически онъ правъ лишь отчасти въ этомъ утвержденіи (на чемъ я остановился уже подробно въ возраженіяхъ своихъ на письмо генерала Ростковскаго),—я считаю очень интереснымъ привести копію съ вѣдомости, изъ которой ясно видно, какое огромное количество интендантскаго груза подвезено изъ Россіи (десять милліоновъ сорокъ тысячъ пудовъ).

Надо замѣтить, что рѣчь идетъ только о съѣстныхъ припасахъ и фуражахъ; обмундировка сюда не входитъ. Разсматривая составныя части колоссальныхъ итоговъ, мы видимъ, напримѣръ, такую странность: изъ Россіи подвезено зернового фуража 2.609,000 пудовъ, тогда какъ на мѣстѣ его было заготовлено 19 милліоновъ, слѣдовательно, его можно было заготовлять на мѣстѣ, не тратя драгоцѣнные для перевозки людей и снарядовъ вагоны на зерновой фуражъ...

Если мы вспомнимъ, что интендантство задолжало, благодаря генералу Ростковскому, болѣе 140 милліоновъ рублей желѣзнымъ дорогамъ, то по истинѣ можно удивиться, какъ все было обставлено убыточно русской казнѣ и въ прямой ущербъ дѣлу.

Изъ приводимой вѣдомости явствуетъ, какимъ количествомъ провіанта ворочало интендантство тыла, а также и то, что 15 процентовъ общаго количества было подвезено изъ Россіи, слѣдовательно, съ общихъ „доходовъ“ „той стороны Байкала“ на эту сторону Байкала пришлось—15 процентовъ.

Нельзя также не выразить удивленія, что изъ Россіи подвозилась соль $1^1/_2$ милліона пудовъ; провозъ ея во много, много разъ превышалъ ея стоимость; это въ особенности странно, если

мы замѣтимъ, что въ Манчжуріи и Монголіи соль была, что свидѣтельствуетъ заготовленная тамъ соль, въ количествѣ также почти $1^1/_2$ милліона пудовъ.

Удивителенъ и подвозъ $3^1/_2$ милліоновъ пудовъ муки, когда 13.321,000 пудовъ вѣдь приготовили такъ или иначе на мѣстѣ!

Конечно, на все это легко возразить, что если заготовлено было на мѣстѣ 13.231,000 пудовъ муки, то это вовсе еще не значитъ, что можно было на мѣстѣ же заготовить еще $3^1/_2$ милліоновъ пудовъ. Скорѣе даже напротивъ — потому и прислали изъ Россіи $3^1/_2$ милліона пудовъ, что ихъ на мѣстѣ прямо не хватало.

Это возраженіе однако падаетъ совершенно, если вы вспомните, сколько запасовъ было брошено и погублено въ Манчжуріи совершенно зря, не въ силу даже самихъ отступленій нашихъ, а вслѣдствіе распущенности и часто преступныхъ ухищреній самихъ „героевъ тыла“.

Везли милліоны пудовъ изъ Россіи только потому, что въ Манчжуріи гноили, жгли и расхищали милліоны же пудовъ всякихъ заготовокъ зря, безотвѣтственно — скажу прямо — преступно.

Каждый строевой офицеръ манчжурской арміи подтвердитъ истину этихъ словъ.

ВѢДОМОСТЬ № 37.

Количество провіантныхъ, приварочныхъ и фуражныхъ продуктовъ, собранныхъ интендантствомъ на Дальнемъ Востокѣ для довольствія армій за все время войны съ 1 февраля 1904 года и по 1 октября 1905 года.

Наименованіе продуктовъ.	Количество продуктовъ въ тыс. пудовъ.			Въ % % прод. къ общ. количеству.	
	Заготовлено на мѣстѣ [1]).	Подвезено изъ Россіи.	ВСЕГО.	Мѣстная заготовка.	Подвезено изъ Россіи.
Провіантъ.				Проценты:	
Зерно	6869	—	6869	85	15
Мука	13231	3408	16639		
Сахаръ	2718	616	3334	82	18
Крупа	2785	517	3302	84	16
Приварокъ.					
Чай	170	—	170	100	—
Сахаръ	198	476	674	30	70
Соль	1148	155	1303	88	12
Мясные консервы	14	1125	4522	60	40
Мясные продукты	2702	681			
Сало и масло	20	107	127	16	84
Спиртъ	15	218	233	7	93
Табакъ	15	50	56	24	76
Овощи	223	86	309	72	28
Фуражные продукты.					
Зерновой фуражъ	19000	2609	21609	88	12
Сѣно и солома	10000	—	10000	100	—
Итого	56390	10048	66438 [2])	85	15

Примѣчанія 1. Въ эту графу вошли свѣдѣнія интендантствъ: тыла, 1, 2 и 3 армій, главнаго полевого, его помощника и приамурскаго.

Примѣчаніе 2. Сухари не включены въ общій итогъ, такъ какъ изготовлялись изъ казенной муки.

И. д. начальника отдѣленія,

капитанъ *Городецкій.*

Цифры очень велики, изъ чего ясно, дѣла вершались великія, и я нарочно привожу лишь теперь эти цифры, когда уже достаточно говорилъ о томъ, какъ обращались въ тылу съ деньгами и съ запасами.

Въ pendant къ изложенному, очень любопытныя вещи мнѣ пишетъ хорошо извѣстное мнѣ лицо изъ Харбина.

Рѣчь уже идетъ объ обмундировкѣ.

„При ликвидаціи интендантства въ Харбинѣ интендантскія вещи продавались:

Солдатскія рубашки съ кальсонами (вмѣстѣ) отъ $2^1/_2$—3 коп.

3,000 солдатскихъ матрацовъ (лишь бы взяли) за 18 руб.

Хомуты со всей упряжью по 70 коп.

Хороша „ликвидація“!

А вотъ, что мнѣ пишутъ о мукѣ:

„Мѣстному купцу пивовару Врублевскому была продана мука 360,000 пудовъ, какъ испорченная, по 7 коп. пудъ.

На рынкѣ всѣ эти вещи послѣ перепродавались за новыя, а насчетъ муки ходили слухи, что для того, чтобы только ее испортить (вѣдь 360,000 пудовъ — это около 600 вагоновъ — т. е. поѣздовъ 15), нужно было бы заплатить по 7 коп. за пудъ, такъ какъ это сдѣлать не такъ легко.

Весь товаръ сдавался на аукціонѣ компаніи разныхъ маклеровъ, которыхъ въ Харбинѣ работало нѣсколько „артелей“. Та „артель“, которая лучше устраивалась съ завѣдующимъ продажей, та и торговала“...

Это все требуетъ разслѣдованія, но... можетъ быть, генералъ Ростковскій разслѣдованія эти уже произвелъ. Теперь, по своемъ возвращеніи изъ поѣздки въ Иркутскъ, онъ, вѣроятно, еще лучше освѣдомленъ о томъ, что творилось въ его вѣдомствѣ, да въ сущности... и творится до сихъ поръ.

XLIV.

Исторія одной поставки.

Для болѣе яркой характеристики нравовъ въ вѣдомствѣ генерала Ростковскаго, равно какъ и для обнаруженія прикосновенности самого Ростковскаго къ дѣяніямъ явно преступнымъ, хотя и получившимъ жизненную силу, вѣроятно, вслѣдствіе „давности

обычая" — разскажу во всѣхъ деталяхъ поучительную исторію одного заказа, въ коемъ ярко обозначились закулисныя условія поставокъ въ интендантствѣ вообще, главнымъ образомъ, благодаря честности, прямотѣ и неподкупности представителя одной изъ крупныхъ русскихъ фирмъ (бр. Леонтьевыхъ)—С. Е. Писарева.

Прошу вниманія къ этому разсказу. Всѣ документы, дополняющіе и разсказывающіе это дѣло, могутъ быть предоставлены прокурору или судебному слѣдователю по первому требованію.

Въ 1904 году, приблизительно въ мартѣ мѣсяцѣ, былъ поднятъ генераломъ П. Д. Паренсовымъ вопросъ относительно окраски нашей арміи въ боевой защитный цвѣтъ, а не въ тотъ бѣлый, который лѣтомъ превращаетъ нашъ лагерный сборъ въ прачешное заведеніе, а на войнѣ только благопріятствуетъ успѣху непріятельскаго огня.

Вопросъ былъ настолько простъ, что едва-ли бы приходилось о немъ разговаривать. Въ широковѣщательныхъ обращеніяхъ къ общественному мнѣнію, посланныхъ изъ главнаго интендантства въ нижніе столбцы „Новаго Времени" и написанныхъ подъ редакціей окончательно проворовавшагося и потому даже исключеннаго изъ службы Д. И. Крюковскаго, бывшаго дѣлопроизводителя техническаго комитета интендантскаго вѣдомства, въ свое время было съ достаточнымъ хвастовствомъ оповѣщено, что интендантство приняло этотъ вопросъ къ свѣдѣнію и предусмотрѣло разрѣшеніе этого вопроса въ благопріятномъ смыслѣ*). Естественно, что тѣ господа, которые частнымъ образомъ считали себя обязанными заботиться объ успѣхѣ русскаго оружія, могли въ эту эпоху довѣрія къ интендантству и генералу Ростковскому, который обращался къ общественному мнѣнію первый разъ „такъ не по интендантски", до извѣстной степени успокоиться. Но приблизительно въ концѣ апрѣля мѣсяца того же года стали съ войны приходить безпокойные слухи о томъ, что къ сожалѣнію армію такъ и останется попрежнему въ бѣлыхъ рубашкахъ. Тогда по иниціативѣ владѣльца петербургской ситце-набивной и красильной фабрики „Бр. Н. и В. Леонтьевы" и довѣреннаго ихъ Сергѣя Евген. Писарева, былъ сызнова поднятъ этотъ вопросъ, причемъ было

*) г. *Крюковскій* за это выраженіе дѣйствительно для него оскорбительное, къ сожалѣнію, приведенное мною *безъ мотивовъ*—привлекъ меня къ суду за клевету; воздержавшись отъ оглашенія мотивовъ теперь, я ихъ принужденъ представить на разсмотрѣніе суда.

рѣшено въ случаѣ опозданія сроками со стороны интендантства, *самимъ за собственный счетъ исполнить всю окраску одежды Манчжурской арміи.* Сергѣй Писаревъ обратился предварительно къ генералу Ростковскому и въ личномъ собесѣдованіи съ нимъ получилъ отъ него увѣренія, что интендантство этотъ вопросъ совершенно предусмотрѣло и что заботы по этому поводу не предвидится никакой. Это была первая *сознательная ложь*, которую генералъ Ростковскій внесъ въ это дѣло, съ цѣлью сохранить пресловутый „престижъ“ интендантскаго вѣдомства.

Такъ какъ это происходило приблизительно въ началѣ мая 1904 года, то оставался извѣстный срокъ до посылки необходимаго красящаго матеріала, а потому приходилось принять заявленіе генерала Ростковскаго на вѣру. Контроль показанія генерала Ростковскаго могъ быть исполненъ, конечно, не въ сферахъ интендантсткаго вѣдомства, ибо тамъ, кромѣ вопросовъ, какъ напримѣръ: отъ генералъ-маіора П. П. Нечаева о томъ, сколько же самъ Писаревъ заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ постановки, ничего другого получиться не могло. Благодаря сношеніямъ съ фабриками красящихъ пигментовъ, удалось установить, что это дѣло отправки пигмента не только находится въ технически некомпетентныхъ рукахъ, но и представляетъ, повидимому, предметъ позорной спекуляціи. При такомъ положеніи дѣла не оставалось ничего другого, какъ просить всѣ учрежденія, кромѣ интендантства, помочь данному положенію. Результатомъ всего этого были сношенія этихъ учрежденій съ интендантствомъ и успокоительное оповѣщеніе на имя Сергѣя Писарева, что интендантство со своей стороны приняло уже всѣ необходимыя мѣры. Такимъ образомъ и тутъ бюрократическая постановка дѣла спасла благополучіе „престижа“ и интендантства и обрекла на разстрѣлъ не одну тысячу человѣкъ. Это была вторая сознательная ложь генерала Ф. Я. Ростковскаго.

Тѣмъ не менѣе г. Писаревъ былъ приглашенъ въ техническій комитетъ интендантскаго вѣдомства на два засѣданія, въ которыхъ послѣ очень долгихъ дебатовъ выяснилась полная безполезность мѣропріятій техническаго комитета, предполагавшаго послать на поле военныхъ дѣйствій приблизительно около поѣзда химическихъ и красящихъ продуктовъ, которые остались бы за невозможностью ихъ транспортировать далѣе, конечно, на складахъ. Пигменты, употребленные техническимъ комитетомъ, оказались настолько непри-

годными, что 5 дней петербургскаго солнца было вполнѣ достаточно, чтобы выбѣлить эти пигменты на половину. Это и было демонстрировано засѣданію техническаго комитета 15 мая 1904 г. Заявленіе Сергѣя Писарева было настолько доказательно, что генералъ Ростковскій самъ сознался, что ими ничего не сдѣлано. Отсюда слѣдовало, что надо что нибудь предпринять. Техническій комитетъ былъ уполномоченъ на засѣданіи, согласно показаніямъ Писарева приготовить соотвѣтствующій транспортъ краски (который самое большое имѣлъ бы до 100 пуд. вѣсу) и примѣнить способы крашенія, рекомендованные Писаревымъ. Насколько въ данномъ случаѣ генералъ Ростковскій былъ игрушкою въ рукахъ техническаго комитета видно изъ того, что засѣданіе 15-го мая было передано въ протоколѣ въ совершенно извращенномъ смыслѣ и въ условіяхъ совершенно неблагопріятныхъ для предложенія Писарева. Какъ нѣкоторый курьезъ можно отмѣтить, что напечатаніе этого протокола было сдѣлано уже послѣ того, какъ вся Манчжурская армія краслась по способу, предложенному фирмой „Бр. Н. и В. Леонтьевы“ и Сергѣемъ Писаревымъ, а самъ генералъ Ростковскій велъ съ г. Писаревымъ переговоры о подрядѣ на поставку прблизительно до 4,000,000 аршинъ окрашенной по ихъ способу ткани. Несомнѣнно появленіе въ это время означеннаго постановленія комитета (отъ 15-го мая 1904 года № 29 ст. 1, интендантскій журналъ № 7 1904 года) имѣетъ свою долю пикантности; цитирую заключеніе комитета цѣликомъ:

Копія.

«Интендантск. Журналъ» годъ 6-й (1904). № 7.

„Заключеніе комитета: 1) Предлагаемый красильнымъ техникомъ Писаревымъ способъ окраски предметовъ лѣтней одежды въ сѣровато-желтый цвѣтъ холоднымъ способомъ по своей сложности не можетъ быть признанъ пригоднымъ для примѣненія его на театрѣ военныхъ дѣйствій, почему онъ и не можетъ быть рекомендованъ.

2) Горячее крашенье рубахъ въ сѣровато-желтый или темно-оливковый цвѣтъ также не можетъ быть рекомендовано потому, что на войнѣ не всегда возможно разсчитывать на горячую воду; употребленіе же для окраски рубахъ пищеварныхъ котелковъ весьма не желательно.

3) Дешевизна стоимости окраски рубахъ въ сѣровато-желтый

цвѣтъ, опредѣленная въ 1 к. на рубаху, призрачная, потому что она зависитъ отъ употребленія меньшаго количества краски, разводимаго въ небольшомъ количествѣ воды, при переводѣ же стоимости краски на вѣсовыя единицы выясняется болѣе дорогая стоимость краски, предлагаемой Писаревымъ, сравнительно съ краской Байера, почему и въ этомъ отношеніи предложеніе Писарева не обращаетъ на себя вниманія и

4) На основаніи сего слѣдуетъ признать, что способъ окраски въ сѣро-желтый цвѣтъ предметовъ лѣтней одежды, выработанный ранѣе комитетомъ, является болѣе соотвѣтствующимъ обстоятельствамъ военнаго времени и болѣе выгоднымъ для казны, чѣмъ тотъ, который нынѣ предлагается красильнымъ техникомъ Писаревымъ, почему и предложеніе названнаго лица подлежитъ отклоненію".

Такъ какъ послѣ засѣданія постановленіе техническаго комитета въ томъ извращенномъ смыслѣ, который былъ сдѣланъ завѣдомо умышленно завѣдывающимъ дѣлами техническаго комитета интендантскаго вѣдомства генералъ-маіоромъ Н. П. Нечаевымъ и его правой рукой Д. И. Крюковскимъ, не было извѣстно Писареву, то въ результатѣ послѣдовалъ нѣкоторый срокъ замедленія посылки на Манчжурскую армію соотвѣтствующей краски. Когда приблизительно около 25 мая стало извѣстно, что техническій комитетъ попрежнему будетъ проводить свою прежнюю тактику обструкціи, то пришлось не надѣяться на силы интендантства, а хотя и съ запозданіемъ, но самостоятельно позаботиться объ этомъ вопросѣ. Тогда по рекомендаціи генерала Паренсова была послана телеграмма Куропаткину съ даровымъ предложеніемъ красокъ и по согласію и благодарности Куропаткина, а также благодаря помощи завѣдующаго транспортированіемъ на востокъ грузовъ генерала Левашова, этотъ грузъ необходимой краски былъ сданъ приблизительно въ началѣ іюня, такъ что ужъ къ Ляоянскому бою русская армія могла быть выкрашена. Что дѣйствительно и случилось. Грузы же интендантства съ тѣми нелѣпыми способами и красками и несомнѣнно съ тѣмъ, что, по мнѣнію интендантовъ техническаго комитета, называется „дѣломъ", застряли гдѣ то и едва-ли дошли до назначенія. Оговорюсь: выражаясь такъ реально про техническій комитетъ, никоимъ образомъ нельзя винить огульно весь техническій комитетъ: считаемъ долгомъ заявить, что въ техническомъ комитетѣ, какъ въ Содомѣ и Гоморрѣ, есть свои

праведники и до рѣдкости честные люди, которые и въ этихъ тяжелыхъ условіяхъ желали сдѣлать свою „маленькую пользу“.

Когда первый армейскій корпусъ отправлялся на востокъ, то по предложенію командира корпуса барона Ф. Е. Мейндорфа Писаревъ взялъ на себя окраску шапки и рубахи приблизительно за эту цѣну, по которой обходилась эта окраска (по 4 копейки). Это была очень трудная операція, такъ какъ приходилось красить совершенно разнородный матеріалъ и, конечно, получать въ крашеніи самые разнородные эфекты. Такъ или иначе, фабрика благополучно справилась съ этой операціей и успѣла въ три недѣли выкрасить до 200,000 рубахъ, а также выучить цѣлый рядъ солдатъ, какъ инструкторовъ для крашенія на мѣстѣ. По существовавшимъ слухамъ, интендантство было очень недовольно чужой иниціативой въ этомъ дѣлѣ. Поэтому встрѣтившись съ генераломъ Ростковскимъ и будучи подъ вліяніемъ его доброжелательнаго отношенія, Писаревъ самымъ спокойнѣйшимъ образомъ извинился за то, что какъ-бы шелъ противъ интендантскаго вѣдомства. Въ это же время интендантству потребовались для 1905 года запасы холщевой и бумажной ткани. Такъ какъ посылать бѣлую ткань было неудобно, а по отношенію окрашенной ткани появилась моментально самая широкая спекуляція, то по приглашенію генерала Ростковскаго Писаревъ лично въ его кабинетѣ далъ ему подробную калькуляцію того товара, который требовался для интендантства. Сама ткань въ условіяхъ интендантскихъ техническихъ требованій не могла быть поставлена дешевле 6 съ половиной копѣекъ за аршинъ, шириной въ 8 вершковъ, окраска обходилась не менѣе половины копѣйки за аршинъ. При этомъ необходимымъ условіемъ ставилось непремѣнно постоянство краски, которая отсутствовала во всѣхъ предыдущихъ крашеніяхъ, такъ какъ этотъ способъ крашенія сѣрнистыми пигментами не былъ введенъ въ Россіи и представлялся новинкой. Фирма Леонтьевыхъ и Писаревъ предложили этотъ способъ крашенія сѣрнистыми пигментами и показали генералу Ростковскому на самой простой калькуляціи, что никакихъ выгодъ при этой цѣнѣ съ товара получать не будутъ, а считаютъ это дѣло необходимымъ въ настоящее время для цѣлей войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя конкуррентная цѣна, которая была предложена московскимъ раіономъ при крашеніи непрочнымъ діаминовымъ пигментомъ, была именно та, на которую согласились вышеуказанныя лица. Поставка была принята, хотя

господа интенданты сами не постѣснились въ это время пустить слухъ, что генералъ Ростковскій заинтересованъ въ передачѣ этого заказа подрядным способомъ фирмѣ Леонтьевыхъ. Условія, которыя предложили при совершеніи этого акта господа интендантскіе чиновники, были исключительно тяжелыя. Такъ за каждую несвоевременную недѣльную поставку назначалась очень тяжелая неустойка, причемъ количество поставленнаго товара было таково, что фабрикѣ приходилось работать больше 1000 кусковъ (двойныхъ) въ сутки (крашеннаго товара). Это, конечно, происходило отъ полнаго отсутствія знакомства и связей съ интендантскимъ вѣдомствомъ, которое старалось только тормозить.

Техническій комитетъ также и тутъ постарался подложить въ это дѣло свой камень. Представленные Писаревымъ образцы подвергались своеобразнѣйшей экспертизѣ, по которой представленные Писаревымъ образцы завѣдомо плохого крашенія, бывшаго ранѣе, и образцы новаго прочнаго крашенія оказались тождественными. Надо отдать справедливость, что подобнаго рода экспертиза создалась не сразу, а представляла собой очень интересное послѣдовательное видоизмѣненіе редакцій журнала экспертизы; такъ напр., первоначальная редакція говорила о томъ, что образцы, присланные Писаревымъ, могутъ линять и потому о нихъ возможно сомнѣніе, а окончательная редакція говорила, что они никакого сомнѣнія не представляютъ въ этомъ отношеніи и являются совершенно никуда не годными. Когда Писаревъ на пріемѣ у Ростковскаго въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей заявилъ, что это намѣренная ложь и въ доказательство на всякій случай заручился свидѣтельствомъ лабораторіи Пеля, по которой окраски Писарева были признаны гораздо болѣе крѣпкими, чѣмъ напр. одна изъ самыхъ крѣпкихъ существующихъ окрасокъ (ализаринъ), то техническій комитетъ видоизмѣнилъ свое показаніе въ пользу Писарева, ни мало не сомнѣваясь, что это показаніе ставило его въ самое неловкое положеніе. Послѣ этого фирма Леонтьевыхъ приняла заказъ и тутъ начались мытарства уже не только съ техническимъ комитетомъ и главнымъ интендантскимъ управленіемъ, а съ учрежденіемъ на улицѣ Глинки, которое называется петербургской пріемной комиссіей.

Писаревъ по наивности спросилъ генерала Ростковскаго о томъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ приходится нести извѣстный расходъ при сдачѣ, — при этомъ прибавимъ, что въ планы фирмы

Леонтьевыхъ совершенно не входятъ какія нибудь дѣянія и слѣдовательно онъ, Писаревъ, разсчитываетъ на генерала Ростковскаго и его полную защиту въ этомъ случаѣ. Генералъ Ростковскій подтвердилъ, что никакихъ особенныхъ расходовъ быть не можетъ. Послѣ первой пріемки товара было *ясно выяснено Писареву, что ни одинъ аршинъ товара въ петербургской пріемной комиссіи пройти безъ оплаты десятью процентами не можетъ. Таковы уже существующія традиціи и бороться съ таковыми было бы слишкомъ рискованно, неосторожно и невыгодно.* Говорилось это ясно, опредѣленно и спокойно и никакихъ возраженій на это не допускалось, причемъ въ качествѣ выгодной въ данномъ случаѣ операціи предлагалось соотвѣтственно понизить цѣну товара. Такъ какъ, вообще, большимъ фирмамъ слишкомъ было бы неудобно участвовать въ подобнаго рода „сдѣлкахъ“ съ интендантствомъ, то по отношенію почти всѣхъ русскихъ пріемныхъ комиссій установился порядокъ сдачи товара не прямо фирмой, а при помощи сдатчиковъ, которые знали, кому и что дать.

Такъ какъ Сергѣй Писаревъ ни по своему образованію, ни по взглядамъ не подходилъ къ категоріи этихъ сдатчиковъ, то конфликтъ разыгрался въ очень острой формѣ, причемъ для петербургской комиссіи былъ вполнѣ ясенъ вопросъ, что если она допуститъ существованіе подобныхъ сдатчиковъ, какъ Сергѣй Писаревъ, то естественно всѣ большіе барыши, получаемые при сдачѣ, будутъ сильно уменьшены, а потому необходима борьба во всю. Съ своей стороны Писаревъ прекрасно понималъ это положеніе и постарался перешагнуть черезъ неопредѣленность техническихъ требованій настолько далеко, что его не захватилъ произволъ пріемной комиссіи.

Теперь необходимо выяснить слѣдующее положеніе: среди правилъ пріема существуютъ совершенно конкретныя ясно опредѣляющія достоинства товара: количество нитей, разрывъ, вѣсъ, количество влажности, аппрета и проч., а также существуютъ и такія, которыя подчиняются чисто субъективнымъ опредѣленіямъ.

Теперь станетъ понятно всякому, что если посылаемый товаръ отъ Бр. Леонтьевыхъ не могъ быть забракованнымъ согласно этихъ чисто конкретныхъ правилъ и если въ этотъ моментъ, когда была до крайности необходима ткань, — предсѣдатель и члены петербургской пріемной комиссіи считали возможнымъ останавли-

вать *всю пріемку и всю будущность запасовъ ткани на 1905 годъ* изъ за такого ничтожнаго основанія, какъ незначительная разница въ цвѣтѣ, то это могло происходить или отъ отчаянной несообразительности членовъ пріемной комиссіи съ господиномъ предсѣдателемъ во главѣ, или отъ явно корыстной цѣли и желанія получить съ Сергѣя Писарева требуемый „интендантскій процентъ“.

Такъ какъ Писаревъ слишкомъ хорошо понималъ остроту положенія и ему грозила неустойка болѣе 50,000 рублей и очень большія матеріальныя затраты по производству, то пришлось играть ва-банкъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ разгаръ этой „интендантской панамы“ имъ было подано генералу Ростковскому заявленіе относительно всего происходящаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторымъ виднымъ представителямъ петербургскаго военнаго міра были посланы копіи съ этого заявленія, которое считаю необходимымъ привести цѣликомъ.

Объ этомъ заявленіи г. Писарева завтра.

Примѣчаніе. Когда я писалъ эти очерки, то зналъ отлично, что меня ожидаетъ: 1) опроверженія, основанныя и необоснованныя; 2) привлеченія къ судебной отвѣтственности «за клевету», и, наконецъ, 3) клевета на меня лично, идущая отъ людей, коимъ непріятны мои статьи

Опроверженія были, были и телеграммы о судѣ.

Клевету, пущенную «Голосомъ Правды» въ называемыхъ газетою неподписанныхъ статей передовыми, конечно, подхватили извѣстные поклонники мощи русской арміи и патріоты «Русскій Инв.» и «Новое Время».

Эти органы въ свое время яростно отстаивали неприкосновенность «героевъ» Стесселей въ Портъ-Артурѣ, теперь они также точно орудуютъ въ защиту героевъ интендантства.

Стыдно имъ писать за своихъ героевъ прямо и они къ той же цѣли идутъ другимъ путемъ—замалчиваютъ обвиненія и клевещутъ на обвинителя, не брезгая грязью анонимныхъ мерзостей. Но русское общество, конечно, запомнитъ имъ ихъ усердное замалчиваніе позорныхъ преступленій противъ русскаго народа и противъ русской арміи.

О «Голосѣ Правды» много говорить не приходится. Газета считаетъ возможнымъ не указывать источники своихъ сплетенъ. Я требую отъ «Голоса Правды», чтобы эта газета указала кто это ея «свидѣтели» тѣхъ «фактовъ», которые она описываетъ, съ трудомъ скрывая странную радость чѣмъ-нибудь уязвить автора непріятныхъ ей статей. Я требую именъ, имъ я отвѣчу и — продолжаю свое дѣло.

LXIV.

Исторія одной поставки.

Перехожу къ заявленію, которое Писаревъ сдѣлалъ генералу Ростковскому. Въ этомъ заявленіи самымъ реальнымъ языкомъ разсказывалось относительно всего этого хищенія, указывались методы и способы, указывались совершенно точно проценты и лица, получающія таковые, словомъ, давалась въ руки генерала Ростковскаго полная картина всего этого дѣла. Для того, чтобы оцѣнить напряженіе этого момента и смѣлость подобнаго заявленія, необходимо познакомиться съ нимъ въ оригиналѣ. Съ первыхъ его строкъ становилось яснымъ, что заявленіе Писарева далеко не было такимъ, которое можно было оставить безъ вниманія или безъ преслѣдованія за клевету. При доказательствѣ обвиненія оно должно было окончиться судомъ надъ гг. интендантами, а при обратномъ — судомъ надъ г. Писаревымъ за клевету. Дѣло же было сведено генераломъ Ростковскимъ на простую комедію, которую не постѣснялись разыграть опять таки очевидно для того, чтобы имѣть въ свое время въ будущемъ возможность апелляціи къ общественному мнѣнію. Но приведу это письмо. Оно писано еще въ то время, когда Писаревъ еще не совсѣмъ разстался съ вѣрою въ „новый курсъ“ интендантской жизни и потому имѣетъ въ себѣ нѣсколько наивныхъ хвалебныхъ строкъ самому генералу Ростковскому.

Копія.

Сергѣй Евгеньевичъ
ПИСАРЕВЪ.
Пушкинская ул., 20.
12 сент. 1904 г.

Ваше Превосходительство,

Многоуважаемый Феликсъ Яковлевичъ.

Я думаю, что вамъ не приходилось получать такихъ писемъ. Тѣмъ не менѣе я осмѣливаюсь писать, такъ какъ имѣю уже достаточно основаній для этого и думаю, что самое лучшее прямо написать вамъ. Прошу извинить и это непосредственное обращеніе къ вамъ и возможную и могущую быть нечаянно пропущенной рѣзкость тона.

Примѣчаніе. Какъ сообщаютъ, по поводу извѣстныхъ разоблаченій Ф. П. Купчинскаго дано понять всѣмъ задѣтымъ въ разоблаченіяхъ лицамъ, что они должны привлечь Купчинскаго къ судебной отвѣтственности и такимъ путемъ реабилитировать себя. (*Изъ газетъ*).

Вамъ, конечно, извѣстно, что мы пришли къ вамъ совершенно нетронутые традиціями старой интендантской жизни. Поэтому возможно было ожидать, что это новое вино, попавшее въ старый мѣхъ, или заставитъ его разорваться, или само скиснетъ. И для васъ, такъ много стремящагося сдѣлать вѣдомству, начальникомъ котораго вы сами, осмѣливаюсь думать, было пріятнымъ появленіе этихъ свѣжихъ и новыхъ лицъ, должныхъ внести новую жизнь и желающихъ принести пользу. Съ своей стороны и мы, симпатизируя этому вашему стремленію, рѣшили проникнуть въ этотъ опасный міръ, бывшій до сихъ поръ непроходимымъ. Я разскажу вамъ теперь все, съ чѣмъ пришлось намъ встрѣтиться, ни мало не стѣсняясь называть вещи своими именами, и прошу въ случаѣ недовѣрія преслѣдовать меня за клевету.

Первый моментъ, когда я столкнулся съ интендантскимъ міромъ, былъ техническій комитетъ, гдѣ мною былъ по вашему предложенію поднятъ вопросъ объ окраскѣ Манчжурской арміи. Здѣсь я увидѣлъ полное незнаніе дѣла, наглую передъ вами ложь и коммерческій интересъ *). Въ первыхъ двухъ я имѣлъ случай убѣдиться и докажу вамъ далѣе въ письмѣ, а въ послѣднемъ, т. е. въ коммерческомъ интересѣ, я теперь не сомнѣваюсь, особенно послѣ того, что мнѣ пришлось увидѣть и испытать далѣе.

Я совершенно оставилъ тогда мое личное самолюбіе и, подвергаясь нападкамъ вполнѣ невѣжественныхъ людей, страдалъ только за само дѣло, т. е. за того русскаго солдата, которому приходилось отвѣчать жизнью за такой порядокъ вещей. Самъ я считалъ такое халатное отношеніе къ дѣлу, да еще приправленное личными отношеніями, *равносильнымъ измѣнѣ* и дѣлалъ тамъ все, что могъ. Счастье и обстоятельства помогли, и отправка въ Манчжурскую армію необходимой краски совершилась безъ помощи интендантства. Уже тогда, видя вашу энергію и безпристрастность, я имѣлъ настолько довѣрія къ вамъ, что пришелъ и извинился въ томъ, что какъ бы шелъ противъ интендантскаго вѣдомства. Вашъ отвѣтъ и ваше отношеніе къ дѣлу и порадо-

*) *Примѣчаніе*: Какъ образецъ абсолютнаго незнанія, я приведу статью генералъ-маіора Н. П. Нечаева, напечатанную въ Интендантскомъ журналѣ за № 9, въ 1901 году, подъ заглавіемъ «Значеніе химіи для промышленнаго производства искусственныхъ красильныхъ пигментовъ», въ которой нѣтъ ни одной (буквально ни одной) страницы безъ самой грубѣйшей и элементарнѣйшей ошибки. Если напечатаютъ въ слѣдующемъ номерѣ Интендантскаго журнала мою статью по поводу умозаключеній техническаго комитета, то тамъ будетъ полный разборъ этой статьи, какъ доказательство полной некомпетентности техническаго комитета въ обсужденіи таковыхъ вопросовъ.

вали меня и тронули. Я ни мало не сомнѣвался, что вы увѣрены въ нашемъ техническомъ знаніи и результатомъ этого былъ сдѣланный нашей фабрикѣ заказъ. Взяли таковой мы по глубокому довѣрію къ тому, что подъ вашимъ управленіемъ въ этомъ вѣдомствѣ настали другія времена.

На самыхъ первыхъ порахъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ самой непростительной ложью, которая вышла по старому счету изъ техническаго комитета и заключала въ себѣ то, что присланные нами образцы исключительно прочнаго, а также и очень плохого крашенія, употребляемаго до сихъ поръ, оказались по заключенію техническаго комитета одинаково непригодными по своей непрочности. Всякій, кто зналъ объ этомъ дѣлѣ, скажетъ вамъ, что это было сдѣлано съ умысломъ. Да вѣдь и было бы наивнымъ и страннымъ съ нашей стороны, зная, что техническій комитетъ далеко недружественъ къ намъ, давать туда то, что могло бы послужить намъ потомъ къ обвиненію. Отданныя нами на испытанія пробы въ одну очень извѣстную испытательную лабораторію показали прочность окраски выше существующихъ самыхъ прочныхъ окрасокъ, какъ напримѣръ, кумача или индиго. Это было служебное преступленіе, несомнѣнно связанное съ умысломъ. Благодаря вашему внимательному отношенію къ дѣлу, таковое зло было устранено.

Я попалъ, наконецъ, въ пріемную комиссію.

Какъ техникъ, привыкшій во всемъ убѣждаться самъ и не боящійся черной работы, я рѣшилъ самому присутствовать при первыхъ сдачахъ, считая необходимымъ знакомиться съ самой экспертизой. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что въ комиссіи дѣлалось все, кромѣ экспертизы. Если по отношенію техническихъ и химическихъ испытаній и дѣлались приблизительныя изслѣдованія, то по отношенію самаго главнаго, т. е. просмотра товара, можно было сказать, что оно являлось простою комедіею, ибо члены пріемной комиссіи даже не присутствуютъ при этомъ. Это, впрочемъ, относится не къ моей сдачѣ, а къ сдачѣ г. Эффроса и ему подобныхъ...

Испытаніе химическое—на разрывъ, на влажность, количества апперта и пр. прошло у меня хорошо, и моя ткань пошла по столамъ. Первое, что меня удивило, было то, что одинъ изъ членовъ комиссіи спросилъ у меня, почему я упускаю такой хорошій товаръ, я заявилъ, что товаръ можетъ быть и хуже, чему примѣромъ указалъ на товаръ, сдаваемый Эффросомъ. На

мое заявленіе, что у меня вся партія совершенно одного характера, онъ самымъ откровеннымъ образомъ засмѣялся и, конечно, не повѣрилъ. На оттѣнокъ они совершенно не обращали вниманія и понимали, что это не возможно. Въ виду того, что при нашемъ способѣ крашенія у насъ получалось предѣльное количество нитокъ по утку, мы, во избѣжаніе недоразумѣнія, тотчасъ распорядились прибавить еще двѣ нитки на дюймъ т. е. еще улучшить товаръ. По основѣ мы, напримѣръ, совершенно не опасались такого недостатка, ибо у насъ было даже 60 нитокъ при требуемыхъ 54 правилами пріема. Во время сдачи ко мнѣ пришелъ Эффросъ и познакомившись сообщилъ, что имѣетъ ко мнѣ порученіе отъ членовъ комиссіи сообщить мнѣ, что если я смущаюсь, то чтобы я не боялся и заплатилъ то, что полагается. Я заявилъ, что не предполагаю платить, но получилъ отъ него свѣдѣнія, что расходы на пріемъ въ петербургской пріемной комиссіи опредѣляются приблизительно въ десять процентовъ суммы получаемой квитанціи и разсчитываются такъ:

Предсѣдателю комиссіи.	1%—1,5 проц.
Помощнику предсѣдателя.	1 „
Технику	1 „
Членамъ (шт.-кап. фонъ-Дерфельдену) . .	0,75 „
Остальнымъ двумъ по 0,5%	1 „
Главному смотрителю складовъ.	1 „
Смотрителю магазина.	1 „
Прочій расходъ по сдачѣ, плата мелкой администраціи (фельдфебеля, письмоводители, писаря и пр.) плата солдатамъ около	2 „
Гербовая бумага и пр. расходы	1 „
Итого . . .	9,75%—10,25 проц.

Вотъ для большей точности составъ петербургской пріемной комиссіи:

Предсѣдатель: Сергѣй Васильевичъ Танѣевъ.

Помощникъ предсѣдателя: Николай Александровичъ Писаревъ.

Техникъ, надворный совѣтникъ Василій Федоровичъ Назаровъ.

Члены: Шт.-кап. Модестъ Васильевичъ фонъ-Дерфельденъ. Шт.-кап. Николай Всеволодовичъ Жерве. Шт.-ротм. Николай Игнатьевичъ Мрачкевичъ.

Главный смотритель склада: полковникъ Николай Константиновичъ Науертъ.

Смотритель холщеваго магазина: подполковникъ Михаилъ Алексѣевичъ Шаровъ.

Въ этой цифрѣ меня удивило только одно. Какой же надо имѣть плохой товаръ, чтобы пополнить на немъ эти 10 процентовъ, да еще получить выгоду. Если по отношенію такого товара, какъ хлопокъ, гдѣ цѣны всѣ доведены до минимума, существуетъ такого рода порядокъ, то что за оргія должна разыграться при металлическомъ, кожевенномъ и тому подобныхъ товарахъ. И я остался при своемъ особомъ мнѣніи. Вслѣдъ затѣмъ ко мнѣ явился другой сдатчикъ и заявилъ также, что если я конфужусь, то это пустяки и что предсѣдатель ждетъ меня въ своей комнатѣ. Я, конечно, не пошелъ. Не получая отъ меня отвѣта, на слѣдующій день они забраковали у меня нѣкоторое количество ткани за то, что нѣкоторые куски были менѣе установленной длины. Происходило это отъ того, что при крашеніи могутъ образоваться на ткани пятна и мы, не желая сдавать въ интендантство такого товара, разрѣзывали въ этомъ мѣстѣ кусокъ, вынимая невѣрно окрашенное мѣсто. Въ виду еще не вполнѣ обострившихся отношеній мнѣ было сообщено членомъ пріемной комиссіи, что этотъ товаръ пойдетъ потомъ тѣмъ болѣе, что отъ техническаго испытанія идутъ такія же маломѣрныя (менѣе 50 аршинъ) куски. По предложенію помощника предсѣдателя намъ рекомендовалось присылать товаръ, не вынимая такихъ плохо окрашенныхъ мѣстъ, а комиссія не разрѣзая куска вычеркивала бы по общимъ существующимъ правиламъ пріема такое мѣсто изъ всей длины куска. Я со своей стороны предложилъ дѣлать на такомъ кускѣ отмѣтку для обозначенія этихъ пятенъ. Мы такъ и сдѣлали.

На всякій случай мы еще увеличили достоинство ткани. Лучшимъ показаніемъ этому было испытаніе на разрывъ и вѣсъ, значительно превосходившій установленныя нормы. И затѣмъ я считалъ наше дѣло выграннымъ. Я приведу еще только мой разговоръ съ однимъ изъ членовъ комиссіи фонъ-Дерфельденомъ. Побуждаемый разными подосланными сдатчиками, я обратился, наконецъ, къ нему съ вопросомъ относительно этого и неукоснительно получилъ отвѣтъ, что дѣйствительно такъ и что все зависитъ отъ нихъ и съ ними бороться невозможно: были случаи, что всю комиссію отдавали подъ судъ, и всетаки не могли добраться до истины, а сдатчикъ отъ этого только страдалъ. Можно

обращатьтя къ кому угодно, хоть къ самому царю, и всетаки онъ не поможетъ, а они вслѣдствіе неопредѣленности техническихъ требованій будутъ въ состояніи принести непоправимый вредъ. Я не согласился и вполнѣ былъ убѣжденъ въ томъ, что при самой тщательной работѣ я сумѣю и тутъ бороться.

Теперь я перехожу къ самому послѣднему. Тотъ исключительно прочный, не имѣющій сравненія съ другими способъ крашенія, который мы предложили, страдаетъ немного тѣмъ недостаткомъ, что особенно при сложныхъ цвѣтахъ даетъ въ товарѣ большое количество оттѣнковъ, которые только черезъ два или три мѣсяца сглаживаются въ цвѣтѣ между собою. Словомъ, при одинаковомъ рецептѣ крашенія товаръ, полученный только что изъ красильнаго отдѣленія и полученный уже три мѣсяца тому назадъ, будетъ разниться даже при одинаковомъ рецептѣ и сольется въ близкіе цвѣта только по прошествіи времени. Такимъ образомъ образцы будутъ всегда отличаться отъ свѣжаго товара. Мы это, конечно, знали, но объяснить это было совершенно невозможно. Я не говорю о чисто субъективномъ пониманіи окраски, чему я могу видѣть примѣръ въ чистомъ разногласіи всѣхъ членовъ комиссіи по поводу одного и того же куска... При томъ я, наконецъ, долженъ замѣтить, что держать такъ небрежно образцы, по которымъ бракуется товаръ, какъ держали присланные образцы, положительно невозможно (они лежали и въ пыли, и на дождѣ при открытомъ окнѣ, и на солнцѣ, которое, какъ и всегда въ этой краскѣ, заставляетъ немного потемнѣть, и, наконецъ, были взлохмачены до нельзя и уже потому одному представлялись совершенно невѣрными). Прибавляю еще сюда, что, несмотря на указанія въ контрактѣ принимать для сужденія три образца, комиссія брала все время два образца.

Теперь понятно, что послѣ того, какъ не удалось изловить меня на качествахъ товара строго регламентированныхъ, имъ пришлось обратиться къ этой трудной и опасной исторіи и браться за такую отвѣтственную браковку. Надо отдать справедливость, они сдѣлали это мастерски.

Я долженъ васъ предупредить, что всѣ въ интендантствѣ знаютъ, что мы ничего не платимъ, и съ большимъ любопытствомъ смотрятъ на это дѣло, и осмѣливаюсь думать, отъ разрѣшенія этой борьбы многое зависитъ въ новомъ курсѣ интендантской жизни. Клика наемныхъ сдатчиковъ, вся жизнь и интересы которыхъ заключены въ этомъ порядкѣ вещей, дающемъ

имъ хлѣбъ, является постоянно ко мнѣ и проситъ не подымать шума потому, что я во-первыхъ ничего не добьюсь, а во-вторыхъ потому, что и самому такъ удобнѣе наживать и другому давать наживать деньги. Съ другой стороны и интендантскій персоналъ чувствуетъ, что идетъ вопросъ жизни и смерти, и надо отдать ему справедливость, не брезгуетъ никакими средствами.

Когда послѣ первыхъ трехъ партій (болѣе 600,000 ар.— около трети всего количества) мое молчаніе по поводу взятки вполнѣ убѣдило ихъ, что они таковой отъ меня не получатъ, они заявили мнѣ, что начнутъ браковать по образцамъ. Я имъ резонно заявилъ, что это надо было дѣлать ранѣе и что тогда имъ придется перебраковать весь принятый заранѣе товаръ. Браковать они стали очень оригинально: понимая, что для защитности цвѣта колебаніе оттѣнка не играетъ никакой роли и боясь принять на себя отвѣтственность за то, что въ такой нужный моментъ они сравнительно изъ-за такой пустяшной причины останавливаютъ все дѣло, они рѣшили прибѣгнуть къ помощи техническаго комитета, разсчитывая на его всегдашнюю безшабашность и огульность пріемовъ. Чтобы я не поднялъ протеста, они заявили мнѣ, что они не бракуютъ моего товара, а только просятъ подождать, такъ какъ считаютъ сами эту причину слишкомъ незначительной и желаютъ, ввиду абсолютной неважности для сути дѣла этого вопроса, домашнимъ способомъ освѣдомиться у техническаго комитета. Протеста въ виду того, что товаръ не забракованъ, мнѣ писать не слѣдуетъ, и они даже просятъ меня съѣздить въ техническій комитетъ и спросить о результатѣ рѣшенія. Хотя въ мои желанія никогда не входитъ удовольствіе видѣть членовъ техническаго комитета, но тутъ я отправился и отъ генералъ-маіора Нечаева получилъ увѣренія, что это дѣло совершенно пустяки и значенія для пріема не имѣетъ. Я даже былъ удивленъ первый разъ встрѣтившеюся вѣжливостью этого человѣка. Это было какъ разъ въ день засѣданія техническаго комитета, такъ что если въ засѣданіи было бы обратное мнѣніе, то это лучшее доказательство его отношенія къ дѣлу. (Генералъ Н. П. Нечаевъ доказывалъ въ этотъ день абсолютную невозможность принимать эту ткань). Въ пятницу одинъ изъ членовъ комиссіи сообщилъ мнѣ, что рѣшеніе комитета не въ мою пользу. Я отправился въ техническій комитетъ за справкой, но, конечно, ничего кромѣ грубости отъ генералъ-маіора Нечаева не получилъ. Я ни мало не сомнѣваюсь, что въ виду той исключительной лжи,

съ которой мнѣ пришлось познакомиться въ ихъ средѣ, дѣло въ засѣданіи техническаго комитета было извращено до нельзя. Если бы я могъ знать, что происходило тамъ, то я могъ бы защищаться, но я даже лишенъ и этой возможности. Тогда я понялъ, какъ сдѣлана эта игра, и рѣшилъ, что у меня нѣтъ никакого другого способа, какъ обратиться къ вамъ и разсказать всю эту исторію.

Дѣло обстоитъ теперь слѣдующимъ образомъ, о чемъ, какъ это ни странно, меня предупредили совершенно со стороны. Принимаются мѣры, чтобы подогнать меня подъ неустойку. Изъ партіи, которыя я представляю, отбрасывается сейчасъ изъ-за такой незначительной причины болѣе трехъ четвертей количества и въ настоящее время у меня лежитъ около 400,000 аршинъ не забракованныхъ, какъ говоритъ пріемная комиссія, а ожидающихъ разъясненій техническаго комитета. Да я и понимаю, что пріемной комиссіи было бы неловко брать на себя иниціативу браковки послѣ того, какъ она при 600,000 ар. совершенно не обращала вниманія на это, настолько эта часть казалась ей неважной и только теперь, не имѣя другихъ причинъ браковки, она ухватилась за нее.

Намъ грозитъ неустойка 40,000 руб., и я говорю, что за извѣстный принципъ можно при убѣжденіи заплатить и въ сто разъ болѣе, но меня, кромѣ этой непріятности, волнуетъ и самое дѣло.

Вѣдь согласитесь, что въ то самое время, когда интендантскій дворъ на улицѣ Глинки представляетъ собой такую же часть войны, какъ Ляоянское поле и, прибавлю страшно серьезную, на немъ разыгрываются такія беззастѣнчивыя панамы. Мнѣ это тѣмъ болѣе грустно и обидно, что всѣ ваши стремленія, напримѣръ, привлеченіе въ интендантство вольноопредѣляющихся, посылка дѣйствительно хорошаго молодого народа въ Манчжурію, постоянная борьба съ взяткой, самое ваше реномэ, какъ человѣка рѣдко безкорыстнаго и работающаго, наконецъ, мое личное убѣжденіе указываетъ на то, что во всю боритесь съ этими вещами и все таки къ несчастью не можете совладать съ гнѣздомъ заразы у васъ подъ руками.

Я могъ бы очень много сообщить вамъ, но боюсь за излишнюю длинноту письма. Главное я сообщилъ вамъ и думаю, что заслуживаю довѣрія.

Далѣе я знаю, что все достигается трудомъ, и, желая до-

биться истины, я не постѣснюсь ни энергіей, ни силой, ни матеріальными издержками, чтобы добиться того, что считаю правильнымъ.

Искренно васъ уважающій

С. Е. Писаревъ.

Посмотримъ-же теперь, каковы были результаты этого заявленія, въ коемъ ясно и опредѣленно съ указаніемъ именъ и съ обозначенныхъ и точныхъ размѣровъ доказывалось существованіе института взятокъ.

XLV.

Исторія одной поставки.

Получивъ это письмо, генералъ Ростковскій выказалъ полное отсутствіе какого нибудь административнаго такта. Вмѣсто того, чтобы призвать Сергѣя Писарева для дальнѣйшихъ объясненій и провѣрить его показанія, онъ въ тотъ же день отправился въ петербургскую пріемную комиссію, гдѣ и произошла слѣдующая поразительная по своей убѣдительности сцена, которая не оставляла никакого сомнѣнія въ томъ, что взяточничество въ петербургской пріемной комиссіи дѣйствительно происходило, а генералу Ростковскому преподносилась самая беззастѣнчивая ложь. Придя въ коммиссію въ обѣденное время, Ростковскій прошелся по помѣщенію пріемной комиссіи и замѣтилъ большіе штабеля товара, окрашеннаго въ защитный цвѣтъ. Не зная, какой это товаръ, забракованный или не забракованный, онъ спросилъ у прибѣжавшихъ ему навстрѣчу членовъ пріем. ком. о назначеніи лежащаго товара. Члены комиссіи единогласно отвѣтили, что это только-что принесенный къ браковкѣ товаръ, несмотря на то, что этотъ товаръ лежалъ уже въ этомъ помѣщеніи болѣе недѣли и былъ забракованъ пріем. ком. Бывшій въ это время въ пріем. ком. довѣренный артельщикъ бр. Леонтьевыхъ Василій Александровъ остановилъ генерала Ростковскаго и заявилъ ему официально, что пріемная комиссія лжетъ въ своихъ показаніяхъ генералу, а въ доказательство пригласилъ спросить любого изъ интендантскихъ солдатъ относительно того, къ какому сорту товаровъ принадлежитъ сложенный товаръ—къ забракованному или не забракованному. Всѣ бывшіе солдаты, спрошенные внезапно, отвѣтили, что этотъ товаръ забракованъ и при очной ставкѣ генерала

Ростковскаго со своими начальниками показали, что этотъ товаръ забракованъ, и тѣмъ дважды подтвердили вѣрность своего показанія. Сомнѣній быть не могло и засимъ генералъ Ростковскій публично передъ всей командой, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, обозвалъ всю пріемную комиссію мошенниками и прохвостами, употребивъ даже болѣе сильныя выраженія.

Вслѣдъ затѣмъ была произведена провѣрочная браковка товара, который былъ вынесенъ изъ помѣщенія пріемной комиссіи и лежалъ въ интендантскомъ помѣщеніи на складѣ до обратнаго вывоза фирмой Леонтьевыхъ и изъ 25 наудачу принесенныхъ кусковъ былъ не принятъ только одинъ, и то по заявленію самого представителя бр. Леонтьевыхъ. Скандалъ былъ дѣйствительно чрезвычайный и настолько уже вышелъ за предѣлы интендантской тайны, что требовалъ по крайней мѣрѣ гласнаго разслѣдованія. Переходя къ послѣдующему нельзя не отмѣтить, что сами гг. интенданты настолько напугались масштаба разыгравшейся исторіи, что нѣкоторые изъ нихъ просили представителя Писарева и Александрова отказаться отъ своихъ показаній, обѣщая имъ полный пропускъ какого они хотятъ товара, хотя бы прямо рогожи, только бы дѣло не пошло далѣе. Что говорилъ генералъ Ростковскій пріемной комиссіи, собравъ ее отдѣльно, трудно, конечно, знать; можно думать, что выраженія его были, судя по предыдущему обращенію при солдатахъ, недалекими отъ только что сказанныхъ; важно только то, что этотъ скандалъ былъ настолько грандіозенъ, что для его ликвидированія потребовалась довольно любопытная комедія. Часть интендантскаго помѣщенія была отдѣлена для комиссіи по изслѣдованію вымогательства въ петербургской пріемной комиссіи.

Въ качествѣ предсѣдателя этой комиссіи былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Е. И. Каменскій, а помощникомъ ему д. с. с. Красильниковъ. Такъ какъ въ этикѣ указанныхъ лицъ не являлось никакого сомнѣнія, то вполнѣ понятна та тяжелая роль, которую пришлось перенести указаннымъ лицамъ. Бороться въ данномъ случаѣ приходилось не съ группою засилившихъ въ опредѣленный моментъ лицъ, а непосредственно съ системой, кормившей громадное количество заинтересованныхъ лицъ, а потому показанія всѣхъ поставщиковъ сошли на комедію и на хвалебный отзывъ о добродѣтеляхъ пріемной комиссіи. Ни одинъ изъ сдатчиковъ не имѣлъ гражданскаго мужества сказать правду. Да оно и понятно: передъ вызовомъ къ генералу Каменскому каждый изъ

вызываемыхъ получалъ дополнительный вызовъ къ предсѣдателю пріемной комиссіи или его ставленнику, причемъ ему достаточно краснорѣчиво выяснилось, что доносчику первый кнутъ и что, если онъ что нибудь и скажетъ изъ того, что могло бы повредить этой комиссіи, то все равно и другіе послѣдующіе господа въ той комиссіи помѣстятъ его въ такой кондуитный списокъ, что о какой нибудь карьерѣ въ будущемъ и интендантской сдачѣ, все равно тутъ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, не можетъ быть и рѣчи. Результатъ былъ налицо: кромѣ Писарева, не давшаго взятки и не имѣвшаго достаточно доказательствъ относительно этой взятки, никто не заявилъ о платежѣ какой нибудь даже малѣйшей взятки (доказательства требуются обыкновенно въ видѣ писанныхъ документовъ, которые гг. интенданты выдаютъ не всегда особенно охотно, да и эти документы, какъ напр. въ дѣлѣ дѣлопроизводителя техническаго комитета Д. И. Крюковскаго, давшаго неосторожныя письма относительно походныхъ кухонъ полковнику Богаевскому, не всегда имѣютъ достаточное значеніе въ глазахъ интендантовъ). Тѣмъ не менѣе производившій разслѣдованіе генералъ-лейтенантъ Каменскій въ своемъ заключеніи высказалъ мнѣніе, что несмотря на это показаніе, онъ присоединяется къ мнѣнію Писарева въ томъ, что взятки въ петерб. пріемн. комиссіи берутся. Отсюда вытекала простая дилемма—или Сергѣя Писарева подъ судъ за клевету, или болѣе точное и подробное изслѣдованіе этого дѣла, но при условіи временнаго отстраненія всего персонала пет. пріемной комиссіи отъ завѣдыванія дѣломъ пріемки интендантскаго товара. Ни того, ни другого не было сдѣлано и изъ пріемной комиссіи шли по прежнему побѣдоносные слухи о томъ, что дѣло по прежнему продолжается съ правильнымъ „интендантскимъ процентомъ“. Болѣе того, это послѣднее положеніе настолько укрѣпило гг. интендантовъ въ своей абсолютной безопасности, что по приходящимъ слухамъ они сами заявили, что гг. Леонтьевы больше никогда никакой поставки не получатъ.

У Сергѣя Писарева несомнѣнно было достаточно оружія для того, чтобы доказать справедливость своихъ словъ; вѣдь въ самомъ дѣлѣ достаточно было бы просмотрѣть только торговыя книги посылающихъ товаръ фирмъ, чтобы найти этотъ интендантскій процентъ въ той или другой формѣ. Кромѣ того, само собой понятно, что на почвѣ этихъ интендантскихъ процентовъ и интересовъ сдатчика постоянно образуются конфликты между ста-

вящей фирмой и сдатчиками, а потому нѣкоторымъ фирмамъ не представляется какого нибудь особеннаго интереса путемъ ложнаго показанія защищать гг. сдатчиковъ и интендантовъ, не говоря уже о томъ, что показанія на предварительномъ слѣдствіи и показанія подъ присягою слишкомъ разнообразны по вытекающимъ изъ нихъ результатамъ. Словомъ, при какомъ нибудь гласномъ разслѣдованіи этого дѣла вся интендантская панама несомнѣнно всплыла бы наружу, и Писаревъ настойчиво добивался этого правильнаго слѣдствія. Дѣло генерала Ростковскаго было пустить все это дѣло въ ходъ, хотя бы путемъ обвиненія Сергѣя Писарева въ клеветѣ. Почему онъ не сдѣлалъ этого? Потому что генералъ Ростковскій или не понималъ совершенно дѣла и былъ въ такомъ случаѣ совершенно непригоднымъ для такой важной работы администраторомъ, или имъ руководили совершенно иныя соображенія. Это была ложь, и да простятъ мнѣ крылатое слово—пресловутая „интендантская ложь“, но уже теперь не передъ фирмой, не передъ начальствомъ, не передъ сдатчикомъ, а передъ русскимъ обществомъ, чуткимъ и больнымъ въ эту минуту, къ которому въ широковѣщательныхъ манифестахъ обращался генералъ Ростковскій и просилъ одобренія. Несомнѣнно, что подобный процессъ могъ сильно повредить этому маскараду, и маскарадъ этотъ продолжался: дѣло было совершенно замято.

Фирма бр. Н. и В. Леонтьевы состоитъ изъ очень упорныхъ людей. Было рѣшено не только не обращать вниманіе на этотъ эпизодъ, но наоборотъ, продолжать съ прежнею тактикою ту же самую политику и выступить на новыхъ торгахъ для заготовки товара въ армію на 1906 годъ. Было также для многихъ интендантовъ несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ фирма бр. Н. и В. Леонтьевы добьется успѣха и по всѣмъ вѣроятіямъ, если на торгахъ не будетъ какихъ нибудь особенностей, которыя помогутъ „разъяснить“ эту фирму, опять будетъ сдавать товаръ въ петербургской пріемной комиссіи, и, конечно, не заплатитъ ни одной копейки.

Исполненіе этой новой дѣятельности взялъ на себя технический комитетъ интендантскаго вѣдомства подъ руководствомъ близкаго въ личныхъ своихъ отношеніяхъ къ генералу Ростковскому завѣдующаго дѣлами техническаго комитета генералъ-маіора Н. П. Нечаева и его правой руки, уже цитированнаго два раза дѣлопроизводителя Д. И. Крюковскаго. Оставляя всѣ подробности до судебнаго разбирательства, которое несомнѣнно должно быть

послѣ этихъ обвиненій, постараемся дать совершенно краткую схему этого оригинальнаго построенія.

Послѣ долгихъ келейныхъ совѣщаній техническаго комитета было рѣшено выработать типъ новой ткани, которая якобы удовлетворяла потребностямъ арміи. На чемъ основывались соображенія технической комиссіи, конечно, нельзя было узнать. Фактъ тотъ, что эта вновь выработанная ткань оказалась совершенно непригодной при употребленіи, слѣдовательно, кромѣ всего прочаго, надъ арміей былъ произведенъ опытъ, мѣсто которому было бы едва ли и при мирномъ положеніи вещей. Указывая на этотъ опытъ, можно прямо говорить, что во всемъ этомъ дѣлѣ былъ несомнѣнный умыселъ совершенно избавиться отъ какихъ нибудь конкурентовъ и создать монополію одной или двухъ достаточно подготовленныхъ къ этому заказу фирмъ. Укажемъ факты. Поставка товара опредѣлялась въ размѣрѣ 4.400,000 аршинъ бумажной ткани. Объявленія относительно этого товара и торговли были посланы отъ 17-го декабря 1904 года, тогда какъ торги были назначены на 29 декабря, т. е. приблизительно черезъ 12 дней. Срокъ исполненія этого заказа опредѣлялся съ 29-го декабря по 25 февраля слѣдующаго года, т. е. ровно полтора рабочихъ мѣсяца. Качества товара были совершенно измѣнены: вмѣсто обыкновенной ходовой пряжи была предложена совершенно новая, не *могущая быть произведенной* при наличности современнаго устройства даже въ десятой долѣ того количества въ срокъ предложенный для всего времени заказа Самыя качества товара были регламентированы совершенно двусмысленно; при приглашеніи разсылались описанія совершенно другой киперной ткани, но на нихъ объявленія относительно кондицій торговъ не прилагалось. По данному Сергѣемъ Писаревымъ генералу Ростковскому заявленію выяснилось, что весь петербургскій раіонъ, который ставитъ громадные запасы пряжи, могъ бы исполнить послѣ такого внезапнаго предложенія этотъ заказъ въ его десятой долѣ не скорѣе 2—5 мѣсяцевъ и то при условіи, что за это время не произойдетъ никакого несчастія или аваріи въ производствѣ. Весь этотъ заказъ не могъ бы быть исполненнымъ петербургскимъ раіономъ ранѣе 6—7 мѣсяцевъ.

Что касается самихъ техническихъ условій, то тутъ произошла совершенно непонятная исторія. Начать съ того, что техническое описаніе ткани, по которому приходилось бы опредѣлять и калькулировать возможность участія въ поставкѣ, говорило совершенно неопредѣленно относительно ткани и называло ее только крученой

для осмотра же давался въ петербургскомъ окружномъ интендантскомъ управленіи отрѣзокъ въ 2—3 вершка, по которому въ такой короткій срокъ, какъ 10 дней (вычитая время), нельзя было ни въ какомъ случаѣ произвести провѣрочныхъ пробъ; затѣмъ прежнія очень суровыя требованія относительно прочности окраски, предъявленныя фирмѣ бр. Н. и В. Леонтьевы, были замѣнены вмѣсто крашенія сѣрнистыми пигментами, очень труднаго въ техническомъ отношеніи, крашеніемъ обыкновенными линючими пигментами діаминоваго характера. Соотвѣтственно этому были видоизмѣнены и техническія требованія испытанія. Словомъ, технической комитетъ въ данномъ случаѣ потрудился въ выработкѣ типа ткани, пригодной не столько для манчжурской арміи, сколько для производства таковой опредѣленной фабрикой. Результаты были, конечно, очень удачные. Въ день торговъ Сергѣй Писаревъ въ тотъ самый моментъ, когда подлежащія мѣста дружно распечатывали согласно предложенные конверты съ обозначеніемъ вполнѣ согласныхъ цѣнъ, явился въ пріемную главнаго интенданта и, подавши ему объяснительную записку относительно всей этой махинаціи, заявилъ, что онъ имѣетъ возможность предложить аналогичную ткань безъ этихъ нелѣпыхъ условій ни къ чему не пригодной крученной пряжи, приблизительно по цѣнѣ 17 коп., тогда какъ результаты торговъ дадутъ 27 коп. и болѣе. Послѣдовала рѣзкая сцена между генераломъ Ростковскимъ и Писаревымъ, которая кончилась требованіемъ генерала Ростковскаго не подавать ему никакихъ болѣе заявленій.

Цѣна однако отъ этого не измѣнилась, хотя въ послѣдующихъ условіяхъ кондицій съ гг. поставщиками былъ включенъ прелюбопытный пунктъ, позволявшій, въ случаѣ недостатка крученой пряжи, употреблять совершенно покойно и обыкновенную пряжу низкихъ номеровъ, т. е. было включено именно то, что предлагалъ Сергѣй Писаревъ за 17 копѣекъ. Кажется, такого факта достаточно.

Итакъ, мы встрѣчаемся въ дѣятельности генерала Ростковскаго съ несомнѣннымъ криминаломъ. Съ одной стороны онъ несомнѣнно видитъ и самъ называетъ по имени грабежъ, хищенія и взяточничество, съ другой стороны онъ несомнѣнно замалчиваетъ поведеніе своихъ сотрудниковъ, несмотря на самыя настойчивыя и рискованныя заявленія цѣлаго ряда доброжелателей, а потому является отвѣтственнымъ и виновнымъ съ этими господами въ *равной степени*.

XLVI.

Денежныя „ассигнованія“.

Колоссальное количество золота, поглощеннаго войною, едва ли до сихъ поръ можетъ быть установлено въ точныхъ цифрахъ. Итоги отчетовъ, по документальнымъ даннымъ, привезенныхъ въ Петербургъ въ тысячяхъ пудахъ, едва ли могутъ быть выяснены даже въ ближайшее десятилѣтіе.

Если вспомнить, что отчеты по турецкой войнѣ, прославленной интендантскими злоупотребленіями, не были закончены въ продолженіе 25 лѣтъ, а послѣ какъ то странно смѣшаны съ отчетами по знаменитой „китайской экспедиціи“ — подведеніе денежныхъ итоговъ японской войны еще очень далеко.

Но тѣмъ интереснѣе въ дополненіе ко многимъ разсказамъ о колоссальныхъ авансахъ, о явно убыточныхъ предпріятіяхъ, о всякихъ невыгодныхъ и темныхъ аферахъ, и т. д. указать нѣкоторые примѣры очень подозрительныхъ ассигнованій.

Уже въ разгаръ этого интендантскаго дѣла, еще пока поднятаго исключительно лишь данными, приведенными въ печати, генералъ Ростковскій былъ обвиненъ военнымъ совѣтомъ въ неправильной выдачѣ денегъ въ суммѣ 24,804 руб. 85 коп. пріамурскому окружному совѣту для дополнительной выдачи двумъ подрядчикамъ. Генералъ Ростковскій сумѣлъ отклонить отъ себя лично эти обвиненія, обвинивъ другихъ, что видно изъ помѣщаемаго мною ниже его приказа (за № 192), но важенъ не такъ самъ этотъ случай, какъ краснорѣчивое указаніе на то, что подобные случаи *бываютъ*.

Если генералъ Надаровъ возражалъ на мои разсказы о милліонныхъ авансахъ и заготовкахъ, давшихъ одни убытки, что это его, какъ начальника тыла армій, не касалось по тѣмъ или инымъ причинамъ, то я въ правѣ спросить у генерала Ростковскаго и военнаго министра, кого же это касается?

Мнѣ необходимо знать кого это касалось хотя бы даже для того, чтобы печатно еще передъ судомъ высказать свое сожалѣніе въ несправедливомъ обвиненіи въ преступленіяхъ тѣхъ генераловъ, коихъ эти преступленія и касались.

„Ошибка“ въ Пріамурскомъ округѣ, какъ оказывается, касалась близко генерала Ростковскаго.

Сколько было такихъ „ошибокъ“, мы не знаемъ.

Привожу означенный приказъ: Копія.

По приказанію по главному интендантскому управленію 6 сентября 1907 г. № 192.

Пріамурскій окружной совѣтъ ходатайствовалъ передъ военнымъ совѣтомъ объ ассигнованіи 24,804 руб. 85 коп., присужденныхъ иркутскою судебною палатою къ выдачѣ двумъ подрядчикамъ.

Положеніе это, представленное при рапортѣ командующему войсками округа 15 мая за № 3274 военному министру, получено въ VII отдѣленіи 30 мая и, несмотря на то, что испрашивалось спѣшное удовлетвореніе даже по телеграфу, дѣло это до конца іюля не было доложено военному совѣту.

22 іюля получена была мною депеша пріамурскаго интенданта за № 2487 съ просьбою ускорить рѣшеніе дѣла. На этой депешѣ я положилъ резолюцію: „доложить въ чемъ дѣло“. Несмотря на эту резолюцію и на то, что ассигнованіе денегъ могло послѣдовать лишь по рѣшенію военнаго совѣта, у котораго военно-окружной совѣтъ испрашивалъ разрѣшеніе выплатить деньги, вся испрашиваемая сумма была, безъ доклада мнѣ, ассигнована по телеграфу 26 іюля, и деньги были выданы по принадлежности, согласно депешѣ главнаго интендантскаго управленія отъ 26 іюля за № 26708, также безъ доклада мнѣ и ранѣе доклада дѣла вашему совѣту.

Рѣшеніемъ военнаго совѣта отъ 9 августа сего года отвѣтственность за выдачу денегъ въ суммѣ 24,804 руб. 85 коп. возложена на меня.

Разобравъ это дѣло, выяснилось слѣдующее: старшій бухгалтеръ VII отдѣленія статскій совѣтникъ Моринъ при участіи помощника бухгалтера подполковника Смирнова составили докладъ въ военный совѣтъ, согласно заключенію пріамурскаго военно-окружного совѣта, испрашивая у военнаго совѣта удовлетвореніе ходатайства объ ассигнованіи денегъ, но начальникъ отдѣленія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Березинъ, вопреки докладу статскаго совѣтника Морина, приказалъ безотлагательно открыть кредитъ пріамурскому интендантству въ суммѣ 24,804 р. 85 к., о чемъ для выдачи денегъ по принадлежности было телеграфировано иркутскому интенданту отъ 26 іюля 1907 года за № 26708.

Признавая подобныя дѣйствія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Березина неправильными, а приказаніе мое о докладѣ мнѣ этого дѣла неисполненнымъ, не могу не указать, что статскій

совѣтникъ Моринъ *обязанъ былъ подать рапортъ* или, по крайней мѣрѣ, просить начальника отдѣленія доложить о такомъ приказаніи и. д. помощника моего, дѣйствительному тайному совѣтнику Клепцову, или мнѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая такія неправильныя дѣйствія нарушеніемъ службы, нахожусь вынужденнымъ обстоятельство это и медленность производства дѣла поставить на видъ статскому совѣтнику Морину, и денежную отвѣтственность возлагаю на лицъ, подписавшихъ распорядительныя бумаги по открытію кредита и выдачѣ денегъ.

Что же касается дѣйствій начальника отдѣленія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Березина, то по таковымъ даны мною лично соотвѣтственныя распоряженія.

Подписалъ: главный интендантъ генералъ отъ инфантеріи *Ростковскій*.

Повторяю, что настоящій случай привожу не болѣе какъ примѣръ, такъ какъ хочу говорить о болѣе значительномъ.

Извѣстно ли кому нибудь о суммахъ, затраченныхъ на заготовки по снабженію Портъ-Артура, уже осажденнаго.

Извѣстно лишь то, что получилось въ Артурѣ незначительное количество, всего нѣсколько разъ счетомъ. Количество было настолько незначительно, что буквально ничѣмъ не измѣнило состоянія гарнизона и его нужды.

Тѣмъ не менѣе, что явствуетъ изъ приводимой мною ниже выписки „секретныя заграничныя заготовки по снабженію Портъ-Артура“—расходъ на эти поставки и заготовки выразился въ суммѣ 2.118,390 долларовъ. Кромѣ этой суммы генералу Десино, военному агенту въ Шанхаѣ, было ассигновано еще 1.320,470 р. интендантствомъ и полевымъ казначействомъ! А какія „заготовки“ дошли интендантство не знало.

Прочтите эту выписку, она прямо историческая.

Копія.

Секретныя заграничныя заготовки по снабженію Портъ-Артура.

Съ начала кампаніи стали поступать со стороны разныхъ иностранныхъ коммерсантовъ предложенія о поставкѣ, какъ въ Портъ-Артуръ, такъ и въ другіе пункты манчжурскаго побережья. Такія предложенія передавались штабомъ намѣстника и нашими дипломатическими агентами: консуломъ въ Тяньдзинѣ Лаптевымъ, консуломъ въ Чифу Тидеманамъ, а также бывшимъ посланникомъ

въ Кореѣ Павловымъ. Лица, предлагавшія свои услуги, по большей части дѣлали предложенія несерьезныя, безденежныя, не только не представляющія какихъ-либо гарантій и залоговъ, но требовавшія, наоборотъ, крупныхъ задатковъ, и потому предложеніямъ этимъ нельзя было придавать значенія.

Объ обезпеченіи Портъ-Артура полевое интендантство имѣло мало свѣдѣній, такъ какъ забота эта лежала на штабѣ намѣстника.

Только 1 мая 1904 года было получено извѣщеніе отъ генерала Флуга, что снабженіе Артура мясомъ производится изъ Чифу распоряженіемъ вице-консула Тидемана, которому немедленно и было переведено на этотъ предметъ 50 тыс. рублей, изъ которыхъ 20 тысячъ переведены въ Чифу и 30 тысячъ руб.въ Шанхай.

Затѣмъ на тотъ же предметъ было отпущено г. Тидеману сначала 23,500 руб., которые были переведены г. Циммерману, а затѣмъ въ августѣ 1904 года переведено еще 50 тыс. руб., въ виду телеграммы генерала Флуга за № 4590, который сообщалъ, что г. Тидеманомъ производится снабженіе Портъ-Артура съ помощью шаландъ.

Слѣдующія крупныя ассигнованія были произведены, по приказанію командующаго манчжурской арміей, дѣйствительному статскому совѣтнику Павлову въ Шанхай. Такія ассигнованія были произведены: 10 іюля—350 тыс., 28 іюля—100 тыс., 25 августа—95 тыс., 3 сентября—150 тыс., 8 сентября—560 тыс. и 63,800 руб., наконецъ, 13 ноября—625,300 руб.; всего—1.944,100 руб.

Согласно телеграфнымъ сообщеніямъ г. Павлова деньги эти получили слѣдующее назначеніе въ долларахъ:

По отправкѣ на джонкахъ	129,000 долл.
„ отправкѣ парохода „Унисонъ“ . .	353,000 „
„ спасеніи груза этого парохода . . .	50,000 „
„ отправкѣ парусныхъ шхунъ . . .	104,000 „
За 4,300 паръ сапогъ и 8,500 башмаковъ	55,000 „
„ 12 тыс. паръ сапогъ въ Шанхаѣ. .	66,000 „
„ 15 тыс. паръ сапогъ въ Германіи .	95,250 „
„ отпр. джонокъ изъ Цинтао и Шанхая .	153,250 „
По спасенію груза „Унисона“. . . .	16,990 „
На покупку трехъ пароходовъ	256,530 „
За грузъ на эти пароходы	828,370 „
Всего . .	2,107,390 долл.

Въ эту же сумму вошли и 30 тысячъ рублей, посланныя г. Тидеману въ Шанхай.

Какіе именно грузы и дошли ли они до Портъ-Артура, для полевого интендантства осталось *неизвѣстно*.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ было, по распоряженію командующаго арміей, отправлено консулу въ Тянь-цзинъ Лаптеву сто тысячъ рублей.

Затѣмъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1904 года, по распоряженію главнокомандующаго, было ассигновано интендантствомъ военному агенту въ Шанхаѣ генералъ-маіору Дессино 920,470 рублей; имѣется свѣдѣніе, что ему же было переведено полевымъ казначействомъ, безъ участія интендантства, 400,000 руб.

Наконецъ, военному агенту полковнику Огородникову было ассигновано 30,000 рублей.

Этими данными исчерпываются всѣ распоряженія по разнымъ расходамъ, произведеннымъ за границей по ассигнованіямъ отъ полевого интендантства.

Хотѣлось бы поподробнѣе остановиться на этомъ „отчетѣ“ г. Павлова, управленіе коего русскими деньгами въ Шанхаѣ вошло въ поговорку. Мѣстная печать неоднократно указывала на страшныя, явно невыгодныя закупки пароходовъ, и у г. Павлова былъ даже не безынтересный процессъ, отголоски котораго въ свое время и появлялись въ русскихъ газетахъ. Но этотъ „отчетъ“ г. Павлова въ тѣсной связи, какъ мнѣ кажется, съ отчетомъ генерала Дессино, истратившаго милліоны рублей на одно эвакуированіе портъ-артурцевъ послѣ сдачи крѣпости... Потому, чтобы не уклониться отъ прежней темы, заканчиваю настоящую статью вопросомъ, кто же виновенъ въ этихъ милліонныхъ затратахъ или, скажемъ, ассигнованіяхъ на затраты интендантскому вѣдомству для осаждаемой крѣпости: *вновь* генералъ Ростковскій, или *только* бывшій корейскій посланникъ Павловъ.

XLVII.

Безслѣдное исчезновеніе важныхъ отчетовъ.

Мною упоминалось уже не разъ, что „компрометирующіе“ вѣдомство или отдѣльныхъ лицъ документы въ большинствѣ случаевъ страннымъ образомъ пропадали; по крайней мѣрѣ, всякое ихъ движеніе останавливалось, никакихъ разслѣдованій не дѣла-

лось и о нихъ благоразумно и предусмотрительно „забывали“ въ цѣляхъ, однажды очень откровенно высказанныхъ мнѣ однимъ видным интендантскимъ чиномъ; „не выносить соръ изъ избы“.

Цѣль, конечно, ясна, но и послѣдствія такой тактики также ясны. Вѣдомство, накопившее въ себѣ столько „сора“, задыхающееся въ немъ, не пользу, *а вредъ* приносить будетъ государству и народу, которому призвано служить. Задавшись цѣлью въ рядѣ статей обрисовать чудовищные порядки въ интендантствѣ тыла ближняго и дальняго, я твердо вѣрилъ и вѣрю до сихъ поръ, что оглашеніе описываемыхъ преступленій очиститъ вѣдомство отъ годами накопленнаго сора. Потому считаю необходимымъ заявить всѣмъ печатно и устно обвиняющимъ меня въ „оскорбленіи арміи“, что оскорбляетъ армію и всякаго честнаго служащаго въ вѣдомствѣ, и свою родину, и свой народъ тотъ, кто *замалчиваетъ*, слѣдовательно, *покрываетъ* преступленія, тѣмъ самымъ становясь ихъ участникомъ и достойнымъ кары наравнѣ съ преступниками.

Если генералъ Ростковскій, который все зналъ такъ хорошо, что даже теперь безсиленъ возразить на обвиненія, ясно и опредѣленно документированныя — удаляется отъ исполненія своихъ обязанностей подъ предлогомъ болѣзни, если перечисленные по именамъ, отчествамъ и фамиліямъ члены петербургской пріемной комиссіи могли спокойно прочитать, какіе проценты они брали съ подрядовъ... и даже *ни слова не возразить*, если наконецъ безчисленныя мои тяжкія обвиненія „многихъ генераловъ, занимающихъ видныя должности“ могли окончиться бездоказательными опроверженіями или *телеграммами* о клеветѣ съ *обѣщаніемъ* привлечь или самими привлеченными въ *рѣдкихъ* случаяхъ... или всякими инсинуаціями на меня лично въ большинствѣ анонимными и вовсе голословными, то мнѣ остается одно: минуя непосредственное интендантское начальство, обратиться исключительно съ вопросами къ военному министру, конечно заинтересованному въ томъ, чтобы армія и интендантское вѣдомство были избавлены отъ ихъ позорящаго „сора“.

И въ дальнѣйшихъ оглашеніяхъ фактовъ, позорившихъ армію до ихъ огласки, а послѣ огласки дающихъ возможность очистить армію—я обращаюсь къ военному министру съ опредѣленнымъ и прямымъ вопросомъ.

— Если приводимые мною документы вы считаете ложными— привлекайте меня къ суду немедленно за оглашеніе ложныхъ документовъ.

Если приводимыя мною цѣлыя вереницы писемъ, телеграммъ, докладовъ, донесеній, приказовъ, протоколовъ, показаній, цифровыхъ данныхъ и проч. — являются истинными, то ваша обязанность дать немедленно законный ходъ доказательствамъ чудовищныхъ по своимъ размѣрамъ ограбленій русской казны тѣми, кто долженъ былъ стоять на стражѣ интересовъ страны, арміи и народа.

Если вы, военный министръ, поставлены въ затрудненіе относительно автора настоящихъ статей, меня — Ф. Купчинскаго, на котораго вами получено множество всякихъ порочащихъ меня доносовъ и обвиненій, вродѣ тѣхъ, коимъ уже почти три года пытается дать ходъ генералъ Стессель, вполнѣ достойный своего въ этомъ дѣлѣ помощника Бориса Тагѣева иныхъ лицъ, мнѣ по именамъ неизвѣстныхъ,—я вправѣ требовать и требую немедленнаго привлеченія меня къ суду и слѣдствію по этому преступленіями. Я требую также и надѣюсь на поддержку всѣхъ честныхъ и любящихъ родину людей, чтобы наконецъ было приступлено особой междувѣдомственной комиссіей къ разбору изложенныхъ мною обвиненій, *основанныхъ на опубликованіи документальныхъ данныхъ*.

Въ № 271 „Руси“ я приводилъ текстъ протокола особой комиссіи по поводу негодности принятыхъ интендантствомъ товаровъ, объ огромныхъ размѣрахъ съ точнымъ исчисленіемъ убытковъ, понесенныхъ казною.

Протоколъ этотъ безрезультатно потонулъ въ тайникахъ вѣдомства. Но онъ далеко не единиченъ по такой своей судьбѣ. Вотъ еще нѣкоторыя, задушенныя подъ сукномъ попытки дать торжество правдѣ и служебному долгу.

Въ 1905 году интендантскимъ курсомъ было командировано для практическихъ занятій въ кіевскую пріемную комиссію и обмундировочную мастерскую шесть офицеровъ курсистовъ, перешедшихъ съ 1-го курса на средній. Изъ числа этихъ курсистовъ штабсъ-капитанъ Дейчъ, поручикъ Горецкій и подпоручикъ Григорьевъ (нынѣ капитанъ Дейчъ, капитанъ Горецкій и штабсъ-капитанъ Григорьевъ) представили слѣдующіе отчеты.

1) Штабсъ-капитанъ *Дейчъ* показалъ въ отчетѣ, что сапожный кожевенный товаръ „юфтч“ принимается комиссіей безъ установленныхъ техническихъ изслѣдованій.

2) Поручикъ Горецкій показалъ въ отчетѣ, что кожевенный сапожный товаръ при немъ комиссія принимала безъ всякихъ техническихъ изслѣдованій.

3) Поручикъ Григорьевъ показалъ въ отчетѣ, что сукна, принимаемыя пріемной комиссіей, не могли быть изслѣдованы технической пріемной комиссіей, такъ какъ въ распоряженіи техника совершенно не было нужныхъ для этого химическихъ реактивовъ, а микроскопъ былъ совершенно неисправенъ. Между тѣмъ комиссія не имѣетъ права принять сукна, не изслѣдовавъ его технически, ибо опредѣлить качество шерсти и обнаружить постороннія примѣси (хлопокъ, пенька и проч.) безъ употребленія химическихъ реактивовъ и микроскопа совершенно невозможно.

До сихъ поръ по этимъ отчетамъ нѣтъ никакихъ результатовъ, а кіевская пріемная комиссія принимаетъ, конечно, по прежнему.

Отчеты эти представлены вышеупомянутыми офицерами на имя начальника интендантскаго курса въ августѣ 1905 года... Прошло болѣе двухъ лѣтъ и о нихъ не слышно ничего.

Дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстна.

Куда дѣвались эти документы? Непосвященнымъ въ тайны интендантскія лицамъ покажется, что содержаніе этихъ отчетовъ неважно, но любой интендантъ ясно видитъ, насколько значительно содержаніе упомянутыхъ отчетовъ и насколько убыточно для дѣла и потому преступно ихъ замалчиваніе.

Какова была судьба этихъ отчетовъ, столь важныхъ для всей практики дѣла, генералъ Ростковскій? Что сталось съ ними, спрошу я и генерала Редигера? Вѣдь тутъ не личное дѣло генерала Ростковскаго, а крупная отрасль всего хозяйства арміи, въ которой ходъ дѣлъ не можетъ быть безразличенъ для военнаго министра.

Исторія повторяется.

(Передовая № 283 „Руси“).

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, какъ разъ тогда, когда возникалъ процессъ знаменитыхъ Грегера, Горвица и Когана, объ интендантскихъ хищеніяхъ въ русско-турецкую войну, явилась въ Петербургѣ газета нѣкоего Макшеева, одного изъ интендантовъ,—„Эхо“.

Газета эта весьма усердно лила слезы о томъ, какъ „позорится армія“ всѣми этими инсинуаціями какихъ-то писакъ, не останавливающихся даже передъ генеральскимъ мундиромъ въ своихъ разоблаченіяхъ.

„Русскій солдатъ, доблестно пронесшій свое знамя до воротъ Цареграда, долженъ выносить всѣ эти оскорбленія! Неужели же это не возмутительно?“

Газета забывала, что рѣчь шла не о русскомъ солдатѣ, а о казнокрадахъ, и что русскій солдатъ самъ считалъ этихъ казнокрадовъ для себя „первыми Каинами“.

Но дѣло было не въ правдѣ, а въ томъ, чтобы помочь казнокрадамъ унести ноги, и тутъ, правда — оружіе, конечно, вовсе менѣе пригодное.

Чрезвычайно горячо писала газета, но издавалась недолго. Процессъ интендантовъ кончился и издатель Макшеевъ... пошелъ по Владиміркѣ.

Этотъ эпизодъ намъ невольно напомнили тѣ патріотическія вопленія о поруганіи арміи, которыми современные заступники за интендантское казнокрадство пытаются остановить жестокія разоблаченія г. Купчинскаго и документальныя показанія честныхъ русскихъ людей и поборниковъ своего долга передъ родиной, которые съ энергіей и твердостью поддержали его.

Цѣль ясна, но и конецъ всему этому тоже ясенъ. Онъ не далекъ. Обвиненіе уже и теперь поставлено неопровержимо и снято уже быть не можетъ.

Съ удивительной безтактностью повелъ себя по отношенію къ этимъ разоблаченіямъ „Русскій Инвалидъ“. О русскомъ солдатѣ, объ самой арміи и ея интересахъ онъ совсѣмъ какъ будто забылъ, а помнитъ только о генералахъ и о томъ, сколь генералу непріятно читать о „скандалахъ“, происшедшихъ съ генералами же!

„Ихъ превосходительства“ назвали разоблаченія Купчинскаго „клеветой“, значитъ Купчинскій — недостойный человѣкъ. А что эти превосходительства Купчинскаго къ суду не привлекаютъ, объ этомъ достойная газета — ни гугу! Она не только не рѣшается во имя чести военнаго мундира потребовать въ этомъ отчета у ихъ превосходительствъ“, но и дѣлаетъ видъ будто вовсе и не замѣчаетъ ихъ стыдливости по отношенію къ нелицепріятной Ѳемидѣ.

Авторы, столь угодливые къ генераламъ и столь равнодушные къ солдату, понимаютъ въ вопросѣ дѣйствительной чести и достоинства арміи, конечно, не больше — да извинятъ они намъ за откровенность — любой пролетѣвшей сороки.

Подъ ихъ руководствомъ „Русскій Инвалидъ“ въ этомъ интендантскомъ дѣлѣ совсѣмъ не къ лицу себѣ горячится за

„героевъ“ минувшей войны очень неудачно. Такъ, по поводу одного изъ послѣднихъ писемъ г. Купчинскаго газета строго задаетъ послѣднему вопросъ, играя въ наивную невинность — въ какихъ это номерахъ „Русскаго Инвалида“ „яростно отстаивалась неприкосновенность героевъ Стесселей въ Портъ-Артурѣ“, что г. Купчинскій сказалъ объ „Русскомъ Инвалидѣ“?

Отвѣтимъ за г. Купчинскаго мы, передъ глазами которыхъ за время войны проходила вся непохвальная дѣятельность штабныхъ петербургскихъ канцелярій, которыхъ органомъ былъ „Русскій Инвалидъ“.

Въ какихъ номерахъ „Русскій Инвалидъ“ отстаивалъ „неприкосновенность Стесселей“?

А во всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ этотъ представитель военной рутины и чинопочитанія громилъ попытки газетъ — искренно патріотическія попытки — указать еще во время колоссальнѣйшія прорѣхи нашей военной организаціи, при которыхъ проигрышъ войны былъ впередъ неизбѣженъ, и разоблачить грязную компанію, приготовившуюся расторговаться славой русской арміи, ея боевыми знаменами.

Военная газета шла походомъ на печать, ссылаясь на начальство, которое-де все своевременно знаетъ, о всемъ заботится и все предупредитъ, но теперь мы видимъ, сколько въ этихъ обнадеживаніяхъ было самаго простого угодничества и трепета передъ каждымъ „высшимъ“ и сколько было недостойной лжи.

„Холопство обильно свой плодъ принесло
И срамомъ Россію покрыло!“

Пусть ужъ самъ „Русскій Инвалидъ“ посчитаетъ, сколько номеровъ его за время войны свободны были отъ этого грѣха и сообщитъ намъ эту цифру, а мы ее провѣримъ.

Но это все — однако — былое. А вотъ въ настоящемъ „Русскаго Инвалида“, за которое отвѣтственны нынѣшніе руководители газеты — мы, повторяемъ, съ изумленіемъ встрѣчаемъ по поводу суда надъ „героями“ Портъ-Артура сочувственныя перепечатки такихъ строкъ, въ которыхъ армія выдвигается въ роли ширмы для всѣхъ этихъ героевъ предательства и казнокрадства! „Каковъ народъ, такова и армія!“ имѣетъ наглость именно по поводу суда надъ предательствомъ Стесселя восклицать сочувственно перепечатываемый официальной военной газетой авторъ!

Какъ будто это „армія“ находится подъ судомъ въ дѣлѣ Стесселей, а не только Стесселя!

Стары эти пріемы, и достойными ихъ никто не назоветъ. И тѣмъ генераламъ, которые допускаютъ ихъ въ порученной ихъ такту и отвѣтственности офиціальной военной газетѣ, мы скажемъ за русскаго солдата:

— Стыдно, ваши превосходительства! Казнокрадство и честь арміи—эти два понятія и ребенокъ различитъ, а вы, кажется, ужъ не дѣти!..

XLVIII.

Требованіе взятки черезъ судъ.

Для вящщей убѣдительности непонятнаго индифферентизма высшихъ военныхъ властей къ преступнымъ дѣяніямъ подвѣдомственныхъ чиновъ приведу любопытную бумагу, предъявленную военному министру еще въ августѣ этого года.

Прежде всего изложу обстоятельства дѣла. Рѣчь идетъ о взяткахъ. Антонъ Антоновичъ Парадни (нынѣ умершій) служилъ корпуснымъ интендантомъ 2 кавалерійскаго корпуса (уже расформированнаго). Зная, что безъ взятки въ окружномъ интендантствѣ нельзя получить ничего, онъ вошелъ въ соглашеніе съ секретаремъ подполковникомъ Клейнеромъ и начальникомъ отдѣленія Клеверомъ для полученія заготовки въ 600,000 пуд. ржи комиссіонерскимъ способомъ. Клеверъ — зять казначея Алексѣева „главы шайки, все держащей въ своихъ рукахъ“, какъ мнѣ о немъ пишутъ. Клейнеръ — приближенный г. Любы, варшавскаго окружного интенданта. Заготовка была *устроена*, и проведена черезъ военноокружной совѣтъ, состоящій на откупку въ интендантствѣ въ лицѣ дѣлопроизводителя совѣта и вершителя дѣлъ коллежскаго ассесора Бончъ-Богдановскаго. Парадни получилъ двухсмысленное предписаніе и поѣхалъ заготовлять, уплативъ Клейнеру и Клеверу по 1000 рублей каждому *и получивъ съ нихъ росписки*. Когда заготовка была окончена, то Клейнеръ и Клеверъ пожелали получить съ Парадни еще по 1,700 рублей каждый, но... Парадни умеръ и они пристали къ вдовѣ его. Вдова г. Парадни обратилась къ Скалону съ прошеніемъ, прося „избавить отъ вымогательства взятки“. Клейнеръ и Клеверъ *подали въ судъ*, требуя уже только по 1000 рублей, какъ бы *участники въ заготовкѣ*. Дѣло разбиралось 5 іюня, и судъ, *не признавъ ихъ заготовителями*, въ искѣ имъ отказалъ. На судѣ фигурировали очень инте-

ресныя письма Парадни къ Кленейру, сильно компрометирующія послѣдняго, хотя въ судъ ихъ представилъ самъ Клейнеръ, какъ документъ (копіи писемъ имѣются). Клейнеръ и Клеверъ подали въ судебную палату, но очереди разбора надо ожидать года черезъ 2. Г-жа Парадни тщетно добивается слѣдствія, которое раскрыло бы хищенія и взятки этой оригинальной заготовки, обнаружившей и цѣлую сѣть въ связи съ этимъ находящихся другихъ преступленій.

Вотъ почему, оглашая пока одинъ изъ имѣющихся у меня документовъ: заявленіе военному министру, я спрашиваю министра, куда же исчезло это заявленіе и въ связи съ нимъ другія бумаги, засвидѣтельствованныя и описанныя, копіи съ коихъ я имѣю: заявленіе окружному интендантству варшавскаго военнаго округа одно отъ 2 іюня, другое отъ 18 іюня и, наконецъ, прошеніе генералъ-майору Модлю отъ 22 августа 1907 года.

На всѣ эти бумаги *отвѣта никакого не получено*, хоть гербовый сборъ, установленный закономъ былъ сполна уплаченъ.

Привожу подлинное заявленіе военному министру.

Его превосходительству
военному министру.

Вдовы тайнаго совѣтника,
Софьи Іосифовны Парадни, проживающей въ г. Варшавѣ, по улицѣ Натолинской въ д. № 6.

ПРОШЕНІЕ.

Съ согласія и при широкомъ содѣйствіи окружного интендантства генералъ-лейтенанта Любы, двумя подполковниками варшавскаго окружного интендантства Клейномъ и Клеверомъ (изъ которыхъ первый въ настоящее время назначенъ Карскимъ крѣпостнымъ интендантомъ), въ теченіе почти всего 1907 года производилось вымогательство у меня 2,000 рублей.—Въ началѣ вымогательство это производилось словесно путемъ запугиванія и угрозъ, затѣмъ письменно, и даже чрезъ нотаріуса и, наконецъ, вымогательство съ меня взятки, которую эти штабсъ-офицеры не успѣли получить съ моего мужа, не во время для нихъ умершаго, по ихъ мнѣнію, должно было совершиться черезъ варшавскій окружной судъ, черезъ который эти смѣлые интенданты предъявили ко мнѣ искъ въ 2,000 руб.

Неслыханный до сихъ поръ въ исторіи Россіи фактъ присужденія кореннымъ судомъ взятки, конечно, не совершился и судъ въ искѣ этимъ господамъ отказалъ, но всѣ мои усилія admini-

стративнымъ путемъ добиться слѣдствія и раскрыть крупныя злоупотребленія въ темной исторіи по поставкѣ 600,000 пудовъ ржи (за что эти господа съ меня и требовали 2,000 р.) успѣхомъ не увѣнчались, *несмотря на то, что я обращалась лично къ главному интенданту военнаго министерства и тремя прошеніями къ командующему войсками варшавскаго округа.*

Оставшись послѣ смерти мужа единственною наслѣдницею, я, какъ лицо матеріально заинтересованное въ этой крупной поставкѣ, на сумму свыше 11,000 рублей, послѣ отказа о производствѣ предварительнаго слѣдствія по этой поставкѣ, неоднократно просила о непремѣнномъ производствѣ разслѣдованія, что предоставляетъ мнѣ право ст. 309 кн. XXII Св. В. Пос., но, не смотря на то, что въ законѣ и сказано „военный начальникъ не въ правѣ отказать просящему въ производствѣ предварительнаго слѣдствія“ — жалобы мои оставлялись безъ послѣдствій вопреки ст. 297 кн. XXII Св. В. П., такъ какъ основательность своихъ жалобъ я доказывала представленіемъ документовъ.

Я отлично понимаю, что интендантству не хочется слѣдствія по этой поставкѣ, такъ какъ безкорыстный и энергичный слѣдователь не только въ этой поставкѣ, но, въ связи съ ней, и по другимъ поставкамъ, раскрылъ бы крупныя хищенія, злоупотребленія и другія запрещаемыя закономъ дѣянія, но во первыхъ, я не могу молчать, когда въ томъ дѣлѣ гибнутъ мои 11,400 рублей, а во вторыхъ, мнѣ кажется, что и для Интендантства врядъ ли будетъ выгоднѣе, если я, не добившись законнымъ путемъ правды и права, выведенная изъ терпѣнія, опубликую въ печати имѣющіеся у меня въ рукахъ документы по этому дѣлу и назову всѣхъ причастныхъ лицъ ихъ полными именами?

Въ широкихъ слояхъ общества существуетъ мнѣніе, что хищенія въ Варшавскомъ окружномъ интендантствѣ практикуются въ крупномъ масштабѣ и безнаказанно, а подтвержденіемъ вѣрности этого взгляда служатъ дознанія, произведенныя генералами Губеромъ, Сиверсомъ и Постовскимъ (не давшія результатовъ), и слѣдствіе, которое уже полгода ведетъ судебный слѣдователь по особо-сложнымъ хозяйственнымъ дѣламъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Шіяновъ, на котораго въ обществѣ возлагаются теперь большія надежды, какъ на человѣка, котораго нельзя ни подкупить, ни провести.

Настоящее мое прошеніе есть послѣдняя попытка въ надеждѣ

осуществить свое право: добиться назначенія слѣдствія законнымъ путемъ безъ обращенія къ суду общественнаго мнѣнія путемъ печати, что въ настоящій политическій моментъ я считаю нежелательнымъ и не отвѣчающимъ видамъ правительства, почему васъ, какъ высшаго представителя власти, имѣю честь покорнѣйше просить сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе о назначеніи производства предварительнаго слѣдствія по дѣлу о поставкѣ 600,000 п. ржи для нуждъ Варшавскаго военнаго округа въ потребность 1906 года, поручивъ вѣденіе слѣдствія надежному и опытному слѣдователю.

Засвидѣтельствованную копію моего послѣдняго прошенія къ варшавскому окружному интендантству и его отвѣтъ на это мое прошеніе при семъ представляю, какъ образецъ попранія закона.

Штабъ Варшавскаго военнаго округа чрезъ полицію отзывомъ отъ 30 іюня с. г. за № 13,156 сообщилъ мнѣ, что командующій войсками округа, соглашаясь съ мнѣніемъ окружного интенданта, изложеннымъ въ отзывѣ за № 38991, приказалъ просьбу мою о производствѣ слѣдствія отклонить.

Въ настоящее время всѣ мои прошенія и документы по этому дѣлу сосредоточены въ штабѣ Варшавскаго военнаго округа.

О послѣдующемъ прошу не оставить меня увѣдомленіемъ.

Приложеніе: Засвидѣтельствованное полиціей мое прошеніе къ окружному интенданту и подлинный отвѣтъ на него за № 32539.

Гербовый сборъ уплаченъ.

Вдова тайнаго совѣтника

С. Парадни.

15 августа 1907 г.
г. Варшава.

Настоящее прошеніе съ подлиннымъ вѣрно. Августа 17 дня 1906 г. Приставъ 2 уч. штабсъ-капитанъ

Назимовъ.

Изложенное рисуетъ ярко положеніе дѣлъ, каковое положеніе должно было близко заинтересовать военнаго министра, тѣмъ не менѣе, какъ я уже говорилъ, результатовъ никакихъ не было.

XLIX.

Дорогія заготовки негодныхъ продуктовъ въ Инкоу.

Ниже излагаемая исторія, поразительная по своей явной преступности заготовки, является яркимъ подтвержденіемъ моихъ не-

однократныхъ утвержденій о тѣсной сплоченности хищниковъ и прочной организованности хищническихъ дѣяній въ тылу ближнемъ и дальнемъ.

Посвящаю вниманію военнаго министра разсказъ объ этой удивительной авантюрѣ, результатами которой были: отсутствіе необходимыхъ для войскъ припасовъ и крупныя денежныя потери, понесенныя казною.

Кому первому пришла счастливая мысль произвести заготовку въ Инкоу, это врядъ ли станетъ извѣстнымъ.

Въ архивѣ интендантства манчжурскихъ армій имѣется дѣло «О заготовкѣ въ г. Инкоу», въ каковомъ дѣлѣ, къ сожалѣнію, не указано, кто является иниціаторомъ и можно только догадываться, что иниціатива принадлежала самому градоначальнику этого города г. Гроссе, теперь занимающему постъ, кажется, нашего консула въ Кореѣ.

Въ „дѣлѣ“ есть копія съ телеграммы Намѣстника Алексѣева генералу Куропаткину о производствѣ этой заготовки; мнѣ извѣстно, что Куропаткинъ перепроводилъ копію эту генералу Губеру.

Въ „дѣлѣ“ есть копія съ телеграммы ген. Куропаткина генералу Кондратовичу: купить на нужды арміи въ Инкоу фуражъ.

Можно догадываться, что предполагалось скупить всѣ запасы продуктовъ на случай занятія города японцами, чтобы свезти все это на сѣверъ на нужды нашей арміи, а Инкоу отдать японцамъ безъ провіанта.

Надо замѣтить, что въ Инкоу пшеница, и чумиза и проч. зерновой хлѣбъ могъ быть лишь изъ Манчжуріи, главнымъ образомъ изъ Телина.

Инкоу — портъ у устья р. Ляохе; Телинъ съ мѣстечкомъ Мафагоу — пристань на р. Ляохе въ томъ мѣстѣ, гдѣ р. Ляохе поворачиваетъ съ запада на югъ къ г. Инкоу.

Большая Мандаринская дорога идетъ отъ г. Куанчендзы къ г. Телину; зимою по этой дорогѣ тянутся безостановочно длинныя вереницы арбъ, везущихъ въ Телинъ пшеницу, бобы, гаолянъ, чумизу съ тѣмъ, чтобы весною, по вскрытіи р. Ляохе, все это на джонкахъ свезти въ Инкоу, а оттуда на пароходахъ въ Южный Китай и Японію.

Таково положеніе сбыта, созданное практикой мирной жизни страны.

Отсюда ясно, что выгоднѣе, цѣлесообразнѣе и проще было бы просто воспретить вывозъ хлѣба изъ Телина по рѣкѣ Ляохе или весь запасъ скупать въ Телинѣ.

Но въ разрѣзъ съ соображеніями элементарной логики рѣшили скупать запасъ въ г. Инкоу; кому-то это было выгодно и нужно. Съ первыхъ же шаговъ обнаружилось, что эта скупка намъ не по силамъ. Изъ Телина прибывали все новыя и новыя джонки съ чумизой и пшеницей. Скупали долго и пока убѣдились, что нужно было скупать въ Телинѣ, израсходовали болѣе 200,000 руб. и только тогда прекратили закупку.

Казна понесла очевидный убытокъ: цѣны въ Телинѣ ниже цѣнъ въ Инкоу, это одно, а второе — изъ Телина пшеницу, и чумизу, и рисъ пришлось вновь везти на джонкахъ въ Телинъ, водворяя ее на прежнее мѣсто, тратя непроизводительно новыя суммы! Это кажется настолько комичнымъ, что положительно внушаетъ сомнѣніе читателя въ томъ, что дѣйствительно это было такъ, но изъ дальнѣйшихъ подробностей этого дѣла выяснятся всѣ условія проведенія столь невыгодной и явно преступной авантюры.

Одинъ изъ присутствовавшихъ въ качествѣ подчиненнаго исполнителя этого замысла получилъ 12 мая 1904 г. предписаніе съ датой 10 мая (копія съ коего сохранена и номеръ мнѣ извѣстенъ), гдѣ говорилось буквально такъ:

„Въ гор. Инкоу генераломъ Кондратовичемъ совмѣстно съ градоначальникомъ организована закупка продовольствія и фуража въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Закупленные продукты будутъ отправляться на джонкахъ вверхъ по Ляохе до пристани Мафангоу, а оттуда должны будутъ поступить въ телинскій продовольственный магазинъ. 9-го сего мая въ Инкоу уже отправленъ первый эшелонъ груза съ 33 тысячами пудовъ пшеницы и чумизы“.

Далѣе поручалось изслѣдованіе способовъ храненія продуктовъ. Соотвѣтствующіе документы, обнаруживающіе интересную переписку по этому дѣлу—имѣются.

Организацію отправки продовольствія изъ г. Инкоу въ Телинъ по р. Ляохе принялъ на себя подполковникъ Оболешевъ (генеральнаго штаба). Сколько обошлась эта перевозка, въ точности неизвѣстно, но изъ Инкоу дѣйствительно пшеница и чумиза были перевезены въ Телинъ.

Для сдачи продуктовъ генералъ Кондратовичъ командировалъ капитана одного изъ полковъ своей дивизіи Бринкмана.

Для принятія пшеницы и чумизы въ Телинъ отправлена комиссія въ составѣ подполковника князя Козловскаго, капитана Филонова, капитана Франченко и представителя отъ контроля. Комиссія проработала почти 2 мѣсяца и составила актъ.

Въ Телинѣ стало извѣстнымъ, что по числу двухъ организаторовъ покупокъ въ г. Инкоу г. Кондратовича и г. Гроссе — оказалось и двое подрядчиковъ: Юфанъ-юнъ и У-цунсянъ.

Стало извѣстнымъ, что при насыпкѣ зерна въ мѣшки въ г. Инкоу *никто не присутствовалъ*.

Въ мѣшкахъ оказалось большое количество *песку*, видимо присыпаннаго нарочно.

Если песокъ подсыпали въ дорогѣ, то виновенъ — полковникъ генер. шт. Оболешевъ; если песокъ подсыпали въ Инкоу, то очевидно виновны г. Кондратовичъ и Гроссе; это установить можетъ только судъ.

Такъ какъ количество купленной этими двумя послѣдними пшеницы и чумизы очень значительно, то и убытки были не маленькіе.

Въ Телинѣ вѣсъ чумизы былъ 131,911 п. 15 ф., а пшеницы былъ: 46,457 п. 21 ф.

Комиссія, надо отдать ей справедливость, добросовѣстно разсмотрѣла эти продукты и вотъ результатъ ея экспертизы, поистинѣ безпощадный и позорный для господъ изготовителей.

Оказалось въ числѣ покупокъ генерала Кондратовича и Гроссе:

1) Пшеницы съ нарочно подсыпаннымъ пескомъ и незначительнымъ запахомъ затхлости (таково подлинное выраженіе официальнаго документа, дальше тоже приведены *подлинныя* выраженія) 21,681 п. 1 ф.

2) Пшеницы *негодной, сильно затхлой* — 4,151 п.

3) Пшеницы *подмоченной* и проросшей — 5,480 п. 7 ф.

4) Чумизы *подмоченной* и перегорѣлой — 2,240 п. 30 ф.

5) Чумизы съ *умышленной* примѣсью песку — 10,946 п. 9 ф.

6) Чумизы перегорѣлой и *затхлой* — 4,890 п. 14 ф.

7) Чумизы *сорной* съ большимъ противъ нормальнаго содержаніемъ песку — 113,734 п. 2 ф.

8) Пшеницы *сорной*, пораженной долгоносикомъ — 15,145 п. 13 ф.

Теперь сложите эти числа и вы получите 46,457 п. 21 ф. пшеницы и 131,911 п. 15 ф. чумизы! Буквально количество закупленнаго продукта, которое стоило огромныхъ денегъ и *цѣликомъ* оказалось негоднымъ!

Что отвѣтятъ на это гг. Кондратовичъ и Гроссе?

Кондратовичъ, генералъ генеральнаго штаба, нынѣ командиръ корпуса, былъ послѣ генерала Надарова тоже начальникомъ тыла въ Харбинѣ.

Г. Гроссе – чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, кажется, консулъ въ Кореѣ.

Въ случаѣ новой войны, или даже при мирныхъ надобностяхъ, сколь будутъ продуктивны и выгодны казнѣ заготовки, производимыя этими лицами, предоставляемъ судить военному министру, если онъ заинтересуется дѣломъ и наведетъ о немъ соотвѣтствующія справки.

L.

Еще объ инкоуской операціи.

Меня спрашиваютъ сегодня: чѣмъ же кончилось дѣло съ этой странной заготовкой въ Инкоу? Что же смотрѣлъ контроль? Сдѣланъ ли начетъ на кого слѣдуетъ? Привлечены ли виновные къ суду? Пытались ли возвратить назадъ заготовленный продуктъ или очистить чумизу и пшеницу отъ примѣси песку?

Добавлю, что мнѣ еще извѣстно объ этомъ дѣлѣ.

Итакъ, гг. Кондратовичъ и Гроссе купили негодную чумизу и пшеницу въ Инкоу, сплавили въ Телинъ. Комиссія составила актъ.

Многіе чины интендантства пробовали протестовать, но изъ этого ничего не вышло, такъ какъ деньги подрядчикамъ У-цун-сяну и Ю-фа-юну были уплачены предусмотрительно впередъ. Мнѣ извѣстно, что изъ товаровъ У-цун-сяна было принято казною не все (если основываться на предписаніи отъ 22 авг. 1904 г. за № 11190 управленія интендантства манчжурскихъ армій). Непринятое предложили взять обратно, но... У-цунъ-сянъ такъ обратно негодный продуктъ и не взялъ. Въ рукахъ ревизіонной комиссіи находятся счета Гроссе, Кондратовича и Оболешева.

Къ суду никто привлеченъ не былъ.

Очищать чумизу и пшеницу отъ песку пытались, и это тоже стоило большихъ денегъ. Счета по очисткѣ сорныхъ продуктовъ имѣются. Всѣ счета, конечно, должны быть провѣрены вмѣстѣ. Мнѣ извѣстно, что въ отдѣльности отчеты каждаго изъ участниковъ въ полномъ порядкѣ. Важно сличить счета по цѣнамъ въ Телинѣ и Инкоу, также счета, указывающіе стоимость переправы изъ Инкоу въ Телинъ, стоимость очистки; счета по очисткѣ продукта отъ песку оплатило интендантство, а не виновные. Такимъ образомъ, повторяю: для бумажнаго контроля все есть, что требуется по закону, тѣмъ не менѣе, злоупотребленіе несомнѣнно, хотя опредѣленно виноватыхъ указать можетъ только судъ.

Нужно было очень напрактиковаться въ такихъ операціяхъ, чтобы такъ тонко, ловко и чисто обдѣлывать дѣла.

У другого подрядчика Ю-фа-юна казна товаръ не приняла, но такъ какъ стоимость товара этимъ подрядчикомъ была получена авансомъ, а товаръ обратно онъ, конечно, не взялъ, то его сорную чумизу и негодную пшеницу пришлось volens nolens взять...

Это указываетъ опять-таки, что вниманію слѣдственной комиссіи должны подлежать эти столь удобные способы такого простого прятанія концовъ въ воду.

И овцы цѣлы и волки сыты!

Въ книгѣ „Обзоръ дѣятельности интендантства за русско-японскую войну“ объ этой операціи, конечно, ни звука, но... надо умѣть читать это по истинѣ символическое описаніе дѣятельности интендантства за войну.

„На стр. 19 глава III сказано „вскользь“ объ Инкоу: особенное вниманіе ихъ (т. е. комиссій) при этомъ было обращено на тѣ пункты и пристани, откуда продукты могли направляться на югъ, т. е. къ японцамъ, главнымъ образомъ въ Инкоу на р. Ляо-хе...“

Кто тутъ увидитъ намекъ на инкоускую операцію?

Только, пожалуй, очень немногіе поймутъ желаніе авторовъ указать на необходимость вывоза продуктовъ изъ Инкоу, „чтобы не попались японцамъ“; это могло повести къ закупкѣ и негодныхъ продуктовъ!.. Тонко!

Въ результатѣ въ Телинѣ появился складъ продовольствія, заготовленнаго для нуждъ Манчжурской арміи.

Въ шутку этотъ складъ назвали: „Заготовленія генеральнаго штаба“, намекая на причастность г. Кондратовича и Оболешева, офицеровъ генеральнаго штаба.

Сначала завѣдывалъ имъ подполковникъ князь Козловскій, котораго это завѣдываніе очень тяготило.

Охотниковъ принимать складъ не было. Прошло лѣто. Негодные запасы стояли.

Потеряли Ляоянъ. Сожгли большіе запасы, сосредоточенные вокругъ бывшей главной квартиры. Запасовъ продовольствія оказалось мало.

Тутъ вспомнили про инкоускую заготовку. Деньги все равно заплачены, надо же, наконецъ, хоть какъ-нибудь использовать поступившій въ казну негодный товаръ, оффиціально признанный негоднымъ и принятый лишь по причинѣ нежеланія подрядчиковъ взять его обратно—вернуть свое... Тутъ пошли курьезы.

Пробовали варить изъ чумизы кашу—хруститъ; ѣсть непріятно. Промывали чумизу передъ варкой въ 2 — 3 водахъ — не помогаетъ: хруститъ.

Пробовали всучить чумизу, какъ фуражъ, лошадямъ; ветеринаръ запротестовать и категорически заявилъ, что можетъ появиться такъ называемый „песочный поносъ“.

Послѣ различныхъ совѣщаній рѣшено было... все-таки использовалъ инкоускіе продукты (неправда ли интересно это „все-таки“?!) въ виду недостатка продовольствія вообще.

Рѣшили чумизу очистить, выбравъ лучшую изъ массы закупленной дурной. Такъ какъ машинъ для чистки не было, стали чистить ручнымъ способомъ на сѣткахъ, лоткахъ, какъ это дѣлаютъ китайцы.

Добились наконецъ: хруста въ кашѣ нѣтъ.

Въ это время подоспѣли двѣ мельницы изъ Одессы, кое-какъ стали выжимать пользу изъ заготовки.

Назвали складъ оффиціально: „Складъ инкоускихъ заготовокъ“, дали шнуровыя книги и деньги на чистку. Чумизу всю перечистили всѣ 20,140 мѣшковъ... (хотя тамъ была и затхлая, и перегорѣлая). На пріемѣ было 131,911 пуд. 15 ф., а вычищеннаго зерна „все-таки“ дурного оказалось 86,680 пуд., которое и было „все-таки“ сдано въ магазины Телина, Мукдена и другія.

Если считать, что 46 тысячъ пудовъ было земли, то примѣсь ея къ зерну выразится въ 54 проц., примѣсь, которую комиссія назвала „умышленной“.

Изъ пшеницы только 15 тысячъ пудовъ было перемолото, а 31 тысяча пудовъ, какъ затхлая, такъ и не трогалась, а осталась въ Телинѣ японцамъ на память о русскихъ заготовителяхъ г. Кондратовичѣ и Гроссе.

Операція чистки чумизы (только по двумъ имѣющимся отчетамъ) обошлась 6,322 руб. 30 коп.

Деньги платило интендантство за удаленіе *умышленно* подсыпаннаго въ чумизу и пшеницу песка, оплоченнаго, какъ самая чумиза и пшеница.

Любопытно было бы разсчитать, во что обошелся пудъ этой пшеницы, хотя и „очищенной“, но „все-таки“ и затхлой, и проросшей, и пораженной гніеніемъ и проч.—и сравнить полученную цифру со справочной въ то время цѣной?

Но... это уже задача слѣдственной власти.

Письмо въ редакцію.

Отъ г. А. Власенко по поводу одной изъ статей г. Купчинскаго редакція получила слѣдующее письмо.

Примѣчаніе. Въ № 225 Купчинскій пишетъ, что я велъ крупную игру, проигрывалъ въ одну ставку 38 т. руб., а однажды, проигравши 31 т. руб. и не будучи въ состояніи уплатить ихъ, заплатилъ затѣмъ эти деньги, по полученіи отъ подрядчика въ два пріема 13 и 18 тысячъ.

Въ этомъ эскизѣ вѣрно только, что я игралъ; остальное, въ отношеніи игры — преувеличеніе, а о полученіи денегъ съ подрядчика — неправда. Начавъ игру съ нѣсколькихъ сотъ рублей, я въ теченіе трехъ мѣсяцевъ выигралъ 25 т. и 11 т. имѣлъ за должниками, но затѣмъ проигралъ все, при чемъ размѣры моей игры не имѣли и тѣни подобія съ описаніемъ, сдѣланнымъ Купчинскимъ. Въ тотъ разъ, на которомъ онъ останавливается, я проигралъ 16 т. и, затруднившись внесеніемъ изъ нихъ 9 т. руб., занялъ эту сумму у г. Б., не имѣвшаго никакихъ отношеній къ поставкамъ интендантству. Это было въ началѣ февраля, а въ концѣ мая я возвратилъ деньги г. Б., собравши нѣкоторые долги съ проигравшихъ мнѣ въ карты и съ помощью счастливой игры. Надѣюсь, что г. Б., если до него дойдутъ эти строки, не откажетъ печатно подтвердить ихъ вѣрность.

Въ № 226 Купчинскій, разсказывая о порчѣ мяса, говоритъ, будто она произошла потому, что мясо не потрудились сохранить: не построили для него ледниковъ.

Въ дѣйствительности въ Харбинѣ и Куаичендзахъ было построено нѣсколько ледниковъ съ большими затрудненіями, такъ какъ пришлось рыть ихъ въ промерзлой почвѣ. Благодаря имъ, изъ 500 тыс. пуд. мяса, присланныхъ изъ Россіи, уничтожены только тѣ сильно запоздавшія партіи, въ общемъ 80 тыс. пудовъ, которыя прибыли въ Харбинъ уже попорченными въ большей или меньшей степени (послѣдняя партія поступила 27 апрѣля въ состояніи полнаго разложенія); изъ числа этихъ 80 тыс. пуд. 30 тыс. пришли въ Харбинъ съ юга въ серединѣ марта изъ магазиновъ, опорожненныхъ послѣ Мукденскаго боя. По поводу порчи мяса немедленно было произведено слѣдствіе слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, въ результатѣ котораго, вѣроятно, и было преданіе суду чиновника Гаркушенко, смотрителя магазина, гдѣ хранилось мясо. Судъ, какъ приводитъ Купчинскій, окончился только выговоромъ, надо полагать лишь за мелкія упущенія въ храненіи мяса, такъ какъ при описанныхъ условіяхъ никакіе ледники, никакія мѣры сбереженія не могли предупредить несчастіе.

Въ слѣдующемъ номерѣ Купчинскій, ссылаясь на свидѣтельство лица, близко стоящаго къ дѣлу, утверждаетъ, будто гурты скота куплены были такъ дорого, что пудъ мяса въ общемъ по контрактамъ обошелся не менѣе 60 руб.

На самомъ дѣлѣ, въ 1904 году скотъ покупался по 3 р. 40 к. — 3 р. 50 к. пудъ живого вѣса (т. е. вѣса животныхъ), что по принятому разсчету полученія битаго мяса въ половинномъ количествѣ противъ живого вѣса (на практикѣ получается нѣсколько болѣе) даетъ 6 р. 80 к.—7 р. за пудъ мяса. Съ возобновленіемъ покупокъ скота съ мая 1905 г. цѣны поднялись до 5 руб. 50 коп. пудъ ж. в., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, если не ошибаюсь, даже до 6 р., что произошло отчасти по истощенію уже рынка, а главнымъ образомъ, вслѣдствіе паденія рубля послѣ Мукденскаго боя: туземцы нерѣдко вовсе отказывались принимать наши кредитки, а если брали ихъ, то по очень низкому курсу. Кромѣ того, при критикѣ цѣны надо принять въ соображеніе, во первыхъ, громадность спроса, и, во вторыхъ, то обстоятельство, что въ Манчжуріи мѣстнаго убойнаго скота совершенно нѣтъ, а таковой приводился къ мѣстамъ закупокъ издалека, изъ Монголіи, что значительно удорожало заготовленіе. Скотъ покупался пятью комиссіями, каждая изъ представителей отъ контроля, ветеринарныхъ врачей и интендантства или войскъ.

А. Власенко.

Г. Власенко не отрицаетъ, что онъ игралъ, а подтверждаетъ. Охотно хочется ему вѣрить, что для уплаты проигрыша онъ занялъ деньги у посторонняго лица, къ интендантству не принадлежащаго, что, конечно, мѣняетъ дѣло.

Говоря, что пудъ мяса обходился въ 60 руб., я имѣлъ въ виду колоссальныя затраты, потери на содержаніи гуртовъ, на „падежѣ“ и проч. Продолжаю утверждать, что это было именно такъ, да отчасти это подтверждаетъ и самъ г. Власенко, разсказывая объ испорченномъ мясѣ. 60 руб. пудъ, конечно, не было и не могло быть „справочной цѣной“ при покупкѣ, но во столько обходилось мясо „собственной“ заготовки.

Доходы съ харбинскихъ домовъ терпимости, таксы и поборы.

Грязь, разведенная въ тылу ген. Надаровымъ и отравлявшая армію, заставляетъ заговорить о себѣ опять. Только увидѣвъ ее воочію, можно повѣрить, что было возможно и что дѣлалось въ этой обстановкѣ растлѣнія и безсовѣстной наживы. Въ тяжкой и несчастной войнѣ красной нитью проходили самыя невѣроятныя преступленія большія и малыя большихъ и малыхъ начальниковъ.

Деморализуя войска, причиняя убытки отечественной казнѣ, они приготовляли почву кровавымъ, большимъ неудачамъ.

Какъ ни непріятно возиться съ этимъ вопросомъ, принужденъ къ нему возвратиться, дабы дополнить и исправить тѣ данныя, что были мною приведены въ № 222 газеты „Русь“.

Дальнѣйшее разслѣдованіе представило въ мои руки данныя, по которымъ я съ большой опредѣленностью и большими подробностями могу освѣтить то, что въ вышеупомянутой статьѣ было едва затронуто.

Оффиціальное сообщеніе. Въ нѣкоторыхъ газетахъ помѣщено заимствованное якобы изъ авторитетнаго источника извѣстіе, что, по такъ называемымъ „разоблаченіямъ“ г. Купчинскаго, печатаемымъ въ газетѣ „Русь“, никакого разслѣдованія произведено не будетъ.

Извѣстіе это передаетъ сущность дѣла невѣрно — уже потому, что разслѣдованіе объ усмотрѣнныхъ въ тылу дѣйствовавшихъ армій злоупотребленіяхъ было предпринято еще задолго до появленія упомянутыхъ разоблаченій; нѣкоторые же факты, изъ числа опредѣлительно указываемыхъ г. Купчинскимъ, являются новыми и потому, во всякомъ случаѣ, подлежатъ провѣркѣ, каковая въ настоящее время и производится. Что же касается допущенныхъ г. Купчинскимъ въ его статьяхъ оскорбительныхъ для достоинства нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ имъ лицъ отзывовъ, то лица эти, помѣстивъ въ печати свои объясненія, вмѣстѣ съ тѣмъ заявили о своемъ намѣреніи привлечь автора статьи къ судебной отвѣтственности (О. Б.).

Прежде всего о „таксѣ“, которую категорически отрицалъ генералъ Надаровъ, какъ начальникъ тыла, заявившій, что онъ ее не подписывалъ и не издавалъ, потому что никѣмъ и никогда на утвержденіе его, генерала Надарова, подобная такса предъявляема не была.

Этимъ заявленіемъ генералъ Надаровъ, конечно, хочетъ указать на полную свою непричастность къ этимъ дѣламъ; эту причастность установитъ или отвергнетъ судъ, на моей же обязанности лежитъ огласить имѣющіяся у меня доказательства этой причастности.

Не смотря на то, что подпись генерала Надарова „таксѣ“ мнѣ категорически подтвердили офицеры, которые предлагали показать это и на судѣ, я до сихъ поръ не могъ найти подлинника таксы съ подписью генерала Надарова, но зато получилъ указанія другія, которыя объясняютъ достаточно, почему такса и имя генерала Надарава такъ неразрывно соединилось въ памяти тѣхъ, кто эту таксу видѣлъ.

Если прежде, помѣстивъ въ переданной мнѣ редакціи „таксу“, яко бы подписанную Надаровымъ, я лишь намекалъ на его причастность къ поборамъ, теперь, когда я уже получилъ всѣ необходимые документы для положительныхъ утвержденій, я долженъ сказать, что теперь для меня становится допустимой прямая причастность генерала Надарова къ этимъ поборамъ. Повторяю, что говорю объ этомъ, съ трудомъ подавляя чувство брезгливости, и если бы не необходимость печатнаго освѣщенія печатныхъ же отрицаній генерала Надарова, я предоставилъ бы только суду разобраться въ этомъ дѣлѣ.

Мною полученъ подлинникъ „таксы“, подписанный полковникомъ Заремба, полиціймейстеромъ и предсѣдателемъ врачебно-полицейскаго комитета.

Въ „таксѣ“ помѣщены правила о правахъ хозяевъ и гостей, а равно и *„взиманіи платы съ посѣтителей, занимающихъ женщинъ“* съ соотвѣтствующими цѣнами, при чемъ, какъ свидѣтельствуютъ письменно хозяйки заведеній, расцѣнки бывали различныя.

Въ рядѣ заявленій, подписанныхъ содержательницами заведеній, говорится о колоссальныхъ съ нихъ поборахъ, въ общемъ (считая лишь по квитанціямъ врачебно-полицейскаго комитета) болѣе 100,000 рублей „только съ одной Путевой улицы“ въ три года.

Приведу нѣсколько копій съ имѣющихся у меня подлинныхъ квитанцій и расписокъ.

Квитанція № 100.

Получено отъ М. Бѣляевой

за августъ

и заприходовано по кассовой книгѣ врачебно-полицейскаго комитета — двѣсти семьдесять рублей.

Руб. 270—к. Харбинъ Августа 1 дня 1904 г.

Дѣлопроизводитель (подпись неразборчива).

ШТЕМПЕЛЬ:

Врачебно-полицейскій
Комитетъ Китайско-восточной
желѣзной дороги.

А вотъ другой типъ расписки; штемпель врачебно-полицейскаго комитета уже отсутствуетъ. Номеръ огромный, что свидѣтельствуетъ или о другой нумеровкѣ или о самостоятельной. Подпись уже не „дѣлопроизводителя“, а „за кассира“.

Китайская Восточная жел. дор.
Выдается вносящему деньги.

Расписка № 14150.

Получено отъ Воробьевой.
(прописью): за декабрь мѣсяцъ с. г. въ пользу комитета пятьсотъ двадцать пять руб. (525 руб.)—к.

9 декабря 1905 г. За кассира Петровъ.

Мнѣ объясняютъ, что брали въ мѣсяцъ по 35 рублей съ „комнаты“; въ домѣ числилось 15 комнатъ; слѣдовательно, „подъ расписку“ 525 руб. въ мѣсяцъ, а сколько безъ расписокъ?

Но были еще и другіе поборы, параллельные этимъ; вотъ оригинальная расписка, свидѣтельствующая, что за предлогами далеко не ходили.

Апрѣля 18 дня 1906 г.

Квитанція № 114—2.

Харбинская сторожевая комиссія.

Выдана Г. Бѣляевой домъ № 40 (уч. № 810) въ полученіи ста руб. на содержаніе ночныхъ сторожей.

Казначей М. С... (подпись не разборчива).

Понятно, какъ надо было обирать посѣтителей, если орались съ домовъ такіе страшные налоги въ пользу разнообразнаго начальства „тыла“.

Въ № 50 газеты „Девятый Валъ“, издающейся въ Харбинѣ, я читаю: „группа содержателей домовъ терпимости свидѣтельствуетъ, что такса подписывалась на самомъ дѣлѣ не генераломъ Надаровымъ, а яко-бы полковникомъ Зарембо, но не безъ вѣдома генерала Надарова. Такъ адъютанты генерала Надарова очень часто посѣщали эти дома и требовали, чтобы такса вывѣшивалась на видномъ мѣстѣ. За неисполненіе же этого содержателя штрафовали каждый разъ по 50 руб. По словамъ содержателей, чтобъ имъ не платиться, приходилось съ адъютантами „быть въ ладу“.

Привожу копію съ присланнаго мнѣ подлинника „таксы“, висѣвшей въ домахъ.

Да извинитъ меня вновь читатель за всѣ эти подробности, кои огласить вынужденъ. Эту грязь, это беззастѣнчивое мелкое и крупное взяточничество безчисленныхъ членовъ треста рыцарей наживы — надо помнить — скрывали властители разныхъ ранговъ за военной формой, за оффиціальными бланками, за начальническимъ авторитетомъ. И передъ людьми простыми, достойными и честными, передъ офицерами и солдатами, застилавшими трупами своими чуждыя долины — это было несмываемымъ тягчайшимъ преступленіемъ, которое, повторяю, назвать своимъ именемъ и оцѣнить вполнѣ можетъ только судъ, владѣющій правомъ всесторонныхъ оффиціальныхъ разслѣдованій.

Привожу означенную „таксу“ съ „правилами“.

Объявленіе.

Врачебно-полицейскій комитетъ Вост.-Кит. жел. дор. объявляетъ, что въ цѣляхъ огражденія отъ заболѣванія каждому посѣтителю предоставляется право истребовать у занимаемой женщины ея медицинскій билетъ съ ея фотографической карточкой, изъ которой видна степень ея здоровья по отмѣткамъ освидѣтельствованій, производимыхъ два раза въ недѣлю (по вторникамъ и субботамъ). Дѣвица, не имѣющая такого билета, считается больною и не должна находиться въ залахъ домовъ терпимости и принимать гостей.

Публичному заведенію (такой то) разрѣшено врачебно-поли-

цейскимъ комитетомъ взиманіе платы съ посѣтителей, занимающихъ женщинъ: за время 5 руб., за часъ 10 руб., за ночь 20 руб.

Продажа всякихъ спиртныхъ напитковъ, кромѣ прохладительныхъ, какъ то: чая, кофе, шоколада и др., въ домахъ терпимости строго воспрещается.

Настоящее объявленіе вывѣшивается на видномъ мѣстѣ заведенія въ номерахъ послѣдняго.

Предсѣдатель врачебно-полицейскаго комитета

полковникъ *Заремба.*

Дѣлопроизводитель *Мерцаловъ.*

Какъ видите „объявленіе“ вполнѣ оффиціальное, и подписи генерала Надарова *дѣйствительно нѣтъ.* Но вотъ, что заявляютъ владѣльцы заведеній, скрѣпляя это свое заявленіе длиннымъ рядомъ своихъ подписей. Привожу это заявленіе дословно.

„Мы, содержательницы публичныхъ домовъ въ Харбинѣ въ 1904 г., 1905 г. и 1906 г., утверждаемъ своими подписями, что такія таксы существовали за все время военныхъ дѣйствій.

Утверждаемъ, что таксы эти утверждались и существовали въ силѣ *не безъ вѣдома генерала Надарова*, что подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что *нѣсколько разъ въ недѣлю адъютанты генерала Надарова посѣщали дома и контролировали правильное взиманіе по таксамъ.*

Изъ числа адъютантовъ завсегдатаемъ контролеромъ былъ поручикъ Санджановъ, которому содержателями домовъ *дѣлались даже подарки.*

Кромѣ этой таксы, вывѣшивались болѣе дорогія таксы, напримѣръ, „1-го разряда“: время 10 руб., часъ 15 — 20 руб., ночь 30—35 руб.

Производились придирки къ таксѣ до того, что взыскивались штрафы за то, что такса вывѣшивалась не на видномъ мѣстѣ — до 50 руб. за разъ.

Такія большія таксы были установлены потому, что полиція желала получить больше своихъ (*установленныхъ*) сборовъ. Сборы были установлены такіе:

Каждый содержатель вносилъ по особымъ квитанціямъ по

35 руб. за комнату, безразлично пустыя были комнаты или заняты, за что вносилось каждымъ домомъ до 500 руб. въ мѣсяцъ. Деньги вносились за мѣсяцъ впередъ. Просрочка пяти дней вызывала закрытіе и опечатаніе дома.

Свидѣтельствуемъ, что мы только на начальство (харбинскую полицію и генерала Надарова) и работали, заваленные взятками и другими нелегальными поборами".

(Слѣдуютъ подписи, сохраняющіяся у меня).

Кромѣ этого заявленія, имѣю много другихъ, но... считая уже достаточнымъ приводимаго, не буду оглашать больше подробностей, въ коихъ разбираться, что пойметъ каждый читатель, задача тяжелая и слишкомъ противная; они будутъ представлены суду.

Думаю, что эти обвиненія гораздо серьезнѣе, чѣмъ существованіе подписи генерала Надарова подъ таксами. Если генералъ Надаровъ ихъ не подписывалъ, а приказывалъ подписывать другимъ, причемъ допускалъ адъютантовъ слѣдить за ихъ соблюденіемъ, пусть судъ установитъ таинственную зависимость этихъ заведеній отъ адъютантовъ генерала Надарова, бравшихъ подарки и налагавшихъ штрафы, на содержателей домовъ.

Если являлся адъютантъ, а одинъ называется даже по имени— поручикъ Санджановъ *), то врядъ ли могъ Надаровъ не знать, что его именемъ съ домовъ собирается дань его-же адъютантомъ.

Я не могу обвинять офицеровъ, если они даже и ввели меня въ заблужденіе утвержденіями, что подпись Надарова была, потому что о сборахъ адъютантами Надарова, вѣроятно, было извѣстно многимъ; я считаю это ошибкой памяти (тѣмъ болѣе, что въ гостинницахъ были таксы на номерѣ за подписью Надарова).

И, конечно, дѣло не въ существованіи подписи, а въ существованіи причастности; если была подпись, значитъ причастность была оффиціальной; если подписи не было, но являлся адъютантъ отъ имени начальника тыла, требуя соблюденія таксъ и дачи взятки — то причастность была неоффиціальной, утаенной, а это гораздо серьезнѣе.

...Когда поднимешь голову отъ этихъ бумагъ, свидѣтельствъ

---

*) По поводу Санджанова мнѣ послѣ сообщали, что онъ не былъ будто-бы адъютантомъ ген. Надарова. Несомнѣнно то, что онъ выдавалъ себя за такового; былъ-ли онъ имъ въ дѣйствительности мнѣ самому установить трудно, но онъ дѣйствовалъ отъ имени Надарова.

бланковъ, писемъ, расписокъ и проч..., кажется, какой то чадъ, невыносимый, удушливый поднимается отъ этихъ документовъ и хватаетъ за горло и душитъ.

Такъ геройствовали „герои“ тыла, жестоко и безнаказанно издѣваясь надъ родиной и ея горемъ; къ ея тяжкой болѣзни — войнѣ они присоединили еще и послѣдствія своихъ преступленій; къ ужасамъ войны чудовищной и нелѣпой—они добавили ужасы своего эгоистичнаго грубаго и преступнаго владычествованія.

Исторія дѣяній героевъ тыла должна послужить предметомъ вниманія народныхъ представителей.

Еще о генералѣ Губерѣ.

Въ статьѣ, посвященной генералу Губеру въ № 254 „Руси“, я указывалъ на то, что дѣятельность этого генерала представляется мнѣ свѣтлымъ оазисомъ среди вакханаліи гласныхъ и негласныхъ хищеній, обмановъ и всяческихъ преступленій.

Положительно все, что я знаю о генералѣ Губерѣ, рисуетъ мнѣ его человѣкомъ безспорной нравственной чистоты.

Тѣмъ не менѣе я не могъ не огласить имѣвшійся у меня документъ: запросъ контроля у генерала Губера о подробностяхъ покупки консервовъ отъ г. Верещагина и, оглашая этотъ документъ, обвинившій генерала Губера, я, чувствуя непричастность и невинность генерала Губера, просилъ генерала Губера или знающихъ дѣло людей, разъяснить эту непричастность.

Полученное мною разъясненіе съ чувствомъ особеннаго облегченія помѣщаю сейчасъ. Заявленіе подполковника Горецкаго проливаетъ достаточно свѣта на это дѣло и снимаетъ съ личности генерала Губера всякую тѣнь, подтверждая въ полной мѣрѣ высказанный мною на него взглядъ.

Имѣю множество свидѣтельствъ и признаній отъ разныхъ лицъ офицеровъ и чиновниковъ, служившихъ подъ начальствомъ генерала Губера, ясно подтверждающихъ высказанное.

Если у генерала Губера были ошибки, то именно *ошибки* много работавшаго человѣка.

Но въ ошибкахъ Губера, если таковыя были, конечно, нѣтъ ничего общаго съ тѣми безчисленными преступленіями „героевъ“ тыла, о которыхъ я говорю уже такъ долго. Привожу цѣликомъ заявленіе г. Горецкаго.

М. Г. Въ № 254 газеты „Русь“, въ очеркѣ г. Купчинскаго „Герои тыла“, напечатанъ отзывъ главнаго полевого контролера

при главнокомандующемъ отъ мая 1905 года за № 1149, которымъ контроль запрашиваетъ главнаго полевого интенданта генерала Губера о подробностяхъ покупки консервовъ у г. Верещагина.

Симъ утверждаю, съ готовностью подтвердить документальными данными, что г. Верещагина, какъ самостоятельнаго поставщика, генералъ Губеръ не зналъ. Коммерческая часть Кит.-Вост. желѣзной дороги часто поручала своимъ агентамъ вести съ полевымъ интендантствомъ переговоры по разнымъ предложеніямъ на поставки; въ числѣ этихъ агентовъ въ ляоянскій періодъ не разъ выступалъ и г. Верещагинъ. Телеграмма отъ коммерческой части дороги съ предложеніемъ мясныхъ консервовъ генералу Губеру не была доложена, такъ какъ таковой не получалъ: телеграмма эта во 2-ой половинѣ сентября 1904 г. была получена въ г. Телинѣ, въ управленіи интенданта арміи; генералъ же Губеръ съ нѣсколькими офицерами, въ числѣ которыхъ былъ и я, въ это время находился въ г. Мукденѣ и былъ усиленно занятъ подготовкой въ продовольственномъ отношеніи наступленія нашихъ войскъ къ р. Шахэ и работалъ день и ночь надъ приведеніемъ въ исполненіе продовольственнаго плана. Вышеназванная телеграмма генералу Губеру не была доложена, такъ какъ не имѣла характера предложенія, а была лишь въ видѣ запроса: „не нужно-ли интендантству мясныхъ консервовъ?“ Количество консервовъ и цѣны на нихъ въ телеграммѣ указаны не были.

Въ послѣднихъ числахъ сентября 1904 года въ Мукденъ явился г. Верещагинъ съ предложеніемъ мясныхъ консервовъ отъ коммерческой части Вост.-Кит. желѣзной дороги. Цѣны на предложенные консервы, по сравненію съ цѣнами экономическаго общества, признаны были подходящими, и предложеніе купить консервы было принято. Въ это время происходили бои при р. Шахэ; всѣ раненые эвакуировались въ г. Харбинъ и мясные консервы явились единственнымъ подспорьемъ для довольствія этихъ раненыхъ, такъ какъ въ пути до г. Харбина питательныхъ пунктовъ не было. По требованію генерала Эзерскаго для снабженія санитарныхъ поѣздовъ было выдано 200 тысячъ порцій, Красному Кресту 50 тыс., запасы консервовъ въ войскахъ были израсходованы, а интендантство до начала боевъ располагало лишь 800 тыс. порцій. Разсчитывать на скорый подвозъ консервовъ изъ Россіи было нельзя, такъ какъ много вагоновъ разгру-

жалось въ пути и направлялось порожнякомъ къ Мукдену за ранеными. Видя недостатокъ въ консервахъ, генералъ Губеръ рѣшилъ купить ихъ у коммерческой части дороги и послалъ г. Верещагина въ г. Телинъ въ управленіе полевого интенданта. Генералъ Андро, помощникъ генерала Губера, считая появленіе г. Верещагина въ Телинѣ съ предложеніемъ консервовъ отъ коммерческой части дороги лишь дополненіемъ полученной нѣсколькими днями ранѣе телеграммы отъ назначенной дороги, считалъ излишнимъ переслать телеграмму генералу Губеру и, имѣя его согласіе купить консервы, приказалъ заключить условіе.

О томъ, что коммерческая часть дороги знала, что интендантство закупило при посредствѣ г. Верещагина мясные консервы, свидѣтельствуетъ имѣющаяся въ дѣлахъ телеграмма завѣдывающаго частью г. Лазарева, адресованная въ управленіе, съ просьбой ускорить нарядъ вагоновъ для перевозки консервовъ въ Мукденъ и Телинъ; въ дѣлахъ также имѣется переписка съ начальникомъ военныхъ сообщеній о нарядѣ вагоновъ для коммерческой части на перевозку купленныхъ у ней консервовъ.

Если интендантство г. Верещагинымъ было введено въ заблужденіе, то почему же коммерческая часть дороги не предупредила объ этомъ?

Генералъ Губеръ, получивъ отъ контроля упомянутую въ № 254 „Руси“ бумагу въ маѣ мѣсяцѣ 1905 года, когда эта операція была уже обревизована, былъ крайне удивленъ подобнымъ открытіемъ, произвелъ разслѣдованіе и отвѣтилъ главному полевому контролеру съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ. Отъ контроля послѣдовалъ отвѣтъ, что казнѣ нѣтъ до этого дѣла. Тогда генералъ Губеръ просилъ контролера, если онъ видитъ въ этомъ преступленіе, то пусть направитъ дѣло къ главнокомандующему. Контроль такъ и сдѣлалъ; но генералъ Линевичъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, дѣло это прекратилъ.

Считаю своимъ долгомъ заявить, что генералъ Губеръ не только мнѣ, но всѣмъ своимъ подчиненнымъ въ управленіи, извѣстенъ какъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, не мало потрудившійся въ тяжеломъ дѣлѣ довольствія милліонной арміи. Его свѣтлая личность не можетъ быть омрачена какими бы то не было подозрѣніями. Сотни человѣкъ докажутъ его безукоризненную честность.

Подполковникъ *Горецкій.*

LI.

Еще и еще вниманію военныхъ властей.

(Солома, скотъ, боевые запасы, мясо и проч.).

Дабы не утомлять читателя подробнѣйшимъ разборомъ безчисленныхъ преступныхъ дѣяній тыловыхъ героевъ теперь, когда такъ возросло количество разобранныхъ мною фактовъ, я перечислю *вкратцѣ* еще нѣкоторыя преступныя явленія интендантства тыла, могущія свидѣтельствовать, что описанное мною есть лишь ничтожная часть истины. „Герои“ знали на что они идутъ. Ловко и тонко обдѣлывались дѣлишки и только „по неосторожности“ или наивности „новыхъ людей“ — оставались иногда слѣды въ документахъ. Въ большинствѣ случаевъ даже преступленіе съ формальной стороны обставлялось такъ, что начальству и видѣвшему зло, можно было... расточать узаконенныя поощренія въ видѣ наградъ и повышеній.

Недавно въ „оффиціальномъ сообщеніи“ заявлено, что давно уже производится разслѣдованіе тыловыхъ злоупотребленій; общество желало бы знать, какъ и кто производитъ разслѣдованіе? Можетъ быть, людьми, заинтересованными въ „обѣленіи вѣдомства“, въ „реабилитаціи“ „опозоренныхъ статьями Купчинскаго“ людей, въ сокрытіи или ослабленіи обвиненій?

Мнѣ извѣстно, что при желаніи очень легко замять и потушить старое, запутанное дѣло о любомъ хищеніи, въ большинствѣ имѣющемъ за собою практикой выработанную неуязвимость, покоющуюся на всякихъ „оправдательныхъ документахъ“.

Кому неизвѣстно, что контролю до сихъ поръ приходится вѣрить на слово содержанію многихъ сотенъ пудовъ прибывшихъ среди другихъ „документовъ“—китайскихъ расписокъ, гдѣ услужливые „ходи“ за ничтожныя услуги въ ихъ дѣлахъ писали по китайски все, что у нихъ ни требовали строгіе „капитаны“; иногда, правда, обнаруживалось у китайцевъ желаніе подшутить и наказать: находили „расписки“, гдѣ китайцы писали вовсе не о полученіи денегъ, а Богъ вѣсть о чемъ, но... это тонуло въ шумѣ жизни; этому только смѣялись, не болѣе.

Примѣчаніе. Иркутскъ, 28. Статьи Купчинскаго разоблаченіями вымогательствъ пріемной комиссіи произвели въ здѣшнемъ военномъ и торговомъ мірѣ сильное впечатлѣніе. Строевые офицеры радуются, что сдѣланъ первый смѣлый шагъ къ искорененію зла, понижающаго боеспособность арміи.

А на сколько сотъ милліоновъ недѣйствительныхъ расписокъ китайскихъ лежитъ въ контролѣ, объ этомъ мы, или не узнаемъ никогда, или черезъ десятокъ другой лѣтъ, когда новыя событія новой жизни умчатъ наше вниманіе далеко отъ описываемыхъ тяжкихъ ужасовъ преступной и нелѣпой русско-японской войны.

Вниманію таинственныхъ, невѣдомыхъ обществу людей, производящихъ уже давно, какъ утверждаетъ оффиціальное сообщеніе, свои невѣдомыя разслѣдованія, я рекомендую слѣдующія указанія:

1) Характерно и поучительно прошла заготовка соломы въ Телинѣ комиссіей 4 сибирскаго корпуса черезъ подрядчика Глейзера. Было скуплено этой комиссіей 400,000 пудовъ соломы по 65 коп. пудъ, тогда какъ другой комиссіей въ томъ-же Телинѣ скуплено одинъ милліонъ пудовъ за цѣну почти вдвое меньшую: 39—42 коп. пудъ. Объ этой странной разницѣ въ цѣнѣ зналъ и контроль; не могъ не знать онъ также и того, что эта вторая комиссія увеличила цѣну съ 39 коп. до 42 только потому, что 4 сибирскомъ корпусѣ давали 42 коп., а въ счетѣ показывалось 65 коп. Разница крупная, и какъ ее ни объясняй, преступленіе очевидно.

2) Предлагаю вниманію господъ невѣдомыхъ разслѣдователей отправку огнестрѣльныхъ запасовъ отъ Телина въ Портъ-Артуръ черезъ дворянина Сократа Николаевича Іосселіани.

3) Указываю на заготовку дурной солонины Шидловскаго—заготовку, почему то одобренную самимъ Куропаткинымъ.

4) Оглашаю поистинѣ сказочную стоимость перевозки соли въ февралѣ 1905 года черезъ подрядчика Сцепуржинскаго. 3,500 пудовъ соли стоили казнѣ (стоимость соли) около 3,000 р., а за перевозку этой соли генераломъ Ухачемъ-Огоровичемъ заплачено Сцепуржинскому 52 съ половиною тысячи рублей, т. е. по 15 руб. пудъ стоила одна перевозка изъ Телина въ Чантуфу (всего 60 верстъ разстоянія)! Не могу не добавить, что въ числѣ подрядчиковъ по сей перевозкѣ оказался ротмистръ Костомаровъ, бывшій завѣдующій VI участкомъ полицейскаго надзора по Китайско-Восточной желѣзной дорогѣ.

Въ телинскомъ магазинѣ была получена депеша за подписью того-же генерала Ухача-Огоровича: „выдать грузъ для передачи въ Мукденъ ротмистру Костомарову“.

Мнѣ пишетъ по этому дѣлу хорошо мнѣ извѣстный офицеръ безупречной чистоты:

„Я глазамъ своимъ не вѣрилъ, чтобъ офицеръ, завѣдующій полиціей, занимался подрядомъ по перевозкѣ. Неужели было мало всѣхъ этихъ: Таваркеладзе, Чавчанидзе, Саркисовыхъ, Пашковскихъ, Найдановыхъ... Замѣтьте, ни одного китайца!..“

Въ телинской комиссіи, наоборотъ, всѣ служители были только китайцы; иначе и быть не могло.

Къ чести ротмистра Костомарова нужно добавить, что явился за полученіемъ груза не онъ самъ, а его повѣренный, которому и были выданы грузы, но... вѣдь это сути дѣла не мѣняетъ.

5) Стоитъ вниманія, что на станціи Далай-Норъ, гдѣ заготовлялъ сѣно г. Солдатовъ, сѣно обошлось намъ по 4 руб. пудъ; по сравненію съ пудъ — ничтожна. Солдатовъ — представитель бывшаго министерства земледѣлія; такъ это министерство, въ свою очередь, послужило общему дѣлу, помогая интендантству не пользой вѣдомству въ интересахъ общихъ, а пользой отдѣльнымъ чинамъ въ ихъ частныхъ интересахъ.

Мнѣ пишетъ хорошо извѣстное мнѣ лицо:

„Когда я телеграфировалъ, что скотъ голодаетъ, сѣна купить не могу, пришлите сѣна Хайларъ-Манжурія, то мнѣ прислали сѣно со станціи Цицикаръ, Аньда, а гдѣ же было сѣно Солдатова?“ И далѣе мнѣ говорятъ, что это сѣно въ брилліантахъ какой то госпожи и въ кафе-шантанахъ Читы... Не знаю, насколько это вѣрно и послѣдняго не утверждаю, но предлагаю и это послѣднее, скажемъ, предположеніе въ связи съ вышеизложеннымъ утвержденіемъ вниманію гг. разслѣдователей.

6) Разскажу слѣдующее про сгноенное мясо въ Харбинѣ. Его предполагали сначала сдобрить, т. е. сдѣлать изъ негоднаго хорошимъ. Его перемывали водою, чтобы отнять запахъ, но ничего не вышло; мясо требовало уничтоженія; не помогали ледники системы генерала Козлова, такъ какъ ледъ, положенный прямо на землю и покрытый лишь тонкимъ слоемъ соломы, быстро таялъ. Такіе же ледники были и въ Телинѣ. Вѣроятно, японцы не мало подивились, увидавъ по занятіи Телина эти ледники, но наши голодные солдаты разобрали эти „ледники“ въ дни великаго отступленія отъ Мукдена: солому сжигали, согрѣвая себѣ чай, а ледъ растапливали въ котелкахъ, чтобы добыть воду, такъ какъ краны желѣзнодорожныхъ станцій водокачки не дѣйствовали.

7) Напомню и упомяну вновь о любопытной ликвидаціи дѣлъ г. Парчевскимъ. Уже въ 1907 году корпусному интендантству

пришлось продать съ аукціона 350,000 пудовъ негодной муки. Эта мука продавалась г. Врублевскому. Такъ „ликвидировали“ дѣла Парчевскій и его сподвижникъ Каппель.

8) Въ Хайларѣ у г. Гифа Парчевскій же произвелъ покупку верблюдовъ, почему то помимо комиссіи, которая должна была только „принять“. Купили 300 верблюдовъ по 200 руб., когда красная цѣна вербюду тамъ 50 руб. въ мирное время; ну а тогда максимумъ 80—100 руб., а не 200, такъ что казна понесла убытокъ отъ 30 до 45 тыс. руб.

9) Заявляю слѣдующее о дѣятельности интендантскаго заготовителя г. Другова, пріятеля г. Парчевскаго и въ частности о заготовкѣ скота. (Говорили, что Другoвъ — бывшій денщикъ генерала Надарова). Другову обильно давались авансы. Онъ и до сихъ поръ въ нихъ не отсчитался. Черезъ г. Другова слетѣлъ съ должности такой безусловно честный человѣкъ, какъ капитанъ Рославецъ съ должности предсѣдателя заготовительной комиссіи по закупкѣ скота. Вмѣсто него назначили капитана Алексѣева, которому пошли 20 коп. съ пуда принимаемаго скота и при которомъ началась чума въ гуртахъ. Такая же чума началась и въ хайларской комиссіи подполковника Матвѣева. Взвѣшиваніе было въ ущербъ казнѣ, что подтвердятъ члены комиссіи, такъ какъ и здѣсь скотъ принимался искусственно напаиваемый и накармливаемый. Совсѣмъ иныя пріемки скота были въ другой комиссіи Цицикарскаго (пред. полковникъ Смирницкій; впослѣдствіи смѣнилъ полковникъ Гороховъ). Тамъ скотъ передъ пріемомъ загоняли во дворъ съ вечера, держали его безъ корма и воды не менѣе 15 часовъ и только тогда его взвѣшивали. И это было правильно, такъ какъ не переплачивали за воду и пищу по 5 р. 60 коп. пудъ.

Завѣдующій гуртами въ раіонѣ Цицикаръ-Хайларъ-Манчжурія сдалъ 2,314 головъ; акты о качествѣ скота хранятся; изъ нихъ видно, что 646 головъ скота — негодныхъ (изъ 2,314), о чемъ заявилъ завѣдующій гуртомъ капитанъ Орловскій, прося разслѣдованія и суда. Парчевскій акты не разсмотрѣлъ.

На сей разъ достаточно и этихъ фактовъ.

Пусть гг. разслѣдователи оффиціально дополнятъ или опровергнутъ ихъ, а при надобности мною могутъ быть сдѣланы очень серьезныя, подробныя и доказательныя дополненія.

Наживались на всемъ и всячески.

Торговали всѣмъ... кажется, кромѣ свѣта и воздуха, и первой задачей, первой пламенной страстью было — больше выручить выгоды.

Цинизмъ и дерзаніе нѣкоторыхъ доходили до... примѣра съ солью, перевозка коей на 60 верстъ обошлась 15 руб. съ пуда, но такихъ „незаурядныхъ“, дерзкихъ и неистовыхъ называла молва „ухачами“.

Можетъ быть господа незнаемые разслѣдователи установятъ, къ какой сторонѣ или къ какому берегу Байкала относились эти преступленія, и кто отвѣчать долженъ за нихъ передъ правосудіемъ, если принять во вниманіе, что изъ за нихъ страдали армія, народъ, интересы родины, какъ экономическіе, такъ и политическіе, по ту и по сю сторону Байкала.

Генералъ Надаровъ.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ было помѣщено на десяти столбцахъ возраженіе генерала-лейтенанта Надарова.

Ожидаемый мною судъ заставляетъ меня воздерживаться отъ подробнаго разбора возраженія генерала Надарова.

Въ общемъ его возраженія сводятся къ слѣдующему.

Генералъ Надаровъ называетъ все неправдой и клеветой на него; мелкія обвиненія, основанныя сравнительно на фактахъ мелкихъ, онъ отрицаетъ вовсе; въ болѣе же крупныхъ заявляетъ, что *виноватъ не онъ*, или потому, что крайній предѣлъ его власти былъ „восточный берегъ озера Байкала“ (напримѣръ, систематическія хищенія въ санитарныхъ поѣздахъ, что генералъ Надаровъ вполнѣ подробно и обстоятельно подтверждаетъ) или потому, что это происходило „на западъ отъ Байкала“ (напримѣръ, дѣятельность генерала Хлыновскаго, о которой генералъ Надаровъ заявляетъ дважды, что кается, потому-де ничего не знаетъ...) или наконецъ, что иникриминируемыя мною распоряженія были въ свое время утверждены контролемъ (напримѣръ, о добавкѣ мукомоламъ въ $1^1/_2$ милліона рублей). — Убѣжденъ, что безъ утвержденія контроля не проходило ничего, но... этого еще недостаточно для выясненія дѣла... По поводу затѣи съ поставкой 10 милліоновъ сѣна инж. Михайловскимъ, Надаровъ говоритъ, что это было „не моей затѣей, и не затѣей тыловыхъ управленій и... администрація была тутъ не при чемъ...“

Въ этомъ, по моему, должна разобраться особая комиссія и

если нѣкоторыя изъ моихъ обвиненій должны были бы быть направлены не на генерала Надарова, а на другихъ виновныхъ, это тоже рѣшила бы комиссія или же предварительное слѣдствіе...

Если я въ чемъ ошибся, это тоже разрѣшитъ разборъ дѣла комиссіей, которую и слѣдовало бы назначить для разслѣдованія всего описаннаго мною ранѣе, чѣмъ появились мои статьи.

Генералъ Надаровъ отрицаетъ, что на него произведенъ былъ начетъ, но отчего же онъ не отрицалъ, когда объ этомъ неоднократно упоминалось въ многихъ газетахъ Петербурга?.. Загадочно!..

LII.

Военная заготовка генерала Ростковскаго по сю сторону Байкала.

Разсматривая преступленія, совершавшіяся по обѣимъ сторонамъ Байкала, остановлюсь на заготовкахъ „по сю сторону“, всецѣло лежавшихъ на отвѣтственности генерала Ростковскаго.

Наряду съ расходованіемъ колоссальныхъ суммъ замѣчались сплошь и рядомъ массовыя доставки изъ Россіи продуктовъ дурного качества, почти негоднаго къ употребленію.

По окончаніи войны на основаніи имѣвшихся матеріаловъ былъ составленъ „Краткій обзоръ дѣятельности полевого интендантства въ русско-японскую войну 1904—1905 года“. Красною нитью проходитъ въ обзорѣ положеніе, что интендантское вѣдомство не отстало отъ другихъ отдѣловъ военнаго министерства, отличившись своей неподготовленностью къ войнѣ и неумѣньемъ выполнить возложенныя на него необычныя требованія военнаго времени.

Главнымъ виновникомъ такой неподготовленности, безспорно, является генералъ Ростковскій, бывшій до войны сначала помощникомъ главнаго интенданта, а послѣ и главнымъ интендантомъ.

Вотъ выдержки изъ этого „Обзора“, относящіяся непосредственно къ генералу Ростковскому.

„Будучи поставлено въ мирное время въ рѣзко очерченныя условія обязательнаго поставщика одного лишь провіанта, и само интендантское вѣдомство должно будетъ сознаться въ собственной неподготовленности для выполненія предъявленныхъ къ нему требованій, какъ за неимѣніемъ личнаго состава, такъ и за отсутствіемъ заранѣе выработанной организаціи дѣла“ (Стр. 25 „Обзора“).

Я уже упоминалъ, что въ Харбинѣ интендантство сводnаго корпуса продало нѣкоему пивовару Врублевскому около полумилліона пудовъ испорченной муки по 6—7 коп. пудъ. Казнѣ эта мука обошлась около 3 рублей пудъ. Мука эта высылалась изъ Россіи; слѣдовательно, неумѣніе, незнаніе или недобросовѣстность генерала Ростковскаго въ этомъ дѣлѣ обошлись казнѣ около полутора милліона рублей.

Мука, приходившая изъ Россіи, была плоха. На нее жаловались войска. Хлѣбъ изъ дурной муки выходилъ, конечно, дурнымъ и чтобы исправить эту бѣду, генералъ Ростковскій посылалъ даже спеціальное лицо подполковника Забіакина ознакомлять войска Забайкальской области, какъ выпекать хлѣбъ изъ плохой интендантской муки; то есть онъ былъ посланъ превращать дурную муку въ хорошую.

Надо замѣтить, что сей подполковникъ, будучи казначеемъ управленія интендантскихъ войскъ Дальняго Востока, занимался совершенно гласно ростовщичествомъ, одалживалъ нуждавшимся офицерамъ управленія деньги, взимая за это въ свою пользу проценты.

Комиссія подполковника Забіакина была въ достаточной степени странная. Въ любомъ руководствѣ по хлѣбопеченію можно вычитать положеніе, что изъ плохой муки хорошаго хлѣба выпечь нельзя.

Генералъ Ростковскій считалъ возможнымъ доставлять въ интендантство муку сыромолотую съ 13 проц. влажности. Мука эта въ магазинѣ портится, слеживается, обращается въ комья, вызываетъ лишніе расходы казны на просѣиваніе, сдабриваніе и проч.

Мука иногда солодѣетъ, и хлѣбъ выходитъ совсѣмъ кислымъ, даже горькимъ. Въ интендантской мукѣ 15 проц. отрубей, такъ что изъ трехъ фунтовъ хлѣба солдатъ получаетъ $^1/_2$ фунта отрубей; отруби — недурная приправа для корма скота, но для людей — пища неподходящая, что долженъ же знать генералъ Ростковскій, если ужъ стоитъ во главѣ вѣдомства, питающаго армію.

Интересно, что на торговыхъ рынкахъ есть особый сортъ муки, который такъ и называется „интендантская мука“ по своему огромному проценту отрубей.

Сыромолотую муку *продолжаютъ ставить и теперь*. Интендантское вѣдомство продолжаетъ не обращать вниманія на технику, дающую зерносушилки; можетъ быть является выгоднымъ

молоть сырое зерно,—только ясно, что выгоднымъ не для казны, такъ какъ такая мука, какъ болѣе тяжелая, и стоитъ дороже казнѣ и не выгодна для солдата, получающаго дурной хлѣбъ.

Эта сыромолотая мука не дешево обошлась казнѣ въ минувшую войну.

Посылая сыромолотую муку на театръ военныхъ дѣйствій, генералъ Ростковскій долженъ былъ знать, что такая мука дойдетъ до своего назначенія только въ комьяхъ. Оно такъ и было.

Заготовленная „по сю сторону Байкала“, мука, „на ту сторону“—въ Хайларъ, Фулярди и Харбинъ—приходила комьями. Комья приходилось разбивать, муку просѣивать, сдабривать, иногда даже выбрасывать.

Въ Харбинѣ на знаменитой „4-й верстѣ“ открылась даже цѣлая мастерская „по разбивкѣ комьевъ и обращенію ихъ въ муку“. Все это стоило денегъ; тѣмъ не менѣе все время ощущался недостатокъ въ мукѣ. Въ Хайларѣ и Фулярди тоже занимались разбивкой комьевъ, которые присылались изъ раіона, непосредственно подчиненнаго г. Ростковскому.

Въ Хайларѣ такихъ комьевъ разбили до 100,000 пудовъ.

Въ Фулярди всей работы выполнить не могли и комья посылались въ Харбинъ на 4-ю версту.

Ясно каждому, какихъ „побочныхъ“ расходовъ стоила эта „разбивка“.

Изъ дѣлъ фулярдійскаго магазина можно видѣть, что по распоряженію генерала Парчевскаго (телеграмма его № 11,797) изъ Фулярди было послано на „4 версту“ для просѣва и расхода въ 1-ю очередь 114,000 пудовъ муки (заготовки раіона генерала Ростковскаго).

Какой же хлѣбъ могъ получиться изъ такой муки, которая еще до своего прибытія въ магазины тыла подверглась процессу горѣнія?

Вотъ, между прочимъ, выдержка изъ того же „Обзора“ (стр. 58).

„...Въ 1905 году стала поступать изъ Россіи въ большомъ количествѣ ржаная мука.

Но когда приступили къ расходованію этой муки, то стали поступать жалобы на дурное качество хлѣба“...

А вотъ еще документъ, ясно подтверждающій, что качество муки было дурное, и что изъ такой муки не могло быть хорошаго хлѣба.

Это любопытный „актъ № 170“, составленный 17 мая 1905 года особой комиссіей при участіи представителя контроля г. Сигина.

„Вся мука въ количествѣ 7,300 мѣшковъ скомковалась въ твердые куски и частью слежалась. Въ большей части мѣшковъ загрязненныхъ куски муки пріобрѣли несвойственную ей красновато-желтую окраску.

Означенная въ семъ мука, предварительно пользованія ею для выпечки хлѣба, разбивается большими деревянными болванками, отсѣивается и освѣжается. Хлѣбъ, выпеченный изъ такой муки въ 76 полевой хлѣбопекарнѣ и представленный для пробы, имѣлъ сильный затхлый запахъ и соотвѣтственно этому запаху горьковатый вкусъ; *комиссія считаетъ употребленіе въ пищу такого хлѣба безусловно вреднымъ*; не имѣя же возможности судить о степени этого вреда, а также и раціональности затратъ по измельченію сбившихся кусковъ муки, отсѣиванію и освѣженію ея, считаетъ необходимымъ образцы муки, а равно и хлѣба изъ нея выпеченнаго, представить вмѣстѣ съ настоящимъ актомъ для химическаго изслѣдованія“.

„Подписали: ротмистръ Францкевичъ, штабсъ-капитанъ Вишневецкій, штабсъ-капитанъ Маньковскій, контроль Сигинъ“.

Этотъ аттестатъ, оффиціально выданный генералу Ростковскому, въ большой мѣрѣ подтверждаетъ мои обвиненія. Но если этого аттестата недостаточно, то приведу слѣдующую телефонограмму „отъ 21 декабря 1905 г. за № 3,873 интендантства тыла манчжурскихъ армій“.

„Наблюдающему за хлѣбопеченіемъ капитану Никифорову“.

„Отъ частей войскъ вновь начинаютъ поступать жалобы на недоброкачественность получаемаго изъ хлѣбопекарни печенаго хлѣба. Строжайше предписываю обратить на это серіозное вниманіе; предупреждаю, что при повтореніи подобныхъ случаевъ, строго буду взыскивать. При требованіи изъ магазина муки обязательно получать муку въ размѣрѣ 50 проц. ржаной и 50 проц. пшеничной“.

Подпись: „генералъ Парчевскій“.

Здѣсь, такимъ образомъ, не только констатируется фактъ недоброкачественности муки, но и устами самого генерала Парчевскаго, преподносится выговоръ, конечно, „стрѣлочнику“, а не самому генералу Ростковскому, коему по справедливости сей выговоръ долженъ быть адресованъ, такъ какъ онъ посылалъ съ этой стороны Байкала на ту сторону негодную, сыромолотую муку.

Что эта мука генерала Ростковскаго,—видно изъ самого документа, въ коемъ упоминается о ржаной мукѣ, а ржи въ Манчжуріи не сѣютъ и ржаная мука высылалась изъ Россіи.

Предлагается и любопытное средство, изобрѣтенное генераломъ Парчевскимъ, какъ изъ муки раіона генерала Ростковскаго получить хорошій хлѣбъ: дѣлать смѣсь, мѣшая пополамъ муку ржаную и пшеничную.

Подобное смѣшеніе все время и практиковалось, чтобы хоть какимъ-нибудь способомъ получать пользу изъ той ржаной муки, которая высылалась Ростковскимъ.

О дурномъ качествѣ муки, прибывшей изъ Россіи въ тылъ въ 1905 году, свидѣтельствуютъ многочисленные акты, донесенія смотрителей магазиновъ и проч.

Можно было, конечно, предвидѣть, что мука съ такимъ большимъ процентомъ влажности прибудетъ испорченной на театръ военныхъ дѣйствій и, конечно, генералъ Ростковскій могъ озаботиться своевременно предупрежденіемъ этого неизбѣжнаго результата.

За такую небрежность генерала Ростковскаго или, повторяю, за его незнаніе, или за его недобросовѣстность поплатились интересы казны и войска.

Мало того, что продавалась (и продается теперь) за безцѣнокъ въ Харбинѣ „интендантская мука“ генерала Ростковскаго (также и часть муки заготовки генерала Парчевскаго), но надо учесть и другіе расходы и убытки:

1) Муку, уничтоженную по актамъ разныхъ комиссій. 2) Просѣвку комковатой муки. 3) Утерю при просѣиваніи и разбиваніи.

И слѣдуетъ эти убытки поставить въ серьезную вину генералу Ростковскому.

Въ дѣлахъ магазиновъ тыла имѣются безчисленные акты, приложенія и накладные, счета, свидѣтельствующіе о „добавочныхъ“ тратахъ на муку и указывающіе фамиліи заготовителей.

Есть много данныхъ и объ овсѣ.

Вотъ, напримѣръ, отзывъ въ актѣ № 14 о бунтѣ № 2 овса (въ 1.500 п.); его аттестуютъ „пыльнымъ и затхлымъ; часть его пропитана масломъ и керосиномъ; браку около 500 пудовъ“.

Этотъ овесъ высланъ былъ изъ Кургана, т. е. изъ района генерала Ростковскаго... Можетъ быть это случайность, можетъ быть небрежность, а быть можетъ и преступность, требующая привлеченія къ суду виновныхъ.

Какъ характерный курьезъ упомяну, что овесъ, бывшій, судя по стоимости, одинаковымъ въ сущности, строго раздѣлялся на худшій, лучшій, самый лучшій и отборный, въ зависимости отъ того, кто его требуетъ. Въ тылу овесъ выдавался для офицерскихъ лошадей по особому на каждый разъ предписанію генерала Парчевскаго съ предварительнымъ представленіемъ квитанціи о взносѣ денегъ за овесъ „въ казначейство тыла манчжурскихъ армій“. Предписанія писались по особому шаблону.

„По предъявленіи квитанціи о взносѣ денегъ въ казначейство тыла выдайте такому то столько то пудовъ овса“. Только лицамъ, къ коимъ генералъ Парчевскій питалъ особое почтеніе или дружбу, при требованіи о выдачѣ обычная форма требованія видоизмѣнялась.

Вотъ въ предписаніи Парчевскаго, напримѣръ, № 40.363 2 августа 1905 г. о выдачѣ овса его непосредственному начальнику генералу Надарову сказано: выдать „200 пудовъ самаго лучшаго овса“.

А въ предписаніи того же Парчевскаго 16 мая 1905 года № 23,488 о выдачѣ овса завѣдующему коммерческойчастью Китайско-Восточной желѣзной дороги сказано: „100 пуд. самаго лучшаго, отборнаго качества овса, доставленнаго изъ Европейской Россіи“.

Эти лица платили за овесъ ту же цѣну, какъ и получавшіе овесъ не отборный и не лучшаго качества.

Генералъ Ростковскій, обѣщавшій пролить „яркій свѣтъ на газетную болтовню“ въ своемъ отчетѣ (см. „Русское Слово“ № 231), можетъ быть, также и освѣтитъ, почему была допущена имъ отправка дурной муки изъ Россіи и вычислитъ, какіе убытки потерпѣла отъ него казна и какъ отразилось это на здоровьи солдатъ.

Что дѣлается.

„Освѣдомительное Бюро“ недавно сообщило, что по фактамъ, сообщеннымъ г. Купчинскимъ, ведется разслѣдованіе.

Кѣмъ?

Кѣмъ назначено это разслѣдованіе? Поручено оно нѣсколькимъ лицамъ, или одному лицу? Къ какому вѣдомству это лицо или эти лица принадлежатъ?

Объ этомъ до сихъ поръ никакихъ сообщеній не послѣдовало.

Если о порядкахъ военнаго интендантства разслѣдованіе производится генераломъ Ростковскимъ или кѣмъ-либо по его назначенію, то общество, конечно, не многаго будетъ ожидать отъ такого разслѣдованія.

Между тѣмъ, факты открываются одинъ другого поразительнѣе и внѣшнее безучастіе военнаго вѣдомства къ нимъ уже само по себѣ начинаетъ становиться предметомъ общихъ толковъ.

Необходимо отозваться на нихъ и сообщить—кѣмъ и по чьему распоряженію производится разслѣдованіе указанныхъ возмутительныхъ фактовъ?

Сегодняшній разсказъ г. Купчинскаго о 24 исчезнувшихъ милліонахъ заслуживаетъ особеннаго вниманія.

LIII.

Какъ были израсходованы 30 мил. руб.

О томъ, какъ генералъ Ростковскій и его вѣдомство позаботились во время войны о солдатской обуви, я говорю въ послѣдней главѣ, а теперь разскажу кое-что о заготовкѣ теплой одежды для солдатъ.

Внимательное знакомство съ соотвѣтствующими данными приводитъ меня къ убѣжденію, что война застала наше интендантство совершенно неподготовленнымъ. Когда началась война, только тогда стали заботиться о заготовкѣ теплой одежды, несмотря на то, что война началась въ разгарѣ зимы и теплая одежда требовалась немедленно.

Какъ удовлетворялись войска теплой одеждой, объ этомъ уже я упоминалъ не разъ. Мы помнимъ тревожныя телеграммы съ войны о томъ, что солдаты мерзнутъ, помнимъ колоссальныя пожертвованія на теплую одежду солдатъ и проч. Мы знаемъ также и то, что не мало русскихъ денегъ стоила покупка теплой одежды для мерзнущихъ солдатъ. Потому особенно изумительно и совершенно непонятно, какъ генералъ Ростковскій могъ затратить на заготовку теплой одежды для войскъ Дальняго Востока *тридцать милліоновъ рублей*, не считая вышеупомянутыхъ пожертвованій и закупокъ на мѣстахъ китайскихъ халатовъ?

Можно спросить генерала Ростковскаго, во сколько милліоновъ онъ вогналъ бы эту теплую одежду, если бы была мобилизована вся армія, а не нѣкоторыя части ея?

Брали ли поставщики, пользуясь случаемъ нажиться, а добрый генералъ Ростковскій платилъ, что они требовали; были ли велики „подобные расходы“, вродѣ тѣхъ, что въ петербургской пріемной комиссіи — отвѣтить на этотъ вопросъ трудно мнѣ, — отвѣтить должна та спеціальная междувѣдомственная комиссія, которая будетъ же когда нибудь назначена для разслѣдованія оглашенныхъ преступленій.

Посмотримъ, какъ оправдывается въ этихъ колоссальныхъ

тратахъ самъ ихъ виновникъ, генералъ Ростковскій, который теперь, когда печать заговорила о преступленіяхъ его вѣдомства, поспѣшилъ оффиціально сказать кое-что о затраченныхъ имъ на теплую одежду солдатъ тридцати милліонахъ.

Я говорю объ интересномъ документѣ:

Обращеніе генерала Ростковскаго во „комитетъ по образованію войскъ“ оффиціальнымъ отношеніемъ отъ 10 сентября 1907 г., за № 32,048.

Здѣсь, между прочимъ, можно узрѣть цѣнное указаніе на будущее время: о необходимости всегда имѣть склады и неприкосновенные запасы теплой одежды, такъ какъ при заблаговременной и постепенной заготовкѣ она не будетъ стоить такихъ колоссальныхъ денегъ...

Отношеніе это составлялось во второмъ отдѣленіи главнаго интендантскаго управленія и представляетъ собою очень пространное и весьма любопытное сочиненіе.

Выпустивъ сей документъ изъ стѣнъ своего управленія, конечно, генералъ Ростковскій почелъ себя вполнѣ обѣленнымъ; вѣдь не печать ему указала на огромность затратъ, а онъ самъ *первый* заговорилъ!

Къ сожалѣнію, въ упомянутой бумагѣ не указано количество теплой одежды, закупленной на 30 милліоновъ, поэтому приходится сдѣлать небольшой разсчетъ, уже исходя изъ соображеній элементарной ариѳметики. Численность всѣхъ трехъ манчжурскихъ армій не достигала 500,000 человѣкъ. Если предположить, что одеждой были удовлетворены полмилліона людей, то выходитъ, что теплая одежда каждаго солдата обошлась въ 60 руб!

Между тѣмъ, изъ оффиціальнаго отчета я усматриваю, что „изъ за недостатка полушубковъ наши солдаты ходили въ китайскихъ теплыхъ халатахъ“.

Что же это значитъ? Положительно остается думать, что тутъ дѣло не чисто и должно быть предметомъ серьезнаго судебнаго разбора.

Надо принять во вниманіе, что въ заготовочное время (въ военное время) высшая цѣна предметамъ теплой солдатской одежды была:

полушубокъ	5	руб.	—	коп.
папаха	2	„	—	„
валенки	4	„	—	„
рукавицы	—	„	50	„
Итого вся обмундировка .	11	руб.	50	коп.—самое большее

Такимъ образомъ, если считать по такой расцѣнкѣ, на снабженіе теплой одеждой полмилліонной арміи должно было быть затрачено всего 5.750,000 руб., а никакъ не 30.000,000 руб! каковая затрата совершенно необъяснима, и общество въ правѣ спросить очень серьезно у генерала Ростковскаго, *куда онъ потратилъ остальные* 24.250,000 руб.

Можетъ быть военный министръ нашелъ удовлетворительнымъ и вполнѣ исчерпывающимъ объясненіе генерала Ростковскаго, изложенное въ вышеуказанной оффиціальной бумагѣ, но мнѣ кажется, что каковы бы ни были эти объясненія, они не могутъ быть окончательно оцѣнены однимъ человѣкомъ, а подлежатъ обсужденію особо назначенной междувѣдомственной комиссіи.

Двадцать четыре съ лишнимъ милліона, израсходованныхъ невѣдомо куда, требуютъ коментарій, объясненій, требуютъ подробнаго отчета въ стоимости снабженія войскъ Дальняго Востока теплой одеждой.

Задача Государственной Думы—войти въ министерство военное съ немедленнымъ запросомъ по поводу описываемыхъ перерасходовъ, по поводу преступленій явныхъ и тайныхъ, по поводу милліонныхъ убытковъ, причиненныхъ казнѣ хозяйничаньемъ неподходящихъ лицъ, коимъ по чудовищному и роковому недоразумѣнію было поручено питаніе, одѣваніе и обуваніе арміи, посланной „спасать“ Россію!

Задача властей — немедленно назначить комиссію для разбора выплывшихъ наружу фактовъ; изъ темной глубины невѣдомаго, изъ негласнаго, изъ невѣроятнаго или неточнаго — комиссія должна будетъ извлечь опредѣленныя данныя для обвиненія опредѣленныхъ лицъ въ опредѣленныхъ преступленіяхъ.

Задача печати — настоять на оглашеніи результатовъ труда комиссіи. Всякое оглашеніе печатью любого факта, могущаго нѣчто новое добавить или облегчить такъ или иначе труды комиссіи— *есть заслуга* печати, а не вина ея, какъ то тенденціозно стремятся указать въ большинствѣ случаевъ тѣ, которые почему либо заинтересованы въ тайнѣ.

Какъ отнесся генералъ Редигеръ къ факту очевиднаго расхищенія 30 милліоновъ въ вѣдомствѣ генерала Ростковскаго на теплую одежду для солдатъ?

LIV.

Солдатскіе сапоги.

Солдатскій сапогъ издавна въ интендантскомъ мірѣ считался очень выгоднымъ предметомъ заготовокъ.

Такъ легко поставить немного худшую кожу, а то и старую вмѣсто новой, или въ партіи новыхъ сапогъ вмѣшать старыя, подновленныя пары, которымъ цѣна грошъ. Трудно допустить, чтобы пріемка была столь внимательна и добросовѣстна, что дефекты будутъ замѣчены. Негодность сапога замѣтитъ лишь солдатъ на второй, на третій день носки, когда отскочитъ подошва или разлѣзется голенище, а онъ — солдатъ останется босъ да ещё угодитъ подъ арестъ за „небрежное отношеніе къ казенному имуществу“

Потому особенно тяжко преступленіе тѣхъ, кто въ тяжкіе дни войны занимался заготовкой солдатской обуви, которая сплошь и рядомъ оказывалась негодной, что прежде всего отражалось на здоровьѣ и трудоспособности солдатъ.

Подъ хоръ патріотическихъ ламентацій къ обществу о заботахъ и вниманіи къ „бѣднымъ солдатикамъ“, подъ шумъ роковыхъ, потрясающихъ вѣстей съ далекой, страшной и издали войны, когда на родинѣ трепетали милліоны сердецъ за своихъ близкихъ людей, посланныхъ въ чуждыя земли „спасать Россію“, тѣ, которые были призваны заботиться о солдатскихъ нуждахъ, заготовлять имъ обувь и одежду, безстыдно и позорно обманывая свою родину, грабили солдатъ.

Да *грабили!* и только это выраженіе рѣзкое, безпощадное и оскорбляющее человѣка могу я употребить, оглашая чудовищный цинизмъ тѣхъ манипуляцій гг. заготовителей, которые подготовили такъ успѣшно наши скорбныя неудачи, наши потери, нашъ позоръ.

Я уже приводилъ кое-какія данныя о сапогахъ; въ одной изъ предыдущихъ главъ былъ опубликованъ протоколъ особой комиссіи, гдѣ о сапогахъ было сказано очень опредѣленно.

Возьму кое что изъ любопытнѣйшаго документа о сапогахъ. Тутъ на десяти листахъ сухимъ казеннымъ языкомъ изложены такія вещи, которыя могутъ показаться нормальными лишь лицамъ очень близко стоящимъ къ самому очагу интендантскихъ хищеній.

Сожалѣю, что за недостаткомъ мѣста не могу въ газетной статьѣ привести полностью этотъ любопытный обвинительный актъ гг. сапожныхъ заготовленій мастерамъ, благополучно обувавшимъ солдатъ всю несчастную войну и не менѣе благополучно наполнявшимъ свои карманы.

Бумага, которую я буду цитировать, есть оффиціальное заявленіе главнаго интенданта командующему войсками варшавскаго военнаго округа.

На бумагѣ стоитъ бланкъ: „Министерство военное. Главное интендантское управленіе. Отдѣленіе 4 стол. 1... 18 іюня 1907 г. № 21,844“. Бумага подписана: вмѣсто генерала Ростковскаго генераломъ Поляковымъ и начальникомъ отдѣленія Джаковичемъ.

Изъ этого документа мы узнаемъ нѣчто о качествѣ сапогъ, заготовлявшихся и принимавшихся въ Варшавѣ на нужды войны. Сапоги высылались изъ Варшавы и... часто браковались омской пріемной комиссіей.

I. Сапоги поставки Скотницкаго и Штабзыбы. Хранятся въ продовольственномъ магазинѣ № 1. Количество 50,000 паръ. По поводу этихъ сапогъ производилось дознаніе и вотъ какъ выражается оффиціальный документъ въ качествѣ забракованныхъ сапогъ:

„Сапоги забракованные подраздѣлены производившими дознаніе на 19 категорій брака. Такъ напримѣръ: горѣлый товаръ, трещины въ товарѣ, дыры въ передахъ, напускъ носка, не парные сапоги и т. д., а также сапоги, имѣющіе надписи на голенищахъ внутри, указывающіе на принадлежность ихъ нижнимъ чинамъ...“

Кромѣ того, 11,393 пары безъ клейма пріемной комиссіи. Совершенно забракованныхъ сапогъ безъ малаго 2,000 паръ; двѣ съ половиной сотни изъ нихъ требуютъ починки.

Большинство сапогъ, признанныхъ годными, назовемъ лишь удовлетворительными.

Дознаніе (допросомъ) установило слѣдующія по истинѣ комичныя причины негодности сапогъ.

„...1) Пріемъ былъ спѣшный.

2) Сарай, гдѣ производился пріемъ, былъ темноватый.

3) Монотонность работы утомляла... глаза.

4) Сапоги съ надписями фамилій нижнихъ чиновъ и съ №№ ротъ не принимались и если такіе встрѣчались, то по недосмотру и ошибкѣ комиссіи.

5) Большое вліяніе на процентъ брака возымѣлъ способъ храненія сапогъ. Сапоги хранились въ сараѣ, лишенномъ потолка... и т. д.“

Ну, не смѣшны ли эти оправданія членовъ предсѣдателя и членовъ пріемной комиссіи?..

Монотонность спѣшной работы въ темноватомъ сараѣ безъ потолка... похоже на оправданія нашалившаго не въ мѣру гимназиста первоклассника!

А вѣдь тутъ дѣйствительно „шалили“ не дѣти и съ далеко не дѣтскими вещами.

А вотъ еще.

П. 34,400 паръ сапогъ, хранившихся въ Кременчугскомъ вещевомъ складѣ и заготовленныхъ изъ казеннаго товара, были осмотрѣны генераломъ Сиверсомъ въ теченіе времени отъ 18 ноября по 9 декабря прошлаго года.

Вотъ результаты:

(Я прошу вниманія къ этимъ по истинѣ замѣчательнымъ цифрамъ!)

Годныхъ *по наружному виду*—19,952 пары.

Негодныхъ—12,623 пары.

Требующихъ починки—814.

Съ фамиліями нижнихъ чиновъ (значитъ *старыхъ*)—44.

Оказались сапоги: съ плохими подметками, съ подрѣзами въ передахъ и подошвахъ, а также глубокія ссадины въ товарѣ.

Были генераломъ Сиверсомъ опрошены слѣдующія лица, какъ фактически принимавшія эту партію сапогъ, такъ и имѣвшія наблюденіе за пріемомъ:

Отъ интендантства: подполковникъ Александровъ, полковникъ, нынѣ генералъ-маіоръ Діаковъ, генералъ-маіоръ Векиловъ.

И отъ войскъ:

Штабсъ-капитаны 189 пѣх. Бѣлгородскаго полка Подсыпанинъ и Никитинъ, Л.-гв. Волынскаго полка поручики Медеръ 3 и Чарыковъ и Л.-гв. С.-Петербургскаго полка полковникъ Леонтьевъ.

Подполковникъ Блохинъ, прапорщикъ Куманинъ и поручикъ Лучанинъ — допрошены не были „за ихъ переводомъ въ другую часть и увольненіемъ въ запасъ“.

Допрошенные заявили, что они браковали только работу, а не самый товаръ, такъ какъ сей худой товаръ былъ *казенный*.

Оправданіе на этотъ разъ уже не дѣтское, а преисполненное

затаеннаго трагизма: какъ было браковать другими принятый *негодный* матеріалъ?.. подводить другихъ?..

А вотъ и еще.

III. Въ омскій вещевой складъ было выслано изъ Варшавы двумя партіями и принято вещевымъ складомъ 58,125½ паръ сапогъ 29,750½ паръ черненныхъ и 28,375 паръ желтыхъ. Были признаны негодными: (по 5 категоріямъ брака) 34,507 паръ желтыхъ и *20,830* паръ черненныхъ въ томъ числѣ и 4,091 пара, бывшихъ въ употребленіи и съ фамиліями нижнихъ чиновъ.

Всего забраковано: 25,337 паръ, что составляетъ *23,7* процентовъ для желтыхъ сапогъ и *99,6* процентовъ для черненныхъ сапогъ.

Сапоги браковались за ихъ очевидную безусловную недоброкачественность (гниль, дыры въ товарѣ и проч.). Было явно констатировано грандіозное злоупотребленіе, въ коемъ одно лицо или даже нѣсколько лицъ не могли быть отвѣтственны, такъ какъ для совершенія подобныхъ преступленій должна была быть большая солидарность.

Вслѣдствіе постановленія ревизовавшей комиссіи было рѣшено бракованные сапоги отправить въ Варшаву за счетъ виновныхъ... Съ виновныхъ же вычесть убытки, но такъ какъ эта надежда невыполнима, то, гласитъ оффиціальная бумага — *„приходится убытки принимать на счетъ казны“*.

Изъ бумаги не видно, чтобы кто нибудь былъ подвергнутъ суду и вообще о подобныхъ вопіющихъ фактахъ говорится, какъ о чемъ то нормальномъ тономъ, канцелярскаго ординарнаго отчета.

Иду далѣе:

IV. „Сапоги поставки Брегмана въ количествѣ 57,000 паръ выпущены были на довольствіе войскъ за исключеніемъ *16,126*½ паръ, признанныхъ негодными“.

Посмотримъ, какъ отозвался военный министръ на эти результаты дознаній, обнаружившіе несомнѣнныя *преступленія*:

Цитирую:

„Военный министръ на основаніи данныхъ, добытыхъ произведеннымъ дознаніемъ, просмотромъ сапогъ и показаніямъ чиновъ временной варшавской комиссіей нашелъ, что:

а) Въ дѣйствіяхъ чиновъ пріемной комиссіи по пріему указанныхъ партій сапогъ, едва ли можно признать наличіе какого либо злого съ ихъ стороны умысла.

б) Пріемъ не отвѣчающихъ условіямъ заготовки сапогъ, слѣдуетъ отчасти объяснить крайней спѣшностью пріема, его условіями, а также способомъ храненія.

в) Тѣмъ не менѣе, присутствіе среди принятыхъ сапогъ значительнаго количества сапогъ ношенныхъ (7,768 паръ въ одной партіи, 4,091 въ другой, 11 паръ лишенныхъ подметокъ и т. д., указываетъ на *крайнюю небрежность* и поверхностность отношенія чиновъ пріемной комиссіи къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ, каковая небрежность, будучи весьма существенной, требуетъ къ чинамъ пріемной комиссіи серьезныхъ мѣръ дисциплинарнаго взысканія...

О громадномъ процентѣ омской пріемной комиссіи, военный министръ говоритъ, что это есть „результатъ слишкомъ строгаго отношенія омской пріемной комиссіи“...

Далѣе военный министръ, предъ которымъ прошли всѣ описанія дефектовъ, говоритъ, что виновные должны отвѣтить матерьяльно возмѣщеніемъ убытковъ въ мѣсячный срокъ... по благоусмотрѣнію варшавскаго военно-окружнаго совѣта... А такъ какъ преступленія, главнымъ образомъ, имѣли мѣсто въ Варшавѣ, то... усмотрѣніе для виновныхъ было именно „благое“.

Мнѣ представляется, что тутъ были результаты не „крайней небрежности“, какъ мягко выразился военный министръ, а „крайней преступности“.

И мнѣ еще представляется очевиднымъ, что всѣ описанные результаты провѣрки качества сапогъ, заготовлявшихся въ Варшавѣ, находятся въ большой связи съ Петербургомъ. Не буду томить читателя выводами, въ которыхъ онъ не будетъ твердо убѣжденнымъ, если я не приведу фотографическаго снимка со слѣдующаго письма.

Настоящее письмо писано статскимъ совѣтникомъ Денисовымъ, Генриху Михайловичу Кенигсбергу.

Какъ видно, рѣчь идетъ объ устройствѣ поставки.

Мнѣ передаютъ небольшую подробность: среди людей очень близкихъ д. с. с. Денисову есть личный другъ генерала Ростковскаго генералъ-лейтенантъ Сперанскій. Если это такъ, то быть можетъ генералу Ростковскому возможно было знать, что д. с. с. Денисовъ просилъ объ уплатѣ ему, Денисову, съ каждой пары сапогъ, шестьдесятъ копѣекъ, а 8 коп. съ пары впередъ, такъ сказать—въ видѣ аванса. Не потому ли сапоги были негодными?..

Объясните, генералъ Ростковскій! Объ этомъ молчать вы уже не можете!

17 Февраля 1906

Милостивый Государь
Г Михайлович.

При семъ посылаю Вамъ бумаги изъ которыхъ Вы увидите подробное описаніе сапогъ, а также сапоги-образецъ, каковые сапоги Интендантство получаетъ отъ своихъ подрядчиковъ и по этому образцу Вашъ фабрикантъ можетъ судить, что необходимо доставить, само собою разумѣется, что сапоги иностранцевъ должны быть лучше.

Прошу мнѣ вернуть поскорѣе и сапоги и бумаги, такъ какъ это мнѣ необходимо имѣть подъ рукою всегда.

Скажите Вашему фабриканту, что если вопросъ о пошлинѣ его не стѣсняетъ, то дѣло сдѣлано. На раздумье и разсчёты я могу дать время только 1½ недѣли, такъ какъ являются нѣмецкіе фабриканты, которые хотятъ взять тоже одинъ милліонъ паръ и не хотятъ хлопотать о пошлинѣ. Разсчитывая на то что Ваше предложеніе будетъ выгоднѣе я хлопочу о Нѣмцахъ отложить на одну недѣлю, но не болѣе.

Скажите чтобы выслали со своей фабрики три-четыре пары сапогъ на образцы.

При взятіи подряда необходимо внести залогъ 10% со всей суммы подряда. Залогъ освобождается по мѣрѣ сдачи сапогъ.

Въ день подписанія контракта необходимо уплатить 8 коп. съ пары, или съ 1 000.000 80.000. рублей.

Ваша фабрика должна будетъ заплатить съ каждой пары сапогъ шестьдесятъ коп.

Вотъ условія подряда. — Желательно также при заключеніи контракта 1/3 съ причитающейся въ нашу пользу суммы получить впередъ, это весьма желательно.

Прошу дать отвѣтъ скорѣе

Послѣсловіе къ „Героямъ“ тыла.

I.

Краснорѣчивое молчаніе.

...Проходитъ мѣсяцъ и два, а генералъ Ростковскій и военное министерство не считаютъ необходимымъ что либо возразить на опубликованные мною документы и цифры, свидѣтельствующіе съ безпощадной явностью о томъ,

что 1) война обошлась дороже, ввиду несомнѣнныхъ милліонныхъ злоупотребленій;

что 2) преступленіями была переполнена дѣятельность многихъ и многихъ крупныхъ чиновъ, вѣдавшихъ питаніемъ и одеждой полумилліонной арміи;

что 3) эти преступленія совершались равно и по ту, и по сю сторону Байкала, отъ Портъ-Артура до Петербурга, какъ въ Портъ-Артурѣ, такъ и въ самомъ Петербургѣ...

Эти преступленія были настолько значительны, что серьезно вліяли на успѣхъ военныхъ нашихъ дѣйствій; обременяя казну излишними расходами, эти преступленія обрекали на болѣзни, холодъ и голодъ армію, посланную „спасать Россію“.

Эти преступленія ложились и лежатъ до сихъ поръ позорнымъ несмытымъ пятномъ на арміи, вовсе неповинной въ томъ, что порою власть ввѣрялась людямъ бездарнымъ, или недобросовѣстнымъ, или даже явнымъ аферистамъ.

Эти преступленія мрачной и скорбной тѣнью легли на память славно, честно и доблестно погибшихъ безвѣстныхъ безсчисленныхъ людей, коихъ гибель на ряду съ этими чудовищными преступленіями обидно и больно, стала въ нашихъ глазахъ напрасной гибелью.

Преступленія отдѣльныхъ людей хотя бы и значительныхъ начальниковъ не должны своимъ упрекомъ ложиться чернымъ позоромъ на армію, и потому должны быть отдѣлены отъ арміи

тѣ и другіе, которые въ дни жестокихъ и обидныхъ пораженій, когда оскорбленная родина обливалась кровью и слезами — торговали ея горемъ.

Должны быть отдѣлены и выкинуты изъ арміи тѣ, кто, прячась подъ громкіе и слезливые приказы, совершали тихо крупные и мелкіе грабежи драгоцѣнныхъ денегъ, съ потомъ и кровью выжатыхъ изъ народа.

Если военное начальство можетъ спокойно читать, какъ описываются преступленія, совершавшіяся уже здѣсь, въ Петербургѣ, въ высшихъ „владычествующихъ“, такъ сказать военныхъ слояхъ — и молчать, упорно молчать, несмотря на очевидную необходимость дать обществу отчетъ въ дѣйствіяхъ высшаго министерства за минувшую войну, такъ дорого стоившую Россіи — то обществу ясно, что военному начальству на эти прямыя обвиненія возразить нечего. И если это такъ, то обязанность Государственной Думы выдѣлить комиссію для точнаго и подробнаго разслѣдованія преступленій.

Моя же обязанность, разъ уже мнѣ выпала на долю необходимость говорить объ этихъ преступленіяхъ, моя обязанность — идти дальше, чтобы еще опредѣленнѣе и яснѣе поставить обвиненія, дабы онѣ стали, наконецъ, предметомъ судебнаго разбора.

По поводу написаннаго мною о генералѣ Надаровѣ уже ожидается судъ и будетъ произведено судебное разслѣдованіе для выясненія опубликованнаго мною, потому не стану пока болѣе касаться генерала Надарова.

По поводу генерала Хаскина не могу не выразить крайняго моего удивленія: онъ счелъ возможнымъ и удобнымъ для себя предъявить ко мнѣ обвиненіе въ *диффамаціи*, т. е. значитъ, генералъ Хаскинъ, признавая по существу описанное соотвѣтствующимъ истинѣ (хотя онъ и протестовалъ противъ написаннаго)— претендуетъ лишь за оглашеніе, его оскорбляющее.

Эта 1,039 статья, еще по странному недоразумѣнію не изъятая изъ устава уг. улож., во всѣхъ случаяхъ своего рѣдкаго примѣненія создавала всегда большую неловкость для честнаго обвинителя; генералъ Хаскинъ неловкости этой не убоялся.

Генералъ-же Ростковскій рѣшилъ молчать.

Я сказалъ, что С.-Петербургская пріемная комиссія беретъ систематически взятки съ подрядчиковъ въ размѣрѣ 10 проц., я указалъ, какъ распредѣляются взятки эти среди опредѣленныхъ членовъ комиссіи, коихъ назвалъ *по именамъ, отчествамъ и*

фамиліямъ, поставивъ передъ каждымъ изъ нихъ соотвѣтствующій ихъ *обычнымъ* размѣрамъ аппетита процентъ съ проводимыхъ поставокъ,—генералъ Ростковскій промолчалъ и *промолчали всѣ до одного члены комиссіи*!

Ни одинъ не протестуетъ, ни одинъ не прислалъ ни одного возраженія, ни одинъ не привлекъ къ суду, значитъ несомнѣнность преступленія, вошедшаго въ норму, ставшаго обычаемъ — ясна.

Къ вопросу о взяткахъ, установленныхъ въ петербургской пріемной комиссіи, я принужденъ сдѣлать нѣкоторыя дополненія.

Помимо тѣхъ 10 проц., что уплачиваются поставщиками пріемной комиссіи и въ вещевой складъ, о которомъ уже упоминалось, подрядчики несутъ слѣдующіе расходы. Если поставка не касается капитальныхъ издѣлій (сукна, сапожный товаръ, холстъ и т. п.), то на торгахъ участвуютъ подрядчики, сами ничего не производящіе, но являющіеся посредниками между казною и производителями.

Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ такъ называемыя „отступныя“, уплачиваемыя особаго рода хищникамъ, вмѣшивающимся со спеціальной цѣлью сорвать торги, если не получатъ извѣстнаго процента.

На торги на капитальные предметы являются крупные производители-фабриканты и потому объ „отступныхъ“ тутъ нѣтъ и рѣчи.

Однако въ обоихъ случаяхъ поставщики несутъ слѣдующіе расходы:

На торгахъ въ окружномъ совѣтѣ необходимо дать дѣлопроизводителю совѣта, а въ окружномъ интендантствѣ—соотвѣтствующимъ: начальнику отдѣленія и столоначальнику. Если торги далѣе представляются на утвержденіе военнаго совѣта, то тутъ необходимо дать соотвѣтствующимъ чинамъ главнаго интендантскаго управленія, отъ которыхъ зависитъ — направить ли торги на утвержденіе или неутвержденіе военнаго совѣта.

Утвержденіе торговъ, заключеніе контракта производится въ окружномъ интендантскомъ управленіи согласно закону въ 3-хъ недѣльный срокъ со дня объявленія объ утвержденіи подряда.

Для поставщика важно какъ можно скорѣе заключить контрактъ, чтобы получить задаточныя деньги на покупку матеріала-сырца, а потому вновь — плата чинамъ окружного интендантства. (Законъ для облегченія поставщиковъ, дабы ихъ не вводить въ

излишніе расходы, разрѣшаетъ выдавать впередъ деньги подъ представляемыя ими процентныя бумаги. Такія выдачи погашаются по сдачѣ заподряженнаго изъ причитающихся къ уплатѣ суммъ).

Далѣе, такимъ образомъ, сдача и тѣ 10 проц., о которыхъ я писалъ (см. помѣщенное письмо С. Е. Писарева).

Но при сдачѣ такихъ фабрикатовъ, какъ сукна, хлопчато-бумажная ткань, аллюминевые предметы (капитальныя поставки), пріемныя комиссіи должны представлять для изслѣдованія образцы, поставляемые въ техническій комитетъ главнаго интендантскаго управленія — и тутъ вновь надо платить чинамъ комитета.

Но вотъ поставка кончена и слѣдуетъ уплата денегъ.

Такая уплата должна быть произведена не позже 2-хъ недѣльнаго срока со дня представленія квитанціи о пріемѣ товара; ускореніе же уплаты зависитъ отъ окружного интендантскаго управленія.

Подрядчику, какъ торговцу, нужна скорѣйшая получка для коммерческихъ своихъ оборотовъ и вотъ вновь надо платить чину окружнаго интендантства, выдающему талонъ къ ассигновкѣ.

Всѣ перечисленные „расходы“ поставщики перечисляютъ къ платѣ за поставляемый товаръ, и казна, разумѣется, платитъ эти расходы.

Вслѣдствіе всего сказаннаго, товаръ казна получаетъ плохой и несетъ вдвойнѣ убытокъ.

Это, конечно, еще далеко не все, что можно было бы разсказать о нравахъ въ интендантствѣ; подожду, пока дальнѣйшее молчаніе генерала Ростковскаго и безучастіе военнаго министра не укажутъ мнѣ на необходимость говорить еще и еще!..

II.

Открытое письмо подполковника Верховцева.

Военное министерство выпустило о моихъ статьяхъ сообщеніе, въ которомъ утверждаетъ, что мои разоблаченія основаны на „слухахъ“ и не заслуживаютъ довѣрія. Это въ то время, когда я въ каждой почти статьѣ предлагаю серьезному разслѣдованію представить документы и ряды свидѣтелей!! Я вернусь завтра къ этому сообщенію, пока же приведу письмо подп. Верховцева по одному моему сообщенію, тоже основанному на „слухахъ“. Дѣлаю это потому, что авторъ письма кстати прямо настаиваетъ на его напечатаніи немедленно. Генералъ Федоровъ обвинялся мною

въ серьезныхъ преступленіяхъ. Въ „Рус. Инв.“ появилось его письмо „Моимъ лже-обличителямъ“, гдѣ онъ силится доказать свое alibi.

Подп. Верховцевъ отвѣчаетъ на это письмо ген. Федорову.

Я ОТКЛИКАЮСЬ!

Я, подполковникъ Николай Сергѣевичъ Верховцевъ, одинъ изъ тѣхъ къ несчастью окончившихъ „Интендантскіе курсы“, которыхъ генералъ-лейтенантъ Федоровъ въ № 220 и 221 „Русскаго Инвалида“ называетъ: мстителями, лже-обличителями, клеветниками и лжецами, но фамиліи которыхъ, открыть всетаки не рѣшается.

Я принимаю вызовъ, хотя весьма удивленъ, что 42-лѣтняя служба генералъ-лейтенанта Федорова не помѣшала ему нарушить обычаи военной среды и допустила выраженія, которымъ не мѣсто среди носящихъ мундиръ.

Еще болѣе удивленъ я тѣмъ обстоятельствомъ, что „клевета“ существовала уже болѣе двухъ лѣтъ, а генералъ Федоровъ сталъ на нее реагировать только теперь, послѣ публичныхъ выступленій г. Купчинскаго. Неужели генералъ Федоровъ допускаетъ возможнымъ, что я когда нибудь примирюсь съ испытаннымъ, во время службы съ генераломъ Федоровымъ, незаслуженнымъ позоромъ и выжидать.

Вѣдь клевета заключаетъ въ себѣ извѣстное поруганіе чести, а потому не можетъ идти вровень съ тухлой интендантской крупой, которую можно не принять, или принять: „по нуждѣ и приказанію начальства“.

Я долго ждалъ голоса генерала Федорова и пользуюсь теперь случаемъ доказать на чьей сторонѣ клевета, на чьей — правда; причемъ отбрасываю все, что не идетъ къ дѣлу, какъ то: многолѣтнюю службу, самовосхваленіе, награды, аттестаціи, душевныя качества, родственныя узы, я буду брать только факты, занесенные факты. Помимо всѣхъ партійныхъ взглядовъ, которыхъ я, какъ офицеръ, не имѣю, я прошу стоящую за правду печать перепечатать настоящее письмо.

Отвѣчаю по пунктамъ:

1) генералъ Федоровъ былъ старше генерала Губера; разъясненіе о равенствѣ правъ ихъ появилось послѣ прибытія генерала Федорова въ армію. Фактически распорядки давалъ генералъ Губеръ, младшій—старшему генералу Федорову. Служебное положеніе изъ не завидныхъ.

Если генералъ Федоровъ и не просился въ интенданты, о чемъ, кажется г. Купчинскій и не пишетъ, то во всякомъ случаѣ онъ съ положеніемъ мирился.

2) Усердно ли или не усердно просилъ генералъ Федоровъ о предоставленіи ему строевой должности у командующаго манчжурской арміей, объ этомъ г. Купчинскій, вѣроятно, не знаетъ, потому что не пишетъ; вѣроятно, не знаетъ также, почему генералъ Федоровъ, послѣ усердныхъ просьбъ, вмѣсто строевой, оказался на интендантской должности.

3) Послѣ отданія генераломъ Батьяновымъ напечатанныхъ въ „Руси“ приказовъ и учрежденія „опеки“ надъ генераломъ Федоровымъ, всякій на его мѣстѣ не только ходатайствовалъ бы объ отчисленіи, но просто на просто отчисленіи, вѣдь это уже былъ вопросъ самолюбія.

4) Генералъ Ростковскій черезчуръ опытный человѣкъ, знающій интендантство, онъ прекрасно понималъ, что значитъ служба въ интендантствѣ со „своими людьми“. Вѣдь отказъ былъ генералу русской службы. Нужно же было придумать соотвѣтствующую редакцію. А даже со стороны ясно, что одесское интендантство было изъ наиболѣе свободныхъ. Что шло въ армію изъ Одессы? Это не Варшава и Москва.

Какъ же подполковнику Томину не имѣть прекрасной аттестаціи, если, какъ видно изъ словъ генерала Федорова, она постоянно давалась симъ послѣднимъ, и въ полку, и въ Одессѣ, и на войнѣ.

5) Что Николаевъ сдѣлалъ свое дѣло—это для меня новость. Николаеву была отдана поставка 30,000 уллъ *) на 69 тысячъ—хороша мелочь. Это черезъ меня; есть документы. Положительно знаю, что онъ ставилъ мясо и продукты (документы тоже будутъ).

6) Генералъ Федоровъ покупалъ сахаръ, сапоги, чего, кстати сказать, могъ не дѣлать, уллы, скотъ; что же можно было еще заготовить, разъ провіантъ и фуражъ заготовлялъ тылъ?

Сапоги заготовлены единолично (предписаніе мнѣ отъ 28 марта 1905 года).

7) Относительно игры и кутежей у него въ управленіи ровно

---

*) „Улла“— китайская обувь, которую по необходимости носили русскіе солдаты, вслѣдствіе неполучки форменныхъ сапогъ отъ генерала Ростковскаго генераломъ Губеромъ.

Ф. К—скій.

ничего не знаю, да опять таки объ этомъ г. Купчинскій не пишетъ. Знаю, что общество въ управленіи было далеко не изысканное.

8) Подполковникъ Томинъ несъ чисто канцелярское и къ расходамъ не относящееся дѣло... зачѣмъ генералъ Федоровъ это пишетъ, неужели онъ думаетъ, что читатели настолько наивны думать, что въ канцеляріи сидятъ всѣ безгрѣшные люди. Вѣдь изъ канцеляріи выходятъ не одни исходящіе номера, а также „собственные комиссіонеры". Въ нихъ то вся суть. Пусть генералъ Федоровъ объяснитъ, откуда онъ раздобылъ Добржанскаго, Николаева и др.

Этотъ вопросъ, поднимаемый мною и г. Купчинскимъ, генералъ Федоровъ старается обойти. Разъ уже поднятіе его дало неожиданные эфекты, занесенные въ судебное слѣдствіе полковникомъ Голубевымъ. Они записаны, они ждутъ слѣдованія. Не можетъ же не наводить на размышленіе фраза изъ показаній Добржанскаго: сапоги мнѣ предложилъ ставить подполковникъ Ердманъ, желая помочь мнѣ, бѣдному, раззорившемуся при потерѣ Ляояна человѣку.

Что его превосходительство на это скажетъ? Это уже нельзя опровергнуть, сказавъ „клевета", „ложь"; тутъ придется „объяснять", хотя бы тому суду, который будетъ разбирать дѣло о „клеветѣ".

9) Относительно бѣгства генерала Федорова. Къ моей жалобѣ командиру XII корпуса былъ приложенъ рапортъ капитана Промптова, весьма краснорѣчивый, гулявшій по арміи, поданный интенданту I арміи генералу Багинскому, рапортъ, написанный на запросъ генерала Федорова. О немъ разслѣдованія не было, онъ былъ скрытъ; а развѣ можетъ скрывать офицеръ даже намекъ на обвиненіе въ трусости. Я его приложилъ къ жалобѣ въ отвѣтъ на обвиненіе меня генераломъ Федоровымъ въ ненормальности, наклонности къ широкой жизни. Это было мною оговорено.

10) Уваженіе сверху... отъ равныхъ и подчиненныхъ. За себя говорятъ приказы генерала Батьянова, учрежденіе опеки.

Много ли уваженія было оказано генералу Федорову, когда онъ пришелъ къ генералу Батьянову съ предложеніемъ Добржанскаго 10,000 паръ желтыхъ сапогъ?

Мнѣнія генераловъ Губера и Парчевскаго были высказаны довольно ясно на верандѣ цирка, въ Харбинѣ, въ августѣ 1905 г., когда на югѣ въ 3-ей арміи все гнило.

Мнѣнія низшихъ, вѣроятно, будутъ высказаны на судѣ, они вполнѣ опредѣленны.

Пока привожу два документа: моя телеграмма, до непріятностей — у комиссіонера нѣтъ ни денегъ, ни кредита, ни сапогъ, онъ ходитъ по магазинамъ собираетъ образцы. Она ясна. Рапортъ заурядъ-прапорщика Дѣдушева, подъ которымъ генералъ Федоровъ подписался и привелъ въ доказательство, что онъ казенныхъ сапогъ не покупалъ.

Рапортъ капитана Промптова.

Генералъ Каульбарсъ, знавшій меня 30 лѣтъ, настойчиво пожелалъ имѣть меня въ своей арміи полевымъ интендантомъ, говоритъ ген. Федоровъ; однако при переходѣ во 2-ую армію съ собой не взялъ.

Интересно знать, кто то таинственное лицо, кому генералъ Федоровъ мѣшалъ? Былъ ли это равный, высшій или низшій? Можетъ быть — это былъ я. Тогда позволяю себѣ доложить, что я весьма однажды помѣшалъ генералу Федорову, принявъ вмѣсто 30,000 уллъ 13,000. И съ этимъ генералъ Федоровъ примирился въ припискѣ къ имѣющемуся у меня частному письму.

Быть можетъ, его превосходительство вспомнитъ случай подобный, когда и онъ мнѣ помѣшалъ. Правда, я не получалъ денегъ на разъѣзды, фанзы, даже на устройство склада не получилъ ни копейки, но могу завѣрить, что этимъ я ничуть не огорченъ, вѣдь главное, наши общіе убытки за брезенты, вѣдь мы ихъ такъ любовно подѣлили.

Подполковникъ *Н. Верховцевъ.*

Полтава.

Добавлю, что кромѣ этого заявленія, которое оглашаю по просьбѣ г. Верховцева, у меня имѣется много иныхъ данныхъ, кои представлю суду или междувѣдомственной слѣдственной комиссіи, образованіе которой, смѣю увѣрить военное министерство, не за горами.

Оффиціальное возраженіе военнаго министра.

Въ газетѣ „Русь“ помѣщенъ рядъ статей Ф. Купчинскаго подъ общимъ заглавіемъ „Герои тыла“. По словамъ г. Купчинскаго, статьи эти написаны съ единственной цѣлью обнаружить злоупотребленія, совершавшіяся въ тылу дѣйствовавшихъ въ Манчжуріи армій, однако, содержаніе статей свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ ихъ руководился не столько указанной цѣлью, сколько стремленіемъ изобразить въ возможно мрачномъ, неприглядномъ видѣ дѣятельность тылового управленія и особенно опорочить

служебную репутацію лицъ, занимавшихъ, какъ въ этомъ управленіи, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ учрежденіяхъ, болѣе или менѣе видное положеніе. Только этимъ стремленіемъ и можетъ быть объяснена та полная неразборчивость, которую проявляетъ г. Купчинскій въ выборѣ матеріала для своихъ статей, почерпая его изъ такихъ сомнительныхъ источниковъ, какъ никѣмъ непровѣренные слухи и сообщенія лицъ, удаленныхъ отъ службы по тыловому управленію или подвергнутыхъ судебному преслѣдованію за различныя неблаговидныя и преступныя дѣянія. Такъ, между прочимъ, изъ имѣющейся въ Военномъ Министерствѣ перепискѣ по дѣлу о бывшемъ смотрителѣ мысовскаго продовольственнаго магазина, поручикѣ Винтеръ, привлеченномъ еще въ концѣ 1906 года къ слѣдствію по обвиненію въ растратахъ, неправильномъ веденіи отчетности, предоставленіи подрядчикамъ незаконныхъ льготъ въ ущербъ казнѣ, ложныхъ доносахъ, присвоеніи денегъ, оставшихся послѣ его умершаго брата, и другихъ преступленіяхъ, видно, что содержаніе всѣхъ многочисленныхъ прошеній, заявленій, объясненій и доносовъ названнаго офицера, усиленно старавшагося запутать въ свое дѣло возможно большее число лицъ, почти полностью воспроизведено въ статьяхъ Купчинскаго, но уже въ качествѣ, вполнѣ, якобы, достовѣрныхъ свѣдѣній, полученныхъ изъ авторитетныхъ источниковъ.

Наибольшую роль въ статьяхъ Купчинскаго играютъ неопредѣленнаго характера инсинуаціи, намеки и слухи о неблаговидныхъ дѣйствіяхъ различныхъ учрежденій или должностныхъ лицъ, но безъ прямого, однако, указанія какъ самыхъ этихъ учрежденій и лицъ, такъ и какихъ-либо опредѣленныхъ фактовъ, а также сообщенія и отзывы, по содержанію своему оскорбительные для чести и достоинства тѣхъ лицъ, къ которымъ относятся, но не заключающіе въ себѣ приэтомъ прямыхъ указаній на какія-либо опредѣленныя преступныя дѣянія этихъ лицъ. Таковы, напримѣръ: сообщенія о томъ, что „не было (въ тыловомъ интендантствѣ) столоначальника, скопившаго менѣе 50 тысячъ рублей; не было начальника продовольственнаго отдѣла, не скопившаго 100 тысячъ“; что интендантскіе чины проигрывали въ карты огромныя суммы и „проигранныя ими большія суммы быстро и почти гласно платились подрядчиками“; что „исчезали вагоны и даже цѣлые поѣзда съ казенными грузами“, что „были какіе-то „странные“ контракты на поставку сѣна, и покупались гурты скота такого дорогого, что пудъ мяса, по утвержденію знавшаго это дѣло чиновника, обхо-

дился въ общемъ по такимъ контрактамъ не менѣе 60 рублей за пудъ“ и т. п., отзывъ о генералахъ Надаровѣ, Парчевскомъ и Захаровѣ, которые, по словамъ Купчинскаго, образовали въ Харбинѣ „трестъ рыцарей наживы“, причемъ „Парчевскій орудовалъ по своей части поставокъ продуктовъ и самое главное „хлѣбныхъ“ дѣлъ вмѣстѣ съ гг. Капель, Серебряниковымъ и его женой г-жей Памфиловой, генералъ Надаровъ „неоффиціально вѣдалъ особой частью доходныхъ учрежденій: публичными домами, ресторанами, извозчиками и... въѣздомъ и выѣздомъ евреевъ“ и т. д., характеристика генерала Надарова въ статьѣ, спеціально ему посвященной, гдѣ, между прочимъ, указывается, что генералъ Надаровъ былъ „душой чудовищнаго заговора на государственные интересы“, выражавшагося въ хищничествѣ, казнокрадствѣ, подлогахъ, взяточничествѣ и проч., „старшимъ заправилой дѣла, ловко прятавшимся, какъ всѣ заправилы въ подобныхъ дѣлахъ, за покорныя спины равно безвинныхъ и виноватыхъ стрѣлочниковъ“, таковы сообщенія о томъ, что „полковникъ Капель, по должности своей рекомендовавшій Парчевскому заготовщиковъ, наживался хорошо на этихъ рекомендаціяхъ, и никто не удивлялся, что о немъ говорятъ, какъ о богачѣ, скопившемъ за войну болѣе полумилліона“; что „Парчевскій, дружившій и бражничавшій вмѣстѣ съ Капелемъ, частенько устраивалъ эти попойки даже въ самыхъ продовольственныхъ магазинахъ“, что подполковникъ Томинъ (правитель канцеляріи интендантства 3-й арміи), „изгоняя изъ интендантства лицъ, непріятныхъ ему или служащихъ чѣмъ-либо помѣхой, не останавливался для достиженія своихъ цѣлей ни передъ клеветой, ни передъ подлогами, ни передъ показаніями лицъ, не понимающихъ того, что они, дѣлая угодное Томину, являются лжесвидѣтелями“ и т. под.

Такой неопредѣленный характеръ обвиненій лишаетъ ихъ всякаго значенія въ смыслѣ раскрытія и обнаруженія злоупотребленій, а потому единственнымъ результатомъ ихъ и можетъ быть лишь привлеченіе автора къ отвѣтственности за клевету, что въ настоящее время, по имѣющимся свѣдѣніямъ, и сдѣлано уже большинствомъ затронутыхъ въ его статьяхъ лицъ. Г. Купчинскій ошибочно полагаетъ, что оклеветанныя имъ лица должны доказывать свою невиновность въ приписываемыхъ имъ дѣяніяхъ, тогда какъ, по закону, напротивъ, именно на самомъ Купчинскомъ лежитъ обязанность доказать справедливость его сообщеній. Въ виду этого, предстоящее разсмотрѣніе судомъ возбужденныхъ противъ

Купчинскаго дѣлъ, вѣроятно, побудитъ его представить въ свое оправданіе тѣ доказательства истинности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, которыми онъ, по его словамъ, располагаетъ. Очевидно, однако, что, руководясь только желаніемъ раскрыть злоупотребленія, а не какими-либо иными цѣлями, г. Купчинскій не имѣлъ бы основанія скрывать эти доказательства, если они дѣйствительно существуютъ.

Указанный неопредѣленный характеръ большинства обвиненій, предъявляемыхъ Купчинскимъ чинамъ и учрежденіямъ тылового управленія, дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ невозможнымъ и какое-либо ихъ опроверженіе. Что же касается сообщаемыхъ Купчинскимъ свѣдѣній болѣе опредѣленнаго свойства съ указаніемъ фактовъ, то о ложности многихъ изъ нихъ и о передачѣ Купчинскимъ фактовъ въ извращенномъ видѣ свидѣтельствуютъ объясненія генераловъ Надарова, Парчевскаго, Федорова и др. лицъ, помѣщенныя въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“, а равно и данныя, имѣющіяся въ Военномъ Министерствѣ.

Такъ, напримѣръ, въ № 222 газеты „Русь“ Купчинскій сообщаетъ о таксѣ для публичныхъ домовъ въ гор. Харбинѣ, установленной, будто бы, главнымъ начальникомъ тыла генераломъ Надаровымъ и вывѣшенной за его подписью во всѣхъ этихъ домахъ.

Такой таксы генералъ Надаровъ не устанавливалъ.

Въ № 225 той же газеты Купчинскій пишетъ: „генералъ Ростковскій въ Петербургѣ получилъ на Серебряникова доносъ. Генералъ Надаровъ приказалъ его смѣстить, но все же послѣ протелеграфировалъ генералу Ростковскому, что чиновникъ Серебряниковъ честнѣйшій и милѣйшій человѣкъ, несмотря на то, что онъ „не оправдалъ“ авансовъ на 70 тысячъ руб.“.

Ничего подобнаго генералъ Надаровъ генералу Ростковскому не телеграфировалъ.

Въ № 226 „Руси“ Купчинскій сообщаетъ, что, вслѣдствіе жалобы китайскихъ купцовъ на недопущеніе ихъ къ поставкамъ, по порученію генерала Губера (главнаго полевого интенданта при главнокомандующемъ), было произведено разслѣдованіе надъ дѣйствіями генерала Парчевскаго, однимъ изъ помощниковъ послѣдняго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Соловьевымъ, и что хода результатамъ разслѣдованія дано не было, хотя поговаривали, что „Парчевскій влопался“.

Такого разслѣдованія генералъ Губеръ не назначалъ, да и

не могъ назначить, такъ какъ генералъ Парчевскій ему подчиненъ не былъ и пользовался равными съ нимъ правами, не говоря уже о томъ, что разслѣдованіе дѣйствій начальника ни въ какомъ случаѣ не могло быть поручено подчиненному.

„Къ сожалѣнію—говоритъ Купчинскій—сгорѣвшіе, утерянные или уничтоженные за войну архивы документовъ многихъ нашихъ манчжурскихъ дѣлъ не могутъ, представъ сейчасъ передъ вниманіемъ читателей, ясно обрисовать недавнее прошлое генерала Надарова, такъ печально распоряжавшагося тыломъ манчжурской арміи".

Это неправда. Всѣ документы, относящіеся къ дѣламъ тыла, цѣлы и находятся въ сохранности въ надлежащихъ архивахъ.

Купчинскій утверждаетъ, что во время бытности генерала Надарова окружнымъ интендантомъ приамурскаго военнаго округа „мука, присылаемая изъ Хабаровска на Квантунъ, была съ явными примѣсями извести и мѣла. Квантунское военное начальство открещивалось и браковало, но Надаровъ буквально заставлялъ брать, и это отражалось на здоровьѣ войскъ. Было ясно, что Надаровъ былъ почему-то заинтересованъ брать худой хлѣбъ".

Спорные вопросы между войсками и интендантствомъ относительно годности провіанта разрѣшаются военно-окружнымъ совѣтомъ. Поэтому генералъ Надаровъ не могъ заставлять войска брать негодный хлѣбъ. Кромѣ того, снабженіе Квантуна провіантомъ изъ приамурскаго округа состоялось лѣтомъ 1898 года, а генералъ Надаровъ вступилъ въ исполненіе обязанностей окружнаго интенданта только осенью, а въ началѣ лѣта 1899 г. Квантунъ былъ отдѣленъ отъ приамурскаго округа; слѣдовательно, генералъ Надаровъ не могъ быть заинтересованъ въ томъ, чтобы войска на Квантунѣ брали худой хлѣбъ.

Купчинскій разсказываетъ, будто бы со словъ купца Тифонтая, что генералъ Надаровъ предложилъ послѣднему взять за перемолъ муки большую цѣну, чѣмъ та, которую тотъ самъ просилъ. Когда же Тифонтай печатно заявилъ, что ничего подобнаго не было, то Купчинскій началъ утверждать, что это опроверженіе Тифонтая вынужденное.

Купчинскій обвиняетъ генерала Надарова въ непринятіи должныхъ мѣръ противъ тѣхъ злоупотребленій, которыя онъ приписываетъ генералу Хлыновскому, а также ставитъ ему въ упрекъ „спаленные склады на милліоны рублей". Между тѣмъ, генералъ Хлыновскій, завѣдывавшій санитарно-эвакуаціонной частью сибир-

скаго военнаго округа, въ вѣдѣніи и подчиненіи генерала Надарова вовсе не состоялъ, и изъ находившихся въ районѣ тыла армій не сгорѣло ни одного склада.

Главному интенданту Военнаго Министерства, генералу Ростковскому, Купчинскій приписываетъ особое покровительство „своимъ людямъ“ родственникамъ, друзьямъ и т. д. и въ подтвержденіе этого указываетъ, между прочимъ, на слѣдующихъ лицъ:

„Близкій знакомый Ростковскаго коллежскій ассесоръ Чупруновъ назначенъ и. д. корпуснаго интенданта, т. е. не смотря на его небольшой чинъ и полную неопытность — получилъ генеральскую должность“.

Въ дѣйствительности же названный чиновникъ, имѣющій университетское образованіе, прослужилъ въ интендантскомъ вѣдомствѣ 13 лѣтъ и, какъ хорошо ознакомленный съ дѣлами и прекрасно аттестованный, былъ назначенъ и. д. корпуснаго интенданта въ порядкѣ кандидатскаго списка, въ которомъ онъ числился около двухъ лѣтъ.

„Пріѣхавшій изъ Манчжуріи родственникъ Ростковскаго, капитанъ Пташинскій сразу назначенъ столоначальникомъ Главнаго Управленія“.

Пташинскій ни въ какомъ родствѣ съ генераломъ Ростковскимъ не состоитъ. Назначенъ въ 1905 году на должность помощника столоначальника и только черезъ 2 года, какъ отлично аттестованный, назначенъ столоначальникомъ.

„Репетиторъ дѣтей Ростковскаго Шушкевичъ, молодой человѣкъ, назначенъ столоначальникомъ, а капитаны, кончившіе курсы, обойдены“.

Шушкевичъ никогда у дѣтей генерала Ростковскаго репетиторомъ не былъ. По окончаніи университета опредѣленъ на службу въ московское окружное интендантское управленіе, оттуда черезъ нѣсколько лѣтъ перешелъ на службу въ канцелярію попечителя московскаго учебнаго округа; въ 1905 г. переведенъ въ Главное Интендантское Управленіе на должность помощника столоначальника, а въ 1907 г., какъ отлично аттестованный и окончившій университетъ, назначенъ столоначальникомъ.

„Племянникъ Ростковскаго (тоже Ростковскій) до войны занималъ въ чинѣ губернскаго секретаря должность 6-го класса. На войнѣ онъ обнаружилъ преступное нерадѣніе, за которое, конечно, давно бы „слетѣлъ“, если бы не былъ родственникомъ главнаго интенданта, но былъ только переведенъ изъ управленія

тыла въ завѣдующіе хлѣбопекарней въ ущербъ другимъ достойнымъ кандидатамъ на эту должность, а теперь назначенъ столоначальникомъ въ иркутское окружное интендантское управленіе, тогда какъ множество другихъ чиновниковъ оставлены за штатомъ".

Коллежскій секретарь Ростковскій, состоящій съ главнымъ интендантомъ въ седьмой степени родства, занималъ до 1903 г. должность столоначальника петербургскаго окружного интендантскаго управленія и въ томъ же году перешелъ на равную должность въ квантунское областное интендантство.

Командированіе его оттуда въ тыловое интендантство лежало внѣ сферы вліянія Главнаго Интендантскаго Управленія, и о какихъ-либо, совершенныхъ имъ во время службы въ тыловомъ интендантствѣ проступкахъ до свѣдѣнія главнаго интенданта доведено не было. Въ 1905 г. въ Главное Интендантское Управленіе поступило ходатайство петербургскаго окружного интенданта о переводѣ во ввѣренное ему управленіе титулярнаго совѣтника Ростковскаго, но ходатайство это было отклонено.

„Другъ Ростковскаго, капитанъ Микини, недавно произведенный въ подполковники, назначенъ постояннымъ членомъ техническаго комитета, т. е. на генеральскую должность V класса. Микини обѣщана Ростковскимъ должность управляющаго дѣлами техническаго комитета, какъ только ее освободитъ генералъ-лейтенантъ Нечаевъ".

О назначеніи Микини на должность управляющаго дѣлами техническаго комитета вопроса не возникало; назначеніе же его на должность члена сего комитета было вполнѣ соотвѣтствующимъ, такъ какъ онъ занималъ передъ этимъ должность техника Главнаго Интендантскаго Управленія (VI кл.), получилъ высшее техническое образованіе и окончилъ академію генеральнаго штаба

Купчинскій обвиняетъ генерала Ростковскаго въ томъ, что, получивъ отъ заводчика Кольберга подлинное письмо члена техническаго комитета генерала Козлова, въ которомъ послѣдній требовалъ взятки за устройство подряда, генералъ Ростковскій „не только замялъ это дѣло, но и далъ генералу Козлову отвѣтственный постъ въ тыловомъ интендантствѣ".

Никакого письма отъ Кольберга генералъ Ростковскій не получалъ. Въ тыловое интендантство генералъ Козловъ былъ назначенъ по непосредственному о томъ требованію командующаго манчжурской арміей.

Точно также, по словамъ Купчинскаго, генералъ Ростковскій „простилъ“ и оставилъ на службѣ въ интендантствѣ совершившаго служебный подлогъ ротмистра Ивакова, который впослѣдствіи былъ казненъ за измѣну. Между тѣмъ, дѣлу о совершенномъ Иваковымъ подлогѣ данъ былъ законный ходъ, но оно было прекращено за смертью Ивакова, который не былъ казненъ, но самъ лишилъ себя жизни, состоя подъ слѣдствіемъ по обвиненію въ измѣнѣ.

Точно также совершенно невѣрными или извращенными оказываются и всѣ прочія указанія Купчинскаго на неправильныя, по его мнѣнію, назначенія, сдѣланныя генераломъ Ростковскимъ.

Затѣмъ, Купчинскій указываетъ на нѣкоторыя, по его мнѣнію, очень странныя и трудно объяснимыя личныя служебныя дѣйствія генерала Ростковскаго, къ числу каковыхъ, между прочимъ, онъ относитъ слѣдующія:

Устройство вещевого склада въ Варшавѣ, вопреки принятому еще послѣ турецкой кампаніи правилу не имѣть интендантскихъ складовъ близко къ границѣ, а также устройство тамъ мастерскихъ вмѣсто того, чтобы устроить ихъ въ Сибири, откуда войска получали бы вещи гораздо скорѣе.

Склада въ Варшавѣ до 1907 года не было, и вещи, поступавшія изъ обмундировальной мастерской и отъ поставщиковъ, впредь до выдачи по принадлежности, хранились временно въ зданіяхъ нѣкоторыхъ продовольственныхъ магазиновъ. Такой порядокъ былъ допустимъ временно; когда же на интендантство возложено было снабженіе войскъ готовыми вещами, необходимо было имѣть для варшавскаго округа свой складъ.

Близость Варшавы къ границѣ обращала на себя вниманіе, и потому предположено было устроить складъ въ Брестъ-Литовскѣ, расширивъ имѣющіеся тамъ съ давняго времени вещевые интендантскіе склады. Однако, мѣстныя власти признали невозможнымъ предоставить какія-либо зданія въ этомъ пунктѣ. Требовалось поэтому или возводить новыя постройки въ Брестъ-Литовскѣ, что требовало огромныхъ денежныхъ средствъ и немалаго времени, или же воспользоваться готовыми помѣщеніями въ Варшавѣ, что вызывало незначительные расходы и могло быть скоро исполнено. Предпочтеніе отдано послѣднему, и складъ будетъ окончательно сформированъ, вѣроятно, нынѣшнею осенью. Къ этому надо добавить, что неприкосновенныхъ вещевыхъ запасовъ въ Варшавѣ не имѣется и не предположено имѣть.

Что же касается мастерскихъ, то еще въ 1904 году Ми-

нистръ Финансовъ и варшавскій генералъ-губернаторъ обратились къ Военному Министру съ просьбами помочь безработнымъ ремесленникамъ Привислянскаго края, въ виду ихъ бѣдственнаго положенія, вызваннаго частью военными дѣйствіями на Дальнемъ Востокѣ, предоставивъ этимъ ремесленникамъ какіе-либо заказы, для нуждъ военнаго вѣдомства.

Въ виду того, что интендантству необходимо было организовать въ большомъ количествѣ постройку обмундированія, бѣлья и обуви для потребностей дѣйствовавшихъ армій и пополненія запасовъ, и такъ какъ имѣющіяся казенныя и законтрактованныя частныя обмундировальныя мастерскія въ другихъ мѣстахъ Имперіи (С.-Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Тифлисѣ, Кіевѣ и Двинскѣ) не были въ состояніи своевременно строить требуемое количество вещей, то Главное Интендантское Управленіе, по собраніи необходимыхъ данныхъ, вошло съ докладомъ въ Военный Совѣтъ, коимъ полагалось организовать въ гор. Варшавѣ постройку предметовъ обмундированія, бѣлья и обуви. Эти предположенія были утверждены положеніемъ Военнаго Совѣта 9-го декабря 1904 года.

Устроить въ то время какія-либо мастерскія въ Сибири, какъ это полагаетъ Купчинскій, не было возможности, чему доказательствомъ можетъ служить и то, что въ настоящее время, при самыхъ настойчивыхъ требованіяхъ, вопросъ этотъ крайне затрудняетъ сибирскіе округа.

Генералъ Ростковскій, по утвержденію Купчинскаго, почему-то „не любитъ“ 6-го отдѣленія своего управленія, занятаго очень трудной и отвѣтственной работой по разсчетамъ съ желѣзными дорогами и пароходствами за перевозки воинскихъ чиновъ и войсковыхъ грузовъ. Въ это отдѣленіе „ссылаются“ всѣ неугодныя генералу Ростковскому или непригодные для службы чиновники, а трудъ настоящихъ работниковъ въ этомъ отдѣленіи не цѣнится, они являются „пасынками“ службы, не получаютъ повышеній, а потому невольно теряютъ энергію. Благодаря такимъ порядкамъ въ 6 отдѣленіи, Главное Интендантское Управленіе задолжало желѣзнымъ дорогамъ до 140 милл. рублей, и требованія послѣднихъ не удовлетворяются, несмотря на то, что кредитъ въ казначействѣ открытъ, и представляемые счета безпрекословно оплачиваются.

Задолженность военнаго вѣдомства желѣзнымъ дорогамъ за перевозку войскъ и военныхъ грузовъ объясняется особыми условіями ассигнованія кредитовъ на указанный предметъ. До 1899 г.

задолженности желѣзнымъ дорогамъ почти не было. Начиная съ этого года, расходы по перевозкамъ, постепенно возрастая, превышали ассигнуемыя на этотъ предметъ суммы, средствъ же для дополнительныхъ ассигнованій въ распоряженіи Военнаго Министерства не имѣлось, и, такимъ образомъ, создалась задолженность желѣзнымъ дорогамъ, дошедшая въ 1904 году до 14 милл. рублей. Съ началомъ войны перевозка войскъ и военныхъ грузовъ приняла огромные размѣры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдовало, по кассовымъ соображеніямъ, распоряженіе производить уплату за перевозки только частнымъ желѣзнымъ дорогамъ. Вслѣдствіе этого задолженность желѣзнымъ дорогамъ возросла дѣйствительно до 136 милліоновъ рублей, но изъ этой суммы лишь незначительная часть падаетъ на долю частныхъ дорогъ, заинтересованныхъ въ скорѣйшемъ разсчетѣ. Указанное выше распоряженіе чрезвычайно усложнило работу по разсчетамъ съ желѣзными дорогами, въ виду необходимости точнаго исчисленія суммъ, причитающихся частнымъ дорогамъ, участвовавшихъ въ перевозкахъ прямого сообщенія, по каждой перевозкѣ въ отдѣльности, что и вызвало нѣкоторую задержку въ окончаніи разсчетовъ съ этими дорогами и уплатѣ имъ денегъ. Огромный трудъ по составленію разсчетовъ оказывался совершенно непосильнымъ для VI отдѣленія Главнаго Интендантскаго Управленія, ослабленнаго притомъ командированіемъ нѣкоторыхъ чиновъ на Дальній Востокъ и назначеніемъ ихъ въ тѣ отдѣленія (распорядительныя), отъ которыхъ требовалась во время войны наиболѣе спѣшная и энергичная работа. Въ настоящее время, въ виду необходимости ускорить дѣятельность по провѣркѣ счетовъ и окончанію разсчетовъ съ частными дорогами, VI отдѣленіе усилено, насколько возможно, командированіемъ въ него чиновъ изъ другихъ отдѣленій и наймомъ вольнонаемныхъ.

Что касается чиновъ VI отдѣленія, то они, работая вполнѣ хорошо, заслуживаютъ полнаго одобренія и къ „пасынкамъ“ никоимъ образомъ отнесены быть не могутъ. Работы ихъ поощряются, чему примѣромъ можетъ служить случай: когда обнаружено было повторное требованіе желѣзной дороги, то открывшему это была испрошена денежная награда въ 500 руб.

При ревизіи московской пріемной комиссіи былъ обнаруженъ пріемъ комиссіей по стачкѣ съ фабрикантомъ неудовлетворительныхъ суконъ и учиненіе подлоговъ. Дѣло это было замято и взысканію подвергся одинъ только „стрѣлочникъ“, вольнонаемный писарь комиссіи.

О неправильныхъ дѣйствіяхъ въ московской пріемной комиссіи въ 1905 году было произведено по приказанію главнаго интенданта дознаніе, а по выясненіи всѣхъ обстоятельствъ, это дѣло во всѣхъ подробностяхъ и со всѣми данными, добытыми разслѣдованіемъ, доложено было Военному Министру. Подтвержденныя этимъ разслѣдованіемъ небрежность, неаккуратность и рядъ отступленій отъ пріема, допущенныя московской пріемной комиссіи, при отсутствіи въ ихъ дѣйствіяхъ злого умысла и при установленіи, что въ дѣлѣ этомъ нѣтъ основаній усмотрѣть наличность уголовнаго преступленія — подлога, имѣли своимъ послѣдствіемъ наложеніе, по приказанію Военнаго Министра, взысканія въ административномъ порядкѣ на чиновъ московской пріемной комиссіи, къ сему причастныхъ, до увольненія отъ службы включительно.

Что касается увольненія вольнонаемнаго письмоводителя (Уварова), то это увольненіе было вызвано не обстоятельствами указаннаго дѣла, къ коему онъ совершенно непричастенъ, а приказаніемъ необходимости вообще уничтожить особое письменное дѣлопроизводство во всѣхъ пріемныхъ комиссіяхъ, съ возложеніемъ такового на вещевые склады, почему одновременно было сдѣлано распоряженіе объ увольненіи писарей во всѣхъ пріемныхъ комиссіяхъ.

Говоря о дѣятельности генерала Хлыновскаго, Купчинскій утверждаетъ, что одинъ изъ подчиненныхъ этого генерала, чиновникъ Косманъ, будучи приближеннымъ къ генералу лицомъ, его „любимчикомъ“, все время „разъѣзжалъ по разнымъ порученіямъ, то въ дѣйствующую армію, то въ Петербургъ, то въ разныя другія мѣста, получая прогоны за всѣ эти проѣзды, тогда какъ другимъ выдавались только предложенія, за что теперь на Космана сдѣланъ начетъ“. Въ дѣйствительности Косманъ, занимая во время войны должность смотрителя госпиталя въ Красноярскѣ, т.-е. въ 1,000 верстахъ отъ Иркутска—мѣста пребыванія самого генерала Хлыновскаго, — ни въ какія рѣшительно командировки не ѣздилъ, прогоновъ не получалъ, и никакого начета на него сдѣлано не было.

Какъ примѣръ вопіющихъ злоупотребленій, существующихъ въ интендантствѣ, Купчинскій приводитъ, между прочимъ, дѣло вдовы отставного тайнаго совѣтника Парадни, бывшаго интенданта 2-го каваллерійскаго корпуса, съ которой два офицера варшавскаго окружнаго интендантскаго управленія подполковники Клейнеръ и Клеверъ требовали, будто бы, взятку по 1,000 рублей каждому

за порученную ея покойному мужу заготовку комиссіоннымъ способомъ ржи для войскъ варшавскаго военнаго округа, а когда она имъ отказала, то они дошли до такой степени дерзости, что предъявили къ ней искъ въ гражданскомъ судѣ. Съ жалобой на дѣйствія этихъ офицеровъ г-жа Парадни обращалась къ различнымъ военнымъ властямъ, до Военнаго Министра включительно, но до сихъ поръ не добилась назначенія слѣдствія. Приэтомъ Купчинскій приводитъ подлинный текстъ прошенія г-жи Парадни на имя Военнаго Министра

Несмотря на явную несообразность заявленія г-жи Парадни о требованіи съ нея взятки черезъ судъ, по прошенію этому были все-таки затребованы Главнымъ Военно-Суднымъ Управленіемъ свѣдѣнія сначала отъ Главнаго Интендантскаго Управленія, а затѣмъ изъ штаба варшавскаго военнаго округа. Изъ доставленной въ настоящее время переписки видно, что по прошенію г-жи Парадни было произведено, по распоряженію командующаго войсками варшавскаго военнаго округа, подробное разслѣдованіе. Разслѣдованіемъ этимъ установлено, что заготовка ржи была поручена тайному совѣтнику Парадни совмѣстно съ названными выше офицерами, которые поэтому и должны были получить причитающіяся имъ доли установленнаго комиссіоннаго вознагражденія за заготовку, но, за смертью Парадни, доли эти остались имъ неоплаченными, что и послужило основаніемъ для иска ихъ съ г-жи Парадни, какъ наслѣдницы мужа. Варшавскій окружной судъ въ искѣ отказалъ, и теперь дѣло перенесено ими въ судебную палату. Вслѣдствіе сего жалоба г-жи Парадни и была оставлена командующимъ войсками безъ послѣдствій.

Приведенныхъ примѣровъ, конечно, далеко еще не исчерпывающихъ всѣхъ допущенныхъ въ статьяхъ Купчинскаго неправильностей, извращенія фактовъ и т. п., вполнѣ достаточно, однако, для сужденія о томъ, въ какой мѣрѣ статьи эти заслуживаютъ довѣрія.

Несмотря на указанный явно тенденціозный характеръ статей Купчинскаго и очевидную недостовѣрность большинства сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, Военное Министерство, относясь съ полнымъ вниманіемъ къ каждому сколько-нибудь обоснованному указанію на существующія въ военномъ вѣдомствѣ злоупотребленія, отъ кого бы таковое указаніе не исходило, не оставило безъ вниманія и сообщенія о болѣе или менѣе опредѣленныхъ фактахъ злоупотребленій, заключающіяся въ статьяхъ Купчинскаго.

По внимательномъ разсмотрѣніи этихъ статей, оказалось, однако, что такихъ именно фактовъ указано въ нихъ очень немного, причемъ нѣкоторые изъ нихъ являются уже предметомъ судебнаго разслѣдованія, начатаго ранѣе появленія статей „Герои тыла“. Такое разслѣдованіе производится по слѣдующимъ упомянутымъ въ названныхъ статьяхъ дѣламъ:

1) о пріобрѣтеніи припасовъ для нуждъ московскаго продовольственнаго магазина по чрезмѣрно высокимъ цѣнамъ;

2) о преувеличенномъ показаніи убыли муки, полученной въ Харбинѣ изъ Мысовска, при провѣркѣ ея вѣса (перекантареніи);

3) о злоупотребленіяхъ смотрителя мысовскаго продовольственнаго магазина по пріему въ казну продуктовъ;

4) объ оставленіи безъ разслѣдованія извѣстныхъ начальству злоупотребленій: а) чиновниковъ, поставившихъ недоброкачественную муку для читинскаго магазина; б) смотрителя мысовскаго магазина при высылкѣ крупчатки изъ мысовскаго въ иркутскій магазинъ и в) комиссіи, принявшей негодную муку для мысовскаго продовольственнаго магазина;

5) о бывшемъ завѣдывавшемъ продовольственными заведеніями Харбина полковникѣ Соколѣ; а) по обвиненію его въ неправильномъ предоставленіи одному изъ поставщиковъ восьми вагоновъ для провоза товаровъ (разрѣшено въ административномъ порядкѣ главнымъ начальникомъ тыла съ возложеніемъ на Сокола уплаты убытковъ казны) и б) по обвиненію въ перекупкѣ у одного изъ заготовителей ячменя и о нанесеніи этимъ значительнаго ущерба казнѣ;

6) о продажѣ 360 тысячъ пудовъ испорченной муки изъ харбинскаго склада;

7) о порученіи инженеру Михайловскому заготовки 10 милліоновъ пудовъ сѣна, отъ каковой заготовки казна понесла $1^1/_2$ милліона руб. убытка;

8) по обвиненію капитаномъ Промптовымъ подполковника Томина въ оскорбленіи корпораціи офицеровъ, окончившихъ интендантскій курсъ.

Не производилось разслѣдованія, или, по крайней мѣрѣ, не имѣлось еще до сего времени въ Военномъ Министерствѣ свѣдѣній, о производствѣ такового лишь по слѣдующимъ указаннымъ въ статьяхъ Купчинскаго фактамъ:

1) о прививкѣ по чрезмѣрной цѣнѣ противочумной сыворотки скоту, закупленному въ Монголіи;

2) о требованіи чиновникомъ Семеновымъ взятки съ одного изъ поставщиковъ въ присутствіи чиновъ контроля, и объ оставленіи генераломъ Парчевскимъ безъ послѣдствій составленнаго о семъ акта;

3) о растратѣ чиновникомъ Серебряниковымъ 70 тыс. руб. аванса;

4) о непредставленіи отчета въ израсходованіи 50 тыс. руб. аванса полковникомъ Капель;

5) о невѣрномъ показаніи въ русскихъ переводахъ расписокъ китайскихъ продавцовъ уплаченной имъ суммы за арбы, заготовлявшіяся генераломъ Ухачъ-Огоровичемъ;

6) о злоупотребленіяхъ по поставкѣ продуктовъ и матеріаловъ для госпиталей, находившихся въ завѣдываніи генерала Хлыновскаго;

7) о заготовкѣ лѣсныхъ матеріаловъ и скота для тѣхъ же госпиталей съ явнымъ убыткомъ для казны; въ подлинникѣ имѣется здѣсь сноска, но самой сноски нѣтъ.

8) невѣрное донесеніе по начальству объ открытіи нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ госпиталей, въ дѣйствительности еще не открытыхъ, и

9) о злоупотребленіяхъ по пріему отъ подрядчиковъ гуртовъ скота въ Монголіи и оставленіи генераломъ Парчевскимъ безъ послѣдствій полученныхъ о томъ донесеній.

Распоряженіе о разслѣдованіи по указаннымъ сообщеніямъ сдѣлано. О результатахъ разслѣдованій послѣдуетъ своевременно сообщеніе въ печати.

Независимо отъ указанныхъ разслѣдованію, а затѣмъ, въ въ случаѣ надобности, и судебному преслѣдованію подвергалось и подвергается каждое обнаруженное по хозяйству, какъ тыла, такъ равно и дѣйствовавшихъ армій, злоупотребленіе, и въ настоящее время въ судебномъ производствѣ находится болѣе 30 такихъ дѣлъ объ однихъ только чинахъ различныхъ тыловыхъ учрежденій, не считая дѣлъ уже законченныхъ въ установленномъ порядкѣ.

Что касается назначенія особой слѣдственной или междувѣдомственной комиссіи для раскрытія всѣхъ вообще злоупотребленій, которыя могли имѣть мѣсто въ тыловыхъ учрежденіяхъ манчжурскихъ армій, на необходимости каковой настаиваетъ, какъ газета „Русь“, такъ и нѣкоторые другіе органы повременной печати, и за желательность которой, въ видахъ наиболѣе полной реабилитаціи всѣхъ оклеветанныхъ Купчинскимъ лицъ, высказываются также генералы Надаровъ и Ростковскій, то, при крайней

широтѣ и недостаточной опредѣленности задачи, за расформированіемъ тѣхъ учрежденій, дѣятельность которыхъ подлежала бы провѣркѣ, и истеченіемъ почти двухлѣтняго съ тѣхъ поръ срока, работы такой комиссіи неизбѣжно свелись бы къ разсмотрѣнію переписки и отчетности тыловыхъ учрежденій, т. е. къ тому же, чѣмъ занята особо учрежденная для этой именно цѣли ревизіонная комиссія при Государственномъ Контролѣ. Въ виду этого и принимая во вниманіе, что означенная ревизіонная комиссія Государственнаго Контроля, конечно, доведетъ до свѣдѣнія Военнаго Министра о всѣхъ тѣхъ злоупотребленіяхъ, какія могутъ быть обнаружены при расмотрѣніи отчетности, — назначеніе вышеупомянутой особой слѣдственной или междувѣдомственной комиссіи не принесло бы пользы дѣлу, а потому представляется безцѣльнымъ.

Въ заключеніе Военное Министерство находитъ необходимымъ заявить, что, не имѣя ничего противъ сколько-нибудь обоснованныхъ указаній въ печати на дѣйствительно совершенныя въ военномъ вѣдомствѣ злоупотребленія, оно будетъ всегда принимать такія указанія къ свѣдѣнію и давать дѣлу установленное закономъ направленіе; но противъ статей, заключающихъ въ себѣ огульныя, голословныя обвиненія и поношенія чиновъ и учрежденій военнаго вѣдомства, незаслуженно ихъ оскорбляющихъ и тѣмъ унижающихъ достоинство арміи, оно вынуждено будетъ бороться путемъ привлеченія, какъ авторовъ подобныхъ статей, такъ и редакторовъ соотвѣтствующихъ изданій къ законной отвѣтственности.

III

Сообщеніе военнаго министерства.

Хотя военное министерство и называетъ публикуемыя мною данныя „инсинуаціями неопредѣленнаго характера“, „слухами“, „намеками“ и т. д., тѣмъ не менѣе оно, останавливаясь на фактахъ, почему то менѣе важныхъ, стремится ихъ опровергнуть въ большинствѣ случаевъ на основаніи возраженій генерала Надарова и другихъ, помѣщенныхъ въ „Русск. Инв.“, и тутъ же присовокупляетъ, что по поводу многихъ преступныхъ дѣяній, описанныхъ мною, (упомянуто 8 пунктовъ) — совершается уже оффиціальное разслѣдованіе.

Правда, далѣе говорится, что по поводу другихъ девяти пунктовъ (тоже сомнительной важности по сравненію съ опубликованными мною и *оставленными безъ отвѣта*) „не производилось разслѣдованія или, по крайней мѣрѣ, не имѣлось еще до сего времени въ военномъ министерствѣ свѣдѣній о производствѣ таковыхъ“.

Почему же не произведено разслѣдованія?

Почему умалчиваются факты слишкомъ значительные и очень опредѣленно документированные, чтобы можно было ихъ игнорировать?

Обвиняя меня въ тенденціозности, намекая, что кромѣ ясно выраженной мною цѣли: обнаружить злоупотребленія, у меня есть еще какія-то другія цѣли, которыя министерство не рѣшается назвать, вѣроятно, за неимѣніемъ данныхъ.

Но тогда ему не слѣдовало и рисковать печатнымъ выступленіемъ съ такого рода подозрѣніями, помѣщаемыми имъ въ оффиціальномъ актѣ, но оставляемыми безъ точнаго обоснованія.

Оффиціальное опроверженіе поражаетъ меня и многими другими странностями.

Среди оглашенныхъ мною безчисленныхъ фактовъ хищеній, подлоговъ и проч. были, конечно, факты болѣе значительные и менѣе значительные. Началъ я свои статьи съ фактовъ меньшихъ и, постепенно переходя къ фактамъ болѣе крупнымъ, подвигаясь отъ Портъ-Артура и Харбина къ Петербургу, опубликовывалъ не мало слишкомъ серьезныхъ, ясно категорически документированныхъ данныхъ о преступленіяхъ въ самомъ Петербургѣ.

Военное министерство почему то сочло возможнымъ говорить о фактахъ менѣе важныхъ, выбравъ изъ ихъ массы опять же тѣ, которые показались „основанными на слухахъ“ и вовсе не касаясь тѣхъ, которые и въ статьяхъ моихъ скрѣплены выписками изъ точно называемыхъ документовъ.

Военное министерство, опровергая, что вѣдомство генерала Ростковскаго задолжало, какъ я говорилъ *до 140 милліоновъ рублей* желѣзнымъ дорогамъ, говорятъ, что задолженность простирается *всего на 136 милліоновъ!* Разница небольшая, чтобы можно было назвать опроверженіемъ это возраженіе и не назначить по этому дѣлу слѣдствія. Я говорилъ, что въ этомъ дѣлѣ виновенъ ген. Ростковскій, ссылающій въ VI отдѣленіе своего управленія (гдѣ вѣдаются дѣла по этому вопросу) чиновниковъ нелюбимыхъ Ростковскимъ, непригодныхъ къ службѣ или непріятныхъ чѣмъ либо ген. Ростковскому. Мнѣ отвѣчаетъ министерство: „Что касается чиновъ VI отдѣла, то они работаютъ вполнѣ хорошо и къ „пасынкамъ“ никакимъ образомъ отнесены быть не могутъ. Работа ихъ поощряется, чему примѣромъ можетъ быть случай: когда обнаружено было повторное требованіе желѣзной дороги, то открывшему это *была испрошена денежная награда 500 руб.*“.

Это уже поистинѣ откровенное признаніе!

Стремленіе путемъ щедрыхъ денежныхъ наградъ поднять служебное рвеніе чиновъ, конечно, замѣчательно. Напрасно военное министерство спѣшитъ утѣшить виновныхъ въ преступленіяхъ крупныхъ чиновъ, напрасно утѣшаетъ ихъ военное министерство, что мои статьи основаны на „сомнительныхъ источникахъ, непровѣренныхъ слухахъ и т. д.“.

Источники вполнѣ опредѣлены, что станетъ ясно на судѣ, равно какъ и „слухи“, потому приговоръ оффиціальныхъ опровержителей слишкомъ поспѣшенъ.

Мнѣ говорятъ, что я черпаю свои данныя на основаніи показаній лицъ, „выгнанныхъ со службы за неблаговидные поступки“.

Рѣчь идетъ о поручикѣ Винтерѣ, аттестуемомъ такъ генераломъ Хаскинымъ за рядъ неугодныхъ генералу Хаскину дѣйствій поручика Винтера. Виновенъ, или не виновенъ поручикъ Винтеръ, это установитъ судъ, которому придется разсмотрѣть показанія и другихъ лицъ; онъ же, судъ, долженъ будетъ установить и виновность генерала Хаскина, которая, мнѣ кажется, теперь уже особенно очевидна, такъ какъ генералъ Хаскинъ привлекъ меня къ суду не за клевету, а „за диффмацію“,... считая это для себя болѣе безопаснымъ.

Посмотримъ, что же военное министерство называетъ „слухами“. Интендантскіе чины проигрывали большія суммы...

— Я приводилъ факты.

...Исчезали вагоны и цѣлые поѣзда съ казеннымъ грузомъ.

— Подробности этихъ исчезновеній я укажу на судѣ, а пока вотъ небольшая иллюстрація къ этимъ исчезновеніямъ, помимо извѣстныхъ мнѣ.

Цитирую газетную замѣтку (см. „Русь“ № 305).

— Въ министерствѣ путей сообщеній получены свѣдѣнія о „пропажѣ“ болѣе 1,000 вагоновъ съ каменнымъ углемъ, груженымъ на ст. Черемхово, Кутуликѣ, Толбагѣ и отправленныхъ на ст. „Борзя“, *Забайкальской ж. д.* Изъ донесенія видно, что вагоны не отправлялись совсѣмъ, но документы на ихъ отправку были составлены и съ поставщиками произведенъ былъ расчетъ. Послѣ такой операціи уголь былъ проданъ разнымъ лицамъ по болѣе высокой цѣнѣ. Угольная „панама“ оцѣнивается въ 250,000 руб.

Это дѣлается и *доселѣ*. И, конечно, потому, что въ случаяхъ прежнихъ виновные были поощрены безнаказанностью.

Суду, повторяю, будутъ даны мною именно эти „прежніе“ случаи. Военное министерство до сихъ поръ о нихъ ничего не знаетъ, а между тѣмъ въ главномъ штабѣ по поводу пропавшихъ поѣздовъ своевременно была очень подробная и длинная переписка.

„Гурты скота обходились не менѣе 60 рублей пудъ“.

— Да! и это я вновь утверждаю относительно извѣстныхъ мнѣ случаевъ и удивляюсь, что военное министерство такъ мало знаетъ въ какія бѣшеныя деньги обходилось мясо, доставлявшееся интендантствомъ.

Военному министерству, конечно, не нравятся мои отзывы о генералѣ Надаровѣ и Парчевскомъ.

Про перваго я сказалъ, что онъ былъ „...душой чудовищнаго заговора на государственные интересы“.

— Это я утверждалъ и утверждать продолжаю и въ виновности генерала Надарова должно будетъ убѣдиться военное министерство, какъ скоро оно получитъ результаты своихъ разслѣдованій. Все описанное мною изъ дѣятельности тѣхъ, кого назвалъ я „героями“ тыла, лежитъ на совѣсти начальника тыла армій генерала-лейтенанта Надарова.

По поводу его отрицанія прикосновенности къ поборамъ съ публичныхъ домовъ, я уже говорилъ.

Къ тому, что увеселительныя заведенія закрывались и открывались по его усмотрѣнію, я укажу суду примѣры, подробности этихъ примѣровъ, всю обстановку и свидѣтелей.

Впрочемъ, отчасти въ виновности генерала Надарова министерство военное и согласно, такъ какъ заявило, что:

„...въ настоящее время въ судебномъ производствѣ находится свыше 30 дѣлъ объ однихъ только чинахъ различныхъ тыловыхъ учрежденій, не считая дѣлъ уже законченныхъ въ установленномъ порядкѣ“.

Смѣю надѣяться, что благодаря моимъ оглашеніямъ военное министерство къ цифрѣ 30 принуждено будетъ приписать въ видѣ дополненія мои данныя, которыя по его мнѣнію равны 0; здѣсь и этотъ „нуль“ увеличитъ число дѣлъ до 300, если не болѣе, такимъ образомъ, ярче подтвердитъ виновность Надарова, въ тылу, котораго онъ былъ главнымъ начальникомъ, эти преступленія совершались.

Всѣ возраженія министерства на мои обвиненія генерала Надарова, возраженія, почерпнутыя изъ отвѣта самого Надарова (см. „Русск. Инв.“) падаютъ передъ заявленіемъ самого военнаго ми-

нистерства о томъ, что уже производится дознаніе по 8 пунктамъ мною выставленныхъ обвиненій.

Между ними пункты 6) о продажѣ 360 тысячъ пудовъ испорченной муки изъ харбинскаго склада и 7) о порученіи инж. Михайловскому заготовки 10 милліоновъ пудовъ сѣна, отъ каковой заготовки казна понесла полтора милліона руб. убытка—по моему всецѣло относятся, какъ и остальные пункты, къ генералу Надарову, бывшему начальнику тыла манчжурской арміи и утверждаютъ наличность очень значительныхъ хищеній въ тылу.

Я сказалъ, что, къ сожалѣнію, много бумагъ очень цѣнныхъ было уничтожено: онѣ сгорѣли. — Министерство, со словъ самого Надарова, это отрицаетъ — тѣмъ лучше, если бумаги цѣлы, на ожидаемомъ слѣдствіи слѣдственная власть ими воспользуется.

Вставъ на защиту обвиненныхъ мною хищниковъ крупныхъ и мелкихъ, военное министерство очень усердно защищаетъ генерала Ростковскаго опять-же въ обвиненіяхъ менѣе значительныхъ, обвиненія серьезныя, обходя краснорѣчивымъ молчаніемъ. Почему? Не потому ли что уже ихъ совершенно невозможно окрестить „слухами“, такъ какъ они цѣликомъ основаны на цитатахъ поименно и за нумерами оглашаемыхъ документовъ?

Если военное министерство на основаніи „слуховъ“ всетаки, какъ само признается, назначаетъ слѣдствіе, то отчего же оно замалчиваетъ свои намѣренія по поводу оглашенныхъ мною оффиціальныхъ актовъ и документовъ, свидѣтельствующихъ о виновности самого ген. Ростковскаго?

Я утверждалъ, что ген. Ростковскій особенно покровительствуетъ „своимъ людямъ“ и называлъ по имени „своихъ людей“ ген. Ростковскаго.

Эти обвиненія не такъ серьезны и не потому ли отъ нихъ военное министерство защищаетъ такъ энергично ген. Ростковскаго.

Я говорилъ о преступленіи по службѣ одного изъ родственниковъ Ростковскаго; въ „опроверженіи“ указывается, что сей чиновникъ состоитъ всего въ 7-й степени родства съ генераломъ Ростковскимъ и „о какихъ либо имъ совершенныхъ проступкахъ до свѣдѣнія главнаго интенданта доведено не было“.

Принужденъ изложить подробности.

Я говорилъ, что существуютъ три чиновника Ростковскихъ (родственниковъ генерала Ростковскаго) —, одинъ въ Варшавѣ. который до войны занималъ должность 6-го класса въ чинѣ губернскаго секретаря, второй — служитъ въ Тифлисѣ, и наконецъ,

третій, служащій теперь столоначальникомъ въ Иркутскѣ, къ которому видимо и относится „опроверженіе“.

Я о немъ говорилъ, что будучи начальникомъ тылового интендантскаго управленія, обнаружилъ не „нерадѣніе“, какъ мягко выражено въ „опроверженіи“, а очевидное преступленіе по службѣ. При ревизіи помощникомъ интенданта тыла, д. с. с. Соловьевымъ, текущихъ бумагъ—обнаружилось, что у столоначальника Ростковскаго ко дню ревизіи оказалась тысяча неисполненныхъ бумагъ (требованій), вслѣдствіи чего тысяча войсковыхъ денежныхъ требованій осталась безъ удовлетворенія интендантствомъ.

Это такъ; а если военное министерство этого не знаетъ, я, это знающій, предлагаю военному министерству прочесть приказъ по тыловому интендантству генерала Парчевскаго о результатахъ ревизіи д. ст. сов. Соловьевымъ, гдѣ указанъ въ подробностяхъ означенный фактъ. Если этотъ приказъ былъ бы прочитанъ, то мой разсказъ о дѣятельности одного изъ родственниковъ Ростковскаго не явился бы сюрпризомъ военному министерству. Этимъ приказомъ тит. сов. Ростковскій былъ отставленъ отъ должности столоначальника и намѣченъ былъ на должность „помощника завѣдующаго хлѣбопекарней“. Это назначеніе не состоялось, Ростковскій былъ отправленъ въ одинъ изъ корпусовъ интендантства и по прошествіи трехъ мѣсяцевъ былъ возвращенъ обратно въ тыловое интендантство и теперь занимаетъ должность столоначальника въ Иркутскѣ. Что же касается до родственныхъ узъ съ Ростковскимъ, долженъ сказать, что степень родства мнѣ неизвѣстна, такъ какъ метрики я не видѣлъ, но мнѣ извѣстно, что чиновникъ Ростковскій называлъ себя племянникомъ главнаго интенданта и этимъ обстоятельствомъ сослуживцы объясняли поразительное попустительство начальства къ служебнымъ преступленіямъ чиновника Ростковскаго.

Далѣе я коснусь слѣдующихъ возраженій военнаго министерства.

Генералъ Ростковскій заявляетъ, что не получалъ письма Козлова отъ заводчика Кольберга, и потому Ростковскій не зналъ о требованіи генераломъ Козловымъ взятки на устройство подряда, и не только замялъ это дѣло, но и далъ генералу Козлову отвѣтственный постъ въ тыловомъ интендантствѣ. О томъ, какъ дѣйствовалъ генералъ Козловъ на войнѣ въ тыловомъ интендантствѣ, я уже говорилъ. Что же касается до требованій взятокъ и ихъ полученія, то, благодаря неосторожности самого генерала Козлова, о нихъ имѣются у меня и другія доказательства, которыя будутъ

представлены суду. По поводу ротмистра Ивкова дополню, что самъ генералъ Ростковскій въ присутствіи свидѣтелей разсказывалъ, что простилъ однажды ротмистра Ивкова, попавшагося въ служебномъ подлогѣ; это было послѣ того, когда ротмистръ Ивковъ былъ уличенъ въ такомъ преступленіи, въ которомъ генералъ Ростковскій „простить“ уже не могъ. Разсказывая какъ онъ его простилъ, генералъ Ростковскій передавалъ, что онъ, Ивковъ, просилъ его о прощеніи, цѣлуя руки; этого отрицать генералъ Ростковскій не можетъ, потому смѣшеніе этихъ двухъ фактовъ въ „опроверженіи“ кажется мнѣ непонятнымъ.

Очень туманно и очень неопредѣленно возраженіе министерства по поводу устройства вещевого склада въ Варшавѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что генераломъ Ростковскимъ допущена серьезная ошибка, чтобы не сказать больше; извѣстное „исправленіе“ этихъ ошибокъ обѣщаетъ военное министерство, далеко не исчерпывая въ своемъ возраженіи результатовъ этихъ ошибокъ.

Къ этому вопросу, въ виду особой его важности и въ виду имѣющихся у меня значительныхъ данныхъ, обнаруживающихъ ошибки серьезныя, свидѣтельствующія о необходимости разслѣдовать — я еще вернусь.

Интересны возраженія по поводу „неправильныхъ дѣйствій“ московской пріемной комиссіи.

Военное министерство заявляетъ, что „подтвержденныя разслѣдованіемъ небрежность, неаккуратность и рядъ отступленій отъ пріема, допущенные чинами московской пріемной комиссіи, при отсутствіи въ ихъ дѣйствіяхъ злого умысла и при установленіи, что въ дѣлѣ этомъ нѣтъ основаній усмотрѣть наличность уголовнаго преступленія — подлога, имѣли своимъ послѣдствіемъ наложеніе, по приказанію военнаго министра, взысканія въ административномъ порядкѣ на чиновъ московской пріемной комиссіи, къ сему причастныхъ, до увольненія отъ службы включительно“.

„Опроверженіе“ сильное!

Приблизительно такое же очень длинное „опроверженіе“ и по поводу дѣла г-жи Парадни, гдѣ преступленіе пытаются облѣднить, называя „комиссіоннымъ процентомъ“ то, что я называлъ взяткой.

Интересно утвержденіе со словъ г-на Космана, что онъ не былъ подъ особымъ покровительствомъ генерала Хлыновскаго, такъ какъ-де служилъ за тысячу верстъ отъ Иркутска, „ни въ какія командировки не ѣздилъ, прогоновъ не получалъ и начета на него сдѣлано не было“. Въ своемъ возраженіи самъ Космапъ разска-

зываетъ, что неоднократно „представлялся“ Хлыновскому; спрашивается, какъ онъ могъ это дѣлать, если къ Хлыновскому въ Иркутскъ не ѣздилъ?

Отвѣчая военному министерству, принужденъ выразить крайнее недоумѣніе — почему обойдены молчаніемъ опубликованные мною факты, куда значительнѣе и серьезнѣе тѣхъ, коимъ военное министерство посвятило семнадцать листовъ „опроверженія?“

1) Взяточничество петербургской пріемной комиссіи, подробно описанное съ указаніемъ именъ и процентовъ и съ утвержденіемъ, что оно извѣстно генералу Ростковскому, не вызвало „возраженія“ министерства.

Напомню военному министру статью 175 воинск. уст. о нак. (кн. XXII св. военн. пост. 1869 г. изд. 3):

„Если начальникъ, достовѣрно зная объ учиненномъ по дѣламъ службы какомъ либо, болѣе или менѣе важномъ преступленіи или проступкѣ своего подчиненнаго, не подвергнетъ его надлежащему, по данной ему власти, взысканію или не предастъ его суду, или же въ случаѣ, когда сіе закономъ вмѣнено ему въ обязанность, не донесетъ о томъ высшему начальству, по установленному порядку подчиненности, то онъ за сіе подвергается наказаніямъ, опредѣленнымъ за укрывательство, сообразно съ постановленіями 73 ст. сего устава“.

2) Израсходованіе генераломъ Ростковскимъ „тридцати милліоновъ“ на заготовку въ Россіи теплой одежды солдатамъ, каковая заготовка, по точнымъ подсчетамъ, должна была обойтись на „двадцать четыре милліона“ меньше.

Такъ какъ я цитировалъ документъ, хорошо извѣстный генералу Ростковскому, — молчаніе послѣдняго имѣю право назвать краснорѣчивымъ. Оффиціальное отношеніе отъ 10 сентября 1907 г. № 32048.

3) Заготовка муки генераломъ Ростковскимъ (см. № 294 „Руси“). Мука изъ Россіи приходила въ комьяхъ, и по многимъ цитатамъ изъ опредѣленныхъ бумагъ я выяснилъ наличность несомнѣннаго и крупнаго преступленія.

Оставленіе министерствомъ безъ отвѣта этихъ данныхъ представляется непонятнымъ; оно поважнѣе тѣхъ, коимъ посвящено 17 листовъ.

4) Солдатскіе сапоги, которымъ посвящена статья (въ № 297 „Руси“. Глава LVIII „Героевъ“ тыла) — обойдены молчаніемъ, и безо всякаго возраженія оставлено подлинное письмо д. ст. сов.

Денисова о взяткѣ въ 600,000 р. и вопіющія данныя о качествѣ принятыхъ сапогъ по оффиціальнымъ даннымъ, мною изложеннымъ.

И это, конечно, не все! Еще обойдены молчаніемъ всѣ болѣе значительныя мои обвиненія. (Цифры портъ-артурскихъ заготовокъ, акты о фуражѣ и мукѣ и проч. и проч.) Менѣе значительныя, хотя названы слухами, но разслѣдованіе по нимъ всетаки *назначено*.

Я жду разслѣдованія по всѣмъ преступленіямъ, твердо увѣренный, что ихъ поведутъ люди, *не причастные къ вѣдомству*, ибо разслѣдованіе только такихъ лицъ можетъ быть авторитетно въ глазахъ общества.

Я спрашиваю военное министерство, почему въ его оффиціальномъ сообщеніи пропущены мои главнѣйшія и центральныя обвиненія?

Почему оно сочло возможнымъ увидѣть въ рядѣ моихъ статей, сказавшихъ ему самому объ его хозяйствѣ много ему неизвѣстнаго, однако весьма важнаго — „инсинуацію?“

Оба эти вопроса прошу военное министерство безъ отвѣта не оставить.

IV.

Продолженіе возраженія военнаго министерства и мой отвѣтъ.

При ревизіи московской пріемной комиссіи былъ обнаруженъ пріемъ комиссіей по стачкѣ съ фабрикантомъ неудовлетворительныхъ суконъ и учиненіе подлоговъ. Дѣло это было замято и взысканію подвергся одинъ только «стрѣлочникъ»—вольнонаемный писарь комиссіи.

О неправильныхъ дѣйствіяхъ въ московской пріемной комиссіи въ 1905 году было произведено, по приказанію главнаго интенданта, дознаніе, а по выясненіи всѣхъ обстоятельствъ, это дѣло во всѣхъ подробностяхъ и со всѣми данными, добытыми разслѣдованіемъ, доложено было военному министру. Подтвержденная этимъ разслѣдованіемъ небрежность, неаккуратность и рядъ отступленій отъ пріема, допущенные чинами московской пріемной комиссіи, при отсутствіи въ ихъ дѣйствіяхъ злого умысла и при установленіи, что въ дѣлѣ этомъ нѣтъ основаній усмотрѣть наличность уголовнаго преступленія — подлога—имѣли своимъ послѣдствіемъ наложеніе, по приказанію военнаго министра, взысканія въ административномъ порядкѣ на чиновъ московской пріемной комиссіи къ сему причастныхъ до увольненія отъ службы включительно.

Я спрашиваю военное министерство—что-же это „возраженіе“ опровергаетъ? Разслѣдованіемъ обнаружена небрежность, неаккуратность и рядъ отступленій, но не обнаружена... наличность преступленія.

Что касается увольненія вольнонаемнаго письмоводителя (Уварова), то это увольненіе было вызвано не обстоятельствами указаннаго дѣла, къ коему онъ совершенно непричастенъ, а признаніемъ необходимости вообще уничтожить особое письменное дѣлопроизводство во всѣхъ пріемныхъ комиссіяхъ, съ возложеніемъ такового на вещевые склады, почему одновременно было сдѣлано распоряженіе объ увольненіи писарей во всѣхъ пріемныхъ комиссіяхъ

„Небрежность“, „неаккуратность“ — говоритъ военное министерство, и даже увольненіе письмоводителя Уварова, названнаго мною „стрѣлочникомъ,“ не имѣетъ связи съ несомнѣнными преступленіями въ дѣйствіяхъ московской пріемной комиссіи.

Дабы охарактеризовать эти дѣйствія, я оглашу приказъ по интендантскому вѣдомству отъ 3-го марта за № 56, гдѣ генералъ Ростковскій объясняетъ, почему эти „небрежности“ и „неаккуратности“, причинившія ущербъ казнѣ „могутъ обойтись безъ уголовнаго преслѣдованія“.

Интересна и резолюція военнаго министра, гдѣ сказано буквально: „вольнонаемнаго писаря Уварова немедленно уволить со службы“. Правда увольняются и другія лица.

Я сказалъ, что дѣло было „замято“.

Изъ слѣдующаго приказа, читатель видитъ разсказъ о явныхъ злоупотребленіяхъ, между тѣмъ большей карой было — лишь увольненіе нѣсколькихъ лицъ (въ томъ числѣ и *Уварова*, какъ видно изъ приказа, эти мотивы увольненія котораго отрицаетъ министерство).

ПРИКАЗЪ

по интендантскому вѣдомству 3-го марта № 56.

По произведенномъ въ минувшемъ году дознаніи о высылкѣ для повѣрочнаго изслѣдованія въ техническомъ комитетѣ главнаго интендантскаго управленія принятыхъ въ томъ году *московскою пріемною комиссіею* предметовъ вещевого довольствія и разслѣдованію о способѣ пріема суконъ этою комиссіею, оказалось, что практикующійся 1 отдѣломъ московской пріемной комиссіи способъ и порядокъ пріема суконъ *совершенно не отвѣчаетъ задачамъ комиссіи*, требованіямъ инструкцій пріема и условіямъ на поставку суконъ. Допускаемыя въ этомъ отношеніи комиссіей отступленія и неправильности, согласно разслѣдованію, выразились въ слѣдующемъ: *подсортировки половинокъ сукна не производятся, каймы досматриваются лишь на вѣсахъ, выборъ половинокъ для техническаго изслѣдованія неправиленъ и не достигаетъ цѣли;* за работой техника члены не наблюдаютъ, порядокъ составленія ярлыка и фактурной книги неудобенъ, непрактиченъ и ведетъ къ ошибкамъ, фактурная книга ведется безъ всякой системы, книга записей результатовъ мочки хотя и ведется, но карандашемъ и довольно небрежно.

Одновременно съ пріемомъ суконъ, другимъ 3-мъ отдѣломъ

той же пріемной комиссіи было принято *150,000 непромокаемыхъ накидокъ, предназначавшихся для нуждъ дѣйствовавшихъ армій.*

Для контрольнаго изслѣдованія въ техническомъ комитетѣ главнаго интендантскаго управленія этихъ накидокъ, изъ московскаго вещевого интендантскаго склада были выбраны 10 экземпляровъ накидокъ поставки фирмы „К. Тиль и комп.“. На основаніи результатовъ произведеннаго изслѣдованія, контрольная комиссія заключила, что означенныя накидки не могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными, такъ какъ онѣ отступаютъ отъ описанія, главнымъ образомъ, въ отношеніи длины рукавовъ, которые короче противъ требованія на одинъ вершокъ, кромѣ того, часть накидокъ имѣетъ меньшую длину, особенно сзади. Качество матеріала, изъ котораго изготовлены накидки, не однообразное. На основаніи этого, журналомъ техническаго комитета отъ 3 сентября 1905 года за № 59, рѣшено было произвести пересмотръ накидокъ, состоящихъ въ московскомъ вещевомъ складѣ. По произведенной затѣмъ повѣркѣ, ко времени переосвидѣтельствованія накидокъ ихъ состояло въ складѣ 79460. *Изъ этого количества 73711 оказались нормальныхъ размѣровъ, 500 короткихъ и 5189 изъ сатиноваго тканья, недоброкачественныхъ по меньшему разрыву.* Такъ какъ въ числѣ означенныхъ накидокъ преобладалъ малый ростъ, то это привело къ заключенію, что при ихъ изготовленіи было израсходовано матеріала *меньше противъ требуемаго*, что составило *ущербъ казны.* Ущербъ этотъ, по подсчету техническаго комитета, признавъ дѣйствія московской пріемной комиссіи въ отношеніи пріема означенныхъ накидокъ неправильными и относительно членовъ 3-го отдѣла комиссій предсѣдателя и заслуживающими *порицанія*, полагалъ: оставивъ служебную *отвѣтственность* чиновъ комиссіи *открытою*, весь указанный убытокъ казны, причиненный означеннымъ пріемомъ, возмѣстить путемъ взысканія съ чиновъ 3-го отдѣла московской пріемной комиссіи, но фирма „К. Тиль и комп.“, особою подпискою онъ 27 января настоящаго года приняла на себя весь этотъ убытокъ, происшедшій отъ пріема несоотвѣтственныхъ накидокъ, и обязалась возмѣстить его въ мѣсячный срокъ со дня полученія повѣстки отъ интендантства.

Объясняя до нѣкоторой степени дѣйствія чиновъ московской пріемной комиссіи по пріему суконъ и накидокъ той спѣшностью, съ которой производился пріемъ суконъ и накидокъ для нуждъ

дѣйствовавшихъ на Дальнемъ Востокѣ войскъ, я въ то же время призналъ, согласно заключенію московскаго интендантства, что проявленная чинами комиссіи небрежность и неаккуратность, при пріемѣ суконъ и сдѣланный ими рядъ серьезныхъ отступленій отъ правилъ этого пріема, а также допущенныя неправильности при пріемѣ накидокъ, представляются достаточно значительными и существенными и *хотя не могутъ обойтись безъ уголовнаго преслѣдованія*, но требующими принятія серьезныхъ мѣръ.

По докладу объ этомъ военному министру и, принимая во вниманіе, что убытокъ причиненный казнѣ неправильнымъ пріемомъ провѣренныхъ и хранящихся въ московскомъ вещевомъ складѣ накидокъ, полностью возмѣщается казнѣ поставляющею эти накидки фирмою „К. Тиль и комп.“, обязавшеюся особою подпискою отъ 27 января сего года, въ мѣсячный срокъ со дня полученія повѣстки интендантства или замѣнить 5.198 накидокъ сатиноваго тканья и 560 маломѣрныхъ 1-го роста — новыми накидками, вполнѣ отвѣчающими условіямъ заготовленія, или въ тотъ же мѣсячный срокъ взять обратно эти накидки и внести въ казну стоимость ихъ, выражающуюся, считая по контрактной цѣнѣ 3 руб. 55 коп. за накидку, въ суммѣ 20,440 руб. 90 коп., а также уплатить казнѣ стоимость недоданныхъ въ накидкахъ 19,009 арш. ткани, что, считая среднюю стоимость аршина ткани 37 коп., составить 7,033 руб. 33 коп., — его превосходительство приказалъ:

1) По отношенію къ чинамъ комиссіи, принимавшимъ сукна: относительно временно завѣдывавшаго I отдѣломъ полковника *Артабалевскаго* ограничиться увольненіемъ отъ службы, о чемъ имъ уже и подано прошеніе; членовъ того же отдѣла отъ войскъ: полковника Калиновскаго и поручика Королевича подвергнуть дисциплинарному взысканію по усмотрѣнію командующаго войсками московскаго округа; техника московской пріемной комиссіи, коллежскаго ассесора Криштофа, отчислить отъ комиссіи, а вольнонаемнаго письмоводителя Уварова немедленно уволить отъ службы и

2) По отношенію къ чинамъ пріемной комиссіи, принимавшимъ накидки; предсѣдателя 3 отдѣла полковника Пилсудскаго и временно замѣнявшаго его подполковника Святогоръ-Штепина — отчислить отъ комиссіи, объявивъ имъ этимъ строгій выговоръ въ приказѣ по интендантскому вѣдомству, а членовъ того же отдѣла: отъ интендантства подполковника Загребельскаго и отъ войскъ: полковниковъ Федорова и Милахова, штабъ-капитана Залевскаго и поручика Короткова отчислить отъ комиссіи, подвергнувъ ихъ

также дисциплинарному взысканію: перваго — по моему усмотрѣнію, а остальныхъ — по усмотрѣнію командующаго войсками. Въ случаѣ же невозмещенія фирмою „К. Тиль и комп.“ въ мѣсячный срокъ, согласно данной ею подпискѣ всѣхъ убытковъ, причиненныхъ казнѣ сдачею несоотвѣтственныхъ накидокъ, предложить вышеупомянутымъ лицамъ, принимавшимъ эти накидки, возмѣстить въ мѣсячный срокъ полностью всѣ убытки казны, а при неисполненіи сего — взыскать съ нихъ эту сумму установленнымъ закономъ порядкомъ.

Вслѣдствіе сего, сдѣлавъ соотвѣтствующія распоряженія о приведеніи въ исполненіе означеннаго приказанія военнаго министра и въ томъ числѣ объ отчисленіи полковника Пилсудскаго и подполковника Святогоръ-Штепина отъ московской пріемной комиссіи,—объявляю этимъ двумъ штабъ-офицерамъ строгій выговоръ за указанный пріемъ отъ фирмы „К. Тиль и комп.“ „несоотвѣтствующихъ накидокъ“.

Даже изъ этого приказа, въ которомъ почему то говорится о виновныхъ въ тонѣ явно *защитительномъ*, — совершенно очевидно наличіе существующихъ злоупотребленій, о коихъ я писалъ... Что же опровергнуло военное министерство? Въ сущности только то, что уволенъ не одинъ „стрѣлочникъ“, а нѣсколько. А судебнаго разбирательства не было! Карали только административно.

Говоря о дѣятельности генерала Хлыновскаго, Купчинскій утверждаетъ, что одинъ изъ подчиненныхъ этого генерала, чиновникъ Косманъ, будучи приближеннымъ къ генералу лицомъ, его «любимчикомъ», все время, разъѣзжалъ по разнымъ порученіямъ то въ дѣйствующую армію, то въ Петербургъ, то въ разныя другія мѣста, получая прогоны за всѣ эти проѣзды, тогда какъ другимъ выдавались только предложенія, за что теперь на Космана сдѣланъ начетъ». Въ дѣйствительности Косманъ, занимая во время войны должность смотрителя госпиталя въ Красноярскѣ, т. е. въ 1000 верстахъ отъ Иркутска, мѣста пребыванія самого генерала Хлыновскаго,—ни въ какія рѣшительно командировки не ѣздилъ, прогоновъ не получалъ и никакого начета на него сдѣлано не было.

Какъ я уже говорилъ, г. Косманъ не отрицаетъ свиданія свои съ генераломъ Хлыновскимъ, а подтверждаетъ ихъ своимъ разсказомъ о представленіяхъ Хлыновскому. Если изъ Красноярска въ Иркутскъ г. Косманъ не ѣздилъ, то, спрашивается, какъ онъ видѣлся съ Хлыновскимъ. Прогоны ему оплачивались; сдѣланный же начетъ, всегда былъ отмѣненъ.

Но дѣло видимо не въ томъ. Вѣдь въ сущности о Космановѣ было сказано вскользь, тогда какъ о преступленіяхъ генерала Хлыновскаго говорилось очень подробно; видимо, военное министерство хочетъ опровергнуть виновность генерала Хлыновскаго. Въ своемъ возраженіи я буду кратокъ. Пусть читатель самъ сдѣлаетъ выводъ изъ этихъ двухъ приказовъ, *подлинники* которыхъ у меня.

Вотъ извлеченія изъ приказа главнокомандующаго за № 1474, отъ 23 іюля 1905 года, отданнаго въ приказѣ генерала Надарова, главнаго начальника тыла армій за № 580.

„Начальникъ санитарной части донесъ мнѣ, что въ позднѣйшее время въ войскахъ сильно увеличивается заболѣваемость нижнихъ чиновъ, причемъ большею частью *заболѣваютъ животы*, но иногда появляется даже и дизентерія!

Во избѣжаніе распространенія желудочныхъ заболѣваній, а особенно дизентеріи, вновь прошу командующаго арміей, чтобы остановить увеличивающуюся заболѣваемость: 1) выдавать нижнимъ чинамъ *вкусную и питательную пищу*... 4) Хлѣбъ выдавать хорошо выпеченный; къ сожалѣнію, иногда выдается нижнимъ чинамъ хлѣбъ недостаточно выпеченный... и т. д.

Слѣдуетъ пунктъ указаній относительно заботъ о солдатахъ. Посмотримъ, какъ этотъ приказъ исполнялся.

Это касается генерала Хлыновскаго.

ПРИКАЗЪ

Главнаго Начальника тыла манчжурской арміи

№ 265

г. Харбинъ 29 апрѣля 1905 года.

Посѣтилъ сегодня харбинскій сводный № 1 госпиталь. Наружный видъ и внутри ремонтируется хорошо, видны заботы.

Видѣлъ порціи, которыя раздавали больнымъ.

Мясо очень плохое, порціи очень маленькія, ни одной порціи не видѣлъ, чтобы была около 17 — 18 золотниковъ.

Спросилъ сестеръ милосердія, почему не заявляютъ, отвѣтили, что дежурному по госпиталю обыкновенно заявляли о *плохомъ качествѣ мяса*.

Былъ на кухнѣ, тамъ тоже видѣлъ очень скверное мясо, изъ котораго приготовляли пищу для больныхъ и такія же маленькія порціи.

Обошелъ весь госпиталь, ни дежурнаго врача, ни смотрителя, ни главнаго врача не видѣлъ; сестры всѣ были налицо.

Совсѣмъ не узналъ перваго своднаго госпиталя. На недостатки пищи въ этомъ госпиталѣ я на дѣлѣ обращалъ вниманіе и. д. инспектора госпиталей, но видно надзора мало... Никто въ этомъ госпиталѣ не интересуется своимъ дѣломъ.

За таковые непорядки: и. д. инспектора госпиталя полковнику Ашехманову ставлю это на видъ. И. д. мѣстнаго началь-

ника госпиталей полковнику Невѣдомскому объявляю замѣчаніе. Главному врачу 1 сводн. харбинскаго госпиталя кол. сов. Трусову объявляю выговоръ.

Служителя госпиталя арестовать на 7 сутокъ. Дежурнаго ординатора арестовать на 3 сутокъ домашнимъ арестомъ.

Очень жаль, что у дежурныхъ ординаторовъ оказалось мало гражданскаго мужества, чтобы рапортомъ по командѣ донести о невозможно скверномъ мясѣ, которое идетъ въ пищу больнымъ.

Подписалъ главный начальникъ тыла армій генералъ-лейтенантъ *Надаровъ*.

По поводу послѣднихъ словъ невольно хочется спросить генерала Надарова, неужели онъ не знаетъ, что бываетъ съ тѣмъ, кто „доносятъ“, исполняя присягу?...

Если этого аттестата дѣятельности генерала Хлыновскаго, вѣдавшаго госпиталями и санитарными поѣздами, недостаточно, приведу еще приказъ ген. Надарова:

ПРИКАЗЪ

Главнаго начальника тыла манчжурской арміи

№ 40.

Г. Харбинъ 31 января 1905 года.

Вчера, 30 января я посѣтилъ центральную больницу Китайско-Восточной желѣзной дороги въ Харбинѣ. Я былъ болѣе, чѣмъ пораженъ, найдя учрежденіе, которое никакъ нельзя назвать лечебнымъ заведеніемъ. Всюду грязно, закопчено, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прогнившіе полы; такъ называемое чистое бѣлье вымыто скверно, проглажено, или выкатано еще хуже, а сложено въ полнѣйшемъ безпорядкѣ — производитъ впечатлѣніе склада грязнаго бѣлья. Лампы коптятъ и по объясненію старшаго врача потому коптятъ, что желѣзная дорога не даетъ стеколъ и потому приходится довольствоваться ламповыми. Превосходно устроенныя отхожія мѣста содержатся въ невозможномъ состояніи. Воздухъ въ палатахъ почти вездѣ спертый, по объясненію старшаго врача отъ переполненія больницъ больными, но я полагаю отъ несвоевременной вентиляціи палатъ.

Сердечнаго отношенія къ больнымъ незамѣтно; одинъ ссылается на другого и никто не признаетъ за собой вины въ невозможно скверномъ содержаніи лечебницы.

Прошу управляющаго и т. д....

Подписалъ главный начальникъ тыла арміи генералъ-лейтенантъ *Надаровъ*.

Недурная лечебница, если самъ генералъ Надаровъ ее такъ аттестуетъ!..

Взявъ, напримѣръ, эти три приказа самого Надарова, я высказываю понятное удивленіе: почему же заступалось военное министерство за дѣятельность генерала Х ановскаго, въ сущности остановившись на мелочи.

V.

Возраженіе на сообщеніе военнаго министерства.

Какъ примѣръ вопіющихъ злоупотребленій, существующихъ въ интендантствѣ, Купчинскій приводитъ, между прочимъ, дѣло вдовы отставного тайнаго совѣтника Парадни, бывшаго интенданта 2-го кавалерійскаго корпуса, съ которой два офицера варшавскаго окружнаго интендантскаго управленія, подполковники Клейнеръ и Клеверъ требовали, будто-бы, взятку по 1000 руб. каждому за порученную ея покойному мужу заготовку комиссіоннымъ способомъ ржи для войскъ варшавскаго военнаго округа, а когда она имъ отказала, то они дошли до такой степени дерзости, что предъявили къ ней искъ въ гражданскомъ судѣ. Съ жалобой на дѣйствія этихъ офицеровъ г-жа Парадни обращалась къ различнымъ военнымъ властямъ, до военнаго министра включительно, но до сихъ поръ не добилась назначенія слѣдствія. При этомъ Купчинскій приводитъ подлинный текстъ прошенія г-жи Парадни на имя военнаго министра.

Несмотря на явную несообразность заявленія г-жи Парадни о требованіи съ нея взятки черезъ судъ, по прошенію этому были все-таки затребованы главнымъ военно-суднымъ управленіемъ свѣдѣнія сначала отъ главнаго интендантскаго управленія, а затѣмъ изъ штаба варшавскаго военнаго округа. Изъ доставленной въ настоящее время переписки видно, что по прошенію г-жи Парадни было произведено, по распоряженію командующаго войсками варшавскаго военнаго округа, подробное разслѣдованіе. Разслѣдованіемъ этимъ установлено, что заготовка ржи была поручена тайному совѣтнику Парадни совмѣстно съ названными выше офицерами, которые поэтому и должны были получить причитающіяся имъ доли установленнаго комиссіоннаго вознагражденія за заготовку; но, за смертью Парадни, доли эти остались имъ не уплаченными, что и послужило основаніемъ для иска ихъ съ г-жи Парадни, какъ наслѣдницы мужа. Варшавскій окружный судъ въ искѣ отказалъ и теперь дѣло перенесено ими въ судебную палату. Вслѣдствіе сего жалоба г-жи Парадни и была оставлена командующимъ войсками безъ послѣдствій.

Что это за „доли установленнаго комиссіоннаго вознагражденія“? Не то ли, что я назвалъ взяткой и что взяткой называетъ г-жа Парадни?

Если это такъ, то зачѣмъ же мои указанія отрицаетъ военное министерство? Если же это не такъ, то зачѣмъ оно говоритъ такъ туманно и неопредѣленно о фактѣ, разсказанномъ у меня очень обстоятельно?

Приведенныхъ примѣровъ, конечно далеко еще не исчерпывающихъ всѣхъ допущенныхъ въ статьяхъ Купчинскаго неправильностей извращенія фактовъ и т. п., вполнѣ достаточно, однако для сужденія о томъ, въ какой мѣрѣ статьи эти заслуживаютъ довѣрія.

Гдѣ же „неправильности“ и въ чемъ извращеніе фактовъ“? Военное министерство единственно въ чемъ можетъ меня обвинять—это въ неполнотѣ, но я долженъ напомнить военному ми-

синтерству, что я не являюсь его служащимъ, а оглашаю извѣстное мнѣ sua sponte въ увѣренности, что оглашаемое *лучше меня*, а не хуже меня должно быть извѣстно военному министерству. На дѣлѣ этого, однако, не оказывается.

Въ дополненіе къ первому своему сообщенію военное министерство разослало сегодня газетамъ новое сообщеніе. Въ немъ оно говоритъ о четырехъ пунктахъ очень серьезныхъ и крупныхъ обвиненій. Сперва военное министерство не нашло нужнымъ возразить на нихъ, теперь оно сообщаетъ свои возраженія, которыя на мой взглядъ вовсе не опровергаютъ, а только *подтверждаютъ* оффиціально, хотя и въ другихъ подробностяхъ, существованіе описанныхъ преступленій.

Въ пунктахъ этихъ военное министерство отозвалось на этотъ разъ:

1) На дѣло Писарева.

2) На вопросъ о дешевой распродажѣ въ Харбинѣ 300,000 п. муки.

3) На 30 милліон., израсходованныхъ ген. Ростковскимъ на теплую одежду солдатъ.

4) На дѣло о сапогахъ.

Но и въ первомъ и во второмъ сообщеніи своемъ военное министерство обходитъ полнымъ молчаніемъ слѣдующія указанныя мною злоупотребленія и прямыя преступленія.

Негодная одежда и обувь на 1½ милліона рублей.

1) Протоколъ „особой комиссіи“, составленный по постановленію комитета о ликвидаціи дѣлъ снабженія крѣпости Портъ-Артуръ, о солдатскихъ полушубкахъ, одѣялахъ, шарфахъ, шапкахъ, сапогахъ и т. д. (см. глава VI „Герои тыла“) въ самомъ актѣ выражено буквально:

„Кто виноватъ въ этомъ—не дѣло комиссіи разбирать, но факты, установленные комиссіей, говорятъ о преступленіи противъ русской арміи“.

Оказывается, можно было совершенно спокойно прочитать эти чудовищные результаты экспертизы особой комиссіи, оставить ихъ безъ всякаго возраженія, какъ бы на нѣчто нормальное.

Распродажа дешевыхъ интендантскихъ запасовъ изъ 10,000,000 пудовъ, привезенныхъ изъ Россіи.

2) Опубликованные примѣры баснословно дешевой распродажи интендантскихъ вещей и запасовъ въ Харбинѣ (см. VIII гл. „Герои тыла“).

Продавалась солдатская одежда, матрасы, мука (по 7 коп. пудъ) и пр.

Въ pendant къ этому приводилась цифра: десять милліоновъ 40 тысячъ пудовъ интендантскаго груза, подвезеннаго изъ Россіи. Оставлено безъ возраженія.

Неправильная выдача 24,804 р. ген. Ростковскимъ.

3) Дѣло о неправильной выдачѣ ген. Ростковскимъ 24.804 р. 85 коп. (отвѣтственность за выдачу денегъ въ этой суммѣ рѣшеніемъ военнаго совѣта отъ 9 августа сего года возложена на ген. Ростковскаго).

Ген. Ростковскій оправдывался, но окончательные результаты этихъ оправданій мнѣ неизвѣстны.

Военное министерство ничего не возразило.

Непутная заготовка на 3 милліона долларовъ.

4) Дѣло о секретныхъ заграничныхъ заготовкахъ по снабженію Портъ-Артура.

Расходъ на поставку выразился въ суммахъ: 2.118.390 дол. и кромѣ того, лично переведенныхъ ген. Десино въ Шанхай 1.320.470 дол.; привожу только цифры мнѣ извѣстныя по копіи документа мною цитировавшагося.

Существенно то, что интендантство даже не знало, какія „заготовки“ дошли. Извѣстно, что Портъ-Артуръ почти не пользовался этими „заготовками“.

Военное министерство сочло возможнымъ на это не возразить ни слова.

Элементы преступленія на лицо. Замалчиваніе преступленія ихъ покрываетъ; не могу въ этомъ не усмотрѣть также элементовъ преступленія съ точки зрѣнія конкретныхъ военно-уголовныхъ судебныхъ постановленій.

Исчезновеніе документовъ съ отчетами.

5) Приводя отчеты и документы, явно обнаруживающіе преступленіе, я говорилъ, что многіе исчезали безслѣдно въ тайникахъ интендантскихъ канцелярій. Можетъ быть, многіе изъ нихъ и вовсе незнакомы военному министерству. Болѣе двухъ лѣтъ прошло съ предъявленія отчетовъ на имя начальника интендантскаго курса (отчеты штабсъ-кап. Дейча, пор. Горецкаго пор. Григорьева; объ отчетахъ говорилось въ одной изъ статей). Судьба отчетовъ неизвѣстна.

Заготовка негодныхъ 132,000 пудовъ чумизы и 46,500 пудовъ пшеницы.

6) Дорогія заготовки негодныхъ продуктовъ въ Инкоу, вопросамъ о которыхъ были посвящены двѣ статьи съ подробнымъ исчисленіемъ въ пудахъ и фунтахъ закупленной пшеницы и чумизы, оказавшихся: негодной, затхлой, подмоченной, перегорѣлой, съ умышленной примѣсью песку, сора и т. д. Нѣкоторыя партіи закупокъ *цѣликомъ оказались негодными*. Я указывалъ отвѣтственными двухъ организаторовъ закупокъ въ гор. Инкоу г. Гроссе (бывшаго градоначальника гор. Инкоу) и ген. Кондратовича.

Военное министерство оставило оглашенныя данныя безъ отвѣта, только г. Гроссе отрицаетъ свою прикосновенность къ этому дѣлу, фактовъ не опровергалъ.

Болѣе 100,000 паръ принятыхъ негодныхъ сапогъ на ½ милліона рублей.

7) Я сказалъ, что тѣ, которые были призваны заботиться о солдатскихъ нуждахъ, заготовлять имъ обувь и одежду, безстыдно и позорно обманывали свою родину, грабили солдатъ. Оглашая факты грабежей, я позволилъ себѣ выразиться буквально такими словами рѣзкими, безпощадными и оскорбляющими человѣка. Теперь, почти наканунѣ суда, я вновь и вновь повторяю эти слова и спрашиваю у военнаго министерства, не ихъ ли оно называетъ „голословными обвиненіями, оскорбляющими и унижающими армію“? Если я говорилъ и продолжаю говорить, то естественно солдатъ, т. е. армію, я считаю жертвою этихъ грабежей, но не ихъ виновниками.

Я спрашиваю военное министерство, почему оно отвѣчаетъ молчаніемъ на рядъ цифръ въ статьѣ „Солдатскіе сапоги“, оглашенныхъ по оффиціальнымъ даннымъ, такъ какъ цитировался документъ, хорошо извѣстный главному интендантскому правленію и, очевидно, военному министру?

Убытки казнѣ, причиненные отъ перечисленныхъ здѣсь только этихъ преступленій, даже при бѣгломъ подсчетѣ, доходятъ до *крупныхъ десятковъ милліоновъ рублей*.

VI.

Новое сообщеніе военнаго министерства.

Новое сообщеніе военнаго министерства зиждется главнымъ образомъ, на идеѣ защитить ген. Ростковскаго. Про факты, при-

веденные мною, говорится, что они „частью вымышлены, частью же переданы въ искаженномъ „видѣ“.

Я хотѣлъ бы спросить военное министерство, почему оно, отвѣчая на этотъ разъ всего на 4 пункта обвиненій, не указываетъ, какое-же изъ этихъ обвиненій вымышлено и какое изображено въ искаженномъ видѣ?

Первое, на чемъ останавливается военное министерство, это дѣло Писарева.

Военное министерство *почти буквально повторяетъ* все разсказанное мною о происшедшемъ между главнымъ интендантскимъ управленіемъ и г. Писаревымъ и подтверждаетъ полученіе ген. Ростковскимъ отъ г. Писарева приведеннаго мною письма, гдѣ подробно описывалось со словъ одного подрядчика (г. Эфроса который, конечно, теперь это отрицаетъ), какъ распредѣлялась обыкновенно взятка въ 10 проц. между членами пріемной комиссіи, которые были названы и поименно.

Военное министерство говоритъ, что было генераломъ Ростковскимъ назначено слѣдствіе, которое послѣ было прекращено, такъ какъ при допросѣ 24 человѣкъ поставщики интендантскаго вѣдомства заявили, что они никогда не встрѣчали за много лѣтъ никакихъ затрудненій въ пріемѣ отъ чиновъ пріемной комиссіи и не несли никакихъ расходовъ и ничего никогда не платили чинамъ комиссіи.

Но неужели военное министерство можетъ не понимать, что поставщики на свою голову такъ, за милую душу, объ этой великой тайнѣ, которою они живутъ—не скажутъ такъ просто, для удовлетворенія простого одного любопытства начальства.

Мнѣ было извѣстно, что поставщики сознаться отказались, но поставщики не рискнули бы скрыть опасную для дальнѣйшихъ ихъ дѣлъ тайну на судѣ, гдѣ допрашиваютъ подъ присягой.

Почему слѣдствіе было прекращено? Потому что была обнаружена голословность? Потому что дознаніе „не подтвердило жалобы“? Но почему же тогда г. Писаревъ, назвавшій цѣлую серію лицъ, составляющихъ комиссію, ворами, не былъ никѣмъ изъ нихъ и самымъ военнымъ министерствомъ привлеченъ къ суду за оклеветаніе должностныхъ лицъ?

Почему?

Вѣдь на судѣ только и могла выясниться истина, ибо свидѣтели допрашивались бы подъ присягой, и ожидать, что всѣ 24 человѣка пошли бы на клятвопреступленіе—невозможно. Но, ко-

нечно, прежде, чѣмъ раскрыть ротъ для показаній такого рода, они должны имѣть гарантію, что изъ этихъ показаній выйдетъ толкъ, а не одно изгнаніе ихъ изъ интендантства. А гарантія тутъ могла быть одна со стороны ген. Ростковскаго — передача всего дѣла въ судъ.

Что нибудь одно. или правота г. Писарева и тогда виновность членовъ пріемной комиссіи, или же виновность послѣднихъ и тогда не только правота, но и заслуга г. Писарева, рѣшившагося громко сказать про существованіе взятокъ.

Г. Писаревъ два года ждалъ, когда его привлекутъ за клевету и теперь черезъ меня обратился къ печати, чтобы путемъ гласности обнаружить скрытую язву, а военное министерство считаетъ возможнымъ и теперь это пятнающее обвиненіе не провѣрять допросомъ подъ присягой.

А между тѣмъ, оно обязано это сдѣлать.

Нынѣшнее же его возраженіе, основанное на утвержденіяхъ лицъ, всецѣло заинтересованныхъ въ сокрытіи тайныхъ сношеній съ главнымъ интенд. управленіемъ, вовсе не исчерпываетъ правды, а наоборотъ, то обстоятельство, что Писареву такое тяжкое обвиненіе было прощено, скорѣе склоняетъ читателя уже само по себѣ въ пользу справедливости моихъ данныхъ и не въ пользу справедливости данныхъ, приводимыхъ военнымъ министерствомъ.

Что значатъ всѣ отрицающія показанія, столь успокоительныя для министерства, передъ слѣдующимъ письмомъ-показаніемъ.

Еще 18 октября въ „Руси“ было напечатано:

„С. Е. Писаревъ обратился къ фирмѣ „Гертвигъ и Пейтанъ“ въ Больдераа близъ Риги, джуто-льно-прядильной и ткацкой фабрикѣ — съ просьбой сообщить свѣдѣнія о совершенно подобномъ же (какъ и дѣло г. Писарева) случаѣ, который былъ, какъ ему извѣстно, съ этой фирмой при сдачѣ партій джутовыхъ мѣшковъ въ той же спб. пріемной комиссіи.

Вотъ письмо, которое онъ получилъ отъ этой фирмы сегодня.

Больдераа, 15 октября 1907 г.

Господину Сергѣю Евгеніевичу Писареву.

Милостивый государь!

Ваше почтенное письмо отъ 10 сего мѣсяца честь имѣли получить и сообщаемъ, что по нашему мнѣнію не стоитъ взяться за дѣло, отъ котораго все равно мало пользы будетъ.

Мы же не въ состояніи будемъ передѣлать всю Россію!

Кромѣ того, такого рода опубликованія не совсѣмъ безопасны и могутъ повлечь за собою цѣлый рядъ непріятностей. *Желая таковыхъ избѣжать*, мы воздерживаемся отъ всякаго рода сообщеній и пребываемъ съ совершеннымъ почтеніемъ *Гертвигъ и Нейтанъ*.

И тѣмъ не менѣе, ни главный интендантъ ген. Ростковскій, ни военный министръ не потребовали отъ фирмы „Гертвигъ и Нейтанъ“ объясненій по этому ихъ письму, смыслъ котораго такъ ясенъ,—но мало того, военное министерство нашло возможнымъ опубликовать свое нынѣшнее сообщеніе по дѣлу спб. пріемной комиссіи.

VII.

Два сообщенія военнаго министерства.

Военное министерство напечатало еще одно сообщеніе по поводу моихъ статей.

Полагаю, что я уже достаточно выяснилъ общую цѣнность „объясненій“ министерства. Чтобы покончить съ первымъ сообщеніемъ, скажу здѣсь кратко, что въ заключительной части его военное министерство *соглашается*, что описанныя мною дѣйствія Варшавской временной комиссіи были невыгодны казнѣ, но не усматриваетъ преступленій въ этихъ дѣйствіяхъ, говоря, что убытки будутъ возмѣщены полностью чинами пріемной комиссіи.

Почему же военное министерство не пожелало путемъ судебнаго разбора категорически установить виновныхъ, чтобы этимъ реабилитировать людей, не причастныхъ къ дѣйствіямъ, „убыточнымъ казнѣ“.

Военное министерство подтвердило описанный мною фактъ продажи 342 тыс. пуд. негодной муки въ Харбинѣ, лишь указавъ что эта мука была „заготовки мѣстной“, а генералъ Ростковскій участія въ этой заготовкѣ не принималъ.

Такимъ образомъ, подтверждая наличность преступленій, военное министерство лишь стремится отклонить отвѣтственность главнаго интенданта, коего я обвиняю въ прямомъ соучастіи въ причиненіи убытковъ казнѣ, доходящихъ до многихъ милліоновъ только въ этомъ дѣлѣ и до многихъ десятковъ милліоновъ въ иныхъ дѣлахъ.

Теперь военное министерство опубликовало новое сообщеніе о

моихъ статьяхъ „Герои тыла“. Въ немъ военное министерство, вновь называя приводимыя мною данныя „частью вымышленными, или же переданными въ совершенно искаженномъ видѣ“, указываетъ, что —

1) Доставленіе изъ Европейской Россіи продовольственныхъ продуктовъ, которое по высказаннымъ мной соображеніямъ я счелъ убыточнымъ казнѣ — производилось по распоряженіямъ ген.-ад. Куропаткина; такъ какъ въ его рукахъ находилась исключительная власть, никто не могъ вмѣшаться въ его распоряженія. Если это было преступленіе, то, слѣдовательно, въ немъ виновенъ ген.-ад. Куропаткинъ.

2) Приведенный мною въ №№ 271 и 272 протоколъ особой комиссіи, временному министерству неизвѣстенъ; о злоупотребленіи никакихъ извѣстій оно не имѣло.

3) О дѣлѣ Инкоуской заготовки — то же самое.

4) О сообщенномъ мною производствѣ слѣдствія д. с. с. Шіановымъ въ Варшавѣ — указано, что это „является совершеннымъ вымысломъ, такъ какъ названный слѣдователь никакого слѣдствія по поставкамъ не производилъ“...

Имѣющіяся у меня объ этомъ свѣдѣнія, видимо министерству неизвѣстныя, будутъ мною оглашены.

5) О дѣятельности ген. Ростковскаго въ бытность его московскимъ интендантомъ — сказано, что факты, мною оглашенные... были, но въ другихъ подробностяхъ.

Такъ какъ военное министерство возражаетъ мнѣ совсѣмъ не въ порядкѣ важности моихъ указаній, а прямо наоборотъ, то я, чтобы не быть отвлеченнымъ къ мелочамъ и подробностямъ отъ главнаго, вынужденъ отвѣчать ему, давая первое мѣсто главному, второстепенное отлагая на дальнѣйшее.

Этого я и буду держаться далѣе.

Въ № 304 въ статьѣ „Краснорѣчивое молчаніе“ мною излагались подробности проведенія поставокъ... Эта статья породила нежелательное для меня недоразумѣніе.

Такъ какъ то, что говорилось въ этой статьѣ, являлось лишь иллюстраціей къ изложеннымъ раньше преступленіямъ лицъ, *переименованныхъ*, то я долженъ оговорить, что не имѣлъ ввиду лицъ, занимающихъ нынѣ соотвѣтствующія должности.

Такъ, по поводу строкъ „на торгахъ въ окружномъ совѣтѣ необходимо дать дѣлопроизводителю совѣта“ — считаю своимъ долгомъ заявить, что не зналъ совершенно ни лично настоящаго дѣло-

производителя спб. окружнаго совѣта полковника К. Г Новицкаго, ни его служебной дѣятельности. Я въ напечатанномъ не имѣлъ въ виду указывать на полковника Новицкаго, также какъ и на какія нибудь его дѣйствія по службѣ, и очень сожалѣю, если кто нибудь могъ подумать, что въ вышеприведенныхъ словахъ мною было сдѣлано указаніе именно на полк. Новицкаго.

То же самое долженъ сказать про чиновника спб. главнаго интендантства г. Елсакова, котораго совершенно не имѣлъ въ виду въ той статьѣ, гдѣ говорилось, главнымъ образомъ, о преступности лицъ, названныхъ прежде поименно.

Письмо въ редакцію.

М. Г. Возвратившись 6-го ноября изъ заграницы я узналъ, что въ газетѣ „Русь“ въ № 278, отъ 18 октября сего года, въ статьѣ г. Купчинскаго подъ заглавіемъ „Герои тыла“, „Исторія одной поставки“, помѣщено письмо С. Е. Писарева, въ которомъ послѣдній, между прочимъ, говоритъ о способѣ пріема моего товара с.-петербургской пріемной комиссіей и о той таксѣ вознагражденія чиновъ пріемной комиссіи за безпрепятственную пріемку товара,

---

Примѣчаніе. „Сиб. Земля“ и „Сиб.“ подтверждаютъ, что согласно телеграфному требованію за № 7731 отъ 20 ноября военнаго прокурора владивостокскаго военно-окружного суда, назначено слѣдствіе надъ бывшимъ интендантомъ тыла войскъ Дальняго Востока ген.-м. Парчевскимъ, нынѣ начальникомъ 48 пѣх. рез. бригады, который выдалъ одновременно очень крупные авансы покойному инженеру Михайловскому подъ контракты на заготовку 10 милліоновъ пудовъ сѣна для Манчжурской арміи въ 1905 году.

Какъ извѣстно, условія заготовки не были выполнены, и казна понесла убытковъ около полутора милліоновъ руб. Теперь, одновременно съ назначеніемъ слѣдствія, предъявляется генералу Парчевскому гражданскій искъ во всей суммѣ убытковъ казны.

Предполагается, что слѣдствіе будетъ производиться въ г. Иркутскѣ, такъ какъ всѣ дѣла бывшаго интендантства тыла хранятся въ г. Иркутскѣ въ окружномъ интендантствѣ и тамъ же находятся болѣе важные свидѣтели.

Объ остальныхъ дѣйствіяхъ генерала Парчевскаго, упоминаемыхъ въ статьяхъ г. Купчинскаго „Герои тыла“, производилось дознаніе особой комиссіей, согласно предписанія главнаго военно-суднаго управленія. Послѣ какового дознанія, вѣроятно, будетъ назначенъ судъ, и генералъ Парчевскій, по догадкѣ сибирскихъ газетъ, будетъ признанъ виновнымъ... въ недосмотрѣ.

Омскій „Вѣстн. Сиб.“ закрытъ другимъ прославленнымъ „героемъ тыла“ ген. Надаровымъ за перепечатку изъ «Сиб.» приведенной выше замѣтки о ген. Парчевскомъ. Редакторъ высланъ изъ предѣловъ Степного края. Ген. Надаровъ настолько озлобился этой замѣткой, что никакія просьбы цѣлаго ряда лицъ и, между прочимъ, губернатора Лосевскаго, не заставили его хотя немного смягчить суровый приговоръ. Ему фактически было доказано, что замѣтка была напечатана ошибочно, по недосмотру, вслѣдствіе сильнаго переутомленія редактора «Вѣстника» (работалъ по 18 и болѣе часовъ въ сутки) и въ результатѣ—отказъ измѣнить приговоръ, замѣнивъ его хотя бы другимъ наказаніемъ. Болѣе 40 человѣкъ служащихъ и рабочихъ остались безъ куска хлѣба.

которую я ему, будто бы, предоставилъ по порученію членовъ комиссіи.

Въ интересахъ справедливости, прошу Васъ, г. редакторъ, напечатать въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ вашей газеты, что ничего подобнаго, о чемъ говоритъ С. Е. Писаревъ, въ дѣйствительности не происходило. Ни по порученію пріемной комиссіи, ни по личному побужденію, я къ г. Писареву съ такими предложеніями и указаніями не обращался и, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, обращаться не могъ. Однажды я представилъ въ техническій комитетъ кусокъ ткани 14-вершковой ширины, окрашенный въ зелено-защитный цвѣтъ. Кусокъ этотъ техническимъ комитетомъ былъ одобренъ.

Спустя нѣкоторое время, я получаю телеграфный запросъ отъ интендантства, по какой цѣнѣ я могу ставить такой товаръ, на что послѣдовалъ мой телеграфный отвѣтъ: 14 коп. за аршинъ 14-вершковой ширины. Это мое заявленіе интендантство оставило безъ послѣдствій. Пріѣхавъ затѣмъ въ Петербургъ, я увидѣлъ въ пріемной комиссіи, что такую же ткань, между прочимъ, значительно худшаго качества, ставитъ ранѣе мнѣ совершенно неизвѣстный С. Е. Писаревъ, причемъ получаетъ за 13-вершковую ширину тѣ же 14 коп. Меня это чрезвычайно заинтересовало и я обратился за разъясненіями къ самому Писареву. Г. Писаревъ откровенно мнѣ объяснилъ, что въ этомъ дѣлѣ ему оказала услугу одна высокопоставленная особа и что у него, вообще, въ Петербургѣ „большія связи“. Въ его объясненіяхъ ничего невѣроятнаго для меня не было, такъ какъ дѣйствительно нужно было имѣть большія связи, чтобы получить за товаръ 13-вершковой ширины тѣ же 14 коп., которыя я просилъ за 14-вершковую ткань, причемъ, я, мимоходомъ, имѣлъ случай видѣть, что пріемная комиссія браковала ткань г. Писарева за разноцвѣтность въ одномъ и томъ же кускѣ, за легковѣсъ, за сшивные куски изъ обрѣзковъ и за порванныя кромки, когда ширина кусковъ не доходила даже и до 13 вершковъ, но по поводу браковки ткани я съ г. Писаревымъ никакихъ объясненій не имѣлъ.

Что же касается якобы снисходительнаго отношенія пріемной комиссіи къ сдаваемому мной товару, то могу сообщить лишь, что, несмотря на отсутствіе, по словамъ С. Е. Писарева, членовъ пріемной комиссіи при протягиваніи моей ткани чрезъ столы, у меня забраковали не мало аршинъ ткани за внутренніе пороки, какъ напримѣръ: близни, перетыки и узлы, что описаніе не до-

пускаетъ, въ чемъ легко убѣдиться изъ надписей на моихъ накладныхъ за подписью комиссіи и моей, хранящихся въ канцеляріи с.-петербургскаго вещевого склада. Теперь спрашивается, если моей ткани гг. члены не смотрѣли, то кто же браковалъ ее? Остается предположить, что я самъ браковалъ свою собственную ткань.

Я имѣлъ еще одну и послѣднюю встрѣчу съ г. Писаревымъ, но по дѣлу, ничего общаго съ с.-петербургской комиссіей не имѣющему. Состоя пайщикомъ акціонернаго общества „Ферролитъ“, производившаго фильтры, я рѣшилъ воспользоваться связями г. Писарева для постановки фильтровъ для надобности манчжурской арміи. Съ этой цѣлью я пригласилъ г. Писарева въ ресторанъ „Англетеръ“, гдѣ за завтракомъ и просилъ его оказать мнѣ свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ своими связями. При этомъ я ему указалъ, что фильтры общества „Ферролитъ“ весьма успѣшно дѣйствуютъ во всѣхъ трехъ винныхъ складахъ города Петербурга. С. Е. Писаревъ мнѣ сказалъ, что его самого вопросъ о фильтрахъ очень интересуетъ, и такъ какъ этотъ вопросъ требуетъ детальной разработки, то онъ спеціально заѣдетъ ко мнѣ въ гостинницу для серьезнаго и всесторонняго обсужденія этого вопроса. Но онъ ко мнѣ въ гостинницу не пріѣзжалъ, а черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ изъ Петербурга, и на этомъ оборвалось мое знакомство съ г. Писаревымъ.

Эфросъ.

Отвѣтъ г. Эфросу.

Я очень благодаренъ г. Эфросу за его „опроверженіе“. Но сказать по правдѣ, я не совѣтовалъ бы гг. интендантамъ имѣть далѣе такую защиту. Во-первыхъ, г. Эфросу вполнѣ понятно, что въ интендантствѣ „при большихъ связяхъ“ возможно ставить 13-вершковый товаръ вмѣсто 14-вершковаго (упаси Богъ отъ такого защитника), а во-вторыхъ — логика...

На мое общее обвиненіе по поводу взятокъ въ петербургской пріемной комиссіи, которое брошено мною всей этой интендантской богемѣ, а въ томъ числѣ и г-ну Эфросу, какъ участнику, можетъ быть въ первую очередь данъ только одинъ ясный и четкій отвѣтъ: да, г. Писаревъ, я давалъ въ петербургской пріемной комиссіи взятки, или: нѣтъ, я не давалъ взятокъ.

И это было бы настоящимъ отвѣтомъ на поставленный моимъ обвиненіемъ вопросъ.

Вы же, г. Эфросъ, съ дурной манерой стараго приказнаго, желающаго запутать дѣло, говорите о перетыкахъ, близняхъ, узлахъ, кромкахъ, пускаетесь чуть ли не въ полную философію интендантской сдачи, мимоходомъ замѣчаете, что вашъ товаръ лучше того, который я ставилъ (кого вы хотѣли убѣдить въ этомъ?), мимоходомъ инсинуируете по моему адресу и отрицаете то, что говорили наединѣ со мною, но вы только не говорите объ одномъ поставленномъ обвиненіи—кардинальномъ моментѣ вашей дѣятельности: давали ли вы въ петербургской пріемной комиссіи взятки?

Это неполное возраженіе съ вашей стороны, г. Эфросъ, и такъ какъ безъ означеннаго дополненія ваше возраженіе имѣетъ характеръ дурныхъ манеръ стараго приказнаго, желающаго запугать дѣло, то я осмѣлюсь съ моимъ отвѣтомъ подождать вашего полнаго возраженія. А для того, чтобы вы не могли сказать, что вы не читали этого моего письма, я посылаю его вамъ нотаріально.

Сергѣй Писаревъ.

Отвѣтъ г. Писарева военному министерству.

На мое обвиненіе, предъявленное мною главному интенданту генералу Ф. Я. Ростковскому относительно взяточничества въ петербургской пріемной комиссіи и въ техническомъ комитетѣ интендантскаго вѣдомства, построенное потомъ г. Купчинскимъ въ „Исторіи одной поставки“ (17, 18 и 19 октября 1907 года, газета „Русь“), послѣ полуторамѣсячнаго молчанія воспослѣдовалъ, наконецъ, отвѣтъ военнаго министерства.

Мое временное отсутствіе изъ Петербурга помѣшало мнѣ отвѣтить на него немедленно. Дѣлаю это теперь.

Такъ какъ въ настоящее время отвѣтное мнѣ сообщеніе исходитъ не отъ интендантскаго, а непосредственно уже отъ военнаго вѣдомства и въ общихъ пріемахъ лишь повторяетъ тактику замалчиванія, проявленную уже ген. Ростковскимъ, то въ порядкѣ дисциплинарномъ всѣ мои обвиненія генералу Ф. Я Ростковскому переходятъ въ полномъ объемѣ и ложатся на высшаго и отвѣтственнаго представителя вѣдомства, военнаго министра, къ которому я и принужденъ теперь обратиться непосредственно, когда мое обращеніе къ генералу Ростковскому обошло весь кругъ инстанцій и завершилось въ немъ полною безрезультатностью.

Я говорилъ къ главному военному интенданту генералу Ростковскому, теперь говорю къ военному министру генералу Редигеру.

Кромѣ него, говорю къ обществу, ко всѣмъ имѣющимъ уши, чтобы слышать, — совѣсть, чтобы различать добро и зло и чувство патріотизма, чтобы не допускать преступной растраты народныхъ силъ и достоянія.

Считаю долгомъ обратить вниманіе военнаго министерства на то, что единственнымъ средствомъ достиженія истины, указаннымъ въ очеркахъ г. Купчинскаго, было назначеніе правильнаго слѣдствія, хотя бы путемъ привлеченія меня къ суду за клевету, а не тотъ впередъ безрезультатный предварительный опросъ заинтересованныхъ лицъ, къ которому прибѣгъ въ свое время генералъ Ростковскій и на который теперь опирается военное министерство въ своемъ сообщеніи.

Это требованіе привлеченія меня къ суду составляло одинъ изъ очень существенныхъ моментовъ всего обвиненія въ „Исторіи одной поставки“ („Русь“ 17, 18 и 19 окт. 1907 г.) и потому въ объясненіи военнаго вѣдомства оно не могло быть пройдено молчаніемъ. Между тѣмъ, оно было умолчано совершенно, какъ будто его и не было вовсе.

Съ своей стороны военный министръ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ обвиненіямъ, которыя дѣлаются подчиненному ему вѣдомству и лицамъ, на которыхъ указываетъ мое обвиненіе.

Поэтому единственнымъ логическимъ результатомъ высказанныхъ мною и г. Купчинскимъ обвиненій было бы: а) привлеченіе меня и г. Купчинскаго къ суду по обвиненію въ клеветѣ или требованіе отъ обвиненныхъ мною лицъ такого привлеченія насъ обоихъ и б) оповѣщеніе въ сообщеніи военнаго вѣдомства о фактѣ привлеченія меня и г. Купчинскаго къ суду по обвиненію въ клеветѣ по этому вопросу.

Этихъ двухъ вещей, очевидно, требовало дѣло реабилитаціи ввѣреннаго генералу Редигеру вѣдомства. Военный министръ поступилъ обратно. Касательно привлеченія меня и г. Купчинскаго къ суду, что должно было явиться первымъ актомъ его дѣятельности по отношенію защиты его вѣдомства, онъ не обмолвился въ изданномъ имъ объясненіи ни словомъ, и на наше требованіе о привлеченіи къ суду, поставленное какъ необходимое условіе достиженія правды, онъ не отвѣтилъ ничего, что и свело все возраженіе вѣдомства къ нулю.

По существу сообщеніе военнаго министерства есть такое же замалчиваніе служебныхъ преступленій, какое уже такъ явно высказалъ ген. Ростковскій, съ тою только разницею, что теперь не

предпринимаетъ рѣшительнаго, предписываемаго закономъ, шага къ разоблаченію или хищниковъ, или дерзкаго клеветника уже не ген. Ростковскій, а ген. Редигеръ.

Такъ какъ я надѣюсь, что послѣ этого письма послѣдуетъ привлеченіе меня къ суду, то считаю необходимымъ формулировать т зисы моихъ показаній. Я обвиняю:

1) Петербургскую пріемную комиссію in corpore во взяточничествѣ.

2) Московскую пріемную комиссію въ томъ же. (Считаю долгомъ оговориться, что въ московской пріемной комиссіи есть чистые люди, которыхъ я не могу не отмѣтитъ съ глубокимъ уваженіемъ. Они (теперешніе и бывшіе) Бачинскій, Мечтовичъ, Зашкевичъ, Лукинъ и Хусіевъ.

3) Техническій комитетъ интендантскаго вѣдомства (въ лицѣ ген.-маіора Н. П. Нечаева и бывшаго дѣлопроизводителя техническаго комитета Д. И. Крюковскаго) во взяточничествѣ, вымогательствѣ и пр.

4) Генерала Ф. Я. Ростковскаго, главнаго интенданта, въ въ томъ, что онъ своими мѣрами по замалчиванію способствовалъ продолженію грабежа и траты казеннаго имущества и взяточничества.

5) Военнаго министра Редигера въ томъ, что вмѣсто того, чтобы предать дѣло гласному разслѣдованію, хотя бы путемъ привлеченія за оскорбленіе и клевету на лицъ ввѣреннаго ему вѣдомства съ цѣлью путемъ суда достичь реабилитаціи чести вѣдомства и этихъ лицъ, онъ принялъ неполныя и явно недостаточныя обвиненія не уничтожающія и способствующія продолженію грабежа и траты казеннаго имущества и взяточничества.

Я имѣю право требовать и требую, чтобы военное министерство привлекло меня къ суду и тѣмъ дало мнѣ возможность доказать путемъ слѣдствія, *судебнаго* и отвѣтственнаго, а не административно-келейнаго, правдивость моихъ заявленій. При настоящихъ условіяхъ я такой возможности не имѣю.

Сергѣй Писаревъ.

Третье сообщеніе военнаго министерства.

(О Варшавскомъ интендантствѣ).

Въ № 311 Купчинскій утверждаетъ, что въ Варшавѣ и въ настоящее время ведется слѣдствіе по поставкамъ, каковое слѣдствіе производится д. с. с. В. З. Шіановымъ, которымъ, будто бы, сдѣлано постановленіе о привлеченіи къ слѣдствію окружнаго интенданта ген. Люба, помощника его ген.-м. Модль, полк. Фалѣева, подполк. Петрова, с. с. Шапзихта и надв. сов. Девеля.

Сообщеніе это является *совершеннымъ вымысломъ*, такъ какъ названный слѣдователь никакого слѣдствія по поставкамъ не производитъ и никакого постановленія его о привлеченіи къ слѣдствію упомянутыхъ лицъ не было.

(Опроверженіе Военнаго Министерства).

Должно быть понятно всякому, что оффиціальное возраженіе, исходящее отъ министерства и оглашаемое какъ въ оффиціальной и оффиціозной, такъ и въ неоффиціальной печати, должно быть особенно точнымъ, а главное въ полной мѣрѣ отвѣчающимъ истинѣ. Задача такого возраженія освѣтить съ фактическими данными, вполнѣ удостовѣряющими, въ случаѣ надобности, невѣрность изложеннаго.

Нѣкоторыя изъ обвиненныхъ мною лицъ привлекаютъ меня по 1535 ст. (за клевету), и я вполнѣ понимая, что это необходимо для реабилитаціи соотвѣтствующаго лица, иду на этотъ судъ, который долженъ подтвердить или опровергнуть мои обвиненія.

Я спрашиваю военное министерство, по какой статьѣ я долженъ привлечь его, или его представителя, военнаго министра, допустившаго въ своемъ сообщеніи выраженіе „...является совершеннымъ вымысломъ...“ про фактъ, который теперь я подтверждаю вновь уже такими документами, на которые военному министерству возразить ничего не остается?

Возражая военному министерству, которое отрицало наличность преступныхъ дѣяній въ варшавскомъ интендантствѣ, я въ № 311 „Руси“, сказалъ буквально такъ:

„Что касается до варшавскаго интендантства, то тамъ хищничество практикуется съ давнихъ поръ и не въ менѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ въ другихъ пунктахъ и даже на востокѣ. Добавлю военнему министерству, чтобы оно подробнѣе поговорило о Варшавѣ, о которой я принужденъ буду говорить еще, что тамъ въ настоящее время ведется слѣдствіе по поставкамъ. Слѣдствіе

ведетъ человѣкъ опытный и вполнѣ добросовѣстный д. с. с. В. З. Шіановъ, которымъ сдѣлано постановленіе о привлеченіи: окружного интенданта ген. Люба, помощника его ген.-маіора Модль, полковника Фалѣева, подполковника Петрова, ст. сов. Шанзихта и надвор. совѣтника Девеля. Если военному министерству это неизвѣстно, а это дѣло посерьезнѣе его возраженія, то пусть оно спроситъ у командующаго войсками варшавскаго округа генерала Скалона, который постановленіе слѣдователя съ 10 августа держалъ у себя. Пока всѣ привлеченные благополучно пребываютъ на мѣстахъ".

Мало того, что я указалъ „...принужденъ буду говорить еще"... мало того, что я назвалъ фамиліи привлеченныхъ, мало того, что полнымъ именемъ назвалъ военнаго слѣдователя, ведшаго слѣдствіе, но я даже къ услугамъ военнаго министерства указалъ ему, гдѣ находится постановленіе слѣдователя еще съ 10 августа (а теперь декабрь)—у командующаго войсками варшавскаго военнаго округа генерала—Скалона.

Военное министерство категорически назвало все „совершеннымъ вымысломъ"...

Принужденъ въ свою очередь назвать такъ самое возраженіе военнаго министерства, въ виду того, что нижеизложенное ясно подтверждаетъ справедливость приводимаго мною столь значительнаго факта.

Я устанавливаю и доказываю военному министерству, не смотря на его столь категорическое отрицаніе наличности слѣдующихъ данныхъ:

1) Существованіе злоупотребленій въ варшавскомъ интендантствѣ.

2) Производство слѣдствія по дѣлу о злоупотребленіяхъ этихъ—военнымъ слѣдователемъ д. с. с. Шіановымъ.

3) Составленіе постановленія о привлеченіи къ суду переименованныхъ мною представителей варшавскаго интендантства.

4) Самое существованіе этого постановленія (далѣе—выдержки изъ него).

5) Существованіе переписки неоспоримо доказывающей, что генералъ Скалонъ и военный прокуроръ Казначеевъ въ Варшавѣ съ 8 августа, получивъ копіи постановленій, не давали имъ хода, ограничиваясь „перепиской".

6) Подлинное удостовѣреніе самого военнаго слѣдователя д. с. с. Шіанова относительно слѣдствія и постановленія о привлеченіи къ суду переименованныхъ мною лицъ.

Всѣхъ постановленій о привлеченіи къ суду видныхъ чиновъ варшавскаго интендантства военнымъ слѣдователемъ Шіановымъ было составленно три.

Останавливаюсь на первомъ. Оно доказываетъ, что злоупотребленія были и слѣдствіе по нимъ производилось—и даже по иниціативѣ самого командующаго войсками генерала Скалона, только видимо и самъ иниціаторъ этого дознанія не предполагалъ, что оно зайдетъ такъ далеко.

Вотъ выдержки постановленія военнаго слѣдователя посланнаго оффиціально:

1) въ штабъ варшавскаго военнаго округа за № 497.

2) военному прокурору генералу Казначееву за № 498 (копія).

Это постановленіе содержитъ въ себѣ около 70 мелко исписанныхъ страницъ писчей бумаги и является результатомъ почти годового труда военнаго слѣдователя Шіанова; оно начинается такъ:

„1907 г. 9 августа въ г. Сѣдлецѣ военный слѣдователь варшавскаго военнаго округа по особенно сложнымъ хозяйственнымъ дѣламъ, разсмотрѣвъ производимое имъ по приказанію командующаго войсками военнаго округа предварительное слѣдствіе... о томъ“...

Далѣе разсказывается подробно длинный рядъ преступленій, слѣдствіемъ коихъ были большіе или меньшіе убытки казнѣ... Заканчивается постановленіе такими словами:

„...О вышеизложенныхъ обстоятельствахъ и виновности по настоящему дѣлу вышепоименованныхъ лицъ, военный слѣдователь постановилъ на основаніи 348 ст. XXIV кн. св. в. пост. 1869 г. чрезъ начальника окружного штаба представить съ копіей настоящее постановленіе на благоусмотрѣніе командующаго войсками варшавскаго военнаго округа»...

Далѣе перечисляются обвиняемые и статьи, по которымъ они привлекаются.

Генералъ-маіоръ *Люба* окружной интендантъ по 141, 145, 142, 147, ст. ст. кн. XXII с. в. п. 1879 г. изд. 3.

Генералъ-маіоръ *Модль* по ст. 141, 142, 145, 147, 224, 124 XXII кн. с. в. п.

Надв. сов. *Девель* по 224 ст. кн. XXII.

Подполк. *Петровъ* по 225 ст. XXII кн.

Генер.-маіоръ *Діаконовъ* по 104 ст. XXII кн. с. в. п. 1869 г. изд. 3.

Ст. сов. *Шанзихта* (по той-же статьѣ).

Перечислимъ нѣкоторые заголовки пунктовъ обвиненій въ постановленіи военнаго слѣдователя.

I. О шитьѣ 111,029 паръ пристяжныхъ погонъ Амеліею Гербъ.

II. О постройкѣ военнымъ портнымъ Жарковскимъ 980,000 погонъ къ гимнастическимъ рубахамъ.

III. О неправильномъ раскроѣ одѣялъ изъ хлопчатаго бумажнаго драпа.

IV. По жалобѣ владѣльца шапочной мастерской (поставщика 500,000 фур. Гольдвессера) о недопускѣ сукна интендантствомъ.

V. О дошивкѣ обмундированія, принятаго отъ комитета временной помощи безработнымъ ремесленникамъ города Варшавы въ незаконченномъ видѣ, (послѣ вновь платили „за окончаніе“... и т. д.)

Такимъ образомъ, устанавливаю существованіе постановленія о привлеченіи, указанія самыхъ преступленій и производства по нимъ предварительнаго слѣдствія.

Какъ же отнеслись власти?

До сихъ поръ они ограничивались лишь запросами военному слѣдователю съ просьбами «дополненій“; было совершенно явно желаніе выиграть время; ничѣмъ другимъ нельзя объяснить, отчего не давалось хода постановленію, посланному еще въ августѣ. Военный слѣдователь послѣ того дважды присылалъ дополненія къ постановленію.

Изъ слѣдующей переписки (копіи съ бумагъ у меня имѣются) явствуетъ, что до сихъ поръ начальство лишь проситъ дополнять постановленія слѣдователя и, на ряду съ этимъ, оффиціально заявляетъ, что приведенныя мною данныя ложны.

Ограничусь извлеченіями:

Уже 11 декабря 1907 г. военный прокуроръ варшавскаго военно-окружнаго суда за № 11537 оффиціально шлетъ военному слѣдователю д. с. с. Шіанову бумагу, гдѣ говоритъ о *неясности обвиненій въ постановленіяхъ*!.. Между прочимъ, говорится „съ нѣкоторой вѣроятностью можно полагать“, что они относятся къ ген.-маіору Люба и ген. маіору Дьякову.

Между тѣмъ, эти лица обвинялись вполнѣ категорически и опредѣленно!

„Въ виду неясности“... просятъ составить еще „дополнительное постановленіе“...

Уже 12 декабря 1907 г. штабъ варшавскаго военнаго округа (военнаго суднаго отдѣленія) официальной бумагой за № 3351 заявляетъ военному слѣдователю:

„Командующій войсками приказалъ въ дополненіе постановленія отъ 7 декабря (это уже послѣднее, 3-е по счету) донести къ чьей именно винѣ относится... 1) убытокъ казны въ размѣрѣ 17.580 руб. и 14.762 р. и т. д.»

Подписано: Начальникъ штаба генерал.-лейт.

Чуринъ.

Старшій адъютантъ подп. *Штюрмеръ.*

Такимъ образомъ, оффиціально удостовѣряется, что начальство о постановленіи *знало* и мое выраженіе „генералъ Скалонъ держитъ его подъ сукномъ съ 10 августа“—*отвѣчаетъ дѣйствительности*, потому что подобные запросы о дополненіяхъ, вдругъ въ большомъ количествѣ появившіеся послѣ моей статьи въ № 311 „Русси“—даютъ мнѣ право выразиться вновь, что ихъ „держали подъ сукномъ“.

Сказаннаго уже достаточно.

Размѣры газетной статьи, конечно, не даютъ мнѣ возможности быть болѣе подробнымъ, но военному министерству ясно уже теперь, что его возраженіе, можетъ-быть, разсчитанное на мою неосвѣдомленность, можетъ быть, иначе,—*не отвѣчаетъ правдѣ* вещей.

Въ заключеніе приведу подлинное оффиціальное заявленіе самаго д. с. с. Шіанова объ этомъ.

Это, конечно, большая рѣдкость, что оффиціальное лицо рѣшается такъ опредѣленно печатно свидѣтельствовать правду, и я не могу не высказать предположеніе, что если-бы было больше столь неподкупныхъ смѣлыхъ и честныхъ людей, какъ г. Шіановъ, позорныя интендантскія вакханаліи минувшей войны не имѣли бы мѣста...

...Недоставало-бы теперь только того, чтобы военное министерство *„удалило“* со службы Шіанова, рѣшившаго подтвердить правду, непріятную военному министерству, идущую въ разрѣзъ съ ея утвержденіями. Но... тогда я убѣжденъ, что немедленно подадутъ въ отставку всѣ уважающіе себя служащіе въ военномъ министерствѣ, желающіе говорить правду!..

М. В.
Военный слѣдователь
Варшавскаго
военнаго округа по особенно
сложнымъ хозяйственнымъ
дѣламъ.
14 декабря 1907 г.
№ 515.
Кр. Ново-Георгіевскъ.

Оффиціально.

Въ редакцію газ. „Русь“.

Вслѣдствіе оффиціальнаго возраженія военнаго министерства, помѣщеннаго въ № 11409 газеты „Нов. Вр.“ на статьи въ № 311 газеты „Русь“ „Герои тыла“, въ цѣляхъ возстановленія истины, считаю долгомъ службы своей оффиціально заявить.

Въ означенной статьѣ авторъ г. Купчинскій разсказываетъ о произведенномъ мною слѣдствіи по поставкамъ и состановленіи мною постановленія о привлеченіи окружного интенданта ген.-л. Люба, помощника его ген.-м. Модля, полк. Фалѣева, подп. Петрова, ст. сов. Шанзихта и надв. сов. Девеля.

Это сообщеніе г. Купчинскаго вполнѣ отвѣчаетъ истинѣ, почему категорическое отрицаніе этого факта не можетъ не поражать меня. Постановленіе мной было составлено въ количествѣ трехъ и послано въ копіяхъ: 1) командующему войсками округа ген.-адъют. Скалону и 2) военному прокурору ген.-м. Казначееву.

Изъ нихъ первое было имъ послано 8 августа, а послѣднее 7 декабря. Никакихъ запросовъ со стороны военнаго министерства ко мнѣ не поступало.

Въ виду неожиданной огласки дѣла, считаю невозможнымъ давать какія бы то ни было объясненія заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ лицамъ помимо военнаго министра.

Газетамъ, помѣстившимъ оффиціальное возраженіе военнаго министерства г. Купчинскому, предлагаю перепечатать настоящее мое оффиціальное заявленіе.

Военный слѣдователь д. ст. сов. *В. Шіановъ.*

(Печать: воен. слѣд. варш. воен. окр. по особо важнымъ хозяйств. дѣламъ).

Опроверженіе.

Печатается на основаніи 138 ст. уст. о ценз. и печ.

По требованію главнаго военно-суднако управленія.

Въ продолжающихся печатаніемъ въ газетѣ „Русь“ статьяхъ Купчинскаго „Герои Тыла“ вновь указывается на нѣкоторыя изъ прежнихъ сообщеній автора статей о разныхъ злоупотребленіяхъ, будто бы имѣвшихъ мѣсто въ военномъ вѣдомствѣ, причемъ приводятся факты или вымышленные, или же переданные въ совершенно искаженномъ видѣ.

Такъ, въ № 274 указывается, что зерновой фуражъ, мука, соль и др. предметы довольствія заготовлялись для нуждъ манчжурскихъ армій въ Россіи, тогда какъ ихъ можно было получить на мѣстѣ и тѣмъ самымъ обстоятельствомъ былъ бы облегченъ подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ и его можно было бы использовать на перевозку людей и снарядовъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ Купчинскій приводитъ вѣдомость за № 87, въ коей, между прочимъ, указано, что изъ Россіи съ перваго февраля 1904 года по 1-ое октября 1905 года подвезено десять милліоновъ сорокъ тысячъ пудовъ разныхъ продуктовъ, что и ставится авторомъ статей въ вину главному интенданту, ген. Ростковскому.

Вопросъ о доставленіи изъ Европейской Россіи продовольственныхъ продуктовъ на Дальній Востокъ составлялъ очень трудную и серьезную задачу и, конечно, прежде всего приняты были мѣры къ использованію мѣстныхъ средствъ. Въ самомъ началѣ войны, во время существованія намѣстничества, уже была потребована высылка изъ Европейской Россіи значительнаго количества продовольственныхъ продуктовъ, а на предложеніе заготовить все въ Манчжуріи было получено увѣдомленіе, что тамъ продукты плохи или ихъ мало. Съ увеличеніемъ же войскъ на театрѣ войны потребности росли, запасы мѣстные уменьшались и въ главномъ интендантскомъ управленіи получались все болѣе и болѣе настойчивыя требованія главнокомандующаго о доставленіи громаднаго количества продуктовъ. Ихъ требовалось гораздо больше, чѣмъ было доставлено, гораздо больше, чѣмъ было показано въ вѣдомости, приведенной Купчинскимъ. Насколько они были велики, можно судить изъ слѣдующаго: Главнокомандующій требовалъ высылки ежедневно по 2 поѣзда муки, придавая особое значеніе безостановочному слѣдованію и правильному прибытію этихъ поѣздовъ къ арміи (депеша 20 ноября 1904 г.). При этомъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ заявилъ, что безъ отправки къ арміи ежедневно 2 поѣздовъ съ мукой онъ не признаетъ возможнымъ считать продовольствіе 3-хъ манчжурскихъ армій обезпеченнымъ уже съ середины января 1905 г. Въ то же время генералъ Губеръ депешей 23 ноября, сообщая, что къ 17 ноября было всего во всѣхъ магазинахъ Манчжуріи 43.000 пуд. пшеницы и 366.000 пуд. муки и, что только половина людей можетъ быть обезпечена мѣстными средствами, заявлялъ о необходимости вести разсчетъ и доставлять продукты не менѣе какъ на годъ. 27 ноября генералъ-адъютантъ Куропаткинъ вновь подтвердилъ эти требованія, заявляя, что армія съѣдаетъ больше, чѣмъ получается продовольственныхъ продуктовъ. Исполненіе этихъ требованій крайне затрудняло главное интендантское управленіе, но оно было, однако, обязано руководствоваться указаніемъ главнокомандующаго. Входить въ обсужденіе вопроса, насколько эти требованія соотвѣтствовали дѣйствительному положенію дѣла, не было никакихъ основаній, да и никто не имѣлъ права, потому что требованія главнокомандующаго по закону должны быть въ точности исполнены, а также и потому, что распоряженія всѣми средствами мѣстности, подчиненной главнокомандующему, находились въ исключительной его власти, и главный интендантъ военнаго министерства генералъ Ростковскій не имѣлъ права касаться этого дѣла.

Въ №№ 271 и 272 указывается на закупку военнымъ агентомъ полковникомъ Огородниковымъ, черезъ фирму Тельге и Штретеръ, полушубковъ, одѣялъ, шароваръ, шапокъ и сапогъ для снабженія Портъ-Артура, причемъ, приводится протоколъ комиссіи въ Тяндзинѣ о браковкѣ въ іюлѣ 1905 года этихъ вещей и ставится упрекъ главному интенданту генералу Ростковскому за не назначеніе по этому дѣлу слѣдствія, тогда какъ по словамъ Купчинскаго, протоколъ этотъ не могъ миновать генерала Ростковскаго; въ номерѣ же 285—Купчинскій говоритъ о заготовкѣ генераломъ Кондратовичемъ и Гроссе негодной чумизы и пшеницы въ Инкоу.

Заготовленіе указанныхъ вещей и продуктовъ, какъ и вообще всѣ заготовленія, на Дальнемъ Востокѣ производившіяся, совершались мѣстными властями самостоятельно, и главное интендантское управленіе не получало никакихъ свѣдѣній ни о томъ, какія вещи заготовлялись, въ какомъ количествѣ, гдѣ, у кого, на какихъ условіяхъ, ни о томъ, какъ это было исполнено. Что же касается до имѣвшихъ мѣсто, по словамъ Купчинскаго, злоупотребленій при этихъ заготовкахъ, то въ военномъ министерствѣ объ этомъ до настоящаго времени никакихъ свѣдѣній не имѣется; протокола, о которомъ говоритъ Купчинскій, въ главномъ

интендантскомъ управленіи не получалось, генералу Ростковскому протоколъ этотъ неизвѣстенъ, и гдѣ таковой находится,—свѣдѣній въ военномъ министерствѣ не имѣется. Если же предположить, что по этому дѣлу ревизіонною комиссіею при государственномъ контролѣ, гдѣ всѣ дѣла по отчетности дальневосточныхъ заготовокъ сосредоточены, будутъ замѣчены какія либо злоупотребленія, то министерство не замедлитъ дать дѣлу установленное закономъ направленіе.

Въ № 311 Купчинскій утверждаетъ, что въ Варшавѣ и въ настоящее время ведется слѣдствіе по поставкамъ, каковое слѣдствіе производится д. с. с. В. З. Шіановымъ, которымъ, будто бы, сдѣлано постановленіе о привлеченіи къ слѣдствію: окружнаго интенданта ген. Люба, помощника его генералъ-маіора Модль, полковника Фалѣева, подполковника Петрова, статскаго совѣтника Шанзихта и надворнаго совѣтника Девеля.

Сообщеніе это является совершеннымъ вымысломъ, такъ какъ названный слѣдователь никакого слѣдствія по поставкамъ не производитъ и никакого постановленія его о привлеченіи къ слѣдствію упомянутыхъ лицъ не было.

Въ № 263 Купчинскій, касаясь прошлой дѣятельности главнаго интенданта генерала Ростковскаго, указываетъ, будто бы въ прошломъ имѣлъ мѣсто нижеслѣдующій случай: «Начальникъ кадра запаса кавалерійской дивизіи, расположеннаго въ Московскомъ округѣ, обратился къ бывшему главному интенданту генералу Тевяшеву, нынѣ умершему, съ заявленіемъ, что отпущенныя кадру патронныя сумки изъ воронежскаго вещевого склада не закрываются по вложеніи въ нихъ комплектка патроновъ. На сдѣланный по этому предмету запросъ, генералъ Ростковскій, тогда московскій окружный интендантъ, донесъ, что такая незакрываемость присуща-сколку съ Высочайше утвержденнаго образца, высланному въ воронежскій складъ техническимъ комитетомъ главнаго интендантскаго управленія. Въ виду этого, бывшей въ то время въ Воронежѣ комиссіи по качественной повѣркѣ имущества, хранящагося въ Воронежскомъ складѣ, было поручено осмотрѣть упомянутый сколокъ въ присутствіи самого генерала Ростковскаго. По сличеніи оказалось, что донесеніе генерала Ростковскаго было ложно, такъ какъ сколокъ съ образца великолѣпно закрывается по вложеніи въ него вкладышей, соотвѣтствующихъ числу патроновъ. Былъ составленъ актъ и подъ нимъ первая подпись была Ростковскаго».

Сообщеніе это совершенно не отвѣчаетъ дѣйствительности. По имѣющимся въ главномъ интендантскомъ управленіи документальнымъ даннымъ, случай этотъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Согласно приказа по интендантскому вѣдомству отъ 4 апрѣля 1896 года за № 58, для провѣрки имущества, хранящагося въ интендантскихъ вещевыхъ складахъ, предписано было московскому окружному интендантству произвести полную повѣрку вещей и матеріаловъ хранившихся въ складахъ московскаго военнаго округа, для чего главнымъ интендантомъ въ іюнѣ 1896 года была назначена повѣрочная комиссія, которой предписано было приступить, между прочимъ, къ повѣркѣ воронежскаго вещевого склада. При этой повѣркѣ, комиссія нашла, что воронежскою пріемною комиссіею приняты были въ этотъ складъ нѣкоторыя вещи въ неудовлетворительномъ видѣ, въ томъ числѣ 20-ти патронныя сумки, передѣланныя изъ 18-ти патронныхъ. Не соглашаясь съ такимъ заключеніемъ повѣрочной комиссіи, предсѣдатель воронежской пріемной комиссіи донесъ московскому окружному интенданту, что будто бы кавалерійскія поясныя патронныя сумки не закрываются и что это условіе неизбѣжно является при передѣлкѣ старыхъ сумокъ и присуще имѣющемуся на этотъ случай сколку съ образца. Заявленіе это, однако, повѣрочною комиссіею было признано неправильнымъ, такъ какъ крышки этихъ сумокъ закрывались безъ застежки ихъ на ремни. Затѣмъ, согласно заключенія техническаго комитета главнаго интендантскаго управленія и въ виду установленія факта, что принятыя воронежской пріемной комиссіею сумки не вполнѣ соотвѣтствовали описанію кавалерійской 20-ти патронной сумки, предписано было исправить всѣ такія сумки за счетъ отвѣтственныхъ лицъ, что и было исполнено.

Указаніе Купчинскаго на то, будто бы генералъ Ростковскій доносилъ, что патронная сумка, служащая сколкомъ съ образца для воронежской пріемной комиссіи, не закрывалась, является невѣрнымъ, такъ какъ объ этомъ никакихъ донесеній отъ бывшаго тогда московскаго окружнаго интенданта, генерала Рост-

ковскаго, не поступало, а на это жаловался военному министру уволенный впослѣдствіи въ отставку, служившій по интендантскому вѣдомству, статскій совѣтникъ Новицкій, но жалоба названнаго чиновника, какъ совершенно неосновательная, была оставлена безъ послѣдствій, о чемъ статскому совѣтнику Новицкому и было сообщено въ предписаніи московскаго окружнаго интендантскаго управленія отъ 16 октября 1896 года за № 28491.

Также невѣрно сообщеніе Купчинскаго о составленіи, при участіи генерала Ростковскаго, акта годности сколка съ образца сумки, такъ какъ никакого подобнаго акта не было и генералъ Ростковскій не могъ его подписывать и не подписывалъ.

Военный слѣдователь Шіановъ и военное министерство.

Напечатанное мною оффиціальное заявленіе военнаго слѣдователя д. с. с. Шіанова, въ которомъ онъ на отрицаніе военнаго министерства отвѣтилъ полнымъ подтвержденіемъ оглашенныхъ мною фактовъ, коихъ онъ являлся главнымъ участникомъ,—явленіе настолько рѣдкое, настолько выдающееся, что я нахожу нужнымъ еще о немъ сказать, несмотря на гробовое молчаніе военнаго министерства.

Я получилъ немало писемъ съ вопросами удивленія, недоумѣнія. Неужели это такъ?—неужели есть еще такіе люди, которые осмѣливаются спокойно сказать грозное слово правды своему высшему начальству подъ очевидной жестокой опасностью потерять мѣсто, даже попасть на скамью подсудимыхъ за проступокъ дисциплинарнаго свойства?

Нѣкоторые справлялись у меня, старъ ли онъ, не собирался ли „все равно“ въ отставку, стараясь хоть чѣмъ-нибудь объяснить этотъ изъ ряда вонъ выходящій поступокъ, точно хотятъ найти ему инстиктивно другую причину... Другую, чѣмъ та, которая была въ дѣйствительности, причина простая, понятная: человѣкъ почувствовалъ необходимость, чтобы въ собственныхъ глазахъ сохранить свою честь, свое достоинство, произнести громко слово правды, не взирая на послѣдствія. Слишкомъ много накопилось больныхъ, необходимыхъ компромиссовъ за долгую службу, съ ея безчисленными уколами самолюбія и тысячами большихъ и мелкихъ неправдъ, которыя негодованіемъ, протестомъ и тоской долго-долго наполняли покорную душу живого человѣка... будто ставшаго чьимъ-то рабомъ—наполняли и наполнили!.. Одинъ яркій фактъ... и—чаша переполнена; терпѣнія, которое прежде было—болѣе уже нѣтъ, потому что оно лопнуло. Нѣтъ нужды, что долго-долго оно было... теперь болѣе его нѣтъ. Опущенная голова поднята и накопившійся огонь протеста вырывается въ спокойномъ словѣ смѣлой правды... конечно, по адресу того, который столько

разъ, такъ много разъ заставлялъ и вынуждалъ силой обстоятельствъ.

Это несомнѣнно такъ и только въ томъ случаѣ, когда человѣкъ долженъ былъ по обязанности порою зажимать себѣ ротъ, когда изъ его груди рвался крикъ возмущенія, только въ томъ случаѣ однажды онъ вдругъ не проститъ и крикнетъ...

Именно *не проститъ*...

Нѣтъ нужды, что это служебное преступленіе... Присяга не выше ли служебныхъ уставовъ? Если бы г. Шіановъ не совершилъ этотъ „дисциплинарный проступокъ“ и промолчалъ — конечно, онъ совершилъ бы другое, болѣе значительное преступленіе,—онъ сталъ бы соучастникомъ самихъ виновныхъ, такъ какъ молчаніемъ своимъ долженъ былъ бы удостовѣрить неправду.

Но что же думало военное министерство?..

Почему оно, *дважды* (въ двухъ варіантахъ) отрицая наличность злоупотребленій въ Варшавѣ, было увѣрено, что тамъ нѣтъ людей, которые способны заявить, что несогласны покрывать преступленія замалчиваніемъ о нихъ? Не обидна ли эта увѣренность?.. Не тяжела ли она—всѣмъ, для которыхъ военное министерство—часть русскаго государства?..

Почему военное министерство, когда я прямо указалъ, что бумага (постановленіе судебнаго слѣдователя) у ген. Скалона, — не потребовало это постановленіе у ген. Скалона, не обратилось, наконецъ, къ самому военному слѣдователю Шіанову „за справкой“, если уже не знало?.. Военное министерство съ легкомысленностью, непонятной и непростительной для правительственнаго учрежденія, рѣшило, что можно сказать „не было“, когда „было“, потому, что какъ же узнаютъ? Газета испуганно утихнетъ, Купчинскій возражать не посмѣетъ, а тамъ, въ самой Варшавѣ, тамъ несомнѣнно не пикнетъ ни одинъ человѣкъ, потому за нихъ, живыхъ, самостоятельныхъ людей, можно говорить, какъ за мертвыхъ, потому что, вѣдь они, конечно, не осмѣлятся возражать... „объ этомъ не можетъ быть и рѣчи; вѣдь это запрещено закономъ... пускай-ка попробуютъ не подчиниться!“

Такъ, очевидно, думало министерство, когда во второй разъ назвало нынѣ въ полной мѣрѣ удостовѣренный мною фактъ—*совершеннымъ вымысломъ*.

Кто же виноватъ въ этомъ дѣлѣ?

И есть ли тутъ вина, или это только ошибка отъ незнанія?

Если бы даже это была только ошибка отъ незнанія и тогда, конечно, ошибка была бы военному министерству непростительна,

разъ оно, обладающее полной возможностью по телеграфу справиться у кого угодно, о чемъ угодно, этого не сдѣлало, а въ темную стало отрицать!

Но это не была ошибка, настаиваю я, а это было преступленіе; кто его совершилъ — установитъ судъ, которому придется предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіемъ освѣтить это дѣло..., но, что это было чье-то преступленіе—объ этомъ свидѣтельствуетъ многое.

Мнѣ извѣстно, — объ этомъ я заявляю совершенно категорически, — что генераломъ Ростковскимъ постановленіе о привлеченіи переименованныхъ лицъ (о которомъ идетъ рѣчь, составленное Шіановымъ), было получено и ему оно извѣстно.

Затѣмъ: слѣдствіе о преступленіяхъ видныхъ членовъ варшавскаго интендантства велось уже годъ, а у генерала Скалона оно лежало съ начала августа, то есть четыре мѣсяца! Неужели же оно дѣйствительно „лежало“ у означеннаго генерала въ такомъ укромномъ мѣстѣ и такъ тихо, что о немъ ничего не знало и не слыхало военное министерство и его руководящіе круги?

Приходится только это и сказать: да, „не знало“ и „не слыхало“, если оно такъ отрицаетъ все это дѣло, что называетъ его „совершеннымъ вымысломъ“.

Я настаиваю, что лица, скрывшія, затаившія обнаруженныя преступленія, тѣмъ совершившія преступленіе сами, должны быть немедленно привлечены къ суду за служебный подлогъ, заставившій военное министерство утверждать неправду оффиціально, отъ чего безъ сомнѣнія пострадалъ авторитетъ мнистерства.

Потому что какой же можетъ быть дальнѣйшій путь?

Держаться, такъ сказать, того же курса и заявленіе Шіанова назвать тоже „совершеннымъ вымысломъ“?

Про постановленіе сказать, что это галлюцинація, а осмѣлившагося подтвердить правду, самого слѣдователя, стереть съ лица земли за „оглашеніе служебныхъ тайнъ“?

Я совершенно не вижу другого пути и я положительно изумленъ, что военное министерство считаетъ для своего достоинства возможнымъ молчать столько времени; подобное явленіе каждымъ днемъ молчанія военнаго министерства закрѣпляется въ умахъ и сердцахъ всѣхъ.

Съ одной стороны, все это дѣло ярко подтверждаетъ, что еще не умерли настоящіе рыцари духа, люди чистаго подвига, — а съ другой стороны, оно не менѣе ярко подтверждаетъ, до чего теперь дошла „безцеремонность преступности“...

Если бы тамъ, на востокѣ, куда судьба и необходимость погнала сотни тысячъ нашихъ русскихъ мужиковъ для гибели за чуждыя земли; если бы тамъ, на востокѣ, судьбами этихъ людей, посланныхъ на лишенія и ужасы неравной, и безполезной борьбы, вѣдали не Парчевскіе, Надаровы, Капели, Ухачи-Огоровичи и прочіе, коимъ нѣсть числа, а Шіановы, которые есть на Руси, мы это знаемъ — солдаты не нуждались бы въ необходимомъ, и казна не несла бы милліонные убытки, гнетомъ ложащіеся на того же мужика, съ расходами чудовищной войны оплачивавшаго и интендантскія вакханаліи.

...Тысячи маленькихъ забитыхъ „служащихъ“ разбросаны по нашей обширной странѣ; они трепещутъ отъ одной мысли о начальническомъ гнѣвѣ... Они, можетъ быть, свято честны и лучше пустятъ въ лобъ себѣ пулю, чѣмъ согласятся на взятку... но они не умѣютъ, не могутъ, не знаютъ, какъ имъ закричать, если они видятъ грабежъ и беззаконіе; они не знаютъ, что дѣлать имъ, случайнымъ свидѣтелямъ и въ глубинахъ души таятъ острую боль протестующей совѣсти, которая ихъ давитъ и мучитъ. И они знаютъ, а терпятъ и молчатъ, тая злобу, ясно понятную злобу на тѣхъ, кто заставляетъ молчать...

Неужели думаетъ военное министерство, что голосъ порядочнаго, прямого человѣка, не могущаго идти на компромиссы, можетъ быть заглушенъ приказомъ: „молчи“?

Не лучше ли посмотрѣть въ основы дѣла и устранить ненормальныя условія, при которыхъ предписывается человѣку быть... соучастникомъ преступленій, такъ какъ говорить о нихъ запрещаютъ... Не лучше ли заняться дѣйствительной чисткой, чтобы избавить людей чистыхъ отъ необходимости молча, покорно „служить“ съ людьми нечистыми, врагами народнаго благополучія, противниками прямыхъ интересовъ родины?

Военному министерству, повторяю, нѣтъ иного пути. Его опроверженія уже дискредитированы. Если въ оффиціальномъ циркулярномъ возраженіи могли быть такія несоотвѣтствія дѣйствительности — общество имъ болѣе вѣрить не можетъ, а они вѣдь пишутся для общества, для того или иного поворота общественнаго мнѣнія. Уже лучше военному министерству было не возражать вовсе, чѣмъ подобнымъ отвѣтомъ подорвать къ своему оффиціальному слову то довѣріе, на которое оно разсчитываетъ, котораго оно должно хотѣть и ждетъ отъ общества.

Но нужно же уважать общество, ко вниманію котораго обра-

щаешься съ объясненіемъ! Нужно же знать, что ошибка ошибкѣ рознь...

Если бы министерство военное, само описывая порядки своего вѣдомства, между прочимъ, сказало бы, что въ Варшавѣ пока все благополучно,—можно было бы думать и сказать, что военное министерство не знаетъ происходящаго.—Теперь этого сказать нельзя, ибо министерство утверждало отрицаніе, *дважды возражая* на фактъ, закрѣпленный рядомъ именъ, точный и вполнѣ осязаемый.

Ясно каждому, что военное министерство собственными силами не можетъ разобраться въ нынѣ оглашаемыхъ печатью преступленіяхъ.

Вотъ, *военный* судебный слѣдователь указываетъ на явныя преступленія, на явно виновныхъ.

Но военное министерство говоритъ:

— Нѣтъ виновныхъ, и вы заявленія о нихъ не дѣлали!!

Когда же оно увидитъ виновныхъ? Возможно ли этого когда нибудь дождаться?

Мыслимо ли даже ожидать этого при такихъ условіяхъ?

Я вновь настаиваю положительно на необходимости назначенія особой междувѣдомственной комиссіи для немедленнаго разбора „преступленій противъ русской арміи“, какъ безпощадно и мѣтко выразились военные же люди въ одномъ оффиціальномъ протоколѣ о хищничествахъ (протоколы, въ свое время приводившіеся лишь въ „Руси“), — между прочимъ, военное министерство говорило, что этого протокола оно не знаетъ.

Военное министерство, пока оно не объяснитъ удовлетворительно всю необычайную исторію, исключило всякую возможность довѣрія общества къ его разслѣдованіямъ.

Необходимо разслѣдованіе комиссіи изъ лицъ, ни въ какой мѣрѣ въ обвиненіи дѣйствительно виновныхъ не заинтересованныхъ.

Я уже далъ достаточно фактическихъ возраженій на сообщенія военнаго министерства, изъ нихъ уже ясно, какъ министерство опровергаетъ, но мои возраженія еще не закончены. Въ ближайшихъ статьяхъ я ихъ продолжу,—*если это все еще нужно.*

Въ этомъ дѣлѣ есть еще одна любопытная сторона.

Первая статья моя о варшавскомъ интендантствѣ была помѣщена въ № 297 „Руси“ еще 7 ноября, то-есть тому назадъ почти полтора мѣсяца; военное министерство возражало и въ своемъ сообщеніи заявило, что „...въ дѣйствіяхъ пріемной

комиссіи (Варшавской) нельзя было признать наличіе какого-либо злого съ ихъ стороны умысла, почему дѣло было окончено въ дисциплинарномъ порядкѣ"...

Возражая на это въ № 311 „Руси" уже 20 ноября, я указалъ, что наличность преступленій есть, такъ какъ военнымъ слѣдователемъ Шіановымъ составлено постановленіе о привлеченіи къ суду ряда генераловъ, коихъ я назвалъ... Я сказалъ, что постановленія „подъ сукномъ" у ген. Скалона.

На это 9 декабря, т. е. черезъ 19 дней, военное министерство отвѣчаетъ, что означенный фактъ — „совершенный вымыселъ".

Это сообщеніе опубликовано оффиціально въ „Русскомъ Инвалидѣ", „Правительственномъ Вѣстникѣ", „Россіи", а кромѣ того, что особенно важно—въ „Варшавскомъ Дневникѣ" (единственной русской газетѣ въ Варшавѣ) и въ нѣкоторыхъ польскихъ.

Въ Варшавѣ читалъ „опроверженіе" генералъ Скалонъ, командующій Варшавскимъ военнымъ округомъ, и видимо ничего не сообщилъ военному министерству, хотя не могъ не знать, что опроверженіе не отвѣчаетъ правдѣ, потому что постановленіе слѣдователя находилось у него, генерала Скалона.

Въ Варшавѣ читалъ „опроверженіе" министерства генералъ-лейтенантъ Дорошевскій, предсѣдатель военнаго суда, и — тоже молчалъ, хотя хорошо зналъ, что опроверженіе — неправда.

Въ Варшавѣ читалъ „опроверженіе" генералъ Казначеевъ, особенно хорошо знавшій подробности дѣла, какъ прокуроръ военнаго суда (мною уже приводились документы, свидѣтельствующіе, что постановленіе ему хорошо извѣстно). И тоже молчалъ. „Опроверженіе прочла вся Варшава, но никто не рѣшался проговорить слово правды; прочли, конечно, съ тайной радостью и сами привлеченные генералы; ихъ-то молчаніе еще понятно!

Генералъ Скалонъ, генералъ Дорошевскій, генералъ Казначеевъ не могли не видѣть всей важности ошибки министерства. Генералъ Скалонъ, казалось бы, не могъ не указать ее тотчасъ же, даже телеграфомъ, вѣдь ошибка принадлежала къ разряду прямо неслыханныхъ!

Очевидно, что генералъ Скалонъ и никто другой этого не сдѣлалъ!.. Ибо прошло еще 8 дней до 17 декабря, когда появилась моя статья о варшавскомъ дѣлѣ съ рядомъ неопровержимыхъ документовъ о томъ, что я былъ правъ, и до 17 декабря военное министерство не исправило своей ошибки, если это была ошибка!

Мало того! Военное министерство 14 декабря посылаетъ свое

невѣрное сообщеніе редакціи „Руси“ черезъ главное управленіе по дѣламъ печати, и главное военно-судное управленіе требуетъ на основаніи 138 ст. уст. о ценз. его напечатанія!..

И оно было напечатано уже вмѣстѣ съ моей статьей.

Я спрашиваю военное министерство, какъ обществу и мнѣ, автору, надлежитъ понимать этотъ странный случай?..

И военное министерство молчитъ до сихъ поръ.

Обстоятельства дѣла требуютъ, однако, отъ него объясненія!..

Полагаю теперь, что съ моей стороны уже сказано достаточно для разсѣянія недоумѣній и теперь слово за военнымъ министерствомъ, разбирающимъ мои статьи трудами нѣсколькихъ своихъ комиссій...

Необходимо разслѣдованіе междувѣдомственной комиссіи изъ лицъ, ни въ какой мѣрѣ въ обѣленіи дѣйствительно виновныхъ не заинтересованныхъ.

Вотъ что пишетъ по этому поводу проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ.

Въ борьбѣ за правду.

Въ № 311 „Руси“, за подписью г. Купчинскаго, было, между прочимъ, напечатано, что въ варшавскомъ интендантствѣ „хищничество практикуется съ давнихъ поръ и въ не менѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ въ другихъ пунктахъ и даже на востокѣ“.

Слова эти являлись выводомъ изъ фактическаго сообщенія о томъ, что въ варшавскомъ военномъ округѣ „въ настоящее время ведется слѣдствіе по поставкамъ“ и что производящимъ слѣдствіе военнымъ слѣдователемъ д. с. с. Шіановымъ, составлено постановленіе о привлеченіи въ качествѣ обвиняемыхъ окружнаго интенданта, его помощника и еще четырехъ чиновъ мѣстнаго интендантства. Въ заключеніе г. Купчинскій предлагалъ, „если военному министерству это неизвѣстно“, справиться у командующаго войсками варшавскаго военнаго округа, который съ 10 августа оставляетъ постановленіе безъ движенія.

Прошелъ почти мѣсяцъ — время, совершенно достаточное для сношенія Петербурга съ Варшавой. Въ редакцію „Руси“ на основаніи 138 статьи устава о цензурѣ и печати, поступило „опроверженіе“.

Потребовало напечатанія опроверженія главное военно-судное управленіе. Газета не имѣла права отказать въ исполненіи требованія и вынуждена была 17 декабря въ № 338 дать на своихъ собственныхъ столбцахъ слѣдующую аттестацію своему сотруднику и сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ:

„Въ продолжающихся печатаніемъ въ газетѣ „Русь“ статьяхъ Купчинскаго „Герои Тыла“ вновь указывается на нѣкоторыя изъ прежнихъ сообщеній автора статей о разныхъ злоупотребленіяхъ, *будто бы* имѣвшихъ мѣсто въ военномъ вѣдомствѣ, причемъ, приводятся факты или *вымышленные*, или же переданные *въ совершенно искаженномъ* видѣ“.

Въ частности, относительно злоупотребленій въ варшавскомъ интендантствѣ, главное военно-судное управленіе, пользуясь цензурными правилами, принудило „Русь“ объявить своимъ читателямъ:

„Въ № 311 Купчинскій утверждаетъ, что въ Варшавѣ и въ настоящее время ведется слѣдствіе по поставкамъ, каковое слѣдствіе производится д. с. с. В. З. Шіановымъ, которымъ, будто бы, сдѣлано постановленіе о привлеченіи къ слѣдствію: окружнаго интенданта ген. Люба, помощника его генералъ-маіора Модль, полковника Фалѣева, подполковника Петрова, статскаго совѣтника Шанзихта и надворнаго совѣтника Девеля. *Сообщеніе* это является *совершеннымъ вымысломъ*, такъ какъ названный слѣдователь *никакого слѣдствія* по поставкамъ не *производитъ и никакого постановленія* его о привлеченіи „къ слѣдствію упомянутыхъ лицъ не было“.

Можно ли опровергать болѣе категорично, ясно и исчерпывающе? Можно ли было обставить опроверженіе съ внѣшней стороны болѣе убѣдительно?

Если бы требованіе исходило отъ главнаго интендантскаго управленія или отъ штаба Варшавскаго военнаго округа — отъ учрежденій заинтересованныхъ—еще могли бы возникать сомнѣнія. Но оно исходило отъ *главнаго военно-суднаго управленія*— отъ отдѣла военнаго министерства, стоящаго въ сторонѣ отъ всякихъ поставокъ и хозяйственныхъ операцій, вѣдающаго надзоръ за отправленіемъ правосудія, сосредоточивающаго въ себѣ свѣдѣнія о ходѣ военно-судебныхъ дѣлъ и о производимыхъ въ военномъ вѣдомствѣ предварительныхъ слѣдствіяхъ, — наконецъ, отъ учрежденія, состоящаго изъ юристовъ, не могущихъ не знать юридической цѣнности публикуемыхъ утвержденій, заявленій и опроверженій.

Мало того: требованіе поступило не сразу а по истеченіи почти мѣсяца. Сама собой напрашивалась мысль, что главное военно-судное управленіе тщательно провѣрило факты, сообщавшіеся г. Купчинскимъ, что оно снеслось съ мѣстнымъ военнымъ

прокуроромъ, наблюдающимъ за слѣдствіями, производимыми военными слѣдователями, и что оно рѣшилось назвать сообщеніе „совершеннымъ вымысломъ“ во всеоружіи несомнѣнныхъ данныхъ.

Наконецъ, если бы послѣ словъ „совершенный вымыселъ“ была поставлена точка, то тоже полнаго устраненія сомнѣній не было бы. „Освѣдомительное бюро“ уже пріучило читателей цѣнить по достоинству этотъ грубый и бездоказательный штемпель, оффиціально накладываемый ежедневно на газетныя сообщенія. Но въ опроверженіи объявлялось другое: „названный слѣдователь никакого слѣдствія по поставкамъ не производитъ“, „никакого постановленія о привлеченіи къ слѣдствію упомянутыхъ лицъ не было“.

И оказывается, что штемпель: „совершенный вымыселъ“ — долженъ быть наложенъ не на сообщеніе г. Купчинскаго, а на опроверженіе. Военный слѣдователь Варшавскаго военнаго округа по особенно-сложнымъ хозяйственнымъ дѣламъ д. ст. сов. Шіановъ, бумагой отъ 14 декабря за № 515 сообщилъ въ редакцію „Руси“:

„Въ означенной статьѣ авторъ, г. Купчинскій, разсказываетъ о произведенномъ мною слѣдствіи по поставкамъ и о составленіи мною постановленія о привлеченіи окружного интенданта ген.-л. Люба, помощника его ген.-м. Модля, полк. Фалѣева, подп. Петрова, ст. сов. Шанзихта и надв. сов. Девеля.

„Это сообщеніе г. Купчинскаго *вполнѣ отвѣчаетъ истинѣ*, почему категорическое отрицаніе этого факта не можетъ не поражать меня. Постановленія мной были составлены въ количествѣ трехъ и посланы въ копіяхъ: 1) командующему войсками округа ген.-адъют. Скалону и 2) военному прокурору ген.-м. Казначееву.

„Изъ нихъ первое было имъ послано 8 августа, а послѣдне 7 декабря. Никакихъ запросовъ со стороны военнаго министерства ко мнѣ не поступало“.

По правиламъ военно-судебнаго устава, военные слѣдователи собственною властью никого къ скѣдствію, въ качествѣ обвиняемыхъ не привлекаютъ. Право такого привлеченія принадлежитъ военноначальствующимъ лицамъ. А потому, обнаруживъ въ дѣйствіяхъ лицъ, къ слѣдствію не привлеченныхъ, признаки преступленія или проступка, военный слѣдователь ограничивается составленіемъ о томъ постановленія и представленіемъ копій съ него подлежащему военному начальству и военному прокурору.

Г. Шіановъ поступилъ, точно руководствуясь 348 статьей военнаго судебнаго устава. Въ дальнѣйшемъ или должно было

послѣдовать распоряженіе командующаго войсками варшавскаго военнаго округа о привлеченіи указанныхъ въ постановленіи лицъ и продолженіе слѣдствія, не какъ о происшествіи („о поставкахъ“ или „о злоупотребленіяхъ при поставкахъ“), а какъ объ опредѣленныхъ лицахъ, обвиняемыхъ по опредѣленнымъ статьямъ закона, — или извѣщеніе слѣдователя о несогласіи съ его постановленіемъ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло должно было получить направленіе по 363 статьѣ военно-судебнаго устава, которая гласитъ:

„Когда военный слѣдователь усмотритъ законное основаніе къ пріостановленію или прекращенію слѣдствія, то пріостановивъ производство, отсылаетъ дѣло военному прокурору, который вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ препровождаетъ его къ начальнику, назначившему слѣдствіе. Если и военный начальникъ, и военный прокуроръ найдутъ, что нѣтъ основаній къ дальнѣйшему производству слѣдствія, то оно прекращается, о чемъ доводится до свѣдѣнія высшаго въ порядкѣ подчиненности, начальника. При несогласіи военнаго начальника или военнаго прокурора на прекращеніе слѣдствія, дѣло представляется на окончательное разрѣшеніе высшаго, въ порядкѣ подчиненности, начальника. О прекращеніи слѣдствія, при несогласіи на то военнаго прокурора, послѣдній доноситъ главному военному прокурору“.

Текстъ 363 статьи приведенъ полностью намѣренно. Въ опроверженіи говорится, что никакого слѣдствія о поставкахъ „названный слѣдователь“ *не производитъ*, а сообщеніе г. Купчинскаго трактуется, какъ касающееся слѣдствія, которое *„и въ настоящее время ведется“*. Равнымъ образомъ и г. Шіановъ въ своей бумагѣ пишетъ о „произведенномъ“ имъ слѣдствіи. А потому можетъ явиться мысль, что опроверженіе опирается на то, что г. Купчинскій ссылается на *производящееся* слѣдствіе, тогда какъ оно *производилось* и прекращено. Изъ справки ясно видно, что если слѣдствіе въ промежуткѣ между 7 декабря и днемъ составленія опроверженія дѣйствительно поспѣшили прекратить, то это не могло состояться безъ вѣдѣнія военнаго министра, какъ непосредственно высшаго надъ командующимъ войсками начальника, и главнаго военнаго прокурора — онъ же начальникъ главнаго военно-суднаго управленія.

Что касается второй половины фактическаго утвержденія опроверженія, то тутъ, впрочемъ, и игры словами нельзя предположить. Главное военно-судное управленіе потребовало отъ газеты оповѣстить, что никакого постановленія о привлеченіи къ слѣд-

ствію упомянутыхъ лицъ *„не было“*. Трудно думать, чтобы авторы опроверженія имѣли въ виду прикрыться тѣмъ, что постановленія г. Шіанова, составленныя имъ въ августѣ и въ декабрѣ, слѣдуетъ именовать, по буквѣ закона, не постановленіями о привлеченіи, а постановленіями о сообщеніи на предметъ привлеченія. Это такая неуловимая тонкость, которая понятна только тѣмъ, кто сами были военными прокурорами и военными слѣдователями. Едва ли главное военно-судное управленіе разсчитывало, что оно будетъ уловлено читателями газеты.

Выше сказано, что на опроверженіе долженъ быть наложенъ штемпель: „совершенный вымыселъ“. Конечно, для столь категорическаго утвержденія о намѣренности помѣщенія въ газетѣ завѣдомо невѣрнаго опроверженія нѣтъ достаточныхъ данныхъ. И позорящій штемпель можетъ быть наложенъ на опроверженіе лишь съ тѣми основаніями, съ которыми онъ накладывается „Освѣдомительнымъ бюро“ на сообщенія газетъ. Но что въ данномъ случаѣ имѣется преступная небрежность и въ ея результатѣ легкомысленное оклеветаніе г. Купчинскаго для этого утвержденія всѣ основанія на лицо.

И не наводя никакихъ справокъ у военнаго слѣдователя и у военнаго прокурора, главное военно-судное управленіе не могло не знать, что въ августѣ г. Шіановымъ *было* составлено постановленіе о привлеченіи генерала Люба и др. лицъ. Слѣдствіе производилось болѣе четырехъ мѣсяцевъ. О всѣхъ же такого рода дѣлахъ, согласно инструкціи военно-прокурорскому надзору, военные прокуроры ежемѣсячно представляютъ въ главное военно-судное управленіе особые вѣдомости, и въ вѣдомостяхъ, начиная съ сентября, не могло не значиться, что по дѣлу о поставкахъ слѣдователемъ составлено постановленіе, на которое ожидается отвѣтъ отъ командующаго войсками.

Со дня опубликованія опроверженія военнаго министерства и опровергающей его бумаги военнаго слѣдователя г. Шіанова, истекаетъ недѣля.

Военное министерство молчитъ. Не пора ли отозваться? Не пора ли снять съ г. Купчинскаго брошенное ему грубое обвиненіе? Служебное положеніе создаетъ права, но оно налагаетъ и обязанности. И не одни обязанности формальнаго свойства, за нарушеніе которыхъ полагаются кары и возмѣщеніе убытковъ. Служебное положеніе ни съ кого не снимаетъ обязанностей этическаго свойства.

Военное министерство молчитъ въ печати, но *карательный аппаратъ уже заработалъ*. Только не противъ авторовъ опроверженія, а противъ г. Шіанова. *Надъ нимъ уже повисло дисциплинарное производство и ему грозитъ увольненіе отъ службы*. „Не смѣй говорить правду, не смѣй возмущаться неправдой!“—*прочитаетъ общество, когда узнаетъ объ его увольненіи*. А объ авторахъ опроверженія общество можетъ и ничего не узнать: 417 статья уложенія о наказаніяхъ даетъ возможность объявить виновнымъ выговоръ — и только.

Что безнравственнѣе и болѣе преступно: объявить неправду, при полномъ соблюденіи формы, или, возмутившись неправдой, раскрыть истину, безъ прямого на то уполномочія закономъ? Для гражданъ — одна мѣрка. Для „начальства“ другая. Общественное сознаніе и ничему не научившееся начальство не скоро станутъ прилагать одинаковый масштабъ. Но общество уже переросло тотъ возрастъ, когда его могли убѣждать, что печать и ея служеніе раскрытію произвола и злоупотребленій — только терпимое зло.

Еще было бы, конечно, лучше, если бы инцидентъ завершился привлеченіемъ къ суду редактора „Руси“ за то, что онъ въ одномъ номерѣ съ опроверженіемъ помѣстилъ возраженія г. Купчинскаго и бумагу д. ст. сов. Шіанова. По крайней мѣрѣ будетъ просто и привычно.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

Правда бумажная и Русь живая.

Читатель былъ пораженъ письмомъ г. Шіанова. Еще болѣе онъ будетъ пораженъ печатаемымъ ниже сообщеніемъ военнаго министерства.

Чтобы выпутаться изъ необычайнаго своего положенія по дѣлу о хищеніяхъ въ варшавскомъ интендантствѣ, министерство нашло выходъ въ „разъясненіи“, которое не можетъ не подрывать довѣрія къ прямому и *ясному* смыслу оффиціальныхъ нашихъ сообщеній.

Министерство признается, что его категорическое заявленіе о томъ, что факты приведенные г. Купчинскимъ есть „совершенный вымыселъ“ — правдиво лишь на бумагѣ, ибо выраженія этого сообщенія должно понимать въ спеціальномъ смыслѣ, т. е. такъ, какъ никто изъ читавшихъ его, конечно, понимать не могъ и не понималъ.

Мы говоримъ „никто“ и повторяемъ это, ибо, конечно, и тѣ спеціалисты военно-судебныхъ уставовъ, которымъ извѣстны процессуальныя тонкости военнаго судопроизводства, изъ уваженія къ правительственному документу не допускали и мысли, что сообщеніе министерства надо читать со спеціальнымъ подстрочникомъ, имѣющимся лишь у очень немногихъ изъ массъ читателей. Вѣдь обнародовано оно было именно во *всеобщее* свѣдѣніе!!

Всѣ тѣ, кто этого подстрочника не имѣли, были введены оффиціальнымъ сообщеніемъ министерства въ полное заблужденіе.

Министерство само признаетъ огромную разницу въ удѣльномъ вѣсѣ прямого смысла его сообщенія и того, который слѣдуетъ изъ его нынѣшняго разъясненія. Теперь оно уже не говоритъ о „совершенномъ вымыслѣ“ г. Купчинскаго, а указываетъ только на „невѣрность“ его.

По существу, однако, невѣрнымъ и ложнымъ остается первое сообщеніе военнаго министерства и его нынѣшнее заявленіе подтверждаетъ лишь то само по себѣ невѣроятное предположеніе, что военное министерство дѣйствительно способно въ оффиціальномъ сообщеніи допускать игру словъ, выдающую обществу и странѣ неправду вмѣсто истины.

Теперь всякому очевидно, что военное министерство дѣйствительно не имѣло права дѣлать своего перваго заявленія, а тѣмъ не менѣе, оно къ великому соблазну его сдѣлало!

Сколь ничтожной рядомъ съ его виной является вина г. Шіанова. А между тѣмъ, авторы сообщенія судятъ его очень сурово. Они ввели въ заблужденіе всю Россію, а кого ввелъ въ заблужденіе г. Шіановъ? Въ концѣ концовъ министерство само признало, что было на дѣлѣ именно такъ, какъ всѣ поняли происшедшее изъ словъ г. Шіанова, а совсѣмъ не такъ, какъ разсказало министерство.

О существѣ дѣла въ этомъ отношеніи и спора быть не можетъ. А о формѣ — военное министерство полагаетъ, что оно имѣло право въ данномъ случаѣ употребить — не дѣлая при этомъ никакихъ дополнительныхъ объясненій! — казуистическій языкъ, а не прямой и честный языкъ, на которомъ правительственныя учрежденія обязаны говорить съ населеніемъ, а г. Шіановъ думалъ — обратно. И, конечно, онъ былъ и остался правъ. И кругомъ неправо — военное министерство.

Министерство обвиняетъ г. Шіанова въ извращеніи фактовъ. Но нельзя, конечно, и думать, чтобы г. Шіановъ не зналъ впередъ

всѣхъ сегодняшнихъ разъясненій министерства и тонкихъ различій въ терминахъ. Но обличительная рѣзкость перваго сообщенія министерства была такъ велика, что и г. Шіановъ, очевидно, не допустилъ и мысли, что министерство защищаетъ тутъ лишь правду внѣшней фразы, правду бумажную, а не правду дѣйствительную, и отложивъ въ сторону языкъ правды бумажной, онъ заговорилъ тоже языкомъ правды живой. Вотъ вся его вина по части извращенія фактовъ...

Правда бумажная и Русь живая живутъ по разнымъ законамъ.

Расходясь съ военнымъ министерствомъ въ оцѣнкѣ живой правды въ этомъ дѣлѣ, общество, населеніе, всѣ разумные и чуткіе къ интересамъ государства люди разойдутся съ нимъ и въ оцѣнкѣ образа дѣйствій г. Шіанова.

Достаточно только представить себѣ, что теперь дѣлается тамъ на мѣстѣ въ Варшавѣ!

Казнокрады, хищники и ихъ потакатели съ злорадствомъ напираютъ на „виновнаго“.

— А, ты одинъ здѣсь между нами. Не захотѣлъ идти съ нами. Не продалъ своего Бога... А, ты поступилъ по присягѣ... Ты вспомнилъ ея наставленія, ея заклятья и призывы! Такъ отвѣть намъ теперь — въ какой такой статьѣ закона разрѣшается слѣдователю писать письма въ газеты? Въ какой статьѣ позволено опровергать министерскія сообщенія? Не знаешь?! Ну, не прогнѣвайся. Мы изъ тебя жилы и душу вымотаемъ. Поставимъ противъ тебя всѣхъ, кого можемъ. Ты въ правду вѣришь,—вотъ покажутъ тебѣ эту правду! Мы въ Сибирь пойдемъ, но вѣдь деньги то при насъ останутся! А ты, обличитель, попляшешь въ Чухломѣ на уменьшенномъ содержаніи. Не слаще Сибири покажется Чухлома-то!..

И это растлѣнное злорадство уличенныхъ казнокрадовъ безстыдно празднуетъ свое торжество.

Вѣдь именно это истинно отвратительное разлагающее зрѣлище происходитъ теперь въ Варшавѣ.

Но вѣдь это государственный строй подпиливаютъ и вы, призванные охранители, позволяете себѣ этого не замѣчать! Вы лѣниво медлите понять, что вѣдь это на всю государственность нашу кладетъ пятно варшавское торжествующее распутство!

Или вы въ немъ сомнѣваетесь? Нужны новыя доказательства? Ихъ-ли мало, однако...

Военный слѣдователь, увидѣвъ прямое попраніе истины со стороны во первыхъ, своего министерства, во вторыхъ, своего спеціальнаго вѣдомства и въ третьихъ, наконецъ—мѣстнаго начальства, увидѣвъ, что центральная, и своя вѣдомственная, и мѣстная власти подымаются стѣною, грозя задавить правду, въ понятномъ ужасѣ возвысилъ голосъ и воскликнулъ:

— Но это—правда! Остановитесь въ вашей неправдѣ!!

И вотъ, онъ подвергнутъ суровому суду, ибо и въ самомъ дѣлѣ онъ смѣлъ ужаснуться до того, что—забылъ уставъ!

Онъ не долженъ былъ ужасаться оффиціальному попранію правды. Онъ, можетъ быть, даже и удивляться ему не долженъ былъ?

Передъ цѣлымъ краемъ, который отлично знаетъ истину и правительственныя сообщенія понимаетъ по ихъ прямому смыслу, министерство попало на сторону укрывающихся казнокрадовъ и чиновникъ не въ правѣ объявить извѣстную ему истину — пусть лучше пятно горитъ еще и еще дни и недѣли на цѣломъ учрежденіи!

Уставы даны и должны быть соблюдаемы, но самъ создатель и родоначальникъ у насъ „уставовъ“ различныхъ службъ Петръ Великій сказалъ о нихъ, что въ нихъ указаны общія правила, „но *случаи* не даны“ и держаться уставовъ должно, согласно присяги, совѣсти и разума, а не „какъ слѣпой—стѣны“.

И этотъ истинный богатырь государственнаго строительства, когда князь Яковъ Долгорукій разорвалъ указъ съ подписью царя—слышите *разорвалъ*,—сурово потребовалъ у него отвѣта и, выслушавъ, поцѣловалъ Долгорукаго.

Если бы на судъ этого творца „уставовъ“ поставить рядомъ военнаго слѣдователя, правдиво передъ присягой исполнившаго свой долгъ, и его обвинителей, то,—мы смѣемъ высказать наше глубокое убѣжденіе—и въ этотъ разъ онъ поцѣловалъ бы обвиненнаго, высказавъ тѣмъ свою высшую и личную благодарность, а его обвинители и тѣ, кто медлятъ за него заступиться, мѣста себѣ не нашли бы въ своихъ учрежденіяхъ отъ праведнаго и грознаго его гнѣва.

И не въ отягощеніе вины было бы обвиняемому то, что онъ обличилъ истину печатно. Петръ самъ основалъ первую русскую газету, самъ писалъ въ ней и если бы это его начинаніе помогло ему разоблачить огромное казнокрадство, пригрѣвшееся какъ разъ въ самомъ опасномъ мѣстѣ всей русской западной гра-

ницы,—онъ только порадовался бы этому, какъ дѣятельной помощи и памятной острасткѣ чиновничьихъ пороковъ.

„Учрежденія“ превратились у насъ теперь въ крѣпости. Они уже сами отъ себя диктуютъ свои уставы, но не въ ихъ силахъ упразднить чуткость общественной совѣсти и утвердить себя царями жизни.

Этого никогда не будетъ, и случай съ г. Шіановымъ глубоко потрясаетъ каждаго, въ комъ жива связь съ идеей государства.

Начальство учрежденія попрало истину и первые интересы государства. Подчиненный вступился за нее — и онъ первый въ отвѣтѣ!

— Но, чего же вы хотите? Вѣдь мундиръ его при этомъ былъ растегнутъ на одну пуговицу. Это противъ устава.

Мы не считаемъ сегодняшняго сообщенія военнаго министерства—„исчерпывающимъ“.

Напротивъ! Оно ставитъ лишь новый вопросъ — теперь уже на основаніи факта, завѣреннаго самимъ министерствомъ:

„Какъ могло явиться столь невѣрное по своему прямому смыслу и существу сообщеніе военнаго министерства, какимъ оказалось его сообщеніе отъ 9 декабря“?

Никакая Дума не потерпитъ такого попранія государственной морали, государственныхъ интересовъ и до первыхъ ея засѣданій военному министру осталось всего десять дней, чтобы найти достойный выходъ въ этомъ небываломъ дѣлѣ.

Отъ военнаго министерства.

Въ объясненіи военнаго министерства по поводу статей Купчинскаго „Герои тыла“ въ газетѣ „Русь“ было указано на неправильность сообщенія Купчинскаго о томъ, что въ Варшавѣ въ настоящее время ведется военнымъ слѣдователемъ Шіановымъ слѣдствіе по поставкамъ и что названнымъ слѣдователемъ сдѣлано постановленіе о привлеченіи къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ окружнаго интенданта варшавскаго военнаго округа генералъ-лейтенанта Люба, его помощника генералъ-маіора Модль и нѣкоторыхъ другихъ чиновъ интендантства. Вслѣдъ затѣмъ въ газетѣ „Русь“, отъ 17 декабря было напечатано письмо военнаго слѣдователя Шіапова, въ которомъ онъ подтверждаетъ правильность разсказа Купчинскаго, заявляя, что имъ, Шіановымъ, дѣйствительно, производится слѣдствіе по поставкамъ и составлено постановленіе о привлеченіи къ этому слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ генерала Люба и др., указанныхъ Купчинскимъ, лицъ.

По этому поводу военное министерство находитъ необходимымъ сообщить, что 1) военному слѣдователю Шіанову интендантскимъ управленіемъ варшавскаго военнаго округа было поручено производство слѣдствія не „о поставкахъ въ варшавскомъ военномъ округѣ“, а „о переотпускѣ сукна на погоны и недоотпускѣ сукна на фуражки“, какъ о происшествіи, т. е. безъ привлеченія къ слѣдствію кого-либо въ качествѣ обвиняемаго; 2) военно-судебный уставъ не представляетъ военному слѣдователю права привлекать кого-либо къ слѣдствію, а обязываетъ его лишь доводить до свѣдѣнія военнаго начальства и военнаго прокурора о тѣхъ, обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія фактахъ, которые, по мнѣнію слѣдователя, могутъ служить основаніемъ къ возбужденію отвѣтственности лицъ, къ слѣдствію непривлеченныхъ, причемъ, сообщеніе это, какъ не имѣющее обязательнаго значенія, не только не подлежитъ оглашенію (какъ и всѣ вообще акты слѣдственнаго производства), но не объявляется даже и тѣмъ лицамъ, къ которымъ оно относится. Въ случаѣ признанія указаній военнаго слѣдователя основательными, военное начальство дѣлаетъ распоряженіе о привлеченіи соотвѣтствующихъ лицъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ, каковое распоряженіе только и даетъ право военному слѣдователю составить постановленіе о привлеченіи указанныхъ начальствомъ лицъ; если же начальство найдетъ указанные слѣдователемъ факты недостаточными для привлеченія, то оставляетъ его сообщеніе безъ послѣдствій или возвращаетъ ему дѣло для дополненія. Въ настоящемъ случаѣ командующій войсками варшавскаго военнаго округа, получивъ донесеніе Шіанова о незаконныхъ, по его мнѣнію, дѣйствіяхъ генерала Люба и др. лицъ, не усмотрѣлъ въ этомъ донесеніи достаточныхъ данныхъ для привлеченія названныхъ лицъ и возвратилъ дѣло для дополненія.

Такимъ образомъ, военный слѣдователь Шіановъ постановленія о привлеченіи къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ генерала Люба и др. не дѣлалъ и не могъ дѣлать за отсутствіемъ соотвѣтствующаго распоряженія о томъ военнаго начальства и не только нарушилъ долгъ службы, сообщивъ въ печать свѣдѣнія по находящемуся въ его производствѣ дѣлу, безусловно не подлежащія оглашенію, но и допустилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своемъ заявленіи извращеніе фактовъ.

Тѣми же приведенными выше обстоятельствами объясняется и то, что варшавское окружное интендантское управленіе никакихъ

распоряженій командующаго войсками по оставленному, впредь до болѣе точнаго разслѣдованія, безъ послѣдствій донесенію Шіанова не получало, а потому на телеграфный запросъ главнаго интендантскаго управленія—вѣрно ли сообщеніе Купчинскаго о производствѣ Шіановымъ слѣдствія по поставкѣ въ варшавскомъ военномъ округѣ и о привлеченіи къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ окружнаго интенданта генерала Люба и др. лицъ, отвѣтило категорически, что такового слѣдствія не производится, и что упомянутыя лица въ качествѣ обвиняемыхъ не привлечены.

Все вышеизложенное и давало военному министерству полное основаніе указать въ своемъ сообщеніи на невѣрность сообщенія Купчинскаго.

Оправдалось ли военное министерство.

Вчерашнее уже четвертое по счету сообщеніе военнаго министерства доказало каждому, который его прочелъ, что военное министерство, не владѣя достаточными фактическими данными для дѣйствительнаго опроверженія—въ стремленіи настоять во что бы то ни стало на правотѣ своихъ отрицаній, *стало играть словами.*

Точно рѣчь въ терминахъ, въ заглавіяхъ, въ названіяхъ, а не въ сути вещей!

Присвоеніе чужой собственности—не то, что кража, насильственный захватъ имущества, принадлежащаго другому—не то, что грабежъ.

На такой игрѣ словами строитъ свое опроверженіе военное министерство!

Военное министерство оффиціально заявляетъ, что военный слѣдователь по закону не имѣетъ права привлекать кого нибудь къ слѣдствію, такъ какъ на это нужна санкція высшей власти...

Когда дѣло касается вещей важныхъ, то суть не въ такихъ цитатахъ изъ законовъ, а въ томъ, что г. Шіановъ *ждалъ мѣсяцами* санкціи этой власти, которой было угодно „не найти въ этомъ донесеніи достаточныхъ данныхъ для привлеченія названныхъ лицъ и возвратить дѣло для дополненія“.

Это „донесеніе“—и есть то постановленіе, о которомъ я въ своихъ статьяхъ говорилъ и которое военное министерство, назвавъ „совершеннымъ вымысломъ“ тогда, теперь называетъ „это донесеніе“.

Такъ вотъ „это донесеніе“ генераломъ Скалономъ, командую-

щимъ войсками варшавскаго военнаго округа было, по новому увѣренію военнаго министерства, будто-бы возвращено Шіанову для дополненія.

Оно не было *возвращено*, а къ нему лишь требовались дополненія, каковыя требованія я и назвалъ, зная ихъ сущность, сознательной проволочкой, желаніемъ дѣло затянуть, что и вышло въ дѣйствительности.

Постановленіе, или какъ хочетъ говорить военное министерство, „это донесеніе“ было г. Шіановымъ дополнено дважды самостоятельными, подобными первому-же постановленіями, тѣмъ не менѣе никакого хода дѣло не получало, хотя виновность переименованныхъ лицъ доказывалась совершенно опредѣленно.

Если генералъ Скалонъ не нашелъ достаточныхъ данныхъ для привлеченія, а военный слѣдователь, производившій разслѣдованіе, ихъ нашелъ, то ген. Скалонъ обязанъ былъ доложить военному министерству, что онъ съ военнымъ слѣдователемъ Шіановымъ не согласенъ, тогда бы военное министерство не стало отрицать самое производство слѣдствія, которое теперь подтверждаетъ, къ этому подтвержденію печатью вынужденное.

Естественно и понятно, что тѣ, которыхъ преступленія обнаружилъ Шіановъ, были слишкомъ заинтересованы въ ихъ сокрытіи, въ томъ, чтобы съ Шіановымъ „не согласились“.

Поэтому вполнѣ объяснимо то, что варшавское окружное интендантское управленіе, начальники коего и обвинялись,—отвѣтило по телеграфу на запросъ военнаго министерства, какъ оно выразилось: „категорически, что такового слѣдствія не производится“.

Это была сознательная, намѣренная, вполнѣ ясная и объяснимая ложь варшавскаго окружнаго интендантскаго управленія, каковую неправду повторило военное министерство.

Оно наказано, но вполнѣ по дѣломъ! Вѣдь странно же, наивно спрашивать о дѣлѣ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя заинтересованы, чтобы даже и, принуждаемые долгомъ службы, сказать о немъ какъ можно меньше изъ истины, которая на мѣстѣ извѣстна всѣмъ. Еще страннѣе и непростительнѣе на основаніи такихъ впередъ малодостовѣрныхъ показаній съ горячностью объявлять на всю Россію оффиціально удостовѣренною истиною то, что на дѣлѣ было только *непровѣренными показаніями заинтересованныхъ лицъ!!*

Я спрошу военное министерство, почему оно въ своемъ сооб-

шеніи нигдѣ не указало настоящаго источника своихъ утвержденій—варшавское интендантское управленіе,—а отвѣтственность за сообщенія приняло сначала на общее управленіе вѣдомства, а потомъ выдвинуло „гл. военно-судное управленіе“, хотя, повторяю, данныя шли изъ варшавскаго интендантскаго управленія?

Это на бумагѣ выходило авторитетнѣе. Оно и было такъ, но только гдѣ же была при этомъ правда?!

Вопросъ ясенъ, но почему же военное министерство все-же рѣшается отрицать имъ же признанный фактъ. О чемъ оно споритъ? Кого оно стремится убѣдить, что черное можетъ быть заразъ и чернымъ, и бѣлымъ?..

Военное министерство заявляетъ, что г. Шіановъ огласилъ факты, которые оглашенію не подлежали.

Я утверждаю, что огласило ихъ—само военное министерство, поставивъ и меня и г. Шіанова въ необходимость огласить ихъ.

Судите сами, вспомните, какъ всѣ эти факты появились въ печати.

Я узналъ, что въ Варшавѣ всячески стараются замять крупное дѣло—и не одно прибавлю здѣсь—объ интендантскихъ хищеніяхъ. Затѣмъ я узналъ, что стараются задержать и уничтожить результаты добросовѣстныхъ разслѣдованій военнаго слѣдователя—узналъ вовсе не отъ г. Шіанова, прибавлю для военнаго министерства.

Сперва я огласилъ только нѣкоторыя злоупотребленія—я цитировалъ бумаги, акты,—военное министерство отрицало.

Тогда я указалъ, что имѣю и другія данныя, назвавъ фамиліи привлеченныхъ, равно какъ и имя слѣдователя. Военное министерство назвало все „сплошнымъ вымысломъ“, чѣмъ вызвало меня огласить всѣ детали дѣла, а военнаго слѣдователя Шіанова, обвиненнаго во лжи военнымъ министерствомъ, заставило заступиться за попранную истину и сказать громко правду...

Военный слѣдователь данныхъ не оглашалъ, огласилъ ихъ я, шагъ за шагомъ вызываемый къ тому невѣрными заявленіями военнаго министерства, а Шіановъ только указалъ по долгу чести каждаго человѣка на правду вещей, имѣющихъ слишкомъ серьезную связь со смысломъ его службы. Потому я предлагаю военному министерству не Шіанова, а меня привлечь къ отвѣтственности за оглашеніе секретныхъ фактовъ, а я на судѣ уже сохраняю за собой право доказать, что первопричина всего этого оглашенія находится—въ самомъ военномъ министерствѣ.

Добавлю ко всему этому, что мнѣ извѣстно, что виновные въ несомнѣнныхъ преступленіяхъ уже ушли отъ вниманія военной слѣдственной власти и питаютъ твердую увѣренность въ полномъ забвеніи ихъ дѣйствій.

Вмѣсто того, чтобы такъ или иначе подвергнуть разслѣдованію эти ихъ дѣйствія, военное министерство сочло возможнымъ начать преслѣдованіе военнаго слѣдователя Шіанова, вовсе не виновнаго въ томъ, что оно, военное министерство, ловкими, увертливыми докладами заинтересованныхъ въ оправданіи лицъ—было введено въ нынѣ вполнѣ ясно для всѣхъ выступившій *обманъ*, о которомъ, конечно, не можетъ быть двухъ мнѣній.

Изъ Петербурга въ Варшаву присланъ генералъ Селецкій для производства секретнаго дознанія о... дѣйствіяхъ... не виновныхъ въ сокрытіи, а все того-же слѣдователя Шіанова!.. Его писаря арестовали, взяты всѣ документы по слѣдственнымъ дѣламъ; стремятся установить „сношенія“ Шіанова со мною.

Я заявляю оффиціально, что никакихъ сношеній у меня съ г. Шіановымъ не было, а его заявленіе въ „Руси“, понятно всякому, было вызвано появленіемъ сообщенія, которое не только не отвѣчало истинѣ, но и позорило его дѣятельность, его лично, и само военное министерство своимъ образомъ дѣйствій показало ему, что иного пути, какъ печать, для даннаго дѣла не существуетъ. Въ каждомъ дѣлѣ можетъ создаться „force majeure“, и я утверждаю и всѣ честные люди — несомнѣваюсь, — со мной согласятся, что въ этомъ дѣлѣ для г. Шіанова былъ самимъ же министерствомъ созданъ полный составъ обстоятельствъ „force majeure“: принужденіе дѣйствовать подъ страхомъ лишиться репутаціи честнаго человѣка и быть пріобщеннымъ къ потакателямъ казнокрадства, и вмѣстѣ—нѣтъ иного исхода какъ печать, ибо вездѣ въ остальномъ очевидна преобладающая сила враговъ правды!

У меня имѣется копія „съ постановленій“ г. Шіанова, однако, вовсе не отъ г. Шіанова и я буду принужденъ огласить новые отрывки этихъ актовъ о привлеченіи къ суду варшавскаго интендантскаго начальства.

Жонглированіе словами, исканіе виновнаго въ томъ, кто доказалъ свое безкорыстіе, честность и мужество, вовсе не должны быть оружіемъ правительственной власти, и падаетъ авторитетъ этой власти тамъ, гдѣ въ ходъ пускаютъ это оружіе.

Не лучше ли прямо, а не косвенно признаться, и „сплошной

вымыселъ“ назвать не „неправильностью“, какъ вчера,—а полной правдой, потому что это самая настоящая полная правда.

Нынѣшняя тактика военнаго министерства слишкомъ выгодна тѣмъ, которые виновны!

Начальственная непогрѣшимость.

„Съ сильнымъ не борись!“ „Съ богатымъ не судись!“

Давно это сказала народная мудрость. Давно этими афоризмами, въ которыхъ слышится больше ироній, чѣмъ покорности, отомстили и мстятъ слабые и бѣдные сильнымъ и богатымъ.

Какъ то, въ деревнѣ, мнѣ довелось быть свидѣтелемъ такой сцены:

„Начальство“ кричало на выпившаго мужика. Мужикъ, хотя и былъ выпивши, но понималъ, что „начальство“ кричитъ неосновательно, и горячо возражалъ. Почтительно стоявшая въ отдаленіи толпа молчала. Однако, видно было, что по ея мнѣнію правда не на сторонѣ „начальства“. „Начальство“ это чувствовало и все больше усиливало крикъ, заглушая въ своемъ сознаніи явную неубѣдительность своихъ доводовъ обычными: „я тебѣ“! и „какъ смѣешь“!

Отъ толпы отдѣлился старикъ, тоже выпившій, и подошелъ къ спорившему мужику.

— Оставь, брось,—сказалъ онъ,—Видишь вѣдь, что ничего не подѣлаешь...

Спорившій умолкъ. Побѣдившее „начальство“ медленно и спокойно, какъ подобаетъ побѣдившему, ушло. Но оно было глубоко сконфужено. Каждый шагъ удалявшагося „начальства“ показывалъ, что оно болѣзненно хочетъ забыть эту побѣду...

Военное министерство отозвалось на письмо въ „Русь“ военнаго слѣдователя, г. Шіанова. На этотъ разъ уже не главное военно-судное управленіе, а военное министерство, какъ высшій объединяющій органъ всего военнаго управленія. На этотъ разъ факты, напечатанные г. Купчинскимъ уже не квалифицируются „совершеннымъ вымысломъ“. Говорится гораздо мягче,—о „неправильности“ его сообщенія.

Въ чемъ же допустилъ неправильность г. Купчинскій?

Во-перыхъ, въ томъ, что онъ назвалъ производящееся г. Шіановымъ слѣдствіе—слѣдствіемъ „по поставкамъ“, тогда какъ долженъ былъ его назвать слѣдствіемъ „о переотпускѣ сукна на погоны и недоотпускѣ сукна на фуражки“.

Было ли г. Купчинскому извѣстно, что дѣло, о которомъ онъ писалъ въ газетѣ, оффиціально именуется дѣломъ „о переотпускѣ и недоотпускѣ“, — не знаю. Но думаю, что если и было, то онъ просто постыдился преподносить читателямъ слова, измышленныя досужимъ писаремъ и вообще въ природѣ не существующія. Вѣроятно, онъ всего менѣе заботился о возбужденіи веселаго настроенія въ читавшихъ его статью. Только тѣмъ же чувствомъ стыдливости, надо полагать, руководился и г. Шіановъ, не исправившій въ своемъ письмѣ неточности терминологіи г. Купчинскаго.

Мало ли бываетъ анекдотическихъ заголовковъ на казенныхъ синихъ обложкахъ „дѣлъ“. Одинъ слѣдователь производилъ слѣдствіе „объ утонутіи діакона“. Другой — „о неизвѣстнаго званія мертвыхъ костяхъ“. Третій — „о непостижимомъ стриженіи овецъ“. Такъ неужели и въ печати, говоря объ этихъ дѣлахъ, обязательно надо повторять безграмотную тарабарщину?

„Переотпускъ“ ли, „недоотпускъ“ ли, — суть въ злоупотребленіяхъ, которые кѣмъ-то совершены или кѣмъ-то допущены въ отношеніи поставленнаго въ казну имущества. И какъ бы ни настаивало военное министерство, хотя бы подъ угрозой цѣлаго арсенала карательныхъ мѣръ, на томъ, что въ Варшавскомъ военномъ округѣ разслѣдуются непорядки по „переотпуску“ и „недоотпуску“, всякій скажетъ, что тамъ разслѣдуется дѣло о поставкахъ.

Во-вторыхъ, г. Купчинскій допустилъ неправильность въ томъ, что назвалъ постановленіе военнаго слѣдователя, составленное въ порядкѣ 348 ст. воен.-суд. уст., — постановленіемъ о привлеченіи къ слѣдствію ген. Люба и др. лицъ.

Да, онъ былъ неправъ. Постановленіе должно было назвать постановленіемъ „о сообщеніи командующему войсками обнаруженныхъ слѣдствіемъ данныхъ на предметъ привлеченія“. Въ отличіе отъ устава уголовнаго судопроизводства, военно-судебный уставъ даетъ военнымъ слѣдователямъ только право иниціативы въ привлеченіи въ качествѣ обвиняемыхъ лицъ, къ слѣдствію не привлеченныхъ.

Но развѣ въ этомъ вопросъ?

Вопросъ въ томъ, что главнымъ военно-суднымъ управленіемъ было оффиціально объявлено: „никакого постановленія его (г. Шіанова) о привлеченіи къ слѣдствію упомянутыхъ лицъ не было“. Могли ли авторы разъясненія прикрываться неточностью въ раз-

личеніи тонкостей военно-юридической терминологіи и дѣлать видъ, что они не поняли, о чемъ именно въ статьѣ г. Купчинскаго шла рѣчь?

Вмѣсто трехэтажнаго наименованія, г. Купчинскій далъ постановленію г. Шіанова наименованіе, совершенно понятное и для публики, и для военнаго министерства. Военное министерство не могло въ немъ не прочесть, что слѣдователемъ обнаружены по дѣлу признаки виновности лицъ, не привлеченныхъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ. А если такъ, то прочесть и дальнѣйшее: что г. Купчинскій въ существѣ сообщаемаго факта вполнѣ правъ.

По отношенію къ г. Шіанову, неточность терминологіи названа „извращеніемъ фактовъ“. Пусть скажутъ по совѣсти составители новѣйшаго „разъясненія“, какъ называютъ обыкновенно чины военно-судебнаго вѣдомства постановленія, составляемые военными слѣдователями по статьѣ 348?

Въ заключительной части „разъясненія“ военное министерство оправдывается: оно основывалось на телеграммѣ варшавскаго окружнаго интендантства главному интендантскому управленію. Съ этого слѣдовало бы начать и на этомъ слѣдовало бы поставить точку.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

Смерть правды.

На войнѣ, въ тылу арміи начиналось одно изъ тѣхъ злоупотребленій, которыя бѣдой и горемъ и смертью ложились потомъ на солдатъ и офицеровъ боевой части арміи.

— Такая подлость. Знаете, какъ мнѣ все это открылось, такъ тошно на душѣ стало, что я вамъ и сказать не могу; и за что только мы здѣсь умираемъ? Какъ я поведу теперь моихъ подчиненныхъ и товарищей на смерть, когда я знаю, что творится за ихъ спинами?! Вѣдь это дѣло, эти воровства, есть не что иное, какъ постыдная торговля нашими жизнями, нажива на крови солдатъ, на несчастіяхъ нашей арміи!—возмущался передо мной въ Манчжуріи пожилой военный, только что вернувшійся на передовыя позиціи изъ тыла, гдѣ онъ случайно узналъ объ одной изъ многочисленныхъ операцій, которая обогащала карманы нѣсколькихъ, была, дѣйствительно источникомъ страшныхъ бѣдствій для десятковъ тысячъ.

— Но вѣдь вы же скажете?! Вы, не оставите такъ! Вы сообщите высшему начальству! Необходимо остановить это.

— Развѣ это возможно?! Если я только начну это открывать, то меня живо съѣдятъ.

— Какъ же вамъ не стыдно! Вѣдь вы не боитесь же пуль, смерти, когда идете въ бой, а тутъ трусите пустяковъ, когда раскрыто грязное, возмутительное по себѣ дѣло, а по своимъ послѣдствіямъ даже ужасное? — возражалъ я своему собесѣднику, дѣйствительно храброму офицеру: я его видѣлъ въ бою.

— Эхъ! батенька мой! Не пустяки это, а самая серьезная вещь. Японцы могутъ только меня убить, а семью мою не тронутъ: дѣти станутъ пенсію получать. А тутъ хоть я живъ останусь, а меня измучаютъ, измытарятъ, подъ судъ подведутъ, средствъ и чести лишатъ, семью погубятъ. Вы не знаете, что значитъ вступать въ борьбу съ начальствомъ, хотя бы и за праведное дѣло. А главное ничему не поможешь: все замнутъ; рука руку моетъ.

Сколько я ни убѣждалъ этого стараго военнаго, котораго зналъ и честнымъ, и мужественнымъ человѣкомъ, онъ не только самъ не согласился заявить объ этомъ дѣлѣ, но и съ меня взялъ слово, что я никому не разскажу о немъ; иначе могутъ прослѣдить, что я узналъ отъ него, такъ какъ онъ былъ друженъ со мной. Только послѣ смерти онъ разрѣшилъ обнародовать все съ тѣми документами, которые онъ мнѣ передалъ. На мое возраженіе, что это будутъ тогда лишь мемуары для „Русской Старины“, онъ мнѣ отвѣтилъ съ невыразимымъ чувствомъ горечи:

— Какъ и вся эта война; только дѣти наши узнаютъ, какъ она велась и какого рода люди стояли во главѣ ея и вообще во главѣ всего нашего военнаго дѣла и въ чемъ и какъ они виноваты!! А пока все будетъ скрыто; вѣдь послѣ войны съ малыми перемѣщеніями тѣ же или такого же рода лица будутъ стоять во главѣ министерства; ваши надежды на обновленіе — результатъ юности; я же старый волкъ; помню еще турецкую кампанію; почти весь опытъ ея пропалъ даромъ; ничего и писать о ней не позволяло наше начальство. Повѣрьте, то же будетъ и теперь; а если кто и напишетъ и скажетъ правдивыя, смѣлыя слова обличенія, то ихъ заглушатъ, замнутъ, а его — автора ихъ, опорочатъ, заживо съѣдятъ.

Я помню хорошо мой долгій споръ тогда и каждое слово этого всей душой вѣрнаго и преданнаго боевому дѣлу военнаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилъ своей гражданской обязанности,

боясь за семью. Этотъ странный и вмѣстѣ распространенный обликъ храбраго, стойкаго передъ смертью и робкаго передъ начальствомъ человѣка, трусливаго героя, я думаю, извѣстенъ многимъ бывшимъ наблюдателямъ или участникамъ истекшей войны.

Но зато я видѣлъ потомъ, что каждое слово горькаго, жизненнаго опыта этого стараго служаки было вѣрно. Несмотря на всѣ документально обоснованныя обличенія постыднѣйшихъ мошенничествъ и хищеній манчжурскихъ, петербургскихъ, варшавскихъ и иныхъ, лица, стоящія въ первыхъ рядахъ военнаго министерства, все время замалчивали, покрывали, заминали ихъ, не останавливаясь даже передъ авторитетными, ложными опроверженіями.

Одинъ человѣкъ, военный слѣдователь Шіановъ, не выдержалъ лжи и всталъ за правду; у него оказалось мужества больше, чѣмъ нужно въ бою, передъ врагами, передъ смертью. На мои удивленные вопросы, что такой человѣкъ нашелся, я узналъ, что онъ—старикъ, семейный человѣкъ. Конечно, на него немедленно набросились,—начавъ съ его опороченія: оказывается не тѣ, кто расхищалъ казну и кто покрывалъ хищенія, „нарушали служебный долгъ“, и не тѣ, кто во всеуслышаніе объявилъ доказанные факты „сплошнымъ вымысломъ“, искажали правду, а все это сдѣлалъ, во всемъ этомъ виновенъ военный слѣдователь Шіановъ, только потому, что онъ вопреки воли и торжественному заявленію начальства честно, по существу сказалъ, что правда есть правда!

Этого мало. Посланъ въ Варшаву особый генералъ для дознанія о дѣйствіяхъ Шіанова. Видимо, честному и мужественному человѣку не сдобровать.

Все это дѣло глубочайшаго значенія не только для арміи. Наши пораженія подготовлялись задолго, еще въ мирное время; задолго до начала войны установилось безконтрольное хозяйничанье. Лучшіе, честные и даровитые люди не допускались, отстранялись отъ дѣла или уходили сами. Къ власти, къ вершинамъ пробирались или раболѣпныя бездарности или ловкіе проныры. Словомъ—создавалась та обстановка стараго режима, подъ покровомъ которой вырабатывались такіе дѣятели, которые неминуемо, неизбѣжно должны были привести наши доблестныя войска къ позорнымъ пораженіямъ.

Стессели, Куропаткины, Рейсы, Алексѣевы, Небогатовы, Кладо и многіе другіе, имя же имъ легіонъ, могли встать на отвѣтственные посты и оставаться на нихъ и творить свое вредное дѣло разрушенія силы нашей геройской сухопутной арміи и морского флота только подъ покровомъ сплошного насилія неправды.

Годами, десятилѣтіями они не только бездѣйствовали и рутинно вели самое живое дѣло обороны страны, не только творили всяческое беззаконіе, но еще пріучили всѣхъ къ полному торжеству его, къ всегдашней силѣ неправды и беззаконія надъ закономъ и правомъ.

Принципъ „смерть правдѣ“ означаетъ и конецъ силы. Мы это больно ощутили въ японской войнѣ. Но теперь главная бѣда, что то же самое стало продолжаться и послѣ окончанія войны.

Домапчжурскія и манчжурскія хищенія и другія служебныя „неурядицы“ подготавливали японскія побѣды надъ ними, теперешнія варшавскія и иныя дѣла и покрываніе ихъ высшей военной властью подготавливаютъ для будущаго новыя чьи-нибудь побѣды, только не наши.

Нѣтъ словъ выразить, какую боль испытываютъ всѣ настоящіе военные и любящіе нашу армію люди, узнавая, какъ ее ослабляютъ и деморализуютъ. Нѣтъ ничего болѣе опаснаго деморализующаго для арміи, какъ оставленіе у власти недостойныхъ лицъ, какъ покрываніе хищеній и всякихъ другихъ беззаконій—это вѣрнѣйшее средство вести ее къ будущимъ пораженіямъ, къ уничтоженію ея силы.

Когда существуетъ постоянное преслѣдованіе и угнетеніе правды, то уничтожается всякая вѣра въ торжество ея, все хорошее и дѣльное лишается движенія или вовсе устраняется, все дурное имѣетъ верхъ и получаетъ силу уже въ мирное время, неизбѣжно давая въ дни войны Стесселей и Куропаткиныхъ.

Пока правда не начнетъ торжествовать, пока голосъ честнаго и хорошаго не перестанетъ заглушаться голосомъ сильнаго, — ни въ хозяйственномъ дѣлѣ, ни въ командномъ составѣ, ни въ дѣлѣ реформъ арміи перемѣнъ къ лучшему не будетъ. Дѣло Шіанова имѣетъ значеніе, смотря по тому, является ли оно одной ласточкой, которая не дѣлаетъ весны и погибнетъ отъ лютой непогоды стараго режима, или оно будетъ первымъ вѣстникомъ начинающагося возрожденія правды, обновленія, оздоровленія и спасенія нашего военнаго дѣла.

Въ первомъ случаѣ останется только съ грустью преклониться передъ смѣлымъ человѣкомъ, который безъ страха іудейска всталъ за правду.

Во второмъ можно будетъ горячо порадоваться и принять участіе всѣмъ, кто можетъ и чувствуетъ силы и любитъ страну и армію,—въ живой и громадной работѣ обновленія, которая закипитъ по всѣмъ угламъ.

Въ настоящемъ положеніи Россія долго оставаться не можетъ,— она должна стать мощной.

Николай Кирилловъ.

Отъ военнаго министерства.

Въ продолженіи статей Ф. Купчинскаго «Герои тыла», печатающихся въ газетѣ «Русь», сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ главнаго интенданта Ростковскаго, причемъ указываются факты частью вымышленные, частью же переданные въ искаженномъ видѣ.

Такъ въ №№ 277 и 279 описываются, со словъ довѣреннаго фирмы бр. Леонтьевыхъ, техника Писарева, тѣ притѣсненія, которымъ онъ подвергался будто бы со стороны петербургской пріемной комиссіи при поставкѣ имъ окрашенной ткани для нуждъ манчжурской арміи, вслѣдствіе нежеланія его дать чинамъ комиссіи обычную по его словамъ, взятку. Далѣе сообщается, что главный интендантъ Ростковскій, получивъ заявленіе Писарева объ упомянутыхъ притѣсненіяхъ, посѣтилъ пріемную комиссію, гдѣ лично убѣдился въ недобросовѣстной браковкѣ поставленнаго Писаревымъ товара, причемъ, члены комиссіи пытались обмануть его, выдавая товаръ, уже забракованный, за только что привезенный изъ пріема. Имѣя, такимъ образомъ, точные факты, свидѣтельствующіе о служебной недобросовѣстности чиновъ петербургской пріемной комиссіи, генералъ Ростковскій тѣмъ не менѣе, не произвелъ надлежащаго по этому дѣлу разслѣдованія и оставилъ на службѣ завѣдомыхъ взяточниковъ.

Въ дѣйствительности обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ:

Лѣтомъ 1904 года заготовлялось бѣлье для войскъ дѣйствовавшей арміи (на 500,000 чел.)—1.500,000 рубахъ изъ хлопчатобумажной ткани. Въ это время возникъ очень спѣшный вопросъ о снабженіи войскъ на войнѣ рубахами защитнаго цвѣта; вопросъ этотъ разрабатывался въ техническомъ комитетѣ, въ который былъ приглашенъ техникъ завода бр. Леонтьевыхъ, г. Писаревъ, предложившій въ этомъ дѣлѣ свои услуги.

Желая воспользоваться предложеніемъ завода Леонтьевыхъ выкрасить по одной натѣльной рубахѣ въ защитный цвѣтъ, главный интендантъ сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе, которое было утверждено военнымъ совѣтомъ 17-го іюня 1904 года.

12-го сентября г. Писаревъ обратился къ главному интенданту съ письмомъ, въ коемъ жаловался на неправильный пріемъ отъ него петербургскою пріемною комиссіею окрашенной ткани, а также указывалъ на служебную недобросовѣстность чиновъ этой комиссіи, которые будто бы, за свои труды получаютъ отъ сдатчиковъ вознагражденіе въ размѣрѣ 10 проц. подрядной суммы, каковое вознагражденіе и дѣлится между ними, главнымъ смотрителемъ вещевого склада, его администраціей и служителями.

Получивъ это письмо и зная спѣшность дѣла, главный интендантъ тотчасъ же лично отправился въ пріемную комиссію, чтобы тамъ же разобраться въ недоразумѣніяхъ и дать соотвѣтствующія указанія. Въ пріемной комиссіи главному интенданту доложили, что нѣкоторое отступленіе въ оттѣнкахъ окраски затрудняетъ пріемъ. Признавъ это не имѣющимъ особаго значенія, главный интендантъ приказалъ, въ виду спѣшности дѣла, всѣ такіе куски ткани принять, а вслѣдъ затѣмъ предписалъ назначить по жалобѣ Писарева формальное дознаніе, производство котораго было поручено генералъ-лейтенанту Каменскому и начальнику отдѣленія петербургскаго окружнаго интендантскаго управленія, статскому совѣтнику Красильщикову.

Дознаніе было окончено и представлено главному интенданту 25-го сентября.

Изъ добытыхъ дознаніемъ данныхъ, оказалось, что жалобу С. Писарева поддерживаютъ въ нѣкоторыхъ ея частяхъ, лишь самъ онъ, служащіе «торговаго дома Леонтьевыхъ», крестьяне Глазуновъ и Александровъ, и сами братья Леонтьевы; тѣ же лица, на которыхъ указывалъ С. Писаревъ въ своемъ письмѣ, какъ на лицъ предупреждавшихъ его о необходимости выдѣлить извѣстный процентъ въ вознагражденіе чинамъ пріемной комиссіи, категорически показали, что

никакихъ разговоровъ съ Писаревымъ они не имѣли и предупрежденій и указаній ему не дѣлали.

Производившими дознаніе были допрошены, по существу заявленной С. Писаревымъ жалобы, всѣ представители и довѣренные фирмъ, состоящихъ поставщиками интендантскаго вѣдомства, въ числѣ 24 человѣкъ (Филипповъ, Карлъ Чешеръ, Смоленковъ, Алафузовъ, Черль, Нечаевъ, Фризендорфъ Сонксенъ, Волковъ, Яисецъ, Блюмовичъ, Поллинсъ, Мандельштамъ, Пахомовъ, Изюмовъ, Цѣрпицкій, Парамоновъ, Леляновъ, Варзановъ, Вальковъ Теленковъ, Кохъ, Кирюхинъ и Мордашевъ) и всѣ они показали, что состоя много лѣтъ поставщиками интендантства, они никакихъ затрудненій въ пріемѣ отъ чиновъ пріемной комиссіи не имѣли, никакихъ расходовъ не несли и ничего чинамъ комиссіи не платили.

Въ виду того, что произведенное безъ замедленія и съ достаточной полнотой формальное дознаніе не только не подтвердило жалобы С. Писарева, но обнаружило ея голословность, почему и не представлялось никакихъ законныхъ основаній для направленія дѣла къ слѣдствію,—дѣло это, приказаніемъ главнаго интенданта, отъ 4-го октября того же 1904 года, было производствомъ прекращено.

Въ № 294 генералъ Ростковскій обвиняется въ неумѣлой или недобросовѣстной заготовкѣ муки для нужъ Дальняго Востока, въ подтвержденіе чего приводится фактъ продажи въ Харбинѣ пивовару Врублевскому около полумилліона пудовъ высланной изъ Европейской Россіи испорченной муки по 6 — 7 коп. за пудъ, тогда какъ казнѣ пудъ обходился въ 3 рубля. Далѣе сообщается что генералъ Ростковскій, въ виду жалобъ войскъ на приходившую изъ Россіи дурную муку, командировалъ подполковника Забіякина ознакомлять войска со способами выпечки хлѣба изъ плохой интендантской муки.

Въ дѣйствительности же, хотя въ Харбинѣ и было, по распоряженію командира своднаго корпуса, продано за негодностью 342 тысячи пудовъ муки, но мука эта, по даннымъ разслѣдованія, оказалась мѣстной заготовки, и генералъ Ростковскій къ заготовкѣ этой муки никакого отношенія не имѣлъ и имѣть не могъ, такъ какъ означенная заготовка въ кругъ его вѣдѣнія совершенно не входила. 27 сентября сего года состоялось постановленіе военнаго совѣта о производствѣ въ возможно широкихъ размѣрахъ слѣдствія по дѣлу о заготовкѣ и порчѣ упомянутой муки.

Что же касается сообщенія о подполковникѣ Забіякинѣ, то ни указаннаго Купчинскимъ, ни какого либо другого порученія главный интендантъ на этого штабсъ-офицера не возлагалъ.

Юридическая справка къ дѣлу военнаго слѣдователя г. Шіанова.

Уже указывалось, что военное министерство, желая изобличить г. Шіанова въ извращеніи фактовъ, не нашло другого оружія, какъ только игру словами и терминами.

Нелишнимъ, кажется, будетъ добавить, что авторъ министерскаго сообщенія, уличая другихъ въ „извращеніи фактовъ“, самъ не чуждъ другого „извращенія“ — извращенія закона.

Въ чемъ вся „игра“ — ясно: г. Шіановъ сдѣлалъ не *„постановленіе“*, а лишь *„сообщеніе“* по начальству о привлеченіи уличенныхъ имъ генераловъ.

Отсылаю военное министерство къ *его же собственнымъ* циркулярамъ и рѣшеніямъ главнаго военнаго суда: эти сообщенія военнаго слѣдователя, дѣлаемыя военному начальству по силѣ ст. 348 о чинахъ офицерскаго званія, къ слѣдствію еще не при-

влеченныхъ, *само же военное министерство* (а также и главный военный судъ) именуетъ *„постановленіями“* (см. цирк. в. мин. по гл. в.-с. упр. 12 авг. 1885 г. № 4295; цирк. нач. гл. в.-с. упр. 28 февр. 1891 г. № 1156; рѣш. гл. в. с. 1892 г. № 89).

Но дѣло не въ одной только терминологіи! Извѣстно ли военному министерству и авторамъ его „опроверженія“, что сообщеніе военнаго слѣдователя по силѣ ст. 348 военному начальству не является *основной бумагой, главнымъ документомъ?* Извѣстно ли имъ, что это *„сообщеніе“* есть *только копія* того „постановленія“, которое составляетъ слѣдователь о предполагаемой виновности заподозрѣннаго офицера, что это „постановленіе“ въ подлинникѣ пріобщается имъ къ слѣдственному производству, что „въ случаѣ замедленія отвѣтомъ военнаго слѣдователя вправѣ запросить военнаго начальника о согласіи или несогласіи его съ постановленіемъ“? (рѣш. гл. в. с. 92—89).

Не ясно ли до очевидности, что такое „сообщеніе“ является не простымъ „отношеніемъ“, не простой „перепиской“, а *слѣдственнымъ актомъ*, важнѣйшимъ моментомъ слѣдственнаго производства, которымъ компетентная слѣдственная власть подводитъ итогъ собранному фактическому матеріалу, сводя этотъ матеріалъ къ опредѣленному лицу, какъ виновнику „происшествія“?

Конечно, военный начальникъ можетъ „не согласиться“ съ мнѣніемъ слѣдственной власти. Военная субординація ограничиваетъ и парализуетъ силу слѣдственной работы. Но стѣснить и ограничить слѣдовательскую совѣсть и слѣдовательское убѣжденіе не можетъ никакая власть, никакая субординація въ мірѣ. Пусть постановленіе слѣдователя по силѣ 348 ст. еще не знаменуетъ для заподозренныхъ генераловъ неминуемаго водворенія на скамью подсудимыхъ! Но что касается *убѣжденія* слѣдственной власти, оформленнаго и оффиціально заявленнаго, что касается *требованія* со стороны органа *правосудія*, то такое постановленіе-сообщеніе является актомъ исчерпывающимъ, конечнымъ, ничѣмъ не уничтожаемымъ, сколько бы не заявлялъ о своемъ несогласіи военный начальникъ.

А только объ этомъ, объ этой *сути*, а не о *формѣ* можетъ идти рѣчь. Только это и интересно: пришла ли *слѣдственная власть* къ убѣжденію и заявила ли она требованіе о виновности и объ отдачѣ подъ судъ варшавскихъ дѣятелей интендантскихъ хищеній?

Военное министерство, оспаривая *терминъ* „постановленія“ и подмѣняя *его словомъ* „сообщеніе“, думаетъ, что этимъ оно сведетъ на-нѣтъ осуществившійся уже актъ слѣдственнаго производства. Военный слѣдователь, видите ли, только „сообщилъ“ по начальству, а привлекать онъ никого не привлекалъ! Въ томъ-то и дѣло, что поскольку законъ предоставляетъ слѣдователю власть привлекать виновныхъ, постольку г. Шіановъ и *привлекъ* генерала Люба и др. къ судебной отвѣтственности. *Свою* власть привлеченія виновныхъ онъ использовалъ въ полной мѣрѣ. Если его власть въ этомъ вопросѣ не единолична, то *его* актъ, какъ актъ слѣдственный, какъ *дѣйствіе судебное*, вовсе не такой пустякъ. Достаточно напомнить военному министерству, что законъ предоставлялъ г. Шіанову принять мѣры „къ пресѣченію... способовъ „уклоняться отъ суда“ генералу Любѣ, Модлю и прочимъ.

Военный слѣдователь, согласно ст. 348 воен. суд. уст., обнаруживъ признаки болѣе тяжкаго преступленія, нежели то, по поводу котораго дѣло возникло, самостоятельно приступаетъ къ производству новаго слѣдствія и принимаетъ мѣры пресѣченія виновнымъ способовъ уклоненія и скрытія слѣдовъ преступленія. О своихъ распоряженіяхъ онъ немедленно сообщаетъ военному начальству, отъ котораго зависитъ отмѣнить или утвердить дѣйствія слѣдователя.

Сообщая копію своего постановленія по начальству, военный слѣдователь дѣйствуетъ аналогично гражданскому слѣдователю по дѣламъ о должностныхъ преступленіяхъ. Въ этихъ случаяхъ военное и гражданское начальство по закону уполномочено вмѣшиваться въ дѣйствія судьи и въ порядкѣ административномъ, а не судебномъ, давать то или иное направленіе возникшему дѣлу.

Какъ называется „дѣло“ или, вѣрнѣе, какъ называлось оно въ оффиціальномъ „порученіи“, данномъ г. Шіанову въ качествѣ военнаго слѣдователя, — это не важно. „Переотпускъ“ ли или „недоотпускъ“ сукна, на погоны ли или на фуражки, — вся эта казенная терминологія не разрѣшаетъ главнаго вопроса: этотъ „переотпускъ“ и „недоотпускъ“ совершался *въ связи съ поставками* или же никакого отношенія къ поставкамъ не имѣетъ? Мошенничество на погонахъ и фуражкахъ можетъ быть лишь внѣшнимъ поводомъ къ началію слѣдствія „о происшедствія безъ привлеченія къ слѣдствію кого-либо въ качествѣ обвиняемаго... Но самое то „происшествіе“ по существу своему можетъ заключаться именно въ злоупотребленіи по поставкамъ.

По этому вопросу военное министерство молчитъ. А военный слѣдователь, ведущій дѣло, утверждаетъ, что дѣло идетъ именно о поставкахъ. И заявляетъ это всенародно и „оффиціально“, заявляетъ „по долгу службы“ въ отвѣтъ на „оффиціальноо заявленіе военнаго министерства“. Заявляетъ это старый военный служака и опытный юристъ, для котораго не секретъ, чѣмъ пахнетъ для подчиненнаго изобличеніе своего начальства въ неправдѣ.

Военное министерство уличаетъ въ „извращеніи фактовъ“ своего подчиненнаго, прикрываясь *обложкой* дѣла. А военный слѣдователь, ведущій дѣло, изобличаетъ въ „извращеніи фактовъ“ свое начальство, на основаніи самого *существа* этого дѣла. Неправда ли—разница?!

Даже если первоначально фуражки и погоны, о которыхъ производилъ слѣдствіе г. Шіановъ, не имѣли, казалось, никакого отношенія къ поставкамъ, то все-таки по силѣ 348 ст. уст. военно-судебнаго, военный слѣдователь въ теченіе слѣдствія могъ обнаружить „признаки другого, не имѣющаго существенной связи съ производимымъ дѣломъ“ преступленія. Элементарный примѣръ: производится поставка сукна на варшавское интендантство; сукна поставляется меньше, чѣмъ заказано и чѣмъ значится по книгамъ въ качествѣ принятаго; разницу въ цѣнѣ дѣлятъ поставщики и пріемщики, т. е. интендантскіе чины, а переотпускъ и недоотпускъ сукна на фуражки и погоны, т. е. мошенничество при выдачѣ сукна изъ интендантскихъ складовъ, является только махинаціей для сокрытія главнаго хищенія, совершеннаго при поставкѣ этого сукна. И вотъ слѣдствіе, которое на обложкѣ озаглавлено „о переотпускѣ сукна на погоны“, становится слѣдствіемъ о *поставкѣ* этого сукна.

Военное министерство ссылается на то, что слѣдствіе объ офицерскихъ чинахъ начинается не иначе, какъ по распоряженію начальства, а не по почину военнаго слѣдователя. Но военное министерство опять-таки забываетъ о той же ст. 348 у. в. с. По силѣ этой статьи, военный слѣдователь, въ случаѣ выше указанномъ, „принимаетъ мѣры къ сохраненію... признаковъ“ обнаруженнаго имъ новаго преступленія. Мало того: онъ можетъ даже принять мѣры „и къ пресѣченію подозрѣваемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія“. И все это — еще до и независимо отъ сообщенія военному начальству.

Надо думать, что военный слѣдователь по особо сложнымъ *хозяйственнымъ* цѣлямъ д. ст. с. Шіановъ болѣе или менѣе знакомъ съ понятіемъ „поставки“ и со ст. 348 у. в.-с. и зналъ,

что писалъ, когда заявлялъ, что онъ дѣйствительно ведетъ дѣло о поставкахъ въ варшавскомъ округѣ.

Итакъ, по 1-му п. военное министерство, обвиняя своего заслуженнаго слѣдователя въ „извращеніи фактовъ“, само не приводитъ никакихъ новыхъ *фактовъ*, опровергающихъ факты, сообщаемые слѣдователемъ, а объ этихъ послѣднихъ не договариваетъ той *фактической* правды, которая въ нихъ скрывается и которая уже вскрыта самимъ слѣдователемъ.

Г. Шіанова теперь отдаютъ подъ судъ за „нарушеніе долга службы“ сообщеніемъ „свѣдѣній..., безусловно не подлежащихъ оглашенію“.

Г. Шіановъ — военный слѣдователь по особо сложнымъ хозяйственнымъ дѣламъ. И состоитъ онъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Совершенно очевидно, что на службѣ онъ уже не первый десятокъ лѣтъ и облеченъ особымъ довѣріемъ со стороны своего начальства.

И вотъ, этому постарѣвшему на службѣ и особымъ довѣріемъ облеченному чиновнику то же его начальство бросаетъ въ лицо обвиненіе въ нарушеніи долга службы. Мало того! Старому человѣку говорятъ публично и прямо въ лицо: „вы извращаете факты“.

Кто извращаетъ факты — г. Шіановъ или тѣ, которые увѣдомили военное министерство о томъ, что онъ не возбуждалъ преслѣдованіе противъ варшавскихъ хищниковъ — объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. А вотъ — кто виновенъ въ томъ, что г. Шіановъ заговорилъ и огласилъ? И могъ ли г. Шіановъ молчать?

Извѣстно ли авторамъ министерскаго сообщенія рѣшеніе гл. в. с. 1897 г. № 44: „несоставленіе же вовсе постановленія о вновь обнаруженномъ преступленіи свидѣтельствуетъ объ отсутствіи у военнаго слѣдователя законныхъ основаній къ составленію такового“?

Въ печати появляется сообщеніе, что такіе-то генералы совершили преступленіе, что преступленіе это разслѣдуется такимъ-то военнымъ слѣдователемъ, что этотъ слѣдователь противъ этихъ людей возбуждаетъ уголовное преслѣдованіе. Вслѣдъ за этимъ начальство слѣдователя всенародно заявляетъ, что слѣдователь этотъ такого преслѣдованія не возбуждалъ.

Могъ ли г. Шіановъ молчать? Долженъ ли былъ онъ своимъ молчаніемъ росписаться въ завѣдомой для него неправдѣ, на него (хотя бы даже безъ злого умысла, по ошибкѣ) взводимой его

начальствомъ? Росписаться въ неправдѣ, для него позорной? Ибо, еслы бы онъ, подлинно, преслѣдованія противъ ген. Люба и др. не возбуждалъ, то это значило бы, что онъ къ тому „законныхъ основаній не усмотрѣлъ!“

А это позоръ для слѣдователя честнаго и опытнаго въ своемъ дѣлѣ, — не усмотрѣть или промолчать о преступленіи, которое у него въ рукахъ и въ которомъ онъ убѣжденъ. Вотъ, г. Шіановъ и не сказалъ то, что долженъ былъ, чего не могъ не сказать всякій, кому дорого его личное имя и репутація честнаго общественнаго дѣятеля. Онъ сказалъ: „Извините! Я то давно уже притянулъ къ суду преступныхъ генераловъ, а это ужъ военное начальство пусть несетъ передъ страной отвѣтственность за то, что они до сихъ поръ гуляютъ на свободѣ“.

Г. Шіанова *вынудили* сказать *то, что было*, — вынудили тѣмъ, что сказали *то, чего не было*. За г. Шіанова, отъ его имени и его не спросясь, заявили, что онъ не сдѣлалъ того, что онъ на самомъ дѣлѣ сдѣлалъ и чего не сдѣлать онъ не могъ, не совершивъ преступленія противъ закона и противъ своей совѣсти“.

Совѣсть человѣка и служителя правосудія подвергли непосильному испытанію воинской субординаціи. Совѣсть — дѣло тонкое и деликатное. Совѣсть и возмутилась — и никакими начальственными окриками и канцелярскими изворотами возмутившейся совѣсти человѣческой не уймешь!..

Ф. А. В—нъ.

Оправдалось ли военное министерство?

— Нынѣшняя тактика военнаго министерства слишкомъ выгодна для тѣхъ, которые виновны, — закончилъ я свою вчерашнюю статью, но она вполнѣ невыгодна военному министерству.

Военное министерство въ послѣднемъ разъясненіи „опровергаетъ“:

„...Такимъ образомъ, военный слѣдователь Шіановъ постановленія... не дѣлалъ и не могъ дѣлать...“, — онъ дѣлалъ только „донесенія“.

Отрицаніе военнаго министерства и здѣсь является несостоятельнымъ.

Я приведу выдержки изъ бумагъ оффиціальныхъ, изъ которыхъ совершенно ясно, что и на оффиціальномъ языкѣ „донесенія“ военныхъ слѣдователей называются именно *постановленіями*.

Вотъ бумага военнаго прокурора варшавскаго военно-окружнаго суда за № 11537 военному слѣдователю Шіанову. Она начинается словами:

„Изъ копіи *постановленія* вашего отъ 7 декабря по дѣлу о неправильныхъ дѣйствіяхъ варшавской пріемной комиссіи, составленнаго въ дополненіе къ *постановленію* вашему отъ 28 августа сего года по тому же дѣлу, не видно съ полной ясностью, къ виновности какихъ именно лицъ изъ тѣхъ, о которыхъ вами было составлено *постановленіе* отъ 8 августа, относятся данныя, изложенныя въ дополнительномъ *постановленіи*...

„Съ нѣкоторой вѣроятностью можно полагать, что они относятся къ пункту Г. *обвиненій, предъявляемыхъ постановленіемъ* 8 августа генералъ-маіору Маба и къ обвиненію, предъявленному пунктомъ 8 того же *постановленія* генералъ-маіору Дьякову. Означенная неясность вашего *постановленія* отъ 7 августа можетъ поставить въ затруднительное положеніе военное начальство при рѣшеніи вопросовъ, вытекающихъ изъ разсмотрѣнія двухъ этихъ *постановленій* совмѣстно.

„Въ виду изложеннаго и для соблюденія точнаго смысла ст. 348 XXIV кн. с. в. п. 1869 г. изд. 3 вашему превосходительству надлежитъ составить дополнительное *постановленіе*“.

Подлинный подписалъ военный прокуроръ
ген.-м. *Казначеевъ*.

Скрѣпилъ помощникъ военнаго прокурора
подп. *Шрейтерфельдъ*.

Девять разъ въ этомъ документѣ подтверждено фактически, что бумага, посланная военнымъ слѣдователемъ Шіановымъ генералу Скалону, на оффиціальномъ языкѣ военно-судныхъ учрежденій называется „постановленіемъ“, а вовсе не „донесеніемъ, какъ утверждаетъ военное министерство, опять извращая отлично извѣстный ему фактъ!

Вотъ еще цитата изъ бумаги штаба варшавскаго военнаго округа за № 3351 военному слѣдователю:

„Командующій войсками приказалъ въ дополненіе вашего *постановленія* отъ 7 декабря 1) къ чьей именно виновности и почему слѣдуетъ отнести убытокъ казны въ размѣрѣ 14,762 руб. и въ размѣрѣ 17,580 руб.... и т. д...

Кажется ясно!

Второе дополнительное постановленіе Шіанова начинается словами:

„ПОСТАНОВЛЕНІЕ“.

„18 ноября 1907 года въ г. Варшавѣ военный слѣдователь (такой то), произведя разслѣдованіе по приказанію командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа, изложенному въ отзывѣ начальника штаба округа отъ 28 сентября сего года за № 19823 по пункту 3 объ установленіи... и т. д.“.

Оканчивается же оно такъ:

„...такимъ образомъ, къ окружному интенданту ген.-лейтенанту Люба могутъ быть предъявлены по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ по пункту 2 и 3 *по меньшей мѣрѣ* обвиненія въ преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ 141 и 145 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3.

„О всемъ военный слѣдователь *постановилъ*: донести командующему войсками Варшавскаго военнаго округа съ представленіемъ копіи сего *постановленія* и копію *постановленія* представить прокурору Варшавскаго военно-окружнаго суда“.

(*Подпись*).

Какъ послѣ этого понять, что на телеграфный запросъ главнаго интендантскаго управленія варшавское окружное интендантское управленіе „отвѣтило категорически, что такого слѣдствія не производится“?

И вотъ такой явный, совершенно очевидный даже и для младенца вымыселъ могутъ — и это понятно, почему — защищать варшавскіе интендантскіе хищники, но... военному министерству эта защита вовсе не къ лицу!...

Военное министерство сначала назвало мое сообщеніе „совершеннымъ вымысломъ“, потомъ положило гнѣвъ на милость и признало въ немъ только „неправильность“. Всѣ же читатели теперь видятъ, что сообщенія мои были совершенной правдой.

Судьбу совершенно обратную имѣли сообщенія самого министерства.

Сначала общество приняло бы ихъ за правду, а теперь для каждаго ясно и несомнѣнно, что они и есть — *совершенный вымыселъ*, притомъ для виновниковъ его явно завѣдомый!!

И за этотъ вымыселъ военное министерство преслѣдуетъ не виновниковъ его, а того военнаго слѣдователя, котораго вар-

шавскіе хищники въ отчаянное положеніе поставивъ военное министерство, хотѣли тоже выставить своимъ сообщникомъ и который рѣшительно возсталъ противъ этой, слишкомъ омерзительной для него попытки!

Военный министръ и непорядки въ военномъ дѣлѣ.

Является вопросъ невольный, вполнѣ понятный, который до сихъ поръ оставался безъ отвѣта.

Я хочу разобраться фактически, каково же было отношеніе военнаго министра къ тому, что происходило и происходитъ въ арміи, о чемъ я много и долго говорилъ и что военное министерство опровергнуть оказалось безсильнымъ.

Именно на этомъ вопросѣ я считаю необходимымъ и своевременнымъ остановиться теперь, не вдаваясь въ дальнѣйшее описаніе преступленій, ихъ было описано уже достаточно и не разбирая иные пункты возраженій военнаго министерства,—возраженій, потерявшихъ всякую силу и всякое значеніе для общества послѣ того, что произошло по дѣлу варшавскаго интендантства.

Объ изумившей всѣхъ бумагѣ г. Шіанова не можетъ быть двухъ мнѣній. Это была та капля, которая переполнила верхомъ налитый сосудъ и безпощадно розлила его содержимое.

Мнѣ совершенно неизвѣстно, какой отчетъ и когда думаетъ военный министръ дать о милліардахъ, поглощенныхъ войною; мнѣ также неизвѣстно, что предпринялъ военный министръ для пресѣченія дальнѣйшихъ злоупотребленій, но мнѣ извѣстно, что военный министръ о злоупотребленіяхъ зналъ и знаетъ и это послѣднее обстоятельство требуетъ своего полнаго выясненія.

По словамъ военнаго министерства, по дѣламъ о „переотпускѣ и недоотпускѣ сукна на погоны и фуражки“ — вовсе не ясно, въ чемъ же заключалась преступность дѣйствій интендантскихъ чиновъ, привлеченныхъ къ слѣдствію по этимъ дѣламъ? Министерство говоритъ, что высшее начальство не нашло достаточныхъ данныхъ для привлеченія виновныхъ къ суду. Можетъ быть дѣйствительно это дѣло по сравненію съ другими, крупнѣйшими и было менѣе значительно, но такъ какъ военное министерство объ иныхъ не говоритъ, то я, передавъ вкратцѣ содержаніе дѣла о „переотпускѣ и недоотпускѣ“, разскажу и о непосредственномъ отношеніи военнаго министра къ этому дѣлу и къ дѣламъ крупнѣйшимъ.

Въ 1905 г. варшавскій окружной интендантъ ген.-лейт. Люба

заключилъ съ портнымъ Жарковскимъ контрактъ на приготовленіе 980,000 паръ пристяжныхъ погонъ.

Въ томъ же году заказъ былъ выполненъ Жарковскимъ, и интендантство возвратило послѣднему зологъ. Погоны были приняты.

Черезъ два года (въ 1907 г.) ген. Любла послалъ Жарковскому повѣстку за № 1,188 отъ 12 января, гдѣ говорилось, что „вслѣдствіе выяснившагося въ настоящее время переотпуска ему сукна при постройкѣ имъ въ 1905 году 980,000 паръ погонъ, ему предлагается немедленно возвратить лишнее полученное имъ сукно особаго варшавскаго магазина, или же внести 18,353 руб. 26 коп ".

Такъ какъ заказъ былъ давно принятъ, залогъ выданъ, то, по закону, разъ всѣ разсчеты съ Жарковскимъ были покончены, Люба требовать съ него денегъ не имѣлъ права, а наибольшее, что онъ могъ сдѣлать, если считалъ Жарковскаго виновнымъ въ полученіи лишняго сукна — возбудить противъ него преслѣдованіе въ судебномъ порядкѣ. Конечно, судъ прежде всего разобралъ вопросъ, кто виновенъ въ передачѣ лишняго сукна, которое отпускалось вѣдь интендантскими чинами.

Сначала Жарковскій платить не желалъ, но послѣ, когда ему указали, что виновные въ этомъ чины интендантства платить по неимѣнію средствъ — („...не располагаютъ свободными средствами") — не могутъ, почему-то внесъ 3,000 руб. 4-проц. государственной рентой и 1,300 руб. наличными.

Выходило, что за интендантскихъ чиновниковъ платилъ подрядчикъ.

Но этого мало; въ своемъ заявленіи Жарковскій такъ и написалъ, что вноситъ за такихъ-то и такихъ-то чиновъ интендантства, не имѣющихъ денегъ на этотъ взносъ.

Почему-то въ пополненіи этихъ странныхъ убытковъ, обнаруженныхъ только черезъ два года, участвовалъ еще и другой подрядчикъ, уже буквально непричастный къ этому дѣлу Хупея Мазель. О взносѣ денегъ Мазелемъ Жарковскій ничего не зналъ, даже съ самимъ Мазелемъ знакомъ не былъ, лишь по случайности встрѣтивъ въ управленіи.

Полученіе излишняго сукна Жарковскій окончательно отрицалъ; даже заявилъ, что едва хватило на выполненіе заказа.

Мазель ставилъ постоянно въ интендантство овесъ, въ поставкѣ сукна и погонъ никакого участія не принималъ, тѣмъ не менѣе внесъ 7,700 руб. 4% рентою.

Какъ видно, обстоятельства дѣла очень странны и указываютъ на необходимость доскональнаго разслѣдованія; хотя сумма невелика, но самый фактъ такихъ непонятныхъ денежныхъ отношеній интендантства съ подрядчиками наводитъ на различныя заключенія.

Гораздо болѣе яркія заключенія, опредѣленныя и совершенно безпощадныя для варшавскаго интендантства, можно вывести изъ поучительной исторіи многихъ сапожныгъ поставокъ въ Варшавѣ. Сапоги въ огромныхъ размѣрахъ оказывались совершенно негодными и убытки почти не поддаются учету.

Въ одной изъ главъ „Герои тыла“ я касался этого дѣла; военное министерство отвѣтствовало, что не было найдено злого умысла и преступленія при этихъ поставкахъ.

Это дѣло великолѣпно извѣстно военному министру, и такъ какъ мнѣ извѣстна буквальная его резолюція, поставленная имъ, я разскажу подробнѣе объ этомъ дѣлѣ въ связи съ резолюціей военнаго министерства.

Оно поважнѣе и покрупнѣе дѣла о „переотпускѣ и недоотпускѣ сукна“.

Укажу слѣдующія интересныя поставки сапогъ отъ 1905 и 1906 годовъ въ разныхъ партіяхъ.

Въ числѣ принятыхъ сапогъ оказывались послѣ: и сапоги ношеные, и безъ клеймъ пріемной комиссіи, и требующіе починки, съ дырьями, съ трещинами въ товарѣ, съ подписями нижнихъ чиновъ, слѣдовательно, уже принадлежавшихъ солдатамъ (а сапоги шились подрядчиками изъ „своего“ товара)!

Изъ партіи 50.000 паръ сапогъ напр., только 36 тысячъ имѣли клейма пріемной комиссіи; по спеціально произведенному дознанію объ этой поставкѣ установили наличными 1,374 паръ сапогъ, требующихъ брака, тогда какъ сапоги были приняты пріемной комиссіей въ Варшавѣ.

Тогда особой комиссіей была произведена ревизія и экспертиза сапогъ другихъ партій, *принятыхъ* варшавской пріемной комиссіей.

Обнаружилась изумительная картина.

Почти половина, а гдѣ и болѣе половины партій принятыхъ сапогъ оказались негодными.

Изъ партіи въ	34,400	паръ	сапогъ	негодныхъ	оказалось	13,181 пара.
» »	19,409	»	»	»	»	18,360 »
» »	58,125	»	»	»	»	25,337 »
» »	57.000	»	»	»	»	16,126 ½

Я думаю, что выводъ изъ этихъ цифръ можетъ быть только одинъ: дѣйствія пріемной комиссіи, допустившей принятіе почти 75,000 негодныхъ сапогъ, забракованныхъ послѣ особой комиссіей отъ министерства (генералъ Сиверсъ)—должны были быть разслѣдованы наистрожайшимъ образомъ, тѣмъ не менѣе дѣло окончалось гораздо проще—по личному заключенію военнаго министра.

Надо замѣтить, что стоимость этихъ негодныхъ сапогъ могла доходить, если считать даже по 6 руб. пару, до 430,000 руб. (обыкновенно сапоги ставятся гораздо дороже).

Посмотримъ, каково было заключеніе военнаго министра „на основаніи данныхъ, добытыхъ дознаніемъ, пересмотромъ сапогъ и показаніемъ чиновъ варшавской пріемной комиссіи".

„...Въ дѣйствіяхъ чиновъ пріемной комиссіи по пріему указанныхъ партій сапогъ едва ли можно признать наличіе какого-либо злого съ ихъ стороны умысла.

„...Пріемъ не отвѣчающихъ условіямъ заготовки сапогъ слѣдуетъ отчасти объяснить крайней спѣшностью пріема, его условіями, а также способами храненія".

Тѣмъ не менѣе министръ полагаетъ:

„Крайняя небрежность и поверхностное отношеніе чиновъ пріемной комиссіи"... требуетъ „серіознаго дисциплинарнаго (!) взысканія"...

„...Громадный процентъ брака... объясняется слишкомъ строгимъ отношеніемъ"...

Въ концѣ концовъ, вотъ что находитъ нужнымъ приказать военный министръ:

„Не обращая настоящаго дѣла къ слѣдственному производству, окончить его въ дисциплинарномъ порядкѣ, подвергнувъ чиновъ комиссіи... дисциплинарному взысканію... съ возложеніемъ матеріальной отвѣственности за убытки казны..."

Возмѣстить убытки было приказано въ мѣсячный срокъ, а „при неисполненіи сего—взыскать установленнымъ въ законѣ порядкомъ".

Развѣ не странна эта резолюція?

Откуда могутъ быть у интендантскихъ чиновъ такія колоссальныя суммы въ 400 слишкомъ тысячъ рублей, чтобы ихъ вносить въ казну?

Не могъ ли военный министръ, подозрѣвавшій у чиновъ варшавскаго интендантства наличность подобныхъ суммъ, подозрѣвать и „...наличіе какого-либо злого умысла?"...

Мнѣ извѣстно, что эти дѣла завершились иначе.

Сапоги забракованные стали обращать въ годные и принимать... даже отпускались на подправку сапогъ спеціальныя суммы, что видно изъ бумагъ въ дѣлѣ о сапогахъ.

Подобный поворотъ дѣла, — резолюцію военнаго министра и ея результаты: не привлеченіе къ суду виновныхъ, чѣмъ давалась возможность вновь и вновь совершать пріемы сапогъ, негодныхъ для солдатскаго употребленія, — считаю *замятіемъ* дѣла и съ этимъ согласится каждый.

Очень понятно теперь, какъ непріятно было варшавскому интендантству письмо Шіанова, не выдержавшаго, наконецъ, этихъ „замятій“, своимъ молчаніемъ яко-бы ихъ покрывавшаго.

И когда военное министерство дошло до того, что уже стало циркулярно отрицать существовавшіе факты,—онъ не выдержалъ и какъ честный человѣкъ высказался, чѣмъ возбудилъ большой гнѣвъ на себя и... дознаніе о своемъ „проступкѣ“.

Такимъ образомъ, военное министерство, въ лицѣ военнаго министра, неузрѣвши преступленія въ принятіи почти 75.000 негодныхъ сапогъ для солдатъ, — узрѣло преступленіе въ томъ... *что военный слѣдователь оказался честнымъ человѣкомъ!*.. И *за это* оно желаетъ карать этого военнаго слѣдователя, оставляя въ сущности безнаказанными несомнѣнныхъ виновниковъ крупныхъ убытковъ. Тѣмъ не менѣе, если-бы военный министръ желалъ, то ему возможно было бы отнестись къ этой исторіи инымъ образомъ: отыскать виновныхъ въ убыткахъ и преступленіяхъ и подвергнуть къ судебному разбору ихъ дѣйствія, а не дѣйствія человѣка, доказавшаго только свою неподкупность.

У военнаго министра были къ тому, повторяю, всѣ средства, о чемъ завтра.

Признакъ военного неблагополучія.

Статьи гг. Ф. В—на и Ф. Купчинскаго устанавливаютъ:

1, Само военное министерство обычно называетъ сообщенія военныхъ слѣдователей, о привлеченіи офицерскихъ чиновъ къ судебному слѣдствію — „постановленіями“ ихъ.

2. Судебные чины варшавскаго округа въ оффиціальной перепискѣ эти „сообщенія“ называютъ „постановленіями“.

3. Отсюда ясно, что назвавъ свое сообщеніе „постановленіемъ“, г. Шіановъ не совершилъ никакого „извращенія фактовъ“, а извратило ихъ военное министерство, утверждая будто

г. Шіановъ произвольно назвалъ постановленіемъ то, что было лишь „сообщеніемъ„.

4. По рѣшенію главн. военнаго суда 1897 № 44 „не составленіе вовсе постановленія о вновь обнаруженномъ преступленіи свидѣтельствуетъ объ отсутствіи у военнаго слѣдователя законныхъ основаній къ составленію такового".

5. Отсюда ясно, — въ какое положеніе былъ поставленъ г. Шіановъ лично и какъ служебный связанный присягой чинъ, явно невѣрнымъ опроверженіемъ военнаго министерства извѣстныхъ всему краю фактовъ.

6. Оглашеніе всѣхъ подробностей этой исторіи вызвано никѣмъ другимъ, какъ самимъ военнымъ министерствомъ — цѣлымъ рядомъ его оффиціальныхъ сообщеній, безпримѣрно невѣрныхъ и направляющихся къ покрытію явныхъ и разоблаченныхъ уже на мѣстѣ хищеній.

7. Источникъ этого систематическаго извращенія фактовъ въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ военнаго министерства выяснить есть прямая обязанность прежде всего самаго военнаго министерства.

Вся эта исторія имѣетъ значеніе слишкомъ явно неблагополучнаго общаго признака, чтобы Г. Дума могла обойти ее своимъ вниманіемъ.

Военный министръ и непорядки въ военномъ дѣлѣ.

Въ варшавскомъ интендантствѣ всѣ чуткіе къ долгу и присягѣ служащіе должны были изумиться отношенію военнаго министра къ дѣлу о поставкахъ и принятіи варшавской пріемной комиссіей сапогъ, изъ которыхъ почти всѣ оказались негодными къ употребленію, — почти на 400.000 рублей.

Уже по этому дѣлу было ясно, что Петербургу докладывали дѣло тѣ, которые были лично заинтересованы въ его облѣдненіи.

Однако, не только это одно дѣло, описанное въ предыдущей статьѣ (см. № 3 „Руси" отъ 4-го января), разрѣшалось въ варшавскомъ интендантствѣ столь же страннымъ образомъ, съ благословенія высшихъ властей.

Я уже говорилъ о дѣлѣ г-жи Парадни, съ которой угрозами вымогали уплту взятокъ.

Этими вымогателями были испр. должность секретаря варшавскаго окружнаго интендантскаго управленія кап. Клейнеръ и кап. Клеверъ. Они заявили, что эти деньги имъ слѣдовало получить съ ея покойнаго мужа, какъ комиссіонныя по дѣлу о заготовкѣ

ржи. Отношеніемъ отъ 10 марта 1907 года за № 12370 отъ окружнаго-же интендантскаго управленія въ Варшавѣ г-жа Парадни получила оффиціальный запросъ, признаются ли ею „упоминаемыя въ перепискѣ суммы подлежащими удовлетворенію?“ — (...выраженіе не очень грамотное для казенной бумаги).

Въ своемъ возраженіи мнѣ военное министерство прямо заявило, что это требованіе было законно, такъ какъ рѣчь шла объ узаконенномъ % за покупку ржи комиссіоннымъ способомъ. Тѣмъ не менѣе, судъ Клейнеру и Клеверу въ искѣ отказалъ.

Военнымъ министерствомъ и по этому дѣлу получено было не мало очень опредѣленныхъ заявленій, прошеній, жалобъ отъ г-жи Парадни, но они оставались безъ отзвука.

И не только эти дѣла обнаруживаютъ совершенно неблагополучное состояніе варшавскаго интендантства, равно какъ и слишкомъ легкое отношеніе къ этому военнаго министра. Существуютъ и другія краснорѣчивыя доказательства непорядковъ, покрывающихъ преступленіе, которыя теперь ужъ не покроетъ военное министерство никакими „оффиціальными опроверженіями“.

Вотъ въ высшей степени интересная картина— отчетъ состоянія приходо-расходныхъ книгъ въ одномъ изъ варшавскихъ магазиновъ и самаго имущества этого магазина. Мнѣ неизвѣстны распоряженія военнаго министра по поводу описываемаго здѣсь, но я полагаю, что если бы эти распоряженія были, то описываемые ниже порядки, явно покрывающіе преступленія, были ли устранены.

Привожу выдержки изъ акта особой комиссіи, ревизовавшей варшавскій обозный магазинъ.

Копія.

„А К Т Ъ.

Мы, нижеподписавшіеся, при повѣркѣ приходо-расходныхъ книгъ варшавскаго обознаго магазина нашли слѣдующее:

Въ книгахъ имущества главнаго полевого казначейства, какъ за 1905, такъ и за 1906 г., нѣтъ мѣсячныхъ итоговъ. Книги не закончены, пѣтъ годовыхъ итоговъ... Всѣ статьи не удостовѣрены подписью смотрителя... Имущество записано: съ начала поступленія въ январскія, потомъ мартовскія, затѣмъ августовскія, потомъ опять майскія, мартовскія... Встрѣчаются подчистка, передѣлка, но нигдѣ нѣтъ оговорокъ и т. д., и т. д., и т. д.“.

Описываются совершенно исключительные непорядки, могущіе

свидѣтельствовать о наличіи и крупныхъ убытковъ и крупныхъ злоупотребленій.

Записывались вещи на приходъ по *предписаніямъ* не *существовавшимъ*.

Вещи, означенныя въ предписаніяхъ, *вовсе не записаны* въ книгахъ.

То, что поступало изъ Москвы и Вильны, записано поступившимъ изъ Двинскаго вещеваго склада.

Документовъ, оправдывающихъ запись, въ дѣлѣ нѣтъ.

Вотъ, напримѣръ, книга № 523.

Въ книгѣ нѣтъ ни мѣсячныхъ, ни годовыхъ итоговъ. Книга не закончена, встрѣчаются подчистки.

Въ четырехъ приходо-расходныхъ книгахъ неприкосновеннаго запаса управленія полевыхъ казначействъ за 1905—1906 годъ не записано ни приходовъ, ни расходовъ.

Во многихъ другихъ приходо-расходныхъ книгахъ не существуетъ записей по приходу и расходу.

Въ книгахъ „Разныя негодныя вещи“ прихода и расхода имущества за 1905 годъ не указано.

(А надо замѣтить, что эти „негодныя вещи“ дѣло весьма доходное—лагерныя палатки, магазинныя принадлежности).

Во многихъ книгахъ однѣхъ вещей записано болѣе, въ другихъ менѣе, и, какъ указано въ актѣ, смотритель объяснить этого не могъ и оправдательныхъ документовъ не было.

Не записаны на приходъ приспособленія для раненныхъ, которые должны были поступить въ распоряженіе варшавскаго окружнаго интендантскаго управленія отъ 10 января 1906 года за № 1219.

Въ книгѣ нѣтъ подписей, оговорокъ и итоговъ, книга не закончена.

Какъ видно изъ акта, многія книги провѣрить было нельзя, такъ какъ смотрители не могли представить оправдательныхъ документовъ прихода и расхода.

И въ виду всего вышеизложеннаго, какъ очень откровенно сказано въ актѣ, комиссіи не представилось возможности опредѣлить количество имущества, которое должно было состоять въ магазинахъ.

Положеніе самого имущества въ магазинахъ по даннымъ, приводимымъ въ актѣ, заслуживаетъ прямо беллетристическаго описанія

Вещи испорчены, частью гнилы, частью нерастюкованы со времени поступленія ихъ въ магазинъ, покрыты ржавчиной и плѣсенью.

Ремонты вещамъ не производились.

Вещи иногда смотрителемъ употреблялись на собственные его нужды.

Подробный и пространный актъ подписали:

Предсѣдатель комиссіи подполковникъ *Погорецкій.*

Члены: (капитанъ *Умястовскій*
(коллежск. регистр. *Альтеровичъ.*

Чтобы варшавское интендантское управленіе не стало отрицать существованія этого акта, когда спроситъ о немъ военный министръ (если военный министръ о его существованіи спроситъ!), я заявляю, что варшавское окружное интендантское управленіе получило рапортъ за подписью полковника Погорецкаго за № 39 и въ немъ подробно изложены на основаніи предписанія за № 33,834, данныя о полномъ безпорядкѣ находящихся въ магазинахъ вещей.

Авторъ доклада выражался, между прочимъ, тамъ такъ, что никакихъ сомнѣній въ наличности злоупотребленій быть не могло.

Ремонты не производились рядъ годовъ, тогда какъ, смотрителю отпускались на это деньги.

Вѣдомость имущества, хранящагося въ магазинѣ, представленная смотрителемъ, существенно разнится съ количествомъ наличныхъ предметовъ.

За 1907 годъ вмѣсто 12 приходо-расходныхъ книгъ было представлено смотрителемъ всего двѣ.

Послѣ описаннаго особенно интересно утвержденіе военнаго министерства объ отсутствіи какихъ бы то ни было непорядковъ въ варшавскомъ интендантствѣ и особенно поразительно обвиненіе военнаго слѣдователя Шіанова, каковое особенно выгодно и желательно для варшавскихъ хищниковъ, которые теперь, защищенные самимъ военнымъ министерствомъ, получаютъ прочное основаніе предполагать свою и дальнѣйшую безнаказанность.

Шіанова преслѣдуютъ. Его привлекаютъ по статьѣ 423, т. е. обвиняютъ въ оглашеніи оффиціальныхъ данныхъ.

Какъ онъ писалъ въ опубликованномъ письмѣ, онъ оглашалъ ихъ по долгу службы, отвѣчая на оглашеніе министерства, не отвѣчавшее правдѣ.

Положеніе Шіанова, находящагося подъ подозрѣніемъ и подъ дознаніемъ военнаго судьи генерала Селецкаго, очень тяжело.

Вы опрашивали, какъ преступника, ему категорически грозятъ увольненіемъ со службы на уменьшенный окладъ. Въ управленіи его боятся, какъ чумы. Между тѣмъ, какъ настоящая чума—мѣстные хищники—напротивъ прямо ободрены и поощрены.

Предчувствуя недоброе для Шіанова, я довелъ до свѣдѣнія военнаго министра, что у меня находятся всѣ данныя по этому дѣлу. Посмотримъ, какъ отнесся военный министръ къ тому дѣлу о постановленіяхъ Шіанова, которое такъ рѣзко и безпощадно указало на виновность военнаго министерства въ слишкомъ опасной неосвѣдомленности. Узнавъ, что Шіановъ подвергается допросамъ, какъ привлекаемый къ отвѣтственности, узнавъ, что совершенно безнаказанны и безпечны, пребываютъ въ полномъ благополучіи самые виновники хищеній и сокрытія ихъ—видные генералы варшавскаго интендантства вкупѣ съ командующимъ войсками Скалономъ,—я послалъ 29 декабря слѣдующее письмо лично военному министру съ цѣлью установить послѣднимъ окончательнымъ образомъ, какъ же смотритъ самъ военный министръ на это дѣло, почему онъ допускаетъ преслѣдованіе Шіанова и не приказываетъ привлечь къ суду виновниковъ хищеній и ихъ утаиванія.

Привожу полностью это письмо.

Милостивый государь,

Александръ Федоровичъ!

То, что произошло въ Варшавѣ, отчасти извѣстное вамъ, побуждаетъ меня писать вамъ.

Я предупреждаю васъ, что не сталъ бы вамъ писать, если бы не былъ увѣренъ въ томъ, что разслѣдованіе варшавскаго дѣла требуетъ вашего личнаго вмѣшательства.

Я буду кратокъ.

Какъ вамъ извѣстно, мои статьи въ „Руси“ объ интендантствѣ главнымъ образомъ—вызвали рядъ возраженій со стороны ввѣреннаго вамъ военнаго министерства.

Я хочу говорить о той части возраженій, которая относится къ варшавскому дѣлу.

(Мои отвѣты на возраженія военнаго министерства своевременно помѣщались въ „Руси“).

Военное министерство назвало, между прочимъ, *„совершеннымъ вымысломъ“* мой разсказъ о томъ, что военнымъ слѣдователемъ, д. с. с. Шіановымъ былъ составленъ рядъ постано-

вленій о привлеченіи къ суду (т. е. къ предварительному слѣдствію) окружного интенданта ген. Люба, помощника его ген.-м. Модля, полк. Фалѣева, подполк. Петрово, с. с. Шанзихта и надв. сов. Девеля.

Я предупреждалъ военное министерство, что у меня есть всѣ необходимые документы въ подтвержденіе напечатаннаго.

Военное министерство въ своихъ возраженіяхъ отрицало мои слова неоднократно, чѣмъ вынудило меня огласить №№ бумагъ, статьи привлеченій и выдержки изъ самыхъ постановленій, отрицаемыхъ военнымъ министерствомъ, копіи съ которыхъ у меня имѣются.

Кромѣ того, категорическое отрицаніе производимаго г. Шіановымъ слѣдствія, заставило самаго г. Шіанова послать въ редакцію „Руси“ оффиціальное зоявленіе о томъ, что постановленія имъ составлялись...

Какъ порядочный человѣкъ, какъ гражданинъ не сдѣлать этого онъ не могъ.

Его *исключительный* поступокъ является прямымъ слѣдствіемъ *исключительной* ошибки военнаго министерства.

Я имѣю данныя для предположенія, что обстоятельства этого дѣла доложены вамъ въ совершенно неправильномъ свѣтѣ, слѣдствіемъ чего явилось производство дознанія о дѣйствіяхъ г. Шія нова, а не о явномъ преступленіи ген. Скалона и другихъ лицъ, невѣрными указаніями введшими въ недоразумѣніе военное министерство.

Нѣтъ сомнѣнія, что г. Шіяновъ пострадать не можетъ, тѣмъ не менѣе ему грозятъ увольненіемъ; будетъ величайшей несправедливостью, если восторжествуютъ настоящіе виновники.

Источники моей освѣдомленности, въ случаѣ вашего желанія могутъ быть доведены мною до вашего свѣдѣнія, вы увидите, что всякія обвиненія г. Шіанова въ сношеніяхъ со мною не имѣютъ подъ собой никакой почвы.

Не сомнѣваюсь, что результатомъ моего настоящаго письма будетъ ваше желаніе познакомиться подробнѣе съ этимъ рѣдкимъ, вопіющимъ дѣломъ.

Г. Шіановъ не долженъ пострадать ни въ какой мѣрѣ, онъ мужественно совершилъ актъ долга, преступленія не совершилъ.

Помимо этого, я глубоко убѣжденъ, имѣя къ тому вѣскія данныя, что въ случаѣ отстраненія г. Шіанова отъ производства начатыхъ имъ разслѣдованій, несомнѣнно должна пострадать правда.

Выражаю полнѣйшую увѣренность въ томъ, что вы не найдете возможнымъ оставить безъ вниманія изложеннаго мною.

Послѣднее разъясненіе военнаго министерства, опубликованное сегодня, что вы, конечно понимаете, не вноситъ новаго въ это совершенно ясное дѣло.

Авторъ статьи „Герои тыла“

29 декабря 1907 г. С.-Петербургъ.

Отвѣтъ министра былъ тотъ, что со времени этого письма прошло полторы недѣли и отвѣта отъ г. Редигера никакого не послѣдовало.

Значитъ ли это, что военному министру и безъ меня все извѣстно?

Нѣтъ. Военное министерство въ своихъ сообщеніяхъ неоднократно заявило офиціально, что ему неизвѣстны тѣ документы и тѣ данныя, которые приводилъ я и которые изобличали вопіющія злоупотребленія въ вѣдомствѣ, ввѣренномъ ген. Редигеру.

Но, быть можетъ, я, журналистъ, кажусь для ген. Редигера лицомъ, слишкомъ незначительнымъ что-ли для прямыхъ сношеній съ нимъ?

Нѣтъ. Былъ отправленъ въ Варшаву спеціально ген. Селецкій для разслѣдованія вызваннаго мною дѣла и выясненія „сношеній Купчинскаго“ съ лицами, заподозрѣнными въ сихъ сношеніяхъ.

Но вотъ, я самъ предлагаю ген. Редигеру открыть передъ нами злоупотребленія, грызущія самыя нѣдра ввѣреннаго вѣдомства, и ген. Редигеръ предпочитаетъ лучше разслѣдовать, какъ произошло разоблаченіе этихъ злоупотребленій, чѣмъ самыя злоупотребленія?!

Что же нужно ген. Редигеру?

Прекращеніе злоупотребленій или прекращеніе разоблаченія ихъ?!

Для меня ясно—что.

Мнѣ очень тяжело говорить это, но я вправѣ сказать, что ген. Редигеръ болѣе вводитъ въ своемъ вѣдомствѣ раскрытіе хищеній, чѣмъ самыя хищенія, которыя, напротивъ, встрѣчаютъ отъ него фактически — прикрытіе.

Это — истинно пагубное отношеніе къ важнѣйшимъ интересамъ государственности, къ арміи, къ самому духу ея, который растлѣвается этимъ недопустимо.

Во имя возраженія ея силы и духа я обращаюсь теперь къ членамъ Гос. Думы и говорю имъ.

— Что могли сдѣлать силы частнаго человѣка и печати, сдѣлано. Я отъ начатаго дѣла не отступлю и буду его продолжать, но думаю — и для васъ уже возникла нравственная обязанность вмѣшаться и твердо и энергично встать въ интересы арміи и государства въ этомъ истинно безпримѣрномъ дѣлѣ.

Ф. Купчинскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Отъ автора	V
Вмѣсто предисловія	9
Харбинъ. Русскія деньги и предприниматели	10
Генералъ Парчевскій	13
Выгодныя операціи ген. Парчевскаго	15
Генералъ Парчевскій и злоупотребленія другихъ	17
Операція ген. Парчевскаго съ мукою и овсомъ	19
Растраты авансовъ	22
Къ уже напечатанному	24
Денежный развратъ	26
Недопущеніе китайскихъ купцовъ къ доставкѣ продуктовъ въ интендантство	27
Пьянство и иной развратъ	29
Трестъ рыцарей наживы	32
Коммиссіонеры	35
«Русскому Инвалиду»	37
«Интендантскій городокъ»	38
Еще о картежной игрѣ	39
Генералъ Надаровъ	40
Результаты огласки	44
Таинственное исчезновеніе поѣздовъ	47
Спѣшная ревизія	49
Начетъ на ген. Надарова	50
Посылка ген. Ростковскаго	51
«Мелочь»	52
Письмо ген. Ростковскаго	53
Генералъ Ухачъ-Огоровичъ	55
Отвѣтъ ген. Ростковскому	59
Юридическая справка	65
Нравы тылового интендантства	66

	стр.
Генералъ Хаскинъ	69
Институтъ «своихъ людей»	72
Генералъ Федоровъ	76
Письмо генерала Парчевскаго	81
Отвѣтъ ген. Парчевскому	85
Какъ осудили капитана Шаповалова	91
«Свои люди» ген. Парчевскаго	99
Генералъ Хлыновскій	101
Къ моимъ корреспондентамъ	105
Прибыльныя операціи съ гуртами скота	106
Письмо сына ген. Надарова	110
Отвѣтъ на это письмо	111
Телеграмма ген. Хаскина	112
Отвѣтъ поручика Винтера	113
«Свои люди» ген. Куропаткина	114
Генералъ Губеръ	119
Заботы о чести арміи	125
Свѣтлое	126
Результаты	129
Генералъ Ростковскій	130
Для чего и какъ повышались цѣны	135
Генералъ Ростковскій (по сю сторону Байкала)	138
Еще о „своихъ людяхъ“ ген. Куропаткина	146
Передъ тѣмъ, какъ говорить дальше	149
Полушубки, одѣяла, шарфы, шапки, сапоги (4 рисунка—фотографіи съ негодн. сапогъ и мѣховой одежды)	152
Отзывы ген. Ростковскаго о дѣятельности интендантства	160
Телеграмма ген. Федорова и отвѣтъ (примѣчаніе)	160
Телеграмма ген. Козлова	163
Ген. Ростковскій и «та сторона» Байкала	164
Исторія одной поставки (дѣло г. Писарева)	167
Денежныя «ассигновки»	190
Секретныя заграничныя заготовки по снабженію крѣпости Портъ-Артуръ	192
Безслѣдное исчезновеніе важныхъ отчетовъ	194
Исторія повторяется	197
Требованіе взятки черезъ судъ	200
Дорогія заготовки негодныхъ продуктовъ въ Инкоу	203

стр.
Еще объ Инкоуской операціи 207
Письмо капитана Власенко 210
Отвѣтъ. 211
Доходы съ Харбинскихъ домовъ терпимости, таксы и поборы. 211
Еще о генералѣ Губерѣ (письмо попд. Горецкаго). . 217
Солома, скотъ, мясо и проч. 220
Возраженіе ген. Надарову 224
Военная заготовка ген. Ростковскаго по сю сторону Байкала. 225
Первое возраженіе Освѣдом. Бюро 230
Какъ были израсходованы 30 милліоновъ рублей . . 231
Солдатскіе сапоги (подлинное письмо о взяткѣ д. с. с. Денисова — фотографіи) 234
Послѣсл. къ «героямъ» тыла. Краснорѣчивое молчаніе. 239
Открытое письмо подп. Верховцева. 242
Первое возраженіе военнаго министерства на мои статьи 246
Отвѣтъ на него (общій) 260
Продолженіе разбора министерскаго возраженія. . . 268
Второе возраженіе военнаго министерства 279
Оцѣнка обоихъ возраженій 281
Письмо г. Эфроса. 283
Отвѣтъ г. Писарева. 285
Отвѣтъ г. Писарева военному министерству 286
Третье сообщеніе военнаго министерства (возраженіе) о Варшавскомъ интенданствѣ 289
Текстъ III опроверженія министерства 293
Письмо д. с. с. Шіанова 294
Военный слѣдователь Шіяновъ и воен. министерство. 297
Въ борьбѣ за правду—(статья проф. Кузьмина-Караваева) 303
Правда бумажная и Русь живая. 308
Четвертое сообщеніе военнаго министерства (текстъ). 312
Оправдалось-ли военное министерство? 314
Начальственная непогрѣшимость (статья проф. Кузьмина-Караваева) 318
Смерть правды (статья бывшаго военнаго корреспондента Николая Кириллова 320

стр.
Текстъ второго возраженія военнаго министерства. . 324
Юридическая справка по дѣлу военнаго слѣдователя г. Шіанова (статья прис. пов. Волькенштейна) . 325
Оправдалось ли военное министерство—продолженіе (см. стр. 314). 330
Военный министръ и непорядки въ военномъ дѣлѣ (заключительная статья) 333
Признакъ коренного неблагополучія (статья) 337
Военный министръ и непорядки въ военномъ дѣлѣ (продолженіе) 338

10
Проверено 1952 г.
ЛОРДНИ
10 р.
3484/4